

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

МАТ. ЗВУ

2/89

Москва — Пекин: к
новому типу отношений

Дискуссия о
собственности

Можно ли предсказать
землетрясение!

Население Китая
в XXI веке

Акихито вступает на трон

Кто защитит потребителя!

Ушу сегодня и завтра

З. И. В. ЗВУ

НОВЫЕ КНИГИ

Китайская Народная Республика в 1986 году: Политика, экономика, культура. Гл. ред. М. Л. Титаренко.— М.: Наука, 1988.— 296 с.— 1 р. 60 к. 8900 экз.

Берндт Ю. Лики Японии. Пер. с нем.— М.: Наука, 1988.— 301 с., ил.— (рассказы о странах Востока).— 1 р. 20 к. 40000 экз.

Пу Сунлин (Ляо Чжай). Монахи — волшебники; Рассказы о людях необычайных. (В переводе с кит. В. М. Алексеева).— М.: Правда, 1988.— 558 с.— 2 р. 50 к. 300 000 экз.

Поспелов Б. В. Идеологические течения современной Японии: Критический анализ.— М.: Наука, 1988.— 301 с.— 2 р. 20 к. 2250 экз.

Бухарин Н. И. Этюды: Репринтное воспроизведение изд. 1932 г.— М.: Книга, 1988.— 354 с.— (Кн. редкости).— 3 р. 60 к. 50000 экз.

Банерджи Б. Н. Индийский океан: зона напряженности. Пер. с англ.— М.: Прогресс, 1988.— 271 с.— 1 р. 40 к. 14000 экз.

Востоковедные центры в СССР: Вып. 1. Азербайджан, Армения, Грузия, Украина. Отв. ред. А. П. Базиянц.— М.: Наука, 1988.— 128 с.— 90 к. 2100 экз.

За советский Дальний Восток: Вып. 3. Женщины Дальнего Востока в защите завоеваний Октября. Сост. К. Н. Петинной.— Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1988.— 251 с.— 1 р. 3000 экз.

Симонов В. В. Экономическое развитие Лаоса (50-80-е годы). М.: Наука, 1988.— 214 с.— 2 р. 40 к. 1150 экз.

Искусство Китая: Альбом. Авт.—сост. Н. А. Виноградова.— М.: Изобразит. искусство, 1988.— 255 с., ил.— (Искусство стран и народов мира).— 13 р. 60 к. 30000 экз.

Майдар Д. Графика Монголии.— М.: Изобразит. искусство, 1988.— 175 с., ил.— 6 р. 12900 экз.— На рус., монг. яз.

Бектимирова Н. Н., Дементьев Ю. П., Кобелев Е. В. Новейшая история Кампучии.— М.: Наука, 1989.— 231 с.— 1 р. 30 к. 3000 экз.

Белоусов С. Р. Судьбы китайского марксизма: К 100-летию со дня рождения Ли Дачжао.— М.: Знание, 1988.— 64 с.— (В помощь лектору).— 20 к. 10000 экз.

Белоусов С. Р. Китайская версия «государственного социализма» (20—40-е годы XX в.).— М.: Наука, 1989.— 222 с.— 2 р. 50 к. 1650 экз.

Денисов В. И. Корейская проблема: пути урегулирования. 70—80-е годы.— М.: Междунар. отношения, 1988.— 141 с.— 40 к. 16500 экз.

Современная новелла Китая. Пер. с кит. под ред. С. Хохловой.— М.: Худож. лит., 1988.— 511 с.— 3 р. 40 к. 50000 экз.

Афоризмы старого Китая. Пер. с кит. В. В. Малявина.— М.: Наука, 1988.— 192 с.— 85 к. 50000 экз.

При возврате проверить все страницы!

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2/89

Научный и общественно-политический журнал
выходит шесть раз в год на русском,
английском, японском и испанском языках

Издается с марта 1972 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧИТ. ЗАЛ

СИНТОЛОГИЧЕСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
ИНИБОН АН СССР

МОСКВА — ПЕКИН: потенциал сотрудничества 3
СЮЙ КУЙ. К новому типу отношений 12
М. Л. ТИТАРЕНКО. Советское Китаеведение и перестройка 17

ПУЛЬС РЕГИОНА

А. А. МУРАДЯН. Приоритет — общечеловеческому («панча шила» — 35 лет) 30
Г. Г. КАДЫМОВ. Кампучия: не баланс сил, а баланс интересов 41
А. Г. ЛАРИН. Китайско-американские отношения в меняющемся мире 49

ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Социализм и собственность (Круглый стол ИДВ) 58
Поиск путей взаимодействия (Встреча советских и японских специалистов) 80

ШАГИ КИТАЙСКОЙ РЕФОРМЫ

Е. Ф. АВДОКУШИН. План и рынок 87
Э. З. ИМАМОВ, М. А. ЯКОВЛЕВ. Социально-правовые аспекты экономической преступности 98
ХО ДА. Кто защитит потребителя? (Публицистический очерк) 108

ТОЧКА ЗРЕНИЯ УЧЕНОГО

Р. Ш.-А. АЛИЕВ. Poleмические заметки японоведа 120
А. Ф. ГРАЧЕВ. Можно ли предсказать землетрясение? 131

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ БАРОМЕТР

Е. А. КОНОВАЛОВ, Е. Ф. СЕЛИВАНОВА. Демографическое завтра Китая 137

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Л. П. ДЕЛЮСИН. Сквозь призму десятилетий. (К 70-летию «движения 4 мая») 144
А. И. КАРТУНОВА. Забытый участник I съезда КПК 154

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

- А. М. ТЕЛЕШЕВСКАЯ. Ученые КНР о национальной психологии китайцев 157
А. В. ВОРОНЦОВ. Южная Корея сегодня 161
К. Т. ТАЛИПОВ, З. Г. ДЖАЛИЛОВ. Народное образование: оиньцзянский опыт 165
Б. В. ПОСПЕЛОВ. Форум «теологии мира» 169

МУЗЕЙ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ

- А. А. ДОЛИН. «Наука жизни» древних даосов 172
Т. Г. СИЛА-НОВИЦКАЯ. Конец эры Сёва 181
Н. П. НИКОЛАЕНКО. «Икэбана» в Москве 185

ВОСТОК ГЛАЗАМИ ЗАПАДА

- АНДРЕ МАЛЬРО. Искушение Запада (Предисловие Р. С. Белоусова) 189

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭСКИЗЫ

- В. В. БОГДАНОВ. Командор Алексей Чириков. (Неизвестные страницы биографии) 203
В. С. КУЗНЕЦОВ. Секрет вечной жизни 215

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Ю. М. ГАЛЕНОВИЧ. Первый съезд Всесоюзной Ассоциации китаеведов 223
П. Ю. МАСЛОВ. Как повысить эффективность сотрудничества 226

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- Ю. М. ОВЧИННИКОВ. Исследование историков КНР 228
В. В. АРУНОВ. Судьба китайского маршала 231
В. К. ПАК. Из истории советско-корейских отношений 232
Л. С. ПЕРЕЛОМОВ. Социальная утопия в политической культуре Китая 234

Памяти А. Г. Крымова (Го Шаотана) 239

Памяти В. И. Рогова 240

Памяти Чжао Сюнь 240

Точка зрения авторов статей, публикуемых в журнале,
не обязательно соответствует позиции редакции

Адрес редакции: Москва, 117648
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Б. ВОРОНЦОВ (главный редактор), В. И. ГЛУНИН, А. М. ГРИГОРЬЕВ, А. П. ДЕРЕВЯНКО, В. Г. КАРЫМОВ (зам. главного редактора), В. Н. КАШИН, И. И. КОВАЛЕНКО, А. И. КРУШАНОВ, А. П. МОРОЗОВ, С. Н. МОРОЗОВ, В. С. МЯСНИКОВ, Д. В. ПЕТРОВ, В. Я. ПОРТЯКОВ, С. С. РАЗОВ, И. А. РОГАЧЕВ, Б. Л. РИФТИН, Г. С. САДВАКАСОВ, А. И. СЕНАТОРОВ, Б. Н. СЛАВИНСКИЙ (зам. главного редактора), В. Ф. СОРОКИН, Г. Д. СУХАРЧУК, М. Л. ТИТАРЕНКО, Н. С. ТИХОНОВ (ответственный секретарь)

© Издательство «Прогресс»,
Проблемы Дальнего Востока,
1989

Москва — Пекин: потенциал сотрудничества

В ходе состоявшихся в начале декабря 1988 г. переговоров между министром иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе и министром иностранных дел КНР Цянь Цичэнем была достигнута принципиальная договоренность о том, что в первой половине 1989 г. состоится встреча на высшем уровне. Это означает, что на повестку дня встала полная нормализация советско-китайских отношений и начинается принципиально новый этап в контактах между двумя соседними социалистическими странами.

Событие подобного масштаба требует всестороннего осмысления, которое поможет понять, каковы будут последствия советско-китайского сближения в стратегической и экономической сферах, на каких принципах будут строиться в дальнейшем связи между нашими странами и какое влияние окажут они на развитие ситуации в мире. Ныне еще трудно дать исчерпывающие ответы на все эти принципиально важные вопросы — ибо любые прогнозы неизбежно будут корректироваться на практике. Тем не менее полагали бы полезным познакомить читателя с точкой зрения ведущих специалистов ИДВ по этим проблемам.

Внешняя политика любого государства не может быть понята в отрыве от его внутренней политики — эта аксиома, безусловно, верна, являясь исходным пунктом для анализа советско-китайских отношений.

Отношения между СССР и КНР имеют богатую и сложную историю, в которой выделяется несколько основных этапов: союзнические связи 50-х гг., основанные на единстве идеологии и социально-экономических систем, общем понимании стратегических интересов, состоявших в необходимости противостоять империализму; идеологическая и политическая полемика середины 60-х гг.; глобальное стратегическое противоборство в конце 60—70-х гг.; постепенное улучшение отношений в первой половине 80-х.

В значительной степени противоречия и взаимное непонимание в 60—70-х гг. определялись тем, что СССР и КНР, находясь на разных этапах социально-экономического развития, совершенно различно понимали пути и методы социалистического строительства, считая свой путь единственно верным и приемлемым не только для себя, но и для другой стороны. Такая постановка вопроса, предполагавшая собственную «монополию на истину», неизбежно вела к сильнейшей идеологизации двусторонних отношений, перенесению идеологических разногласий на межгосударственные контакты и в итоге — к обоюдному представлению о полной несовместимости интересов. На протяжении длительного времени в СССР и КНР считали, что улучшение отношений возможно лишь в том случае, если государство-партнер радикальным образом изменит свою внутреннюю политику и идеологию, приводя ее в полное соответствие с «единственно верными» формулами другой стороны.

В конце 70-х гг. в КНР, а в середине 80-х гг. в СССР происходят радикальные изменения во внутренней политике. В обоих государствах приходят к выводу о том, что в полной мере раскрыть объективные преимущества социализма, освоить достижения НТР и приостановить процесс экономического и технологического отставания от развитых стран Запада можно

лишь путем радикальных и всеобъемлющих реформ экономической и политической систем, преодоления идеологического догматизма. Такие выводы диктовали необходимость выработки трезвого, свободного от идеологических шор подхода и к собственному историческому опыту, и к опыту других стран мира, утверждению в сознании руководства двух стран представления о том, что «практика — критерий истины».

Такой взгляд на вещи требует деидеологизации внешней политики двух стран, их отношений друг с другом. Существующие ныне и способные возникнуть в будущем различия в идеологических воззрениях, в методах социалистического строительства более не оказывают существенного влияния на их отношения и при сохранении нынешних взглядов не будут в дальнейшем оказывать негативного влияния на состояние межгосударственных связей. С другой стороны, идеология не будет являться и главной основой для взаимного сближения и добрососедских связей — скорее эту роль станут играть достаточно четкие представления о соотношении внутри- и внешнеполитических интересов при одновременном признании факта, что различное понимание интересов не означает идеологической ошибки партнера, его «ревизионизма» или «догматизма».

Представляется, что для Советского Союза и Китая деидеологизация двусторонних связей, их построение на основе соотношения интересов — важнейшее условие действительного равновесия и стабильности. Тяжелые уроки прошлого говорят о том, что попытки поучать друг друга и определять «степень социалистической ортодоксальности» партнера заводят в тупик, не позволяют решать возникающие конкретные проблемы и ведут к эскалации напряженности, не приносящей выгоду ни одной из сторон.

На протяжении 50-х гг. СССР и КНР видели общность своих стратегических интересов в необходимости противостоять давлению со стороны американского империализма; в 60-х гг. стремление Советского Союза развивать отношения с Соединенными Штатами квалифицировалось как политика, направленная на организацию «сговора», ущемляющего интересы Китая; в 70-х гг. стратегический курс КНР был ориентирован на создание «широчайшего единого фронта», включающего США, нацеленного на «сдерживание советского экспансионизма». При всех различиях, существующих в этих стратегических конфигурациях, в них имелась одна фундаментальная общая черта: стремление через опору на партнера (или противостояние ему) изменить существующий в мире баланс сил в свою пользу.

С конца 70-х гг. ситуация радикальным образом изменилась: Китай был признан подавляющим большинством государств мира, приобрел собственное ядерное оружие, занял свое законное место в Совете Безопасности ООН. Все эти факторы в совокупности придали руководству КНР большую уверенность в своих силах, сняли опасения в том, что какая-либо держава способна за счет стратегических комбинаций умалить интересы Китая или серьезно угрожать его безопасности. Основными исходными посылками внешней политики страны стали рациональность, экономическая целесообразность, необходимость сосредоточить все силы на экономическом развитии, обеспечить стабильную и мирную обстановку для реформы внутри страны и гарантировать ее безопасность с наименьшими экономическими издержками. Отсюда закономерно вытекают независимость и самостоятельность как основные принципы внешней политики КНР, ее твердый курс на отказ от участия в военно-политических блоках, от установления союзнических отношений с какой-либо из великих держав.

Перестройка внесла серьезнейшие изменения в советскую внешнюю политику: основной целью международной деятельности Советского Союза стало

обеспечение адекватных условий для внутренних преобразований, усиление «противозатратности» внешней и военной политики, курс на политическое урегулирование существующих конфликтов при учете баланса интересов заинтересованных сторон, переход от стремления поддерживать военно-стратегический паритет со всеми противостоящими силами к доктрине оборонной достаточности.

Если суммировать происшедшие сдвиги, то можно отметить, что ныне и СССР, и КНР не ставят своей целью путем наращивания собственной военной мощи или образования союзов взять верх друг над другом или же оказать давление на какую-либо третью страну; и СССР, и КНР не верят в возможность возобладать над империализмом через обретение стратегического или военного превосходства; оба государства стремятся к возможно более широкому и всестороннему сотрудничеству с США и другими странами мира; ни одно из государств не пытается ограничить или пресечь влияние партнера в зоне развивающихся стран или в других регионах мира.

В конечном счете, идя на полную нормализацию отношений, Советский Союз и Китай не ставят своими целями изменение или подрыв существующего в мире баланса сил; напротив, обе страны стремятся улучшить собственное стратегическое положение в рамках сложившейся расстановки сил и при сохранении тенденции к разрядке международной напряженности. В более конкретном плане это означает, что ни одно из государств не пытается через нормализацию двусторонних связей подорвать позиции какой-либо третьей страны, вызвать нарушение сложившихся отношений партнера с его друзьями и союзниками. Эти же факторы четко определяют незаинтересованность ни одной из сторон в восстановлении военно-политического союза (подобного существовавшему в 50-х гг.), направленного против кого-либо.

Другой важной отличительной чертой нового типа отношений между СССР и КНР может стать то, что взаимодействия Советского Союза с его друзьями и союзниками не будут направлены на «сдерживание» Китая. В свою очередь контакты КНР с дружественными и союзными ей государствами не будут иметь своей целью «обуздание» Советского Союза.

Поскольку и СССР, и КНР будут осуществлять свою внешнюю политику, исходя из собственных национально-государственных интересов, основываясь на принципах независимости и самостоятельности, нельзя исключать расхождений или даже противоречий между внешнеполитическими приоритетами двух стран. Такие разногласия и противоречия не следует драматизировать, они являются естественными для двух великих держав, имеющих многочисленные глобальные и региональные обязательства.

Недавний опыт наглядно продемонстрировал, что, когда стороны начинают учитывать законные интересы партнера, стремятся к достижению взаимоприемлемых компромиссов, могут быть решены любые, даже самые острые, проблемы.

Тот факт, что СССР и КНР не будут связаны друг с другом жесткими союзническими обязательствами, позволит им каждый раз вырабатывать наиболее адекватную собственным представлениям реакцию на важнейшие мировые события, на резкие изменения международной обстановки без нанесения серьезного ущерба для двусторонних связей. Напомним в этой связи, что именно различный подход сторон к тайваньскому кризису 1958 г., карибскому кризису 1962 г. и другим подобным событиям входил в противоречие с существовавшими в то время союзническими отношениями и привел в конце концов к резкому переходу от союза к враждебности.

Таким образом, именно контакты между Советским Союзом и Китаем, основанные на «пяти принципах мирного сосуществования», не предполагающие

военно-политического союза, обеспечивают минимальную независимость отношений между СССР и КНР от любых влияний извне, максимальную гибкость этих связей и их способность приспосабливаться к любым изменениям международной обстановки.

Позитивные изменения во внешнеполитических курсах СССР и КНР стали важным фактором, способствовавшим нынешней разрядке международной напряженности; полная нормализация советско-китайских отношений будет способствовать дальнейшему развитию процесса разрядки и его стабилизации без причинения ущерба интересам какой бы то ни было стране.

В конце 60—70-х гг. с ростом напряженности между СССР и КНР в двусторонних отношениях все большую роль стало играть военное противостояние и стремление обеих сторон обеспечить себе преимущественные позиции в случае потенциального военного конфликта. Это явление серьезнейшим образом сказалось на самых разных аспектах внутренней и внешней политики Советского Союза и Китая.

Военное противостояние вдоль советско-китайской границы стало важным фактором, побуждавшим оба государства ускоренными темпами наращивать обычные и ядерные вооружения. Это потребовало огромных финансовых расходов и милитаризации значительной части экономики: прилегающие к границам регионы осваивались прежде всего с целью создания укрепленной базы для отпора возможному вторжению, что придавало их экономике неестественный и даже уродливый характер; производственные мощности этих регионов оказались «повернутыми спиной» друг к другу, отсутствовала ориентация на установление экономических связей с соседями; у населения приграничных регионов прочно укоренилась психология «осажденной крепости».

Переоценка стратегических намерений партнера, необходимость сокращения военных расходов во имя ускорения экономического развития побудили оба государства пойти на значительные односторонние сокращения обычных вооружений. Думается, что в дальнейшем могут быть предприняты еще более радикальные сокращения вооружений, причем они возможны на обоюдной, соразмерной основе при строгой взаимной проверке и формировании системы мер доверия в военной области. Реализация советско-американского договора по РСМД доказывает, что именно обоюдные и взаимно контролируемые сокращения позволяют решать самые сложные и запутанные проблемы.

Постепенное снижение уровня военного противостояния вдоль советско-китайской границы может иметь широкое региональное и глобальное значение, способствовать снижению военной конфронтации в других регионах Азии, станет весомым ориентиром в деле достижения взаимовыгодных соглашений по сокращению обычных вооружений.

КНР намерена также поддерживать любой прогресс в переговорах о ядерном разоружении между СССР и США, но было бы, видимо, преждевременным ожидать скорого подключения Китая к этому процессу. Скорее всего, позиция КНР будет иметь сходные черты с позициями Англии и Франции, и соответственно Китай подключится к процессу разоружения примерно на том же этапе, что и эти государства.

Думается, что в условиях сохранения общей тенденции к разрядке напряженности постепенный демонтаж структуры военной конфронтации станет одной из важных особенностей советско-китайских отношений.

Сейчас, на пороге XXI в., все более очевидным становится тот факт, что в дальнейшем статус того или иного государства на международной арене будет во все большей степени определяться не его военной мощью,

а качественным уровнем развития экономики, степенью освоения достижений НТР. Ускоренное экономическое и научно-техническое развитие невозможно без широчайшего и глубочайшего сотрудничества с другими странами мира, без активного участия в международном разделении труда.

Наиболее динамичной зоной экономического роста стал в последнее время азиатско-тихоокеанский регион, в котором экономика КНР играет все более значительную роль. Одной из стратегических задач Советского Союза является вхождение в систему разделения труда в АТР, а этому будет способствовать развитие районов Сибири и Дальнего Востока.

Полная нормализация политических отношений будет создавать все более благоприятные условия для экономических контактов. В конечном счете важно добиться такой ситуации, когда бы эти контакты развивались по своим собственным законам — на основе равенства и взаимной выгоды, экономической целесообразности, без деформирующего воздействия политических и стратегических соображений.

Существует целый ряд объективных факторов, способствующих развитию экономических связей между СССР и КНР. Для СССР — это прежде всего необходимость осваивать регионы Сибири и Дальнего Востока, огромная потребность этих регионов в товарах легкой промышленности, продовольственных товарах, в создании современной инфраструктуры, развитии производств, отвечающих требованиям сегодняшнего дня. В Китае также имеется большая потребность в экономической кооперации с СССР, и она, очевидно, будет возрастать, ибо по мере ускоренного развития прибрежных районов у внутренних и окраинных районов страны все более станет увеличиваться заинтересованность в деловых связях с СССР.

Советско-китайские торгово-экономические контакты в дальнейшем будут, вероятно, характеризоваться рядом новых важных черт. К ним можно отнести: изменение структуры торговли, в которой постепенно будет возрастать доля произведенной в Китае машинно-технической продукции; относительное возрастание удельного веса прямых производственных и торговых связей между различными (и особенно сопредельными) регионами двух стран; развитие и все большее разнообразие новых форм сотрудничества (включая совместные предприятия и компании, зоны свободного предпринимательства и т. п.); широкое распространение сотрудничества на многосторонней основе (с участием США, Японии, Южной Кореи, Индии и других стран региона). В перспективе не исключено создание СССР и КНР совместных предприятий и компаний не только на территории друг друга, но и в третьих странах.

Отвечая на вопрос главного редактора нашего журнала на пресс-конференции 3 декабря 1988 г., министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь отметил, что в деле расширения сотрудничества между Китаем и Советским Союзом имеется много потенциальных возможностей. Он говорил, в частности, о перспективах развития приграничной торговли, освоения советского Дальнего Востока, использования таких форм, как создание совместных предприятий, предоставление рабочей силы.

Пытаясь представить себе будущее экономического сотрудничества, необходимо учитывать, что уже сейчас КНР по некоторым направлениям опередила нас в проведении экономической реформы. Для успешного развития контактов нам будет необходимо: предоставить большие права предприятиям и регионам Сибири и Дальнего Востока, создать здесь механизм экономических связей, достаточно хорошо «стыкующийся» с аналогичным, уже существующим механизмом в КНР; предпринять усилия для того, чтобы производственные мощности Сибири и Дальнего Востока развернуть лицом к потребностям китайского рынка, учитывая при этом, что нашей продукции

придется выдерживать конкуренцию с товарами самого высокого качества (в том числе и произведенными на совместных предприятиях с участием ведущих фирм мира); внедрить в сознание наших хозяйственных руководителей и плановиков адекватное представление о возможностях современной китайской экономики, которая может производить не только товары народного потребления, но и сложнейшую продукцию на уровне самых высших мировых стандартов.

Все вышеперечисленные задачи весьма сложны, их реализация потребует значительных усилий и определенного времени, однако в данном случае все затраты окупятся сторицей — поворот экономики Сибири, Дальнего Востока, других регионов страны к сотрудничеству с КНР будет способствовать повышению качества выпускаемой продукции, позволит решить проблемы дефицита некоторых товаров, обеспечить приток рабочей силы в восточные регионы страны и сделает их развитие куда более естественным, гармоничным, чем ныне.

Уже сейчас намечается осуществление некоторых крупных советско-китайских проектов, которые могут в будущем стать важными факторами не только двустороннего, но и международного экономического развития. К их числу можно отнести, например, железную дорогу, которая свяжет китайский порт Ляньюньган с нашей Средней Азией, а через нее — с Европой. В перспективе эта магистраль способна стать «вторым шелковым путем», по которому товары из Китая, Японии, других стран региона будут по кратчайшему и наиболее надежному маршруту переправляться из Азии в Европу и обратно. Возможно, в будущем для увеличения пропускной способности этой железной дороги можно будет привлечь соответствующие фирмы третьих стран. Пуск этой магистрали не только принесет несомненные выгоды экономикам СССР и КНР, он может также дать мощный толчок развитию советской Средней Азии и Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

В целом по мере развития экономических связей, приобретения ими важного самостоятельного значения будет крепнуть основа и для взаимного доверия в политической области, основанного не на быстро меняющейся политической конъюнктуре, а на куда более надежных соображениях взаимной выгоды. При успешном ходе этого процесса лучшей гарантией безопасности и спокойствия на границе могут стать не размещенные там войска и укрепления, а естественная взаимная заинтересованность в развитии сотрудничества.

Особо следует сказать о развитии контактов в области науки и техники, достижения которых по самой своей сути не признают национальных границ. СССР и КНР обладают значительным научным потенциалом, и его объединение на взаимоприемлемой основе и в тех областях, которые интересуют обе стороны, способно обеспечить существенный процесс во многих сферах фундаментальных и прикладных исследований. Представляется, что будущее — за развитием взаимных связей между исследовательскими и учебными центрами, за созданием совместных, в том числе и многосторонних, программ, проведением совместных изысканий.

Конечно, не стоит впадать в эйфорию и тешить себя иллюзиями о том, что развитие торгово-экономических и научно-технических связей между СССР и КНР будет совершенно гладким и беспроблемным. Необходимо учитывать, что по состоянию на нынешний момент экспортные ресурсы обеих стран ограничены и нужные товары они предпочитают продавать за твердую валюту, адекватного механизма делового сотрудничества еще не существует, деловые люди имеют весьма поверхностные и неясные представления о возможностях и потребностях партнеров (и, к сожалению, в большей

степени это характерно для советской стороны), в будущем может возникнуть конкуренция между СССР и КНР за получение инвестиций и технологии на рынках третьих стран и т. п. Все эти (и многие другие, не названные здесь) проблемы экономического сотрудничества чрезвычайно серьезны, их решение потребует усилий, терпения и настойчивости. Однако открывающиеся перспективы, повторим еще раз, позволяют надеяться, что любые усилия и затраты окупятся сторицей.

Выше уже отмечалось, что реформы в КНР и перестройка в СССР сыграли важную роль в сближении двух сторон, ибо вызвали глубокие изменения в их внешней политике. У этих процессов есть еще один важный аспект, серьезно влияющий на двусторонние отношения.

В прошлом связи между СССР и КНР подчас осложнялись из-за различия в оценках событий, происходивших в двух государствах. Так, например, в 60-х гг., в период господства в КНР «левацкой» идеологии, проводимые в СССР экономические реформы были заклеены как проявление «ревизионизма», в конце 70-х — начале 80-х гг., в период застоя в СССР, многие советские специалисты оценивали китайские реформы как опасный «правый уклон». В конечном счете внутреннее развитие обоих государств синхронизировалось, и ныне реформы в КНР и перестройка в СССР — хоть они и были вызваны разными конкретно-историческими причинами и имеют во многом неодинаковое содержание — взаимно резонируют, стимулируют друг друга.

У этого процесса, как представляется, есть два важных аспекта.

Во-первых, несмотря на все различие условий и конкретных мероприятий, обе стороны имеют возможность извлечь для себя много важных уроков из опыта партнера. Так, например, для нас ныне крайне актуален китайский опыт проведения реформы системы цен, ее социальные и экономические последствия. Для Китая определенный интерес представляет советский опыт реализации политической реформы.

Во-вторых, каждый успех преобразований у соседа побуждает энергичнее проводить аналогичные преобразования в собственной стране, а каждая неудача дает серьезные козыри в руки противников преобразований у себя дома. В этом смысле ход китайских реформ и советской перестройки косвенно влияет на расстановку политических сил внутри каждого из государств, на прочность позиций реформаторов и консерваторов.

Сила подобного «взаимного» резонирования увеличивается благодаря тому, что СССР и КНР — сопоставляемые по масштабам (а значит, по степени сложности решаемых задач) государства, исторически в их государственных и политических системах, в методах экономического управления сложилось много общих черт.

Синхронность внутренних процессов в двух государствах способствует тому, что принимаемые одним из них политические решения становятся более понятными и предсказуемыми для другого, обе стороны заинтересованы в том, чтобы у соседа преобразования шли успешно — ибо в противном случае при серьезных сбоях может подвергнуться негативным изменениям внешняя политика партнера, что в свою очередь может оказать тормозящее воздействие на преобразования в собственной стране.

Конечно, и в СССР, и в Китае отдают себе отчет в том, что перестройка и реформы — сложнейшие процессы, которые займут длительный период и, возможно, будут идти неравномерно, временами замедляя свой темп. Абсолютная синхронность процессов в двух странах, а тем более полная схожесть этих процессов нереальны и невозможны. Однако обе стороны искренне заинтересованы в том, чтобы у партнера процесс продолжал

развиваться, не затормозился на полпути.

Такая ситуация приводит к тому, что, если раньше обе стороны пытались поучать друг друга, теперь они по собственной воле желают учиться друг у друга, извлекая полезные уроки и из успехов, и из неудач соседа. Полная нормализация отношений, безусловно, создаст дополнительные каналы для взаимного обмена опытом преобразований.

Нельзя закрывать глаза на то, что долгий период напряженности оставил в наследство серьезные наслоения в виде взаимной подозрительности и недоверия, «образ врага» существовал не только в советско-американских отношениях, он в не меньшей степени определял и атмосферу советско-китайских отношений. Формирование в общественном сознании реального образа равноправного партнера — задача, имеющая исключительное значение. Особенность ее состоит в том, что в отличие от старшего и среднего поколений молодежь в обеих странах воспитывалась в атмосфере, мало способствующей формированию адекватных представлений о соседнем государстве.

В последнее время средства массовой информации обеих стран много сделали для ознакомления их общественности с реальной картиной жизни государства-партнера. Однако взаимное психологическое отчуждение и недоверие, очевидно, еще не преодолены до конца.

Одно из важнейших средств формирования благоприятного психологического климата — энергичное развитие экономических связей и широкое общение народов двух стран друг с другом в процессе совместного труда. Это — лучший способ по-настоящему понять национальный характер друг друга. Кроме того, важное значение имела бы «народная дипломатия» — более широкий обмен по линии обществ дружбы, молодежных организаций и, конечно, широкое развитие туризма на взаимной основе.

Важным фактором нашего сближения является взаимное тяготение культур народов двух стран, искренний интерес к духовному миру соседей. Все большее значение приобретает культурный обмен между СССР и КНР. По-прежнему, очевидно, возможно создание на взаимной основе культурных центров СССР и КНР, организация совместных изданий, постановок, фестивалей и т. п.

Устраняя накопившиеся наслоения и взаимные подозрения, создавая объективное представление о партнере, нельзя, очевидно, впасть в другую крайность, характерную, например, для периода 50-х гг., — в комплиментарный, «розовый» стиль, исключающий возможность трезвых оценок и критического анализа ситуации. Как правило, применение такого стиля оправдывают «высшими интересами» «развития связей с дружественной страной», но на деле безудержная комплиментарность, отсутствие обоснованности наносят огромный вред, дезинформируя собственный народ. Полная нормализация советско-китайских отношений отнюдь не должна означать, что партнеры должны приходить в восторг по поводу любого шага друг друга и не будут иметь права на свое собственное критическое мнение. В этом и будет на самом деле проявляться реальное равноправие сторон — их независимость и самостоятельность.

Выше были отмечены лишь несколько моментов, связанных с началом нового этапа в развитии советско-китайских отношений. Уже сегодня становится очевидным, что на этом этапе подводится черта под периодом враждебности и отчуждения, создаются благоприятные условия для углубления взаимопонимания и сотрудничества между великими соседними государствами на Дальнем Востоке. Формирование отношений нового типа между СССР и КНР позволит сделать мир куда более стабильным и безопасным, чем

ранее, будет способствовать успешному экономическому и социальному развитию Советского Союза и Китая. Обе стороны буквально выстрадали нынешний процесс нормализации, сближения и, очевидно, уже поэтому должны особенно дорожить им и развивать его.

* * *

В начале февраля, когда статья уже была в наборе, состоялся визит Э. А. Шеварднадзе в Китай. Итоги визита позволили конкретизировать многие важные аспекты предстоящих советско-китайских переговоров на высшем уровне.

Во-первых, определилась дата визита М. С. Горбачева в Китай — 15—18 мая 1989 г.

Во-вторых, стороны достигли значительного прогресса на пути к взаимопониманию по «кампучийской проблеме», отражением чего явилось соответствующее совместное заявление. Таким образом сделан важный шаг в сфере урегулирования вопроса, который китайская сторона считала «основным препятствием» к полной нормализации отношений.

В-третьих, принципиально важным является достижение договоренности о начале переговоров между группами военных и дипломатических экспертов о сокращении уровня военного противостояния в сопредельных районах; стороны также выразили намерение и далее в конструктивном духе вести переговоры по пограничной проблеме.

Наконец, с обеих сторон было высказано намерение всемерно способствовать развитию сотрудничества в различных конкретных сферах.

Таким образом, появились основания для надежд на успех предстоящей советско-китайской встречи на высшем уровне, которая знаменует собой начало принципиально нового этапа в двусторонних отношениях.

К новому типу отношений

СЮИ КУИ*

В нынешнем году исполняется 40 лет со времени образования Китайской Народной Республики. Китайский народ хорошо помнит, что после провозглашения КНР правительство Советского Союза сразу же заявило о ее признании. Таким образом на настоящий год также приходится и 40-я годовщина установления дипломатических отношений между КНР и СССР.

За истекшие 40 лет произошли большие изменения во всем мире и огромные, глубокие изменения в Китае и Советском Союзе, а также в отношениях между ними. Сегодняшние Китай и Советский Союз уже не те, что были 30—40 или 10—20 лет тому назад. Было время, когда наши взаимоотношения строились на «товарищеских», «союзнических» началах. Оно сменилось периодом отчужденности и конфронтации, а в последние несколько лет благодаря совместным усилиям обеих сторон постепенно наступило улучшение отношений. В ходе консультаций на уровне заместителей министров иностранных дел, начавшихся в октябре 1982 г., была проделана большая и полезная работа в целях смягчения напряженности между двумя государствами, углубления взаимопонимания, восстановления и развития экономических и культурных связей. В августе прошлого года на китайско-советской рабочей встрече по кампучийскому вопросу был достигнут позитивный сдвиг в устранении главного препятствия в отношениях между двумя странами. Благодаря отмеченным выше совместным усилиям в декабре прошлого года был осуществлен визит в СССР министра иностранных дел КНР — первый за 30 с лишним лет, — который увенчался отрядными результатами, ознаменовал начало нормализации отношений между КНР и СССР. Последовавший вскоре первый за 30 лет визит в Китай советского министра иностранных дел явился продолжением процесса нормализации взаимоотношений. Как и советские люди, китайский народ с энтузиазмом ожидает встречу на высшем уровне, к которой приковано внимание во всем мире и которая, без сомнения, станет крупным событием и в отношениях между двумя государствами, и на международной арене.

Было бы уместным рассмотреть некоторые вопросы отношений между двумя странами и перспективы их развития, имея в виду, что они прошли извилистый путь, а в настоящее время в новых исторических условиях вступают на путь нормализации. Хотел бы высказать личную точку зрения по некоторым из этих вопросов в надежде на то, что китайско-советские отношения получат здоровое развитие, отвечающее духу эпохи.

1. Китай и Советский Союз — соседи, граница между ними простирается на 7300 с лишним километров и является самой протяженной в мире сухопутной границей. Контакты между нашими странами насчитывают несколько сот лет. В новейшую эпоху Китай подвергался агрессии со стороны цар-

---

* Директор Института СССР и стран Восточной Европы, заместитель председателя китайской Ассоциации изучения СССР и стран Восточной Европы.

ской Российской империи, однако после Октябрьской социалистической революции советский народ оказывал огромную помощь китайской революции. Между двумя народами установилась глубокая дружба, особенно с победой революции в Китае, когда наши взаимоотношения вступили в новый период развития. К сожалению, начиная с 60-х гг. наши отношения стали характеризоваться конфронтацией и напряженностью, что наносило ущерб традиционной дружбе китайского и советского народов, противоречило интересам мира и стабильности в Азии и во всем мире. Китай и Советский Союз независимо от состояния отношений между ними — соседи, однако характер этих отношений не может не оказывать существенного влияния на обе страны и на окружающий мир. В настоящее время, когда в международном положении наметилась позитивная тенденция поворота от конфронтации к диалогу, от напряженности к разрядке, сохранение напряженности между Китаем и Советским Союзом идет вразрез с мировым развитием. Возникшая в 60-е гг. конфронтация между КНР и СССР — лишь временный эпизод в истории наших взаимоотношений, она несовместима с коренными интересами народов двух стран, противоречит тенденции развития современного мира, и поэтому должна остаться в прошлом. Единственной и мудрой альтернативой ей на данном этапе является установление дружественных добрососедских отношений между Китаем и СССР на новой основе. Недавно товарищ Дэн Сяопин сказал: «У Китая и Советского Союза нет оснований не улучшать отношения». Это — глубокий вывод, отвечающий чаяниям народов двух стран и сделанный с учетом уроков истории и современного состояния китайско-советских и международных отношений.

2. На какой основе следует строить дружественные добрососедские отношения между Китаем и Советским Союзом в настоящее время?

За прошедшие 40 лет китайско-советские отношения из союзнических в 50-е гг. перешли в конфронтационные в 60—70-е гг., чему, естественно, не могло не быть причин. Указанный отрезок истории китайско-советских отношений является, можно сказать, важной составной частью истории послевоенных международных отношений, и прежде всего отношений между социалистическими странами, берущих начало в условиях послевоенного времени. Еще предстоит его углубленное изучение и обобщение историками и политологами. Ныне же можно определенно утверждать, что коренной причиной появления напряженности и конфронтации в отношениях между двумя нашими странами явилось то, что не уважались пять основных принципов мирного сосуществования — основополагающей нормы международных отношений. За 30 с лишним истекших лет история международных отношений, включая китайско-советские отношения, убедительно свидетельствует о том, что государства с различным общественным строем могут находиться в дружественных отношениях, если они уважают пять принципов мирного сосуществования; напротив, даже между государствами с одинаковым общественным строем может быть конфронтация, могут возникать конфликты, если не соблюдаются эти принципы. Это — закономерность, подтвержденная исторической практикой нескольких десятилетий. Все страны мира должны извлечь полезный урок из этого исторического опыта международных отношений.

Сегодня в Китае и Советском Союзе проводятся реформы, с учетом особенностей наших стран определен новый курс строительства и развития. В целом Китай прилагает усилия к осуществлению модернизации, обновления страны, расширения ее связей с внешним миром; во внешней политике он твердо и неуклонно проводит курс независимости и самостоятельности.

После апрельского (1985) Пленума ЦК КПСС Советский Союз выработал стратегию ускорения социально-экономического развития, поставил задачу

всестороннего обновления советского общества, а также внес — в соответствии с новым политическим мышлением — значительные коррективы в свою внешнюю политику. В это время в международной обстановке также произошли огромные изменения. Блоковая политика изжила себя. Все более растущее и широкое признание получает объективная тенденция к взаимозависимости различных стран мира. Мир и развитие стали неодолимым требованием народов, возобладала тенденция к разрядке международной обстановки, которая, как видно, будет продолжаться довольно длительный период. В современной международной обстановке китайско-советские отношения, после их нормализации, уже не могут оставаться союзными, как это было в 50-е гг., а равно и конфронтационными по примеру 60-х гг. и после, а могут быть лишь отношениями нового типа, построенными на основе пяти принципов мирного сосуществования. Союз между Китаем и СССР в 50-е гг. был продуктом специфических исторических условий. В то время отношения между двумя странами и народами были наполнены незабываемыми, волнующими примерами подлинно дружественного сотрудничества. Однако уже в то время в союзнических, именовавшихся «прочными, как гранит», отношениях имелись противоречия, действовали «факторы нестабильности», которые впоследствии и привели к разрыву. Ныне, в новых исторических условиях Китаю и Советскому Союзу невозможен возврат к союзным отношениям 50-х гг. и в них, к тому же, нет необходимости. Только установление добрососедских отношений нового типа на основе пяти принципов мирного сосуществования может обеспечить их долговременность и стабильность. Не следует умалчивать и о том, что как в двусторонних отношениях, так и в международных вопросах между СССР и КНР существуют определенные расхождения и проблемы, ожидающие своего решения. Те или иные расхождения могут появляться и в будущем, они также могут быть должным образом урегулированы и разрешены на принципах взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, взаимного невмешательства во внутренние дела, равноправия и взаимной выгоды и путем равноправных консультаций. В послевоенных международных отношениях пять принципов мирного сосуществования, как основополагающая норма международных отношений, выдержали испытание временем, продемонстрировали мощную жизненную силу. Уверен, что китайско-советские отношения, пройдя через трудности и зигзаги на протяжении нескольких десятилетий, станут зрелыми, опирающимися на реалистическую основу. Это будут новые дружественные и добрососедские отношения, которые получат стабильное, здоровое развитие в соответствии с пятью принципами мирного сосуществования.

3. В настоящее время Китай и Советский Союз решают задачи дальнейшего развития экономики, повышения уровня жизни своих народов. Для осуществления стратегических целей экономического развития обеим странам необходимо приложить громадные усилия, им потребуется довольно длительное время, а также активное развитие внешнеэкономических связей. В новых исторических условиях вместе с нормализацией взаимоотношений, когда разворот экономических связей станет основным содержанием двусторонних отношений, откроются широкие перспективы китайско-советского сотрудничества на основе равноправия и взаимной выгоды.

Правительство Китая неоднократно заявляло, что проводимая им открытая политика в сношениях с внешним миром действует во все стороны — Запада и Востока, капиталистических и социалистических стран. Конечно, она открыта и в отношении Советского Союза. Товарищ Горбачев, выступая в Красноярске в сентябре прошлого года, заявил, что Советский Союз на

своем Дальнем Востоке будет создавать специальные «зоны совместного предпринимательства», говорил о готовности организовать в Амурской, Читинской областях и в Приморском крае совместно с китайской стороной производство сельскохозяйственной продукции, а также осуществлять строительство здесь гражданских объектов на принципах взаимности. Эти соображения совпадают с китайской открытой политикой в сношениях с внешним миром. За последние годы торговля и экономическое сотрудничество между двумя странами получили заметное развитие, однако их масштабы далеко не соответствуют возможностям и потенциалу двух стран, поскольку торговля и экономическое сотрудничество между КНР и СССР носят взаимодополняющий характер, а географическая близость обеспечивает им удобное транспортное сообщение. Словом, имеются благоприятные условия и возможности для дальнейшего расширения торгово-экономических связей. По мере нормализации отношений и углубления реформы обе стороны будут располагать всеми возможностями, чтобы вскрывать и на основе равноправия и взаимной выгоды осваивать резервы расширения торгово-экономического сотрудничества. Имеются в виду дальнейшее расширение межправительственной и пограничной торговли, а также прямых торговых связей между предприятиями, поиск и освоение новых форм экономического сотрудничества, например создание совместных предприятий, торговые сделки на компенсационной основе, изготовление товаров из материала заказчика, предоставление трудовых услуг. Со стороны Советского Союза — участие в технической реконструкции старых и строительстве новых предприятий в Китае, сотрудничество в строительстве железной дороги, которая соединит Синьцзян-Уйгурский автономный район с Казахской союзной республикой, совместная разработка ресурсов в приграничных районах, сотрудничество в области высоких технологий и т. п.

4. Широкие перспективы ожидают сотрудничество и обмен в области культуры, образования, науки и техники. В 50-е гг. существовали тесные связи, сотрудничество и культурный обмен, которые сыграли большую роль в установлении взаимопонимания и дружбы между двумя народами. В последующие годы по политическим причинам эти связи и сотрудничество были существенно ослаблены, а затем прерваны. В последнее время они вновь восстановлены, получили определенное развитие, а в перспективе — должны расширяться и усиливаться. В наш век быстрого развития международных контактов и обмена информацией укрепление культурных связей и научно-технического сотрудничества между Китаем и Советским союзом не только способно восполнить урон, нанесенный делу дружбы и взаимопонимания наших народов вследствие ухудшения отношений в 60—70-е гг., но и, несомненно, будет содействовать осуществлению реформ и национального строительства в обеих странах. Китай и Советский Союз имеют различные условия, однако в осуществлении реформ у нас немало общих проблем, поэтому расширение обмена в области теории и практического опыта проведения реформ может быть взаимно полезным делом.

5. О возможном влиянии нормализации китайско-советских отношений на положение в Азии и во всем мире.

Китай и Советский Союз являются двумя социалистическими державами, постоянными членами Совета Безопасности ООН, на них лежит большая ответственность за мир и безопасность в Азии и во всем мире. Устранение препятствий в отношениях между ними, их нормализация окажут благоприятное влияние на международную обстановку.

Разрядка в китайско-советских отношениях и их нормализация будут также содействовать разрядке и стабилизации обстановки в азиатском

регионе. В процессе нормализации обе стороны пришли к пониманию необходимости поиска политического решения кампучийского вопроса, начали вырисовываться точки соприкосновения, что несомненно будет способствовать окончательному устранению этого крупного препятствия на пути к полной нормализации отношений между КНР и СССР. В декабре прошлого года на сессии Генеральной Ассамблеи ООН товарищ Горбачев заявил, что Советский Союз принял решение в ближайшие два года сократить свои вооруженные силы на 500 тыс. человек, вывести значительную часть советских войск из Монгольской Народной Республики и существенно уменьшить группировку вооруженных сил также и в азиатской части страны. Советский Союз также заявил о выводе войск из Афганистана в сроки, установленные Женевскими соглашениями по Афганистану. Указанные решения Советского Союза приветствуют китайский народ и народы всего мира. Решение кампучийского вопроса безусловно будет отвечать высшим интересам разрядки и стабильности в азиатском регионе и во всем мире.

Улучшение китайско-советских отношений не будет препятствовать продолжению и развитию дружественных отношений КНР и СССР с другими странами. Одновременно с улучшением взаимоотношений с Советским Союзом Китай будет продолжать развивать отношения со странами «третьего мира» и с развитыми капиталистическими странами — США, Японией, государствами Западной Европы. Вслед за улучшением китайско-советских отношений и одновременно с развитием диалога США — СССР и КНР — США также будет набирать силу диалог между КНР и СССР. Это должно способствовать повороту международной обстановки от конфронтации к диалогу, от напряженности к разрядке. Таким образом, нормализация китайско-советских отношений сама по себе станет важным фактором международной разрядки.

Идя навстречу 40-летию установления дипломатических отношений между КНР и СССР и начавшемуся процессу нормализации отношений между двумя странами, умножим наши усилия ради установления и развития китайско-советских отношений нового типа в интересах китайского и советского народов и мира во всем мире.

Перевод с китайского А. Д. Дубровского

Советское китаеведение и перестройка

*М. Л. ТИТАРЕНКО,
доктор философских наук,
президент ВАКИТ*

Перестройка, гласность стали символом интернационального обновления социализма, его очищения от всего наносного, привнесенного идеологией и практикой культа личности. Большую роль в ускорении этого живительного процесса должны, как это подчеркивалось на XXVII съезде и XIX конференции КПСС, сыграть общественные науки. Не может стоять в стороне от этого общего потока и советское китаеведение — комплексная наука, изучающая — на базе достижений таких отраслей знания, как история, политэкономия, философия, филология, социология, политология, наука о международных отношениях, — цивилизацию Китая, одну из величайших и древнейших в мире.

К чести русского демократического китаеведения относится тот факт, что в нем со времени Иакинфа Бичурина доминировала тенденция глубокого уважения к китайскому народу, его истории, языку, культуре в целом.

В основу советского китаеведения был положен подход, который соединил в себе пролетарский интернационализм и марксистско-ленинскую материалистическую диалектику как методологическую основу изучения истории, экономики, философии, внутренней и внешней политики Китая, его роли в мировой политике и развитии общечеловеческой цивилизации.

Труден и даже трагичен был путь развития и становления советского китаеведения. Жестокие репрессии 30-х гг., подобно опустошительному смерчу, пронесли над китаеведением, как и над всей нашей наукой. И здесь немало своих мучеников чести и истины как среди ученых-китаеведов, так и среди таких политических деятелей, участвовавших в разработке теории и практики китайской революции, как Н. И. Бухарин, В. К. Блюхер, М. М. Бородин, Л. М. Карахан, А. А. Иоффе, Г. Н. Войтинский, П. Миф, В. В. Ломинадзе, А. И. Рыков, К. Б. Радек и др. К сожалению, мы пока еще не все знаем об их действительной позиции и вкладе в изучение революционной истории китайского народа. Наш долг — восполнить эту лакуну в летописи советского китаеведения, восполнить не путем закрашивания «белых пятен» наскоро разведенным елеем того или иного цвета, а путем серьезного и объективного изучения всей совокупности фактов. И здесь мы надеемся на помощь и содействие Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Главного архивного управления СМ СССР. Думается, что немало ценных материалов на эту тему могут предоставить наши китайские коллеги, на деловое и взаимопольное сотрудничество с которыми мы рассчитываем.

В целях восстановления исторической справедливости нам следует отдать дань памяти китаеведам, ставшим жертвами необоснованных репрессий в 30—40-е гг., так же, как это сделано в отношении наших соотечественников на фронтах Великой Отечественной войны.

СЯНОЛОГИЧЕСКОЕ

ОТДЕЛЕНИЕ

ИНИБОН АН СССР

После проведения соответствующих исследований можно было бы установить мемориальные доски в Институте Дальнего Востока и Институте востоковедения АН СССР, а также подготовить серию статей и монографий, посвященных истории советского китаеведения, в которых был бы отражен вклад в науку этих ученых.

В середине 50-х гг. советское китаеведение стало объектом несправедливых гонений. Настала пора во всеуслышание сказать правду и об этом.

Итак, как нам представляется перестройка в китаеведении?

Чтобы ответить на этот вопрос, видимо, необходимо затронуть целый ряд аспектов, а именно:

- историю советского китаеведения;
- его нынешнее состояние;
- его место в решении актуальных научных и политических проблем, включая вопросы перспектив развития советско-китайских отношений и обогащения теории и практики научного коммунизма.

Словом, перестройка в китаеведении имеет общие со всей перестройкой в общественных науках задачи и черты — выход на качественно новый уровень познания, освоение современных методов исследования, установление новых взаимоотношений китаеведческой науки с практикой, в том числе с политической практикой.

Вместе с тем перестройка в китаеведении имеет и свою специфику, определяемую особенностями предмета нашей науки. Центральным для нас вопрос — это перестройка советского китаеведения в соответствии с новым мышлением в самом широком смысле этого понятия, что, на наш взгляд, означает следующее:

во-первых, глубокое и всестороннее освоение материалистической диалектики как методологической основы всех исследований по Китаю, последовательное проведение принципа историзма, а также общего и специфического в историческом, социально-экономическом, идейном, культурном, языковом развитии Китая;

во-вторых, понимание внутренней диалектики взаимоотношений самостоятельной и независимой политики Китая и объективно существующей взаимозависимости между СССР и КНР в вопросах безопасности, достижения прогресса в деле совершенствования социализма, выявления его преимуществ в ходе развития всестороннего, равноправного, взаимовыгодного, взаимодополняющего сотрудничества между нашими странами;

в-третьих, решительное преодоление инерции патерналистских пережитков в подходе к Китаю, опыту китайской революции и социалистического строительства, выработка и последовательное проведение в жизнь новой философии советско-китайских отношений, философии, исходящей из признания баланса интересов и принципов мирного сосуществования;

в-четвертых, понимание всемирно-исторического значения опыта строительства социализма в Китае. Этот опыт, взятый во всей его многогранности, со всеми огромными достижениями и серьезными историческими уроками, уже сейчас серьезно обогащает и конкретизирует многие аспекты концепции научного коммунизма и, безусловно, в будущем окажет громадное влияние на развитие мирового социализма в целом.

Наконец, в-пятых, хотелось бы указать на особую роль китайской цивилизации в формировании современной мировой цивилизации, особенно в формировании нового Возрождения цивилизации стран азиатско-тихоокеанского региона, который играет все более важную, а по ряду направлений начинает наряду с Европой занимать лидирующую роль в мировой политике, научно-технической революции и в развитии культуры в целом. Разумеет-

ся, этот процесс пока находится еще на сравнительно ранней стадии, но не видеть, не стремиться правильно и всесторонне оценить его было бы серьезной ошибкой. С учетом этих процессов Советскому Союзу как великой азиатско-тихоокеанской стране жизненно необходимо ускоренно развивать экономику районов Сибири и Дальнего Востока и по мере возможностей интегрироваться в общий процесс мирохозяйственных связей АТР. Важнейшим звеном здесь должно стать всестороннее экономическое сотрудничество с КНР и другими странами региона.

Что касается уроков истории советского китаеведения, то следовало бы отметить, что советские китаеведы много сделали для укрепления отношений революционной дружбы, солидарности и взаимопонимания народов двух стран, в изучении истории китайской культуры, языка, социально-политической истории Китая с древности до наших дней. Неоценим вклад наших ученых в ознакомление советской общественности с лучшими памятниками культуры, живописи, литературы, поэзии, философии, науки, техники, народной китайской медицины, общественной мысли Китая, с историей китайской революции, историей взаимоотношений наших стран.

Подчеркивая большой и непреходящий по своей ценности интернациональный вклад советских китаеведов в строительство моста взаимопонимания между нашими странами и народами, нельзя не сказать о том, что наши китаеведческие исследования по ряду важных направлений как в прошлом, так и в известной мере и ныне чрезмерно политизированы. В известной степени это неизбежно, если учесть важность исследования роли Китая в решении проблем мира, безопасности, разоружения и сотрудничества, а также значение советско-китайских отношений для судеб мирового социализма и для дела мира на Земле. Однако исторический урок прошлого свидетельствует о том, что роль китаеведения из-за неверного понимания соотношения его с политикой иногда низводилась до уровня пропагандистского обслуживания нужд текущей политики. Из эксперта, прогнозиста, аналитика, разработчика теоретических основ и оценок наука превращалась в идеологический придаток конъюнктурной политики, в свою очередь определявшейся субъективистскими настроениями узкой группы в руководящих верхах или вообще настроениями одного человека.

Поэтому неудачи субъективистской политики в отношении Китая во времена Сталина, имевшие место после гоминьдановского контрреволюционного переворота в 1927 г., в период становления единого антияпонского фронта КПК и Гоминьдана в 30—40-е гг. вымещались на китаеведах, которые становились объектами жестоких, необоснованных репрессий.

Игнорирование особенностей китайской революции, строительства социализма в КНР в 50-е гг. привело к тому, что подготовка всесторонне образованных и научных кадров по истории, экономике, философии, литературе Китая была сведена в основном к узкопрофессиональной выучке переводчиков. Нельзя не упомянуть здесь о той крайне отрицательной роли, которую сыграли решения Н. С. Хрущева о свертывании самостоятельных китаеведческих исследований в СССР и закрытии соответствующих научных учреждений, а также научная и политическая ограниченность советов бывшего посла СССР в Китае Юдина П. Ф., мнившего себя великим экспертом и по Китаю, и по Югославии, и по «псевдонаукам» — генетике и кибернетике. Негативные последствия этого подхода советское китаеведение болезненно ощущает до сих пор. Следует признать, что восстановление советского китаеведения, начавшееся в начале 60-х гг., проходило не в лучшую пору для советско-китайских отношений, что не могло не повлиять на общее отношение к подготовке кадров китаеведов и порой толкало наших исследователей на путь

односторонней нигилистической критики политики КПК, отождествлению трагедии «культурной революции» с особенностями революционного пути КПК в целом.

Однако, несмотря на определенные трудности и известные полемические перехлесты, порождавшиеся тогдашней обстановкой, советские китаеведы, сконцентрировавшиеся в ряде исследовательских центров, прежде всего в ИДВ, ИВ АН СССР и его Ленинградском отделении, в ИСАА при МГУ, ИЭМСС, ИНИОН, в ряде научных центров Владивостока, Хабаровска, Алма-Аты, Ташкента, Фрунзе, Киева, Новосибирска, тем не менее продолжали добросовестно и, несмотря на ограниченность источников, в целом корректно изучать все стороны цивилизации Китая и знакомить с ней советскую общественность. Конечно, бесчинства хунвэйбинов глубоко задевали чувства уважения и симпатии к Китаю, неизменно присущие советским людям, и в первую очередь китаеведам, но это не подорвало нашей веры в мудрость китайского народа, его здравый смысл и способность самому преодолеть эти временные трудности и тяжелые испытания на своем пути. Эта вера оправдалась.

Из прошлого мы должны, как представляется, извлечь по крайней мере три урока:

1. Китаеведение как комплексная наука только тогда будет иметь запас жизненных сил и приносить большой науке и практике максимальную пользу, когда оно обеспечит фронт фундаментальных исследований по широкому кругу проблем истории, экономики, философии, культуры, литературы, внешней политики, социологии, национальных традиций. Связь науки с практикой не должна низводить науку до роли пропагандистского обеспечения той или иной политической конъюнктуры. Наука должна сохранять свою особую роль научного эксперта, консультанта и, когда нужно, объективного оппонента при принятии того или иного политического решения. Если ранее исследования по Китаю чрезмерно идеологизировались, притягивались к требованиям полемики и к внутренней политической обстановке в СССР, то теперь, когда отпало большинство прежних барьеров и китаеведческие исследования и публикации идут широким фронтом, зачастую ощущается их чрезмерный академизм, узкоотраслевой подход, тяготение к простой описательности и нехватка выходов на широкие обобщения, сопоставления исторического опыта СССР и КНР.

2. Практическое воплощение научных результатов китаеведения наиболее полно может проявиться лишь в условиях развития советско-китайского добрососедского сотрудничества. Поэтому всестороннее и объективное изучение цивилизации нашего великого соседа Китая должно находить свое завершение в поисках путей и выработке рекомендаций по укреплению и развитию добрососедства двух стран и народов, взаимному обогащению наших культур, изучению опыта социально-экономического развития и социалистического строительства, содействию поисков взаимоприемлемого баланса интересов во имя взаимовыгодного сотрудничества.

3. Последовательное воплощение научной принципиальности и объективности, самостоятельности и непредвзятости в оценке фактов и явлений, обстановка свободных творческих дискуссий, признание права ученого на поиск, риск и ошибку — важнейший залог здорового развития нашей китаеведческой науки.

Советские ученые всегда выступали и выступают за развитие научных контактов и обменов не только с учеными Китая, но и со всеми синологами зарубежных стран, включая США, Японию, ФРГ, Францию, Италию, Вели-

кобританию. ВАКИТ вступила в Европейскую ассоциацию китаеведов (ЕАК) и активно участвует в ее работе. Об этом убедительно свидетельствует последний конгресс ЕАК, состоявшийся в сентябре 1988 г. в Веймаре. Ученые ИДВ вместе со своими коллегами из университета Токай (Япония), Бостонского университета Тафта (США), Народного университета Китая и ряда советских университетов выступили инициаторами движения «Ректоры университетов и директора НИИ стран Азии за мир, взаимопонимание и сотрудничество». В августе 1987 г. в Токио состоялась I конференция ректоров университетов и директоров НИИ, принявшая Токийскую декларацию за сотрудничество ученых, педагогов и студентов в интересах мира и взаимопонимания в Азии.

В 1987—1988 гг. получили активное развитие контакты советских китаеведов с учеными КНР. По приглашению ИДВ АН СССР и ВАКИТ председатель Китайской ассоциации по изучению Советского Союза и стран Восточной Европы, директор Института АОН Китая аналогичного профиля Сюй Куй в 1987 г. вместе с группой ученых посетил Советский Союз.

ИДВ и ВАКИТ принимали целый ряд делегаций китайских ученых, приезжавших на стажировку в СССР, а весной 1988 г. установили также полезные контакты с Китайской ассоциацией за международное взаимопонимание и обменялись делегациями. В мае 1988 г. делегация ВАКИТ в составе 5 ученых посетила КНР с целью изучения опыта реформ, а в сентябре—октябре делегация Китайской ассоциации во главе с директором Института Госсовета КНР по экономической реформе профессором Чэнь Ицзы посетила нашу страну. Она заинтересовалась, как выполняются решения XIX партконференции, ознакомилась с опытом проведения политической и экономической реформ в СССР. Китайская делегация, в составе которой находились не только ученые, но и ответственные работники ЦК КПК, была принята также в Президиуме Академии наук, а также в ЦК КПСС, Президиуме Верховного Совета СССР, министерствах СССР.

Касаясь проблемы перестройки советского китаеведения в духе нового мышления, необходимо также подчеркнуть, что и здесь, как и в нашем обществе в целом, происходит процесс учебы демократии, создается атмосфера гласности и честной научной дискуссии. Однако было бы преждевременно полагать, что в этом отношении с перестройкой уже все благополучно. Нужно подчеркнуть, что еще живучи привычки, традиции культурной манеры мышления, признающей свободу дискуссии только как право пропагандировать свою точку зрения и обязанность другой стороны соглашаться и принимать ее под аплодисменты. Полезную роль в плане сплочения китаеведов и освоения ими принципов демократии в науке, плюрализма мнений имеют ставшие традиционными научные конференции, симпозиумы и молодежные научные конференции в ИДВ и Институте востоковедения АН СССР, а также семинар ВАКИТ по историческим проблемам, руководимый академиком С. Л. Тихвинским.

Рассматривая китаеведение как комплексную науку, способствующую взаимообогащению культур, обогащению исторического опыта социально-экономического развития двух социалистических стран, мы должны стремиться утвердить в синологии подлинно научный подход. Это, естественно, ставит вопрос и о партийности китаеведения. Партийность в ленинском понимании ни в коей мере не противоречит научности, наоборот, они выступают в органическом единстве. Маркс указывал, что чем более бескорыстную и беспристрастную позицию занимает наука, тем она более соответствует интересам и надеждам рабочих¹.

Подчеркивание партийности китаеведческой науки ни в коей мере не озна-

чает принижения самостоятельности ученого в научных поисках. История науки свидетельствует о том, что науку развивают лишь новые открытия, оригинальные идеи; комментаторство и популяризация нужны, конечно, но в развитии науки они если и играют, то лишь второстепенную роль. Оригинальные идеи — это продукт самостоятельного и независимого размышления ученого, в них залог успешного развития науки в целом и Китаеведения в частности.

Одна из особенностей нынешнего этапа развития советского Китаеведения заключается в том, что наряду с необходимостью дальнейшего углубления традиционных для нашей науки исследований в области истории, философии, языка, литературы, издания исторических и литературных памятников, документов особое значение приобретает изучение опыта социально-экономического развития Китая, опыта создания основ социализма в этой самой многонаселенной и одной из крупнейших стран мира, изучение влияния самостоятельной и независимой политики Китая на планетарные процессы борьбы за мир и разоружение, установление нового экономического порядка, поиски путей утверждения принципов мирного сосуществования в качестве универсальных основополагающих критериев отношений между всеми государствами, к какой бы социальной системе они ни принадлежали.

Недавно вице-президент АОН Китая, видный ученый-экономист Ю Гуаньюань, выступая на симпозиуме по итогам XIX партконференции КПСС, призвал китайских ученых, исходя из реальностей и позиций своей страны, следуя строго научному подходу, в духе реализма вести изучение иностранного опыта. При этом он подчеркнул, что «перестройка» в СССР благоприятствует проведению реформ в Китае». «Поэтому в отношении советской перестройки, — сказал он, — необходимо занять позиции активной поддержки. Взаимная поддержка и учеба между социалистическими странами в вопросах перестройки и реформ — это вполне естественное и разумное явление»².

Мы, советские Китаеведы, такие же слова с полной искренностью адресуем ученым Китая.

Другой важной особенностью нынешнего развития советской синологии является стремление выявить влияние исторических, культурных традиций Китая на современные социально-экономические и политические процессы, на становление нового общества, формирование его новой, социалистической цивилизации, самого подхода к социалистическому строительству. Здесь недопустимо упрощенное толкование понятия актуальности. Актуальность — отнюдь не синоним сиюминутности, и подлинно научная актуальная постановка проблемы требует серьезного, объективного историко-философского и экономического обоснования. Без этого так называемые актуальные исследования превращаются в конъюнктурные однодневки.

Новое мышление позволило по-иному подойти к исследованию социально-экономических проблем Китая. Изучение китайского опыта стало в современных условиях одним из главных направлений наших исследований. Это изучение приобретает все более многогранный характер.

В теоретическом отношении несомненный интерес представляет концепция «начальной стадии социализма», закрепленная в документах XIII съезда КПК. В условиях, когда подвергаются критическому переосмыслению многие постулаты политической экономии социализма, теоретические взгляды китайских ученых дают немалую пищу для размышлений. Это и вопросы о формах собственности, и о социалистическом товарном производстве, и о соотношении плана и рынка, о многоукладности.

Большой практический интерес представляет изучение конкретных подходов в Китае к решению задач экономического строительства. Среди таких вопросов — преобразование системы хозяйствования в деревне, различные аспекты экономической реформы в промышленности и других отраслях народного хозяйства.

Сферой серьезного изучения и анализа становится система внешне-экономических связей Китая. В свете положений, содержащихся в выступлении М. С. Горбачева в Красноярске, в принятых уже директивных документах идет процесс активного расширения хозяйственных связей СССР с зарубежными странами. В этом плане опыт Китая в создании совместных предприятий, в предоставлении льготных условий для инвестирования иностранного капитала, в выделении особых территориальных зон может быть в той или иной мере учтен и использован в нашей стране. Разумеется, как и в других вопросах, здесь необходимо видеть не только положительные результаты, но и неизбежные в таком деле трудности.

Изучение китайского опыта, которое в современных условиях представляется приоритетным направлением для советских китаеведов-экономистов, ни в какой мере не снижает значения глубокого и разностороннего рассмотрения состояния и перспектив развития экономики КНР. Достоверное, четкое и полное представление о положении в народном хозяйстве в целом и в отдельных отраслях имеет важное значение и для правильного понимания внутрисполитических процессов, их влияния на внешнюю политику КНР, для правильного прогнозирования перспектив экономического сотрудничества между нашими странами.

Важным разделом китаеведения является изучение политико-правовых процессов в Китайской Народной Республике как части ее социалистического развития. Наиболее важным представляется изучение реформы политической системы, правового обеспечения хозяйственной реформы и всего процесса социалистической модернизации Китая, в том числе и научно-технического прогресса.

В Институте Дальнего Востока уже сделаны важные научно-аналитические разработки по политической реформе в Китае, проведены сравнительные анализы хода политических реформ в КНР и СССР, заканчивается монография о политической системе и политической динамике в КНР. Исследования в этой области начаты и во вновь созданном центре политологических исследований при Институте государства и права АН СССР и Советской ассоциации политических наук. Предусматривается тесное сотрудничество ИДВ с этим центром.

Объектом изучения является теория и практика разграничения функций партийных и государственных органов, то есть коренные вопросы реформы политической системы. Основные задачи этой реформы в КНР перекликаются с аналогичными у нас.

Несомненный интерес для советской науки представляет изучение теории и практики межнациональных отношений, национально-государственного строительства, общественного самоуправления, развития социально-политической активности граждан, политических партий и общественных организаций, изменения содержания и методов и работы в условиях реформ и развития демократических процессов в жизни общества. Словом, необходимо широкое изучение китайского опыта совершенствования политической системы.

В последние годы в Институте Дальнего Востока было проведено серьезное исследование правовых аспектов реформ в Китае. Изучается проблема правового обеспечения научно-технического прогресса. Зна-

комство с опытом КНР в области правового регулирования научно-технического творчества выявляет ряд позитивных моментов, которые могут быть полезными в деле перестройки аналогичного правового механизма в нашей стране.

В целом всестороннее изучение социалистической модернизации в Китае является крупномасштабной исторической задачей, и полученный в ходе ее реализации опыт следует отнести к достоянию всего мирового социализма. Несмотря на существенные между СССР и КНР различия в содержании и темпах социалистического строительства, уровне развития двух великих социалистических держав, существует не только теоретическая, но и практическая потребность взаимного изучения накопленного опыта. Общими для преобразований в наших странах являются задачи ускорения социально-экономического развития, демократизации общественной жизни, реального укрепления позиций социализма.

Практические результаты исследований по Китаю выражаются в изучении и прогнозировании советско-китайских отношений. Выше уже говорилось о новых подходах к этой проблеме, о новой философии советско-китайских отношений, разработкой которой заняты наши ученые и практики. Эти исследования имеют особое значение и актуальность в связи со складывающейся новой атмосферой в советско-китайских отношениях. Выступая в Красноярске, М. С. Горбачев отмечал: «...Все больше становится доброзелательства и доверия в отношениях между нашими народами, возобновился и наполняется новым содержанием глубокий интерес друг к другу, растет, я бы сказал, взаимное притяжение»³. Советские китаеведы считают своим долгом всемерно содействовать достижению полной нормализации советско-китайских отношений, раскрытию огромных резервов сотрудничества между СССР и Китаем, о которых говорилось на XXVII съезде КПСС.

Изучение истории связей нашей страны с Китаем имеет давнюю традицию. Оно прошло различные стадии, о чем говорилось на предыдущих конференциях китаеведов и о чем имеются глубокие исследования в специальной литературе. Думается, что в настоящее время важно отметить две тенденции. Во-первых, широкое введение в научный оборот документов и материалов позволило реконструировать практически без «белых пятен» значительные периоды истории политических, экономических и культурных связей двух стран. Издание серии сборников документов и материалов «Русско-китайские отношения в XVIII—XIX веках», предпринимаемое Институтом Дальнего Востока АН СССР совместно с Историко-дипломатическим управлением МИД СССР и Главным архивным управлением при Совете Министров СССР, уже позволило создать солидную источниковедческую базу для исследователей в нашей стране и за рубежом. Это издание продолжается, и предметом нашей озабоченности является скорейшее доведение публикаций до рубежа XIX и XX вв.

Сегодня нелишне вспомнить, что выпуск этой серии задумывался в 50-е гг. как совместное советско-китайское издание. Функционировавший тогда в системе АН СССР Институт китаеведения работал по этой проблеме совместно с Третьим институтом истории АН КНР, во главе которого стоял профессор Лю Данянь. Но свертывание научных связей между двумя странами помешало осуществлению этого проекта. Свыше двадцати лет наши ученые издают источники русского, китайского и западного происхождения, аналогичные усилия в последние годы предпринимаются и в Китае. Вероятно, настало время совместных обсуждений принципов и методик такого рода публикаций, обмена информацией. Несомненно одно: такого рода издания должны служить укреплению взаимопонимания и до-

верия между народами двух стран.

В еще большей мере это относится к исследованию истории советско-китайских отношений. Она развивалась под знаком победы Октябрьской революции в нашей стране и победы китайской революции в 1949 г. Сохранение всех видов связей двух великих соседних государств определялось революционным взаимодействием их народов.

Следует отметить, что накопление позитивных сдвигов в отношениях СССР и КНР поставило в повестку дня качественный прорыв в деле улучшения отношений между нашими государствами. Этому будет способствовать советско-китайская встреча на высшем уровне, подготовка к которой перешла в практическую плоскость. Несомненно, что для развития в полном объеме всесторонних связей двух государств нужно в первую очередь смотреть в будущее их отношений, быть устремленными в перспективы XXI века, но это не снимает с научных работников обязанности досконально и объективно разобраться в прошедшем периоде. Мы имеем в виду весь период отношений Советского Союза с Китаем. Нам нужно еще и еще раз возвращаться к ленинскому наследию, связанному с проблемами китайской революции, к ленинским принципам взаимоотношений нашей страны с Китаем.

Наше творческое взаимодействие с китайскими коллегами предполагает полную самостоятельность позиций и творческих методов. Оно должно способствовать творческому обогащению теории социализма, применяемой с учетом конкретных реальностей различных стран, увязываться с решением глобальных проблем, вставших перед человечеством.

Наш интерес к внешнеполитической деятельности Китая как великой социалистической державы продиктован и стремлением расширить сферу взаимодействия между нашими странами не только в сфере двусторонних отношений, но и в решении глобальных проблем. Мы с удовлетворением отмечаем, что по многим аспектам таких кардинальных мировых проблем, как разоружение, необходимость сохранения мира, создание нового международного экономического порядка, ликвидация позорного режима апартеида и остатков колониализма, борьба против гонки вооружений и неравноправия в международных отношениях, полное запрещение ядерного оружия, уважение прав народов на самостоятельный выбор путей развития, позиции Советского Союза и Китая близки или совпадают.

С нашей точки зрения, важным новым направлением исследований в этой области являются поиски совпадающих интересов в развитии регионального экономического сотрудничества в АТР на двусторонней и многосторонней основе. Мы считаем, что исследование роли Китая в мировой политике является чрезвычайно важным научным направлением.

Большой интерес вызывает подход КНР к проблемам соотношения мира и развития. Здесь взгляды Китая и Советского Союза также во многом близки. Мы высоко ценим тот факт, что КНР стремится своим примером показать развивающимся странам преимущества социалистической ориентации, необходимость конкретно-исторического подхода к выбору пути социального развития.

Следует подчеркнуть, что мы переживаем время, когда для развития исследований по международной проблематике складывается благоприятная обстановка. В условиях перестройки возник новый социальный заказ на продукцию общественных наук, и сегодня практическая политика призывает политологию к тесному и разнообразному по форме сотрудничеству, испытывая потребность в широком концептуальном и объективном осмыслении практики международных отношений, тенденций их развития.

Об этом было много и убедительно сказано, в частности, в докладе Э. А. Шеварднадзе на научно-практической конференции МИД СССР в июле 1988 г.

Руководители советской дипломатии обращаются к науке с серией предложений, куда входят: расширение доступа к архивам МИД; установление связей с наукой на договорной основе, на началах делового и творческого партнерства; создание смешанных комиссий из историков и дипломатов и т. д. Будет непростительно, если наши ученые упустят этот шанс.

Следует сказать, что у китаеведческой науки имеются серьезные претензии к различным ведомствам, которые в свое время без должного внимания отнеслись к научным рекомендациям, что нанесло ущерб внешнеэкономическим, культурным и другим связям СССР с КНР. Не встретили соответствующей реакции Госплана СССР и наши тревожные сигналы о явных упущениях в подготовке кадров китаеведов. Мы надеемся, что намеченное на будущий год всесоюзное совещание преподавателей китайского языка позволит сдвинуть эту проблему с мертвой точки.

Особого внимания заслуживает вопрос об организации сотрудничества с зарубежными учеными, в первую очередь китайскими. Это сотрудничество нужно укреплять, ставить на постоянную основу, смело идти на расширение тематики совместных исследований. Подчас в дискуссиях с американскими и японскими учеными мы обсуждаем более острые вопросы, чем с китайскими. Настала пора ликвидировать это отставание.

Китайский язык является основным инструментом нашей науки. Без хорошего владения языком ни один китаевед не может стать настоящим профессионалом. Поэтому исследования китайского языка имеют для нашей комплексной науки особое значение. Именно они закладывают ее самые глубокие основы. В советской науке в китайском языке насчитывается немало славных имен, обеспечивших мировое признание нашему китаеведению.

За истекшие годы исследования в области китайского языка развивались по многим направлениям. Крупным событием не только в китайском языкознании, но также и во всем китаеведении в целом стал выход в свет Большого китайско-русского словаря под редакцией профессора Ошанина И. М., отмеченный Государственной премией СССР.

Говоря об успехах исследований в области китайского языка, следует помнить, что основные труды написаны преимущественно китаеведами, вступившими в науку еще в 50-е гг. Пока именно они являются главной движущей силой этой отрасли китаеведения. Молодые ученые, пришедшие в эту область науки в 70-е и 80-е гг., еще не заработали в полную силу. Их число недостаточно для того, чтобы в начале следующего столетия вести исследования в столь широком диапазоне, в котором они ведутся в настоящее время.

Приток молодых сил в китайское языкознание, как и в китаеведение в целом, слаб. Это вызвано прежде всего просчетами в нашем востоковедном образовании, утилитарным подходом к своей научной специализации среди студентов-китаеведов в годы застоя. Результаты не замедлили сказаться не только в области теоретических исследований, но также в области практических решений. В настоящее время наша наука стоит перед реальной необходимостью расширения китаеведного образования. В ближайшие годы стране потребуются молодые специалисты в количестве, обеспечивающем расширяющиеся объемы сотрудничества Советского Союза и Китая. Нынешняя обстановка уже сегодня требует существенного увеличения выпуска китаеведов всех профилей. Засилье ведомственности оказалось губительным для судеб науки. Госплан не выполнил в этом отно-

шении своей миссии представителя общегосударственных интересов и пошел на поводу ведомства. МГУ тоже не проявил присущей университетской науке широты подхода к этой проблеме. Общая атмосфера застоя, снижение порога идеалов привели к тому, что приток талантливой молодежи в китаеведение сократился. Чтобы исправить эту ситуацию, было бы полезно в дополнение к существующим кафедрам китайского языка в ИСАА при МГУ и МГИМО организовать полномасштабное преподавание китайского языка на филологическом факультете МГУ и, может быть, в МГПИИЯ им. М. Тореза. Эти меры, которые следовало предпринять еще несколько лет назад, помогут выявить талантливую молодежь, интересующуюся Китаем. В будущем наиболее достойных можно будет рекомендовать в аспирантуру.

Нам надо также задуматься над перспективами наших 10 интернатов с преподаванием китайского языка, повисить стимулы для изучения языка в старших классах. Лучшим стимулом для учащихся может стать возможность после окончания школы работать в китаеведении. ВАКИТ не раз выступала с инициативами по этому вопросу, кое-что сделано, но кардинальных изменений пока не произошло. Мы не можем считать нормальным нынешнее положение вещей, когда лишь единицы из выпускников этих интернатов попадают в китаеведение. Средства, затраченные на их обучение китайскому языку, не должны пропадать. Выпускники этих интернатов заслужили более внимательного, государственного отношения к их судьбе.

Наконец, следует подумать и о преподавании китайского языка для тех, кому по роду работы или по специальным интересам требуются знания китайского языка. В связи с общим интересом к культуре Востока число людей, желавших получить хотя бы начальные сведения по китайскому языку, уже сейчас довольно велико и, видимо, будет расти. Было бы полезно организовать курсы китайского языка на кооперативных началах. Это помогло бы нам в создании если не массовой базы, то по крайней мере актива китаеведов-любителей, нужных любому профессиональному объединению.

В ходе перестройки Академии наук СССР исследования будут вестись в основном по научным программам. В силу комплексного характера синологической науки целые группы ученых будут задействованы в выполнении общеакадемических программ, связанных с изучением мировой экономики, закономерностей исторического процесса, проблем мира и разоружения, экологии, закономерностей развития современной культуры, роли этноса и т. д. С целью углубления кооперации советских синологов, работающих на разных направлениях нашей науки в различных исследовательских, практических организациях, и повышения эффективности использования потенциала китаеведов в СССР Институтом Дальнего Востока разработана и Секцией общественных наук и Отделением экономики АН СССР одобрена комплексная программа «Китай и социализм: история, современность, перспективы». Мы получили письма из почти 30 научных и практических организаций Академии наук СССР, академий наук союзных республик, ИМЛ при ЦК КПСС, в которых выражена поддержка этой программы и готовность сотрудничать ради ее осуществления. Программа рассчитана на длительный период времени.

Ее целью является системное исследование всего комплекса проблем, связанных со строительством социализма в Китае, внутренней и внешней политикой КНР, анализом исторических предпосылок современного этапа социально-экономического развития КНР, и обобщение теории и практики

построения социализма в этой стране.

Программа предусматривает исследование Китая в широком мировом контексте, вовлечение всех центров советского китаеведения в теоретическое осмысление проблем социализма и мира и тем самым углубленное понимание различных аспектов процесса прошлого, настоящего и будущего развития Китая, повышение теоретико-методологического уровня китаеведческих исследований.

Программа рассчитана на увеличение — путем освоения опыта социалистической модернизации в КНР — реальной отдачи китаеведческой науки, ее вклада в решение проблем внутривосточной и внешнеполитической теории и практики нашей страны, связанной как с двусторонними советско-китайскими отношениями, с миром социализма в целом, так и с проблемами регионального и глобального масштаба.

Первостепенной задачей реализации этой Программы является поиск резервов всестороннего развития советско-китайских отношений и выработка с этой целью научных рекомендаций практическим организациям, а также непосредственное участие ИДВ АН СССР, других китаеведческих центров СССР в развитии научных, культурных и других контактов и сотрудничества с научными учреждениями и общественными организациями КНР.

Программа объединяет в себе шесть взаимосвязанных блоков проблем: история революционного движения и социалистического строительства в современном Китае; социально-экономические процессы в КНР, их содержание, цели и последствия; политические процессы в КНР на современном этапе; идейно-теоретические процессы в КНР; состояние развития культуры, образования, общественных наук; внешнеполитический курс КНР, роль и место Китая в современном и будущем мире; комплекс советско-китайских отношений.

Советское китаеведение сейчас достигло такого этапа в своем развитии, когда оно в состоянии поставить и решить такую важную и крупную задачу, как создание единого банка информации по Китаю. Это явилось бы пионерским начинанием в наших исследованиях по международным вопросам. ИДВ совместно с ИНИОН ведет разработку методологии деятельности этого информационного банка. В настоящее время необходимо решить вопрос о материально-техническом обеспечении, то есть о предоставлении ЭВМ с достаточной памятью. Мы надеемся в этой работе установить также тесное сотрудничество с нашими китайскими коллегами.

Одной из важных гарантий успеха развития советского китаеведения является углубление сотрудничества советских синологов с нашими коллегами-востоковедами, а также учеными, работающими в области философии, экономики, истории и других общественных наук. ВАКИТ будет стремиться устанавливать всесторонние тесные контакты и взаимодействие с Ассоциацией востоковедов, Ассоциацией историков, Философским обществом, Социологической ассоциацией, Ассоциацией экономистов и другими научными обществами и организациями Советского Союза и Китайской Народной Республики.

Выступая во Владивостоке, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев подчеркнул огромное значение Азии в развитии мировой цивилизации, указав, что в будущем ее вклад будет еще более значимым и весомым. «Это впечатляющее многообразие, этот колоссальный человеческий и социально-политический массив требуют пристального внимания, изучения и уважения. По собственному советскому опыту мы хорошо знаем, какой огромной творческой силой становится возрожденное чувство национального достоинства, какую созидательную роль играет самобытность народа

в его органической связи с другими равноправными и свободными народами. Сейчас процесс этот в Азии и в зоне Тихого океана находится на подъеме: тут все в движении, далеко не все отстоялось. Новое перемешивается со старым, устои жизни, еще вчера казавшиеся незыблемыми, отступают перед вихрем перемен — социальных, научно-технических, идейных. Это, если хотите, еще один в мировой истории период Возрождения, который таит в себе огромный потенциал прогресса»¹.

Эти слова М. С. Горбачева в полной мере применимы к Китаю и китайской цивилизации, ибо вклад этой великой страны в новое Возрождение есть и будет огромен. И мы, китаеведы, должны его по достоинству понять и оценить. Согласованная работа в этом направлении всего отряда советских китаеведов в тесном содружестве с востоковедами и специалистами других научных направлений является важной долговременной задачей, на выполнение которой и должны быть направлены наши усилия.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 4, с. 254.

² «Гайгэ», 1988, № 5, с. 5, 6.

³ «Правда», 18.IX.1988.

⁴ М. С. Горбачев. Избранные речи и статьи, т. 4. М., 1987, с. 22—23.

СИС - СОЦИУМ: ИНФОРМАЦИЯ, СТАТИСТИКА

Население Азии

На 1 июля 1988 г. население планеты составляло 5 млрд. 111 млн. человек и, по прогнозам, к 2000 г. возрастет до 6,25 млрд., а к 2025 г. достигнет 8,465 млрд.

По данным ООН численность населения Азии 10 августа 1988 г. в 00 часов 47 минут по Гринвичу достигла 3 млрд. человек. Ожидается, что число жителей этого континента к 2000 г. составит 3,697 млрд. человек и 4,889 млрд. к 2025 г. Это означает, что в течение предстоящих 37 лет население Азии увеличится на 1,889 млрд.— численность нынешнего населения Китая и Индии вместе взятых.

Тенденции роста населения в Китае

Китайские социологи считают, что к концу нынешнего столетия численность населения Китая достигнет, а, возможно, и превысит 1.250 млн. человек, т. е. увеличится примерно на 200 млн. человек по сравнению с 1987 г.

За последние 5 лет рост численности населения Китая замедлился и средний годовой его темп с 1983 по 1987 гг. составил 1,24 %. Это наименьший темп роста населения, наблюдаемый со времени образования КНР в 1949 году.

Чтобы удержать численность населения Китая к 2000 г. в пределах 1,25 млрд. человек, нужно добиться, чтобы темп роста населения не превышал 1,14 %.

По прогнозам, к 2000 г. число китайцев старше 65 лет достигнет 7,2 % от общего населения страны.

*А. А. МУРАДЯН,
доктор исторических наук*

«...наша политика в Азии, как и повсюду, основывается на принципах свободы выбора и мирного сосуществования»

(М. С. Горбачев, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Из выступления в Красноярске)

«Глубоко озабоченный собственным развитием, Китай рассчитывает на дружеское сотрудничество со всеми странами мира на основе пяти принципов мирного сосуществования»

(Ли Пэн, премьер Госсовета КНР. Из доклада на сессии ВСНП)

Крупные события политической жизни последних месяцев в азиатско-тихоокеанском регионе — речь М. С. Горбачева в Красноярске, его визит в Индию, поездка премьер-министра Индии Р. Ганди в Китай, активная дипломатическая подготовка советско-китайской встречи на высшем уровне — властно привлекли внимание к одному из самых фундаментальных феноменов современной международной жизни — мирному сосуществованию. Нарастает интерес не только к политическому, но и общетеоретическому аспекту этого выдающегося явления мирового развития.

Общеизвестно, что практически все страны Азии, да и всего мира, в той или иной форме в течение уже многих лет высказывают приверженность принципам мирного сосуществования. Зафиксированные в основополагающих международных правовых документах современности, они поистине превратились в универсальную норму международной политики. В последние годы концепция и практика мирного сосуществования оказываются фактором перестройки международных отношений в соответствии с новым политическим мышлением. Становится все более очевидным, что мирное сосуществование — не застывший набор однажды провозглашенных юридических или политических норм. Это постоянно обогащающаяся, развивающаяся идеология и политика с определенным общественным содержанием, со своей историей, настоящим и будущим.

Три с половиной десятилетия назад, в апреле 1954 г., Китайская Народная Республика и Республика Индия подписали соглашение о торговле и связях между Тибетским районом Китая и Индией. Этому на первый взгляд рядовому двустороннему документу, однако, суждено было стать заметной вехой в развитии международных отношений во второй половине XX столетия, а также в формировании современной международно-политической идеологии благодаря его преамбуле. В ней были сформулированы пять принципов мирного сосуществования («панча шила» — на хинди, или

на китайском языке — «усян юаньцзэ») как норм поведения государств на международной арене:

- взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета;
- взаимное ненападение;
- невмешательство во внутренние дела друг друга;
- равенство и взаимная выгода;
- мирное сосуществование.

Нетрудно убедиться, что идея мирного сосуществования служит как бы внутренним стержнем, объединяющим указанные принципы в цельную концепцию. Поэтому в политической литературе и международной практике они получили обобщенное наименование принципов мирного сосуществования. Советский Союз приветствовал провозглашение указанных принципов. Их популярность быстро росла в Азии и во всем мире. К 1956 г., то есть уже через два года после провозглашения, более 30 государств с населением полтора миллиарда человек признали эти принципы в качестве основы взаимоотношений стран с различным общественным строем¹.

В апреле 1955 г. состоялась конференция в Бандунге. В принятой на ней Декларации о содействии всеобщему миру и сотрудничеству концепция мирного сосуществования обогатилась новыми идеями и была развернута в десять принципов. И хотя само словосочетание «мирное сосуществование» среди принципов, выдвинутых в декларации, отсутствовало, вся она была пронизана идеей необходимости укрепления всеобщего мира и сотрудничества между государствами. Не случайно понятие «дух Бандунга» явилось той благоприятной почвой, на которой идейно и политически формировалось движение афро-азиатской солидарности.

В начале 60-х гг. оно переросло в движение неприсоединения, сохранив и в идеологии, и в международной практике приверженность принципам мирного сосуществования. В декларации, принятой I Конференцией глав государств и правительств неприсоединившихся стран (Белград, сентябрь 1961 г.), и других документах среди главных целей движения значились борьба за мир, за мирное сосуществование, за разоружение. Этим целям движение не изменяло никогда, о чем свидетельствуют документы всех восьми его конференций на высшем уровне. Они были вновь подтверждены на встрече министров иностранных дел неприсоединившихся государств в Никосии (Кипр) в сентябре 1988 г.²

В наши дни в Азии и других регионах мира мирное сосуществование как политическая практика, принцип современного международного права, внешнеполитическая идеология приобретает все новых сторонников в подавляющем числе государств, независимо от господствующего в них строя. Принципы мирного сосуществования как общепринятая норма международного общения зафиксированы в таких фундаментальных международно-правовых и политических документах, как Устав ООН, Заключительный акт общеевропейского Совещания в Хельсинки, и ряде других многосторонних и двусторонних соглашений. Среди последних особо выделим советско-индийскую Делийскую декларацию о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира.

На рост международного авторитета мирного сосуществования как влиятельной нормы межгосударственных отношений «работает» и то, что отдельные страны бескомпромиссно и твердо объявляют его в течение многих лет в качестве основы своего внешнеполитического курса, последовательно воспроизводя этот принцип в руководящих партийных и государственных документах. Так, в материалах последнего XIII съезда КПК, в частности в отчетном докладе Чжао Цзыяна, отмечалось, что внешняя политика Китая будет и впредь осуществляться «на основе пяти принципов мирного сосуществования». В одном из выступлений министра иностранных дел КНР Цянь Цичэня в США в мае 1988 г. говорилось, что «пять принципов мирного сосуществования, выдвинутые вскоре после образования нового Китая, выдержали проверку бурной международной обстановкой в последние 30 с лишним лет, обнаружив свою правильность и жизнестойкость»³.

Во время переговоров советского и китайского министров иностранных дел Э. А. Шеварднадзе и Цянь Цичэня, успешно завершившихся в Москве в декабре 1988 г., советская сторона заявила о желании строить отношения со своим великим соседом на основе принципов равенства, взаимного уважения независимости, суверенитета, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, учета интересов, взглядов, опыта и практики друг друга. Это созвучно стремлению наших китайских

партнеров установить с Советским Союзом отношения нового типа, основанные на пяти принципах мирного сосуществования, о чем неоднократно высказывались Дэн Сяопин, Чжао Цзыян, Ли Пэн и другие китайские руководители.

В наше время именно пять принципов мирного сосуществования послужили основой для начала процесса нормализации китайско-индийских отношений. Важной вехой здесь стал визит премьер-министра Индии Р. Ганди в Китай в декабре 1988 г. В ходе переговоров в Пекине индийский руководитель отметил, что, хотя позиции двух сторон различались по ряду вопросов, по поводу того, что «пять принципов мирного сосуществования являются наилучшими принципами в международном развитии», было достигнуто согласие.

Сейчас, на рубеже 80—90-х гг., мирное сосуществование все более явно выступает уже не просто как система международно-правовых норм или практических политических действий, но как особое состояние международных отношений. В новой редакции Программы КПСС оно трактуется как такой международный порядок, при котором господствует не военная сила, а добрососедство и сотрудничество. Такое понимание мирного сосуществования завоевывает все большее число сторонников.

Новое политическое мышление указывает, как никогда ранее, на необходимость демилитаризации международных отношений. М. С. Горбачев, выступая в декабре 1988 г. перед делегатами 43-й сессии ГА ООН в Нью-Йорке, подчеркнул, что никакие проблемы наступающего века не могут быть устранены без решения проблемы разоружения. Поворот от принципа сверхвооруженности к принципу разумной достаточности для обороны призван обеспечить необходимые материальные и интеллектуальные ресурсы для решения вопросов развития, экологии, освоения космоса и ряда других животрепещущих, поистине общечеловеческих задач. В Советско-индийском заявлении на высшем уровне, принятом в ноябре 1988 г., отмечено, что «ресурсы, высвобождающиеся в результате разоружения, должны быть направлены на цели развития».

Теоретические расчеты и уже имеющаяся разоруженческая практика обнадеживают. Так, согласно информации МИД СССР, в 1988 г. переориентировка оборонной промышленности в связи с реализацией Договора по РСМД дала народному хозяйству страны экономию в 300 млн. руб. Нет сомнения, что новые инициативы в области разоружения, включая сокращение вооруженных сил и вооружений в азиатской части СССР, с которыми выступила в одностороннем порядке наша страна, также приведут к экономии материальных ресурсов. В Китае в 1985 г. было принято решение о сокращении численности армии на 1 млн человек, за последние годы удельный вес оборонных ассигнований в расходной части госбюджета КНР понизился. Благоговорно сказываясь на экономическом развитии наших стран, указанные мероприятия отнюдь не уменьшают их оборонные возможности. Это весьма ценный опыт, в том числе и для развивающихся стран, чья экономика испытывает на себе тяжкое бремя военных расходов.

Широкие круги общественности в Азии и во всем мире все в большей степени воспринимают мирное сосуществование как историческую необходимость, социально-политическую закономерность. И на Востоке, и на Западе наглядно убеждаются в том, что мирное сосуществование — это не просто отсутствие войн, а новое качественное состояние международных отношений, по объективным причинам не имеющее аналогов в прошлом.

В документах XXVII съезда КПСС, материалах XIX Всесоюзной партийной конференции отмечено магистральное направление современного мирового развития — углубляющаяся интернационализация всех сфер и процессов общественной жизни. Современный мир, не утрачивая своей противоречивости, становится, под могучим влиянием НТР, все более целостным, все более взаимозависимым. Если к этому добавить кардинальное изменение характера и возможностей современного оружия, не оставляющего ни у одного государства надежды защитить себя только военнотехническими средствами, невиданное доселе обострение экологических и иных глобальных проблем, угрожающих самому выживанию человечества, то становится очевидным качественная новизна и масштабность общественного фундамента, на который опирается мирное сосуществование, как одна из важнейших «несущих конструкций» современной международно-политической надстройки.

Между тем в современной западной идеологии и пропаганде консервативного

толка осуществляются нападки именно на закономерный, объективный характер мирного сосуществования. Определенные круги западных идеологов стремятся толковать мирное сосуществование как сугубо субъективное, конъюнктурное, чисто дипломатическое явление. Здесь проходит важная разграничительная линия в идеологической борьбе.

Поэтому важно разобраться в вопросах генезиса этого явления, а также выяснить своеобразие мирного сосуществования по сравнению с многочисленными, но в конечном счете бесплодными попытками установления стабильных, долгосрочных мирных отношений между государствами в прошлом.

Происхождение и содержание концепции мирного сосуществования

«Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем»

(Екклесиаст, 1, 9—10)

«Хотя ранняя версия принципа мирного сосуществования государств с различными идеологическими системами была фактически провозглашена в результате Вестфальского урегулирования 1648 года, о его смысле продолжают спорить до сегодняшнего дня»

(Майкл Бэнкс, современный английский политолог)⁴

Нанося главный удар по идее необходимого, а не случайного характера мирного сосуществования, консервативная идеология стремится обосновать два тезиса. Первый: ничего качественно нового в современной политике мирного сосуществования нет по сравнению с тем, что истории международных отношений известно уже в течение нескольких столетий — по крайней мере со времен Вестфальского мира. Второй: в основе политики мирного сосуществования лежат идеологические факторы, ее цель, как и всякой политики в прошлом, — достижение определенных дипломатических выгод в традиционной «силовой игре».

Спору нет, у идеи мирного сосуществования есть своя история. Известно, что принципы «панча шила» возникли не на пустом месте. Мысль о возможности и необходимости мирных взаимоотношений между страной, в которой побеждает социалистическая революция, и капиталистическим миром была сформулирована В. И. Лениным еще до победы Октября в России. В. И. Ленин выдвинул и теоретически обосновал положение о неизбежности длительного мирного сосуществования государств с различными общественными системами. Это была концепция стратегического курса внешней политики социалистического государства, а отнюдь не тактический, краткосрочный дипломатический маневр. Ленинские идеи легли в основу самых первых внешнеполитических документов Советского государства (Обращение II Всероссийского съезда Советов «Рабочим, солдатам и крестьянам», Декрет о мире, Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа), проникнутых стремлением к демократизации международных отношений, установлению демократического мира, категорическим отрицанием агрессивных войн, как величайшего преступления перед человечеством.

Идея мирного сосуществования народов была заложена в Декларацию об образовании Союза ССР, которая затем составила первый раздел Основного закона (Конституции) СССР 1924 г. Эти страницы истории формирования социалистической внешнеполитической идеологии, принципов внешней политики Советского государства получили освещение в нашей литературе⁵. Принцип мирного сосуществования зафиксирован как основа взаимоотношений во многих двусторонних договорах и соглашениях. Так, в советско-американском документе «Основы взаимоотношений» между СССР и США (май 1972 г.) отмечено, что в ядерный век не существует иной

основы для поддержания отношений между ними, кроме мирного сосуществования.

Стало быть, идея мирного сосуществования принадлежащих к различным социальным системам государств, как важнейшая часть социалистической внешнеполитической концепции, возникает одновременно с рождением самого социалистического государства. Однако, признавая этот факт, критики мирного сосуществования утверждают, что оно было вынужденным дипломатическим ходом, имевшим единственной целью ослабить внешний нажим на молодое Советское государство. Профессор Гарвардского университета Адам Улам в этой связи подчеркивает временный характер указанной концепции, поскольку она якобы совершенно не вписывалась в общую систему марксистско-ленинской идеологии, которую отличает «агрессивная» направленность⁷. Профессор Лондонского университета Леонард Шапиро усматривает внутреннюю «противоречивость» ленинской идеи мирного сосуществования в том, что в ней якобы, с одной стороны, отразилась ориентация советской внешней политики на «силовое» решение международных проблем, а с другой — ограниченность «силовых» возможностей Советского государства. Весьма часто западные теоретики, придерживающиеся точки зрения о «противоречивости», а потому и нежизнеспособности концепции мирного сосуществования, обнаруживают ее в принципиальной несовместимости последнего с пролетарским интернационализмом⁷.

Логика рассматриваемого подхода подводит его западных сторонников к выводу о том, что социалистической политике надо отказаться от принципа пролетарского интернационализма, осуществить «внутреннюю либерализацию» общественного строя, и только в этом случае «созреет возможность перехода к подлинно мирному сосуществованию»⁸.

Это мнение было высказано профессором Колумбийского университета Амитаи Этциони еще в 60-е гг. Однако оно распространено и в современной общественно-политической литературе США и Западной Европы, в той или иной мере его придерживаются многие государственные деятели и дипломаты на Западе⁹. Так, выступая в Калифорнийском университете летом 1988 г., специальный помощник госсекретаря США Эдвард Рауни высказался даже против употребления термина «мирное сосуществование» по той причине, что «Советский Союз по-прежнему в первую очередь и прежде всего коммунистическое государство»¹⁰.

В сущности, сказанное Э. Рауни можно рассматривать как попытку теоретического обоснования отказа делегации США на июньской 1988 г. встрече в верхах в Москве включить в советско-американское заявление термин «мирное сосуществование», несмотря на то что он уже был зафиксирован в таком крупном документе, как «Основы взаимоотношений» между СССР и США, подписанном в 1972 г. Стало быть, этот принцип в начале 70-х гг. получил международно-правовое признание со стороны США. Отказ американской дипломатии воспроизвести его в документах конца 80-х гг. имеет цель указать на «тканевую несовместимость» идей «пролетарского интернационализма» и «мирного сосуществования». Известный американский ученый и публицист Артур Кокс полагает, что именно указанное противоречие советской внешнеполитической идеологии «лежит в самой основе разрыва американско-советских отношений» в конце 70-х гг. и послужило «главной причиной краха» выше упоминавшихся «Основ взаимоотношений» между двумя государствами¹¹.

Вопрос о мнимой «экспансионистской», «агрессивной» сущности пролетарского интернационализма и в силу этого его якобы принципиальной несовместимости с мирным сосуществованием очень важен с теоретической точки зрения. В сущности, это одна из граней более крупной проблемы — соотношения классового и общечеловеческого начала в современной социалистической идеологии и внешнеполитической практике. Этому вопросу специально посвящен следующий раздел, а здесь хотелось бы указать на то, что курс на мирное сосуществование и конструктивное сотрудничество есть итог не просто неких политических решений, определяемых конъюнктурным «раскладом сил» на международной арене, а выражение человеческой сущности общественных отношений социализма. Тенденцию к гуманизации сферы международной жизни классики марксизма обосновывали гуманистической природой социалистического общественного строя, международным принципом которого будет мир¹².

Принципиально важно в этой связи подчеркнуть, что курс социалистической внеш-

ней политики на мир на базе мирного сосуществования отличается от всей предшествующей многовековой борьбы государств с военной опасностью очень существенной особенностью, а именно ориентацией на фундаментальное исключение военно-силовых методов и процедур обеспечения мирных отношений между государствами. И Вестфальский мир, и все последующие мирные договоры оказывались кратковременными передышками между войнами потому, что, с одной стороны, сами они объективно оказывались не чем иным, как итоговой «юридической записью» соответствующего «соотношения сил» на международной арене. С другой же стороны, мирное сосуществование, которое указанные договоры обеспечивали участвующим в нем государствам, превращалось, по существу, в относительно кратковременный период подготовки к новому раунду военной борьбы за утверждение новой «конфигурации сил» на международной сцене.

Никогда в прошлом, ни в годы, когда создавалась книга Экклезиаста, ни в последующие столетия, не было, да и не могло быть социальных условий для продления кратковременных периодов мирных отношений между государствами путем исключения военно-силовых методов международной политики, ориентации на разоружение. Только появление первого социалистического государства, а затем становление альтернативного капитализму мощного международного образования социалистических стран объективно позволило по-новому поставить вопрос о мирном сосуществовании уже не как о временной «передышке», а как о долговременном стратегическом курсе всего мирового сообщества государств. Рост взаимозависимости государств и регионов, обострение глобальных проблем, все большее осознание масштабов надвигающейся ядерной катастрофы — все это придало мирному сосуществованию характер формационного социального закона, категорического императива современного мирового развития. Идеологические и политические формы его проявления многообразны: это и ленинские принципы мирного сосуществования, лежащие в основе советской внешней политики, и конкретная внешнеполитическая практика Советского государства в условиях перестройки, и принципы «панча шила» и Бандунга, и нормы современного международного права, и различные варианты идеологии мирного сосуществования, распространенные в развивающемся мире, и др.

Естественное многообразие форм проявления общесоциологической закономерности мирного сосуществования не должно затемнять ее объективного глубинного общественного содержания — выражения общечеловеческих интересов в сфере международной политики. В свете исторического опыта всего человечества нельзя принять общий тезис Ветхого завета о том, что «нет ничего нового под солнцем», и конкретную трактовку западными идеологами мирного сосуществования как заурядной традиционной «силовой» политики.

Классовое и общечеловеческое в мирном сосуществовании

«Сосуществование социалистического и капиталистического строя является проявлением классовой борьбы пролетариата с буржуазией в международном масштабе»

(Лю Лютан, китайский публицист)¹³

«В наше время тезис о классовой борьбе на международной арене означает на деле признание того, что капиталистическая и социалистическая системы сосуществовать не могут...»

(Э. А. Поздняков, советский ученый-международник)¹⁴

Вопрос о том, являются ли международные отношения сферой классовой борьбы или это та область общественной жизни, где законы такой борьбы перестают действовать, и как в этой связи соотносится классовое и общечеловеческое в между-

народной политике, имеет фундаментальное теоретическое и практическое значение. И не случайно отношение к указанной проблеме превратилось в существенный водораздел в дискуссии и в советской, и в зарубежной общественной науке и идеологии. Содержательные статьи Лю Лютана и Э. А. Позднякова (они были опубликованы летом 1987 и весной 1988 г.) показательны именно в этом отношении. Анализ выдвинутой в них аргументации будет способствовать дальнейшей конструктивной научной дискуссии.

Логика позиции Э. А. Позднякова сводится к следующему: в тезисе о классовой борьбе на международной арене (с которым он решительно полемизирует) как бы имманентно заложена идея допустимости «экспорта» революции, как и «экспорта» контрреволюции; указанный тезис создает опасную иллюзию, будто противоречие между социализмом и капитализмом можно преодолеть внешнеполитическими средствами, включая войну, а это равносильно присоединению к тезису о неизбежности войны¹⁵.

Спору нет, если под противоборством двух социальных систем понимать всестороннее соперничество, исход которого может быть решен только военной силой, то указанная постановка проблемы была бы обоснованной. Дело, однако, в том, что и в прошлом, и в настоящее время классовая борьба отличается чрезвычайным разнообразием форм, приемов и методов (экономических, политических, идейно-теоретических и др.). Вооруженные формы борьбы всегда были крайностью. Специфика же современного этапа мирового развития как раз и состоит в том, что в процессе противоборства двух общественных систем применение вооруженных форм разрешения их противоречий становится политически бессмысленным, но зато исключительно остро потребность во взаимном всестороннем сотрудничестве, тесном взаимодействии. Таков фундаментальный факт формирования современной международной обстановки. Ее мирный период будет проходить, подчеркнул М. С. Горбачев в выступлении в ООН в декабре 1988 г., «в условиях существования и соперничества разных социально-экономических и политических систем». Смысл нового подхода к международной политике в том и состоит, чтобы «придать этому соперничеству качество разумного соревнования» в условиях уважения свободы выбора и баланса интересов.

Стало быть, содержание нового политического мышления сводится не к тому, чтобы «отменить» соперничество общественных систем, а к тому, чтобы придать ему разумные, ненасильственные формы, указать на перспективные направления и сферы взаимовыгодного конструктивного сотрудничества. Причем важно иметь в виду, что человечество вступило в эпоху, когда в основе прогресса будет лежать общечеловеческий интерес. Осознание этого требует, отметил в упомянутом выступлении в ООН М. С. Горбачев, чтобы и мировая политика «определялась приоритетом общечеловеческих ценностей». Мне представляется, что этот тезис, кстати сказать разделяемый обоими авторами, мог бы послужить основой для сближения рассматриваемых позиций, сложившихся в ходе дискуссии.

Китайский автор со своей стороны не отрицает, что социализм и капитализм не только «противостоят друг другу», но одновременно «дополняют друг друга». Он подчеркивает, что «использование сравнительно развитых производительных сил капитализма в целях социалистического строительства является не только необходимым, но и осуществимым». Вместе с тем Лю Лютан как бы предостерегает от возможных иллюзий и эйфории, основанных на размывании представления о взаимодействии двух общественных систем как органическом синтезе не только единства, но и борьбы противоположностей, так как из него незаметно исчезает тезис об их борьбе. Речь, разумеется, идет о невоенных формах соперничества. Ссылаясь на опыт своей страны, он подчеркивает актуальность задачи значительного развития производительных сил социалистического общества, без чего не смогут в полной мере проявиться преимущества социалистической системы, укрепиться ее позиции «в конкуренции с развитым капитализмом». «С этой точки зрения, — приходит к выводу Лю Лютан, — вопрос о том, кто кого победит, по-прежнему со всей серьезностью стоит перед нами»¹⁶. Стало быть, соперничество государств, принадлежащих к различным социальным системам, не утрачивает классового характера и в тех случаях, когда оно осуществляется в неконфронтационных, невоенных формах.

Действуя в русле мирного сосуществования, соперничающие государства не разрушают, а созидают общемировые, в том числе и социалистические, производи-

тельные силы. Социальные системы доказывают свои преимущества в сфере экономики, технологии, организации производства, благосостояния людей, демократического самоуправления. Но наивно полагать, что соревнование в указанных областях будет происходить гладко, без напряжения всех сил, без борьбы. Практика уже показала, что наши миротворческие внешнеполитические инициативы в АТР наталкиваются на слабость здесь наших экономических позиций. Вовлеченность советской экономики в международное разделение труда, в интеграционные процессы в АТР очень и очень невелика. На страны региона приходится лишь 8 % советского внешнеторгового товарооборота, соответствующий показатель для других азиатско-тихоокеанских государств (Япония, США, страны АСЕАН и др.) — от 50 до 80 %. Это положение надо поправлять. Предстоит борьба не только с собственными бесхозяйственностью и бюрократизмом, но придется преодолевать и сопротивление тех сил в странах капитала, которые хотели бы отсечь Советский Союз от интеграционных процессов в АТР, изолировать его от магистральных тенденций в мировой экономике. Оружием в такой борьбе, это уже всем ясно, служат не ракеты и танки, а наукоемкое современное производство, новейший технологии, совместные крупные предприятия, международная инвестиционная деятельность. Эти процессы в нашей стране нарастают. Крепнут новые формы экономического сотрудничества с капиталистическими и развивающимися государствами. На территории СССР уже образовано около 100 совместных с фирмами указанных государств предприятий. Появляются различные консорциумы, ассоциации делового сотрудничества.

В нашем дальневосточном регионе такого рода деятельность лишь начинает развиваться. Однако в обозримой перспективе предполагается создание десятков совместных предприятий с американскими, японскими, австралийскими, китайскими, корейскими и другими зарубежными фирмами, образование специальных зон совместного предпринимательства. Так, в результате советско-японских переговоров 1988—1989 гг. появились дополнительные импульсы для развития экономического, торгового и научно-технического сотрудничества между СССР и Японией. Советская сторона предложила японским партнерам подготовить солидное, фундаментальное соглашение о принципах экономического сотрудничества между двумя странами, заключить соглашение о взаимной защите капиталовложений. Пока это еще только наброски. Однако общее направление и масштабы новых форм экономического сотрудничества с зарубежными партнерами просматриваются достаточно четко. Следует ожидать, что параллельно с новыми формами взаимодействия неизбежно возникнут и новые противоречия, и ранее нам незнакомые формы соперничества и конкуренции. К этому надо относиться спокойно, как к явлению в принципе позитивному, без драматизации и без особых иллюзий.

Здесь уместно отметить, что в китайской литературе политическая роль тотальной экономической конкуренции на мировой арене подчас гипертрофируется. Так, отдельные китайские авторы объявляют причиной разрядки в мире в целом и в советско-американских отношениях в частности обострение экономического соперничества между общественными системами и внутри систем. Утверждают, например, что, столкнувшись с грозным японским и западноевропейским «вызовом» в области производства и новейшей технологии, «Соединенные Штаты, естественно, приветствуют советское мирное наступление. Поступая так, Соединенные Штаты смогут улучшить свои отношения с Советским Союзом и сконцентрировать силы на соперничестве с Японией»¹⁷. Все же думается, что под закономерными процессами мирного сосуществования и разрядки находится более солидное основание, а не только конъюнктурное состояние экономического соперничества империалистических центров.

Не предвещая окончательного итога научной полемики по рассматриваемой проблеме, хочу солидаризироваться с позицией китайского коллеги в том смысле, что в целом в ней реалистично отражена мера борьбы и сотрудничества государств различных социальных систем, взвешенно представлена взаимосвязь классового и общечеловеческого. В советской партийной и академической литературе сейчас заново и более глубоко осмысливается изначально заложенная в марксизме идея тесной взаимосвязи классового и общечеловеческого во внешней политике и международных отношениях. Указывая на эту взаимосвязь, советская политическая мысль отдает приоритет общим для всех народов интересам. «В нашем видении мирного сосуществования как универсального принципа межгосударственных отношений, — отметил глава советской делега-

ции Э. А. Шеварднадзе в выступлении на 43-й сессии ГА ООН,— оно не предстает как особая форма классовой борьбы».

Но означает ли сказанное советским министром, что противоборство, соперничество социальных, в том числе и классовых, сил в тех или иных формах не может иметь места на международной арене? Думаю, что нет. В новых условиях меняются формы и сотрудничества, и соперничества. «На смену жесткой поляризации мира, который становится все более многоликим,— пояснил свою мысль советский министр иностранных дел,— должна прийти его консолидация, в условиях которой соперничество двух различных систем будет обретать неконфронтационные формы»¹⁸. Стало быть, никакой «имманентной идеи» допустимости «экспорта» революции или контрреволюции в этом подходе нет, как нет и иллюзии, будто противоречия между социализмом и капитализмом можно преодолеть внешнеполитическими средствами, включая войну. Совсем наоборот, речь идет о преодолении противоречий только в неконфронтационных, невоенных, невооруженных формах соперничества, протекающего в русле широкого, многообразного взаимодействия всех государств мирового сообщества.

Для марксистской общественной мысли всегда была неприемлема идея противопоставления интересов рабочего класса интересам всего человечества. Еще Г. В. Плеханов подчеркивал, что пролетариат, преследуя свои политические цели, не может не «бороться за общие интересы истины, культуры, справедливости и человечности»¹⁹. Для классиков марксизма общечеловеческое никогда не было чем-то противостоящим классовому, чем-то временным или частным. Совсем напротив, мерой исторической прогрессивности класса, по их мнению, являлась его способность решать жизненно важные проблемы человечества. Поэтому классовое (преходящее), согласно взглядам основоположников марксизма,— это не более чем исторически конкретный этап на пути к общечеловеческому (вечному), понимаемому ими как поступательное, хотя и противоречивое, движение человечества по спирали общественного прогресса. Именно в этом контексте выразительно высвечивается глубина ленинского положения о том, что «с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата»²⁰.

Некоторые исследователи полагают, что, поскольку в условиях современности международные отношения становятся все более народными, классовый подход к ним утрачивает всякий смысл. Действительно, на наших глазах набирает силу процесс расширения круга общечеловеческих задач, решаемых внешней политикой. Однако классовая позиция тех или иных общественных сил, формирующих ее, отнюдь не исчезает, не растворяется в чем-то бесклассовом. Такого не происходит именно потому, что классовый характер внешней политики формируется и проявляется в процессе ее отношения к основным проблемам каждой исторической эпохи. Сейчас такими проблемами являются: демилитаризация и гуманизация международных отношений; обеспечение безопасности государств во все большей мере средствами политического взаимодействия, а не соотношением военных потенциалов; использование растущего научно-технического потенциала на пользу всего человечества. В докладе М. С. Горбачева на XIX Всесоюзной партконференции об этих проблемах говорится как о тенденциях, которые будут определять картину мира на рубеже XX—XXI вв.²¹

Важно, однако, подчеркнуть, что осмысление идеи взаимосвязи классовых и общечеловеческих интересов, вывод о приоритете общечеловеческих ценностей в наш век в документах Всесоюзной партконференции осуществлены с позиций классового подхода к международным отношениям. «Анализируя современный мир,— отметил М. С. Горбачев,— мы четче представили себе, что международные отношения, не теряя своего классового характера, все больше реализуют себя как отношения именно между народами»²².

Может показаться, что в конфликте двух подходов к вопросу о том, является ли мирное сосуществование «формой» классовой борьбы и могут ли международные отношения быть «ареной» классовых столкновений, имеет место малозначительный схоластический «спор о словах». На самом деле идет серьезная дискуссия о понятийном аппарате международно-политической науки, от того или иного исхода которой зависит и направление дальнейших теоретических поисков, и характер практических выводов. В самом деле, представление о мирном сосуществовании только как о форме классового противоборства привело к его зауженному толкованию, недооценке огромного потенциала сотрудничества стран с различным социальным строем, а следовательно, и к

сужению практически-политических миротворческих возможностей этого курса, к искусственному ограничению его роли в мировой и региональной политике. Наши ученые и идеологи, отталкиваясь от упомянутой трактовки мирного сосуществования, пришли к выводу, что оно не может быть принципом взаимоотношений социалистических стран.

Практика внесла существенные коррективы в такой подход. Кстати сказать, нашим китайским коллегам принадлежит приоритет в пересмотре указанной зауженной трактовки, в раскрытии более богатого политического содержания указанных принципов, способных служить нормой отношений и социалистических стран друг с другом. Так, уже в выступлениях Чжоу Эньлая, который наряду с лидерами Индии и Бирмы был самым непосредственным образом причастен к провозглашению пяти принципов мирного сосуществования, встречается неоднозначная их трактовка: и как принципов отношений между государствами с различным общественным строем, и как принципов отношений между всеми странами²³.

Уже в течение ряда лет китайская дипломатия провозглашает указанные принципы в качестве основы для развития отношений с соцстранами, в том числе и с Советским Союзом. Такова официальная позиция китайского руководства. Эта точка зрения доминирует и в китайской академической литературе и публицистике.

В советской общественной мысли сдвиг по указанному вопросу связан с разработкой нового политического мышления. В докладе М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается» среди принципов, на которых строятся взаимоотношения между социалистическими странами, упомянуты и принципы мирного сосуществования. В последнее время стали появляться исследования и в советских академических изданиях, в которых формулируется вывод о том, что «на любых ступенях предвидимого развития принцип мирного сосуществования, общедемократические нормы взаимоотношений останутся фундаментом сотрудничества братских стран, единственно возможным фундаментом, на который опирается здание социалистического интернационализма»²⁴.

Реализм скорректированного подхода к мирному сосуществованию, вытекающий из постулатов нового политического мышления, придал принципам «панча шила» дополнительный жизненный импульс. Они как бы переживают свое второе рождение сегодня, обнаруживают скрытый позитивный потенциал, способствуя расширению и углублению всестороннего взаимодействия государств, росту взаимного доверия между ними. Так, последовательное внедрение этих принципов в советско-китайские отношения придало им новый динамизм в последние годы²⁵.

Значительный прогресс достигнут не только во взаимной торговле, но и в двусторонних экономических отношениях в целом, а также в области технического сотрудничества. Идет подготовка к восстановлению межпартийных связей. В июне 1988 г. были подписаны межправительственные соглашения о совместных предприятиях и об установлении экономических связей между министерствами, объединениями и предприятиями двух стран. Месяц спустя заместитель министра внешних экономических отношений и торговли Китая объявил решение министерства о том, что местные власти не только в пограничных, но и во внутренних районах страны получают право участвовать в бартерной торговле и подписывать контракты со своими советскими партнерами. Затем делегация из Автономного района Внутренней Монголии подписала с советской делегацией из Читинской области протокол о развитии прямой торговли и экономическом сотрудничестве. В июле 1988 г. заключено соглашение о новых правилах по оформлению документов для безвизовых коммерческих (деловых) поездок граждан обоих государств²⁶.

Трудно переоценить влияние советско-китайских отношений на международно-политическую ситуацию в АТР, да и в мире в целом. Признание обеими странами принципов мирного сосуществования в качестве основы для нормализации и дальнейшего развития их всесторонних отношений позволяет обнаруживать точки соприкосновения и сферы более глубокого взаимодействия на азиатской и мировой арене. К их числу относится прежде всего оценка роли «силового» фактора в международной жизни. «Силовая политика, — отметил министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь в выступлении на 43-й сессии ГА ООН 28 сентября 1988 г., — доминировавшая в прежние дни, становится все менее и менее действенной»²⁷. На этой позиции стоит и советская дипломатия. Известная общность характерна для подхода СССР

и КНР к вопросам разоружения, нераспространения ядерного оружия, безъядерных зон, недопущения переноса гонки вооружений в космос, а также и по ряду других международно-политических проблем, затрагивающих будущее не только АТР, но и всего мира.

Не так давно китайский журнал «Ляован», указав на пять принципов мирного сосуществования как основу отношений КНР со всеми странами, дал следующую оценку процесса нормализации советско-китайских отношений: «Время идет вперед; разрядка, консультации и диалог стали его главными признаками. В этом контексте развитие китайско-советских отношений в сторону нормализации есть отражение генеральной тенденции и чаяний людей»²⁸. Это мнение разделяют как советские ученые, так и широкие круги общественности нашей страны.

Родившиеся на азиатской почве принципы «панча шила» занимают достойное место в общей теории мирного сосуществования. Ее основы были заложены В. И. Лениным. Послеапрельское обновление нашей внешней политики привнесло новые моменты и в концепцию мирного сосуществования, способствуя ее превращению в подлинно универсальную норму общения и сотрудничества государств и народов на основе признания приоритета общечеловеческих интересов. Принципы «панча шила» сегодня — это один из краеугольных камней в международно-правовом фундаменте здания общеазиатской безопасности, в строительстве которого жизненно заинтересованы все страны региона.

¹ См.: И. И. Коваленко. Советский Союз в борьбе за мир и коллективную безопасность в Азии. М., 1976, с. 150.

² См.: «Правда», 12.IX.1988.

³ «Beijing Review», 6—12.VI.1988, p. 15.

⁴ Conflict in World Society. Brighton, 1984, p. 6.

⁵ Подробно см.: Конституционные основы внешней политики СССР и международное право. М., 1985, с. 26—30.

⁶ In: Soviet Impact on World Politics. N. Y., 1974, p. 22—44.

⁷ Ibid., p. 9.

⁸ In: А. М. Сох. Russian Roulette. N. Y., 1982, p. 152.

⁹ А. Этциони. Победа без войны. М., 1985, с. 17.

¹⁰ «Правда», 19.VII.1988.

¹¹ In: А. М. Сох. Op. cit., p. 152—153.

¹² См.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 17, с. 5.

¹³ Лю Лютан. Внешнеполитическое окружение нашей страны и линия партии на современном этапе.— «Ляован», 1987, 27 июля, с. 19—21. (Перевод статьи см.: «МЭиМО», 1987, № 12, с. 100—103.)

¹⁴ Э. А. Поздняков. Национальные, государственные и классовые интересы в международных отношениях.— «МЭиМО», 1988, № 5, с. 3—17.

¹⁵ См. там же, с. 13.

¹⁶ Лю Лютан. Указ. соч., с. 103.

¹⁷ «Beijing Review», 3—9.IX.1988, p. 11—12.

¹⁸ «Правда», 28.IX.1988.

¹⁹ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения в пяти томах, Т. 4, М., 1956—1958, с. 477.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 220.

²¹ См.: Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М., 1988, с. 33.

²² Там же, с. 29.

²³ См.: А. А. Волохова. Чжоу Эньлай и дипломатия КНР.— «Проблемы Дальнего Востока», 1988, № 4, с. 122.

²⁴ А. Е. Бовин. Мирное сосуществование и мировая система социализма.— «МЭиМО», 1988, № 7, с. 14.

²⁵ In: «Beijing Review», 1—7.VIII.1988, p. 7.

²⁶ Ibid., p. 8.

²⁷ Ibid., 24—30.X.1988, p. 14.

²⁸ Цит. по: «Beijing Review», 31.X—6.XI.1988, p. 24.

Кампучия: не баланс сил, а баланс интересов

Г. Г. КАДЫМОВ,
доктор исторических наук

Поиски путей к азиатско-тихоокеанской безопасности реалистичнее, очевидно, начинать с ликвидации очагов вооруженного противоборства, «горячих точек», двигаясь к стабилизации положения. Фактором, осложняющим международные отношения в азиатско-тихоокеанском регионе, остается наличие там ряда конфликтных ситуаций. Одна из таких — ситуация вокруг Кампучии. В чем же причины превращения Кампучии в последнее десятилетие в тугой узел международного соперничества, дестабилизирующего обстановку в АТР?

Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к недавней истории, к оценке причин и бесславного итога американского вмешательства в дела Индокитае в 1964—1975 гг. Эпицентр конфликта находился во Вьетнаме. Кампучия была на периферии этого конфликта, там велась война меньшего масштаба, но значение этого государства, расположенного на стыке двух социально-экономических систем и сфер жизненно важных интересов великих держав и стран Юго-Восточной Азии, резко возросло к середине 70-х гг., когда крах американской интервенции стал очевиден. Именно тогда особую актуальность в политических дискуссиях в США приобрел вопрос, какая из внешних сил будет оказывать преобладающее влияние на пути развития этой страны. Кампучия привлекала все большее внимание Вашингтона в силу ее геостратегического значения, наличия выхода к морю, срединного положения между Вьетнамом и Таиландом, а также между Китаем и Юго-Восточной Азией. Если учесть благоприятные природные условия Кампучии, существование там большого массива плодородных земель и гидроресурсов, позволяющих освоить и оросить значительные земельные площади, превратить страну в крупного производителя риса и других сельскохозяйственных культур, то станет ясным ее потенциал мирового производителя риса.

Американская дипломатия в середине 70-х гг. активно вела поиск путей компенсации своего военного поражения в Индокитае за счет политического маневрирования прежде всего на глобальном уровне, в сфере американо-китайских, а также советско-китайских отношений. И надо признать, Вашингтону удалось найти определенную политическую компенсацию за поражение в Индокитае, превратив Кампучию в «яблоко раздора» между своими социалистическими противниками, ранее выступавшими единым фронтом.

Активную деятельность в этом плане развил тогдашний государственный секретарь США Г. Киссинджер. Теперь многое известно о его визитах в Пекин. Во время седьмой поездки в китайскую столицу в ноябре 1974 г. Г. Киссинджер затронул проблему «возможного возвращения Н. Сянука в Камбоджу»¹. Если учесть, что в Пномпене в это время правил проамериканский режим Лон Нола, то закулисные интриги США с выдвижением находящегося в КНР Н. Сянука в качестве «общенационального лидера» означали поворот в американской политике.

На первых порах политические комбинации американской дипломатии были вроде бы успешными. Так, в марте 1975 г. Н. Сянук по совету Чжоу Эньлая обратился с посланием к президенту США Дж. Форду с малозначительной личной

просьбой: вернуть из Пномпеня его фильмотеку. В ответ американский президент дал указание миссии связи в Китае вступить в контакт с Н. Сиануком. Во французском посольстве в Пекине начались интенсивные переговоры представителей США с Н. Сиануком на предмет замены лонноловской администрации сиануковской. В итоге была достигнута договоренность, что США убедят Лон Нола покинуть Камбоджу. 7 апреля 1975 г. Вашингтон сообщил, что не будет чинить препятствий возвращению Н. Сианука (который в те годы олицетворял оппозицию проамериканскому режиму) в Камбоджу, но считает неудобным доставлять принца на американском самолете и потому просит Китай оказать в этом «техническое содействие»².

Однако 12 апреля 1975 г. под давлением «левых», которые активно поддерживали Пол Пота и Иенг Сари и отвергали Н. Сианука, китайское руководство изменило свою позицию. «Красные кхмеры» в этот день заняли аэропорт Пномпеня, арестовали Н. Сианука и заключили его под домашний арест, а сами утвердились у власти. Американцы и их ставленники спешно покинули Пномпень. 17 апреля 1975 г. в город вступили отряды Национального единого фронта Камбоджи. Западные исследователи так оценивают драматические события весны 1975 г.: «Американская дипломатия считала возможным, поскольку США сами не могут удержаться в стране, уступить место китайцам, антисоветизм которых отвечал их заботам. Но Китай не сдержал своих обязательств»³.

За этим не совсем удачным эпизодом практической дипломатии США, вынужденной согласиться на водворение у власти в Пномпене лидера «красных кхмеров» Пол Пота, вырисовывалась более широкая стратегическая задача, касающаяся всего азиатско-тихоокеанского региона. Кампучия рассматривалась американской дипломатией в эти годы как приз в более широкой и глубокой операции, касающейся прежде всего изменений в расстановке глобальных сил: США, КНР и СССР.

Г. Киссинджер, исходя из концепции «многополюсного мира» и перехода от биполярности к полицентризму в международных отношениях, стремился к созданию в азиатско-тихоокеанском регионе такой ситуации, которая основывалась бы на соперничестве реальных и потенциальных противников США при сохранении за Вашингтоном предпочтительной позиции на вершине треугольника или многогранника, откуда можно оказывать давление на любую сторону, поддерживая таким образом выгодный для Соединенных Штатов «баланс сил».

В конкретной ситуации, связанной с Индокитаем, такой «баланс сил» создавался на основе поощрения советско-китайского и китайско-вьетнамского соперничества при поддержке Вашингтоном Китая на глобальном уровне против СССР и на субрегиональном — против Вьетнама. Таким образом, за кампучийскими событиями вырисовывался пересмотр Вашингтоном системы отношений в азиатско-тихоокеанском регионе, которые строились на основе поощрения соперничества держав на глобальном и региональном уровнях.

Следствием этой стратегии стала новая поляризация сил. Американская политика создания «баланса сил» породила новую конфронтацию, расстановка соперников изменилась: США и Китай, с одной стороны, СССР и СРВ — с другой, причем Кампучия вновь оказалась в центре противоборства. Таким образом, обеспечение мира и поиск безопасности для стран Юго-Восточной Азии, для великих держав, представленных в АТР, были подвергнуты в конце 70-х гг. серьезному испытанию. По существу, в это время история устроила экзамен концепции «многополюсного мира», основанного на «балансе сил». Экзамен этот дорого обошелся кхмерскому народу, другим народам Индокитая, он заслуживает анализа и соответствующих выводов.

Концепция «многополюсного мира» игнорировала, либо по меньшей мере недооценивала, региональный уровень международных отношений, делая главную ставку на взаимодействие глобальных сил. Эта ее сторона довольно скоро проявилась в Индокитае, когда на субрегиональном уровне возникли резкие противоречия между режимом Пол Пота — Иенг Сари и СРВ. Истоки расхождений между полпотовской Кампучией и Вьетнамом могут служить темой специального исследования, но в данном случае важно подчеркнуть, что Индокитайский полуостров стал местом конфронтации не только глобальных сил, но и непосредственно трех стран: Вьетнама и Лаоса, с одной стороны, и Кампучии, с другой, совместно борющихся за национальное освобождение, имевших длительную общую историю, сложившиеся связи и общие

институты. Во взаимоотношения этих стран вносился элемент соперничества, даже войны.

Если исходить из того, что с завоеванием независимости каждая страна, ее руководство начинают осознавать и реализовывать на практике концепцию национального интереса, который признается за всеми государствами, то обнаруживается, что национальный интерес одной, даже малой страны, не может быть принесен в жертву великим державам во имя чуждых для данного государства соображений и выгод, ущемляющих ее безопасность. Ответная реакция на решения, игнорирующие волю малых стран и народов, однозначна: изменить ситуацию таким образом, чтобы она отвечала прежде всего национальному интересу.

Безопасности и национальным интересам объединенного Вьетнама не могла отвечать враждебная Кампучия, претендующая на вьетнамские территории, являющаяся базой подрывной деятельности внешних сил против СРВ, фактором постоянно-военно-политического давления на нее.

В Вашингтоне утверждают, что сандинистская революция в Никарагуа «угрожает жизненно важным интересам» США (хотя трудно себе представить, как эта «угроза» может проявиться на практике), но не допускают мысли, что антигуманный режим Пол Пота — Иенг Сари и его политика, представлявшая реальную угрозу не только Вьетнаму, но и собственному народу, неизбежно должны были вызвать противодействие изнутри и извне.

Наконец, существует третий, и немаловажный аспект кампучийской проблемы — национальный, заключающийся в том, что в стране еще со времен борьбы за независимость сложились политические силы, выступавшие с собственными программами. Революционные силы кхмерского народа, представители которых входили еще в 30-х гг. в Компартию Индокитая, в 50-х гг. образовали фронт Кхмер — Иссарак, внутри которого действовала Народно-революционная партия Кампучии (НРПК). НРПК находилась в гуще революционной борьбы против французских колонизаторов, американских империалистов, ее деятельность способствовала свержению в апреле 1975 г. марионеточного режима Лон Нола, торжеству дела национального освобождения.

Но власть в НРПК, а затем и в стране узурпировала группировка Пол Пота — Иенг Сари, которая, преследуя свои амбициозные цели, скатилась на позиции шовинизма. Репрессии Пол Пота не могли не привести к расколу политических сил Кампучии. Правление полпотовцев встретило сильнейшую оппозицию со стороны интернационалистской фракции НРПК.

Кризис режима назревал и углублялся. В декабре 1978 г. истерзанный народ Кампучии поднялся против своих тиранов. Вьетнам оказал кхмерскому народу необходимую помощь и поддержку. 7 января 1979 г. власть перешла в руки интернационалистского крыла Народно-революционной партии Кампучии, провозгласившей создание Народной Республики Кампучии. Против НРК выступила неоднородная, внутренне противоречивая коалиция, включавшая «красных кхмеров» во главе с Пол Потом, «свободных кхмеров» Сон Санна и приверженцев Снанука.

Образование НРК и ее десятилетнее существование свидетельствуют как о наличии предпосылок для разрешения внутреннего кризиса, так и о том, что предшествовавшая ей система региональных отношений, основанная на разжигании вьетнамо-кхмерской конфронтации, не обеспечивала стабильного мира в регионе. Полпотовская Кампучия потерпела крах не только как государство террора, но и как нежизненная в плане региональной безопасности структура. Правда, создатели этой структуры попытались сохранить свое детище, организовав в феврале 1979 г. военно-политическое давление на Вьетнам. Но силовые методы не дали ожидаемых результатов, поскольку привели в действие ответный механизм, но уже на глобальном уровне.

Вместе с тем сложившаяся в Кампучии ситуация свидетельствует и о том, что достижение соглашения на уровне великих держав, то есть глобальный уровень урегулирования, не может привести к полному решению проблемы, оно способно лишь понизить степень конфронтации, вывести из нее некоторых участников, переменить акценты в борьбе, в том числе вооруженной, до тех пор пока ей не будет найдена политическая альтернатива. В то же время нельзя игнорировать значимости усилий великих держав в поисках путей разблокирования конфликтной ситуации. В этом плане консультации, которые ведутся между СССР, КНР и США по вопросам урегулирова-

ния конфликта вокруг Кампучии, безусловно, полезны и оказывают позитивное воздействие на всю обстановку в азиатско-тихоокеанском регионе.

В ходе визита министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе в феврале 1989 г. в Китай обстоятельно обсуждалась кампучийская ситуация. Советский Союз и КНР выступили со специальным заявлением, в котором отметили совпадение взглядов по международным (внешним) аспектам урегулирования кампучийской проблемы, вплоть до обеспечения международных гарантий в отношении статуса Кампучии «как независимого, мирного, нейтрального и неприсоединившегося государства»⁴. Одновременно были отмечены расхождения в позициях СССР и КНР относительно внутриполитического урегулирования.

Становится очевидным, что великие державы в данной конфликтной ситуации, как и во многих других, могут эффективно взаимодействовать в разрешении ее глобального уровня, относящегося к их интересам. Попытки решения исключительно на глобальном уровне (как свидетельствует опыт 1975 г.) всех аспектов конфликтной ситуации не могут быть эффективными, так как в таком случае не достигается всеобъемлющего баланса интересов между заинтересованными сторонами, в частности региональными государствами и группировками и внутривнутриполитическими силами. Только учет интересов всех сторон открывает путь к всеобъемлющему политическому урегулированию как внешних, так и внутренних аспектов конфликтной ситуации.

Разумеется, взаимодействие не только «по горизонтали», но и «по вертикали» между великими и региональными государствами, в частности между КНР и СРВ, положительно влияет на урегулирование кампучийской ситуации, оздоровление всей международной обстановки в АТР. Возникает задача выявления приоритетного уровня решения регионального конфликта. Складывается впечатление, что центр переговорного процесса здесь перемещается с глобального на региональный уровень, при ограничении воздействия великих держав на процесс и его результаты.

Итак, наряду с глобальным существует и региональный уровень решения кампучийской конфликтной ситуации, который заключается в достижении соглашения между странами Юго-Восточной Азии, точнее между двумя группами государств: АСЕАН и тремя странами Индокитая.

Переговоры по урегулированию преимущественно региональных аспектов кампучийской проблемы ведутся в Индонезии, в которых участвуют страны АСЕАН, государства Индокитая (Вьетнам, Лаос, НРК), а также представители Н. Сианука, Сон Санна и «красных кхмеров»⁴.

Таким образом, кампучийская проблема приобретает вид некоей пирамиды, состоящей из трех блоков, или уровней, на каждом из которых идет своя работа, решаются отдельные комплексы проблем. При контактах между СССР, КНР и США преимущественно рассматривается внешний, международный аспект проблемы, который заключается в поисках достижения соглашения между этими державами о невмешательстве во внутренние и региональные дела, о создании благоприятных международных условий для того, чтобы кхмерский народ и другие народы Индокитайского полуострова могли иметь свободу выбора, социального и политического.

Иными словами, в позициях СССР, КНР и США по проблемам урегулирования регионального конфликта, связанного с Кампучией, наметились точки соприкосновения, заключающиеся в признании внутреннего и международного аспектов проблемы, в недопущении прямого либо косвенного столкновения великих держав в данном конфликте, в оказании помощи непосредственным участникам конфликта в поиске политических решений, содействии утверждению их независимости, свободы социально-политического выбора и национальной безопасности. На необходимость такого подхода великих держав к решению конфликтных ситуаций в мире указал в своем выступлении на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН М. С. Горбачев.

В определенном смысле сегодня формулируются нормы поведения внешних сил в конфликтных ситуациях, в данном случае кампучийской, и выдвигаются гарантии, пока на двусторонней основе, возможных соглашений, которые могут быть достигнуты на региональном и национальном уровнях.

Если рассматривать кампучийскую проблему с позиций азиатско-тихоокеанской безопасности, ее гарантий на глобальном уровне, то весьма своевременным является выдвинутое М. С. Горбачевым предложение о создании «переговорного механизма» СССР, КНР и США в рамках Совета Безопасности ООН как его постоянных членов⁶. В данном случае очень важно сделать переход от двусторонних переговоров и консультаций, вызывающих некоторые опасения и подозрения у третьей стороны, к трехсторонним консультациям по проблемам азиатско-тихоокеанской безопасности, открывающим путь к взаимному доверию и сотрудничеству в интересах всеобщего мира.

Двигаясь в этом направлении, можно сделать решительный шаг к созданию системы безопасности, основанной не на «балансе сил», взаимном соперничестве и конфронтации, а на «балансе интересов» всех держав в АТР. Как показал пример Кампучии, попытки какой-либо державы или двух держав создать собственную исключительную сферу интересов за счет игнорирования интересов третьих стран ведут только к новому витку конфронтации на иной основе, с другой расстановкой сил. Повторение циклов, новых витков спирали широкого противоборства только усугубляет ситуацию, ведет к новым конфликтам. Преодолеть такую инерцию развития можно лишь на базе признания и учета именно тех интересов (экономических, политических, военно-стратегических, гуманитарных и т. д.), которые являются действительно жизненно важными как для великого, так и для малого государства, объединения стран в регионе.

Разумеется, интересы всех держав в АТР могут не только сочетаться, но и сталкиваться. Однако тот же опыт Кампучии свидетельствует, что можно найти компромисс, согласиться на признание реальных, обоснованных интересов сторон в рамках приемлемых для международного сообщества договоренностей и норм взаимоотношений.

Не менее важным является региональный аспект кампучийского урегулирования, достижение соглашения между государствами — членами АСЕАН и тремя странами Индокитая по проблемам мира и безопасности в Юго-Восточной Азии. Позиции двух групп государств по кампучийской проблеме различаются главным образом отношением к НРК. Государства — члены АСЕАН не признают НРК в качестве единственного, полноправного представителя кхмерского народа; самое большее, на что они соглашались ранее, — это включение представителей НРК на возможных переговорах в состав вьетнамской делегации, а правительство Хенг Самрина рассматривали как одну из фракций политических группировок, действующих в Кампучии.

Поистине прорывом в позиции государств — членов АСЕАН по кампучийской проблеме стала состоявшаяся 25—28 июля 1988 г. в Богоре (Индонезия) неформальная встреча (ей предшествовали вьетنامо-индонезийские переговоры) между Председателем Совета Министров НРК Хун Сенем и лидерами трех оппозиционных кхмерских группировок. На втором этапе встречи в ней приняли участие представители Вьетнама, Лаоса и стран АСЕАН. Кхмерские участники обменялись мнениями с принцем Н. Сиа누ком, находившимся в то время в Джакарте. Иными словами, состоялось региональное совещание по проблеме урегулирования конфликтной ситуации вокруг Кампучии с участием региональных и внутренних сил.

Круг обсуждаемых проблем оказался значительно шире, чем предполагалось. Затрагивались проблемы не только урегулирования ситуации вокруг Кампучии, но и создания системы мира и безопасности в Юго-Восточной Азии. Делегация ЛНДР внесла на рассмотрение участников переговоров в Богоре предложения из семи пунктов, направленные как на решение кампучийской проблемы, так и на укрепление мира и стабильности в регионе.

Лаос предложил превратить Юго-Восточную Азию в зону мира, свободы, нейтралитета, дружбы и сотрудничества, свободную от ядерного оружия, обратился к странам региона с призывом уважать независимость, суверенитет, территориальную целостность, политические системы друг друга, отказаться от агрессии и вмешательства во внутренние дела, не применять силу или угрозу силой, обеспечить дружественные равноправные отношения и сотрудничество на долговременной основе. Лаосская делегация на встрече заявила о необходимости разрешать конфликты и противоречия мирным путем в соответствии с Уставом ООН, на основе равенства, дружбы, уважения интересов и равной взаимной безопасности, важной предпосылкой укрепления мира и стабильности в ЮВА было бы расширение всестороннего сотрудничества.

Предложения Лаоса учитывали выдвинутую в начале 70-х гг. концепцию стран — членов АСЕАН о создании зоны мира, свободы и нейтралитета в ЮВА, известную как

ЗОПФАН. В ходе дальнейшей борьбы за ее реализацию самими асеановцами была предложена идея создания в ЮВА безъядерной зоны, получившая широкую международную поддержку. Лаосская делегация таким образом связывала решение кампучийской проблемы с обеспечением мира и безопасности в регионе, созданием безъядерной зоны. Министр иностранных дел СРВ Нгуен Ко Тхат, поддержав предложение о превращении ЮВА в зону мира, свободы и нейтралитета, подчеркнул, что реализация этого предложения способна заложить прочную основу для политического урегулирования кампучийской проблемы⁷.

Очевидно, что урегулирование конфликтной ситуации вокруг Кампучии как три страны Индокитая, так и государства — члены АСЕАН рассматривают через призму обеспечения региональной безопасности. Но если Вьетнам считает создание зоны мира и стабильности желательной предпосылкой кампучийского урегулирования, то асеановцы исходят из необходимости первоначально урегулировать кампучийскую проблему, добиться прежде всего вывода вьетнамских войск из этой страны, а затем обсуждать другие общерегиональные вопросы.

Нельзя сказать, что между двумя этими позициями лежит непроходимая пропасть, скорее наоборот, обе проблемы могут обсуждаться параллельно, что и происходит в действительности. Однако государства — члены АСЕАН все более акцентируют внимание на внутривнутриполитическом урегулировании в Кампучии, хотя, казалось бы, эта сторона проблемы остается прерогативой исключительно внутрикампучийских сил, и региональные державы должны бы воздерживаться от навязывания своей воли кхмерскому народу.

В феврале 1989 г. в Джакарте состоялась очередная, вторая неформальная встреча по Кампучии на уровне министров иностранных дел государств — членов АСЕАН, трех стран Индокитая и трех кампучийских эмигрантских группировок. Был достигнут определенный прогресс относительно международного аспекта решения кампучийской проблемы. Стороны на основе консенсуса приняли заявление из 19 пунктов с конкретными договоренностями. Решено к 30 сентября 1989 г. завершить полный вывод вьетнамских войск при одновременном прекращении военной помощи полпотовцам и другим эмигрантским группировкам, предотвратить иностранное вмешательство во внутренние дела НРК при международных гарантиях созываемой конференции с участием всех заинтересованных сторон и шести великих держав: СССР, США, Англии, Франции, Индии и Китая.

Оценивая итоги второй неформальной встречи по Кампучии, министр иностранных дел СРВ Нгуен Ко Тхат, совершивший экспресс-поездку по ряду стран ЮВА, отметил важность налаживания отношений между странами Индокитая и АСЕАН при решении внешнего аспекта кампучийской проблемы, что должно способствовать, по его мнению, созданию зоны мира и сотрудничества в регионе⁸.

Таким образом, вырисовывается новая региональная ситуация, базирующаяся не на конфронтации двух групп государств, а на основе мира и сотрудничества, что отвечает интересам как азиатско-тихоокеанской безопасности в целом, так и отдельных стран, в частности Вьетнама и Таиланда, стремящихся превратить Индокитайский полуостров из зоны вооруженного соперничества в зону экономического сотрудничества.

Все это дает основания предполагать, что «посткампучийский» этап развития международных отношений в регионе принесет много нового, даже неожиданного. Во всяком случае, в результате возрастания региональных сил, объединившихся на совместной платформе, роль и влияние в ЮВА великих держав заметно сократятся.

Наконец, третий уровень урегулирования конфликтной ситуации вокруг Кампучии — национальный. Именно на этом уровне возникла конфликтная ситуация, проявившаяся как противоборство соперничающих сил, только на данном уровне может быть достигнуто ее окончательное решение. Десятилетнее существование НРК свидетельствует о том, что силам оппозиции не удалось вооруженным путем ликвидировать существующий строй в Кампучии. Более того, с каждым годом он крепнет, набирает силу, демонстрируя жизнеспособность и растущую поддержку со стороны населения.

Становится очевидным, что единственным путем достижения мира и стабильности в Кампучии и вокруг нее остается внутривнутриполитическое урегулирование на основе национального примирения. Правительство НРК, руководствуясь доброй волей, в сентябре 1987 г. провозгласило такую политику. Суть ее заключается в стремлении к объединению всех патриотических сил, в готовности НРК встретиться и обсудить пути установ-

ления мира в стране с противостоящими кхмерскими группировками и их лидерами, исключая Пол Пота и наиболее близких его сторонников, запятнавших себя преступлениями против кхмерского народа. Одновременно правительство НРК призвало всех патриотов, находящихся за рубежом, возвратиться на родину и принять участие в строительстве независимой, мирной и неприсоединившейся Кампучии.

Политика национального примирения, выдвинутая НРК, встретила понимание и поддержку международной общественности. В Заявлении МИД СССР было выражено убеждение в том, что реализация выдвинутой программы «создаст благоприятные условия для политического урегулирования кампучийской проблемы с учетом сложившихся на Индокитайском полуострове реальностей и на основе согласия всех национальных патриотических сил»⁹.

Силы, находившиеся в оппозиции к НРК, не могли проигнорировать заявление о национальном примирении, означающее крутой поворот от конфронтации к поискам политического урегулирования внутренних проблем. Одним из первых на него откликнулся принц Н. Сианук, который, спустя всего три месяца после заявления Пномпеня, согласился на встречу во Франции с Председателем Совета Министров НРК Хун Сеном, в ходе которой обсуждалась сама концепция национального примирения. За первой встречей последовали другие беседы Н. Сианука с Хун Сеном по проблемам национального примирения.

Разумеется, позиции сторон были далеки от совпадения, но главное — произошел сдвиг на национальном уровне, поворот от конфронтации к политическому урегулированию, был дан толчок поиску компромисса на основе признания за каждой стороной права внести свою лепту в общенациональное дело.

Наиболее мощной, если иметь в виду военно-политический вес, из противостоящих НРК группировок являются «красные кхмеры», вооруженные силы которых, базирующиеся на тайландско-кампучийской границе, насчитывают 35—40 тыс. человек. В среде «красных кхмеров» произошли некоторые изменения. Так, с политической сцены сошел Пол Пот и его ближайшее окружение, возглавил группировку Кхиеу Самфан. «Красные кхмеры» занимают наиболее жесткую позицию по вопросам национального примирения. В августе 1988 г. Кхиеу Самфан обнародовал программу «красных кхмеров» по национальному примирению, выдавая ее за программу «Демократической Кампучии».

Позиция «красных кхмеров» по проблеме национального примирения по существу исходит не из поиска компромисса, а из безнадежной попытки достижения политическими и дипломатическими методами тех результатов, которых они не сумели добиться вооруженным путем. «Гвоздем» программы национального примирения «красных кхмеров» является предложение одновременно «распустить» НРК и «правительство Демократической Кампучии», создать взамен временное четырехстороннее правительство во главе с Н. Сиануком, а также четырехстороннюю армию, провести общенациональные выборы. После подобного «решения» внутренних проблем предлагается созвать международное совещание всех заинтересованных стран, пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН и генерального секретаря ООН и создать «международный орган» по контролю за выполнением соглашений. Декларируется, что Кампучия будет проводить политику мира и заключит с Вьетнамом договор о ненападении.

Подобную программу нельзя назвать конструктивной, поскольку она предусматривает ликвидацию существующей уже десять лет и успешно функционирующей политико-экономической системы, а не только правительства в Пномпене, в то время как «коалиционное правительство Демократической Кампучии» не представляет социально-политической организации кхмерского народа, в лучшем случае оно может выступать только от лица сил оппозиции, которые окопались на кампучийско-тайландской границе. Апелляция к «международному органу», который обеспечивал бы функционирование проектируемого четырехстороннего правительства, сильно смахивает на попытку иностранными штыками посадить у власти лиц, отвергаемых народом.

Позиция Н. Сианука и «свободных кхмеров» во главе с Сон Санном по проблеме внутривнутриполитического урегулирования более акцентирует внимание на международном аспекте проблемы, хотя исходит из необходимости вывода вьетнамских войск и, так же как у «красных кхмеров», предусматривает «самороспуск» всех четырех политических объединений, включая НРК, и создание взамен в ходе четырехсторонних переговоров четырехстороннего правительства.

Если учесть, что Н. Сианука реально поддерживают 15 тыс. человек, а «свободных

кхмеров» около 10 тыс., то все объединенные силы оппозиции едва могут насчитать 60 тыс. сторонников, причем они разобщены, действительно дошли до грани самороспуска, а их претензии на равное с НРК представительство являются не только чрезмерными, но и лишенными какого-либо основания.

Любопытна реакция в США на проблемы внутриполитического урегулирования в Кампучии. Здесь, видимо, не могли не сказаться стереотипы американского силового подхода к решению проблем на глобальном уровне. Политику национального примирения американские политики видят прежде всего в обеспечении «баланса сил» между внутренними группировками. Если, например, у Н. Сианука войск меньше, чем у «красных кхмеров» или НРК, то, по мнению «Бостон глоб», США, «ответственным за разрушения в Камбодже и свержение Н. Сианука», неплохо бы загладить свою вину... предоставив ему военную технику и оружие, другие средства, чтобы в целях противодействия «красным кхмерам» довести число его вооруженных сил до 30 тыс. человек¹⁰. Итог — вместо замирения и сокращения армий конфликтующих сторон их наращивание. Поистине логика силового противоборства, далекая от нового политического мышления.

Концепция национального примирения исходит не из ликвидации достигнутых на родом социально-экономических и политических завоеваний и возврата к отошедшим в прошлое структурам и институтам, а развития социального и политического процессов на новой основе — национального единства и консолидации. Такая консолидация предусматривает структурную преемственность при вливании, включении конфронтационных сил в общенациональный процесс. Естественно, что уровень влияния сил оппозиции должен быть соразмерен тому месту и роли, которую они играют в социально-политической жизни страны.

Национальное примирение — это не верхушечная перестановка отдельных лиц в правительстве, а процесс общенациональной консолидации народа, всех слоев населения, групп на общей платформе социального прогресса, мира и процветания.

* * *

Кампучийская проблема, рассматриваемая в контексте азиатско-тихоокеанской безопасности, представляет собой сложный узел переплетения сил глобального, регионального и национального масштабов. Все они тесно взаимодействуют, но разблокирование конфликта предполагает развязку отдельных узлов. Всегда было трудно, если вообще возможно, предсказать распутывание какого узла пойдет более успешно: достижение соглашения между Н. Сиануком и Хун Сенем в Париже или прогресс на региональном уровне, наконец, подвижки в обмене мнениями между СССР, КНР и США по кампучийской проблематике и региональным конфликтам, либо в ООН, а также в рамках движения неприсоединения. Механизм здесь сложный. Движение по всем азимутам ведет в конечном итоге к единой цели — политическому решению проблемы. Движение это пока мало исследовано в теории и практике разблокирования конфликтных ситуаций, но это уже специальная тема. Важно отметить, что наметился позитивный сдвиг в решении кампучийской проблемы, сам процесс ее обсуждения заинтересованными сторонами ведет к позитивным результатам в азиатско-тихоокеанском регионе, что можно только приветствовать.

¹ F. Debré. Cambodge: La révolution de la forêt. 1976, p. 204.

² Ibid., p. 209—210.

³ Ibid., p. 259.

⁴ «Правда», 6.II.1989.

⁵ «Красные кхмеры» не прислали своего представителя на состоявшуюся 6 октября 1988 г. встречу в Индонезии экспертов перечисленных стран и сторон.

⁶ См.: «Правда», 18.IX.1988.

⁷ Там же, 28.VIII.1987.

⁸ «Известия», 25.II.1989.

⁹ «Правда», 1.IX.1987.

¹⁰ In: "Boston Globe", 21.X.1988.

Китайско-американские отношения в меняющемся мире

А. Г. ЛАРИН

В 80-е гг. в связи с переходом Китая к новой внешнеполитической стратегии ось его взаимоотношений с США стала смещаться все дальше в сторону от «стратегического партнерства». Не потеряв темпа, отношения двух стран постепенно были переключены в иную, более конструктивную плоскость. Это предопределило возможность их поступательного развития параллельно с улучшением советско-китайских и советско-американских отношений. «В свое время, — отметил министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе, — много говорилось о различного рода «треугольниках», «четырёхугольниках» и «пятиугольниках» великих держав, причем обязательно подразумевалось, что улучшение отношений между двумя сторонами непременно должно вести к политическому проигрышу для какой-то третьей стороны. Время подобной «политической геометрии» бесповоротно прошло»¹.

Совместимость нормальных китайско-американских отношений с общим оздоровлением взаимоотношений между СССР, КНР и США составляет, пожалуй, наиболее характерную «внешнюю» черту китайско-американских отношений второй половины 80-х гг.²

Что же касается их внутреннего, достаточно сложного и противоречивого содержания, то на него оказывают, вероятно, наибольшее влияние два важнейших фактора сегодняшней международной жизни: взятый Китаем твердый курс на социалистическую модернизацию страны, закрепленный в решениях XIII съезда КПК, и нарастающее советско-китайское сближение. Различные аспекты этой проблемы и рассматриваются в настоящей статье.

Советско-китайское сближение, Китай и США

Совершенно очевидно, что в США придают первостепенное значение состоянию и намечающимся перспективам развития советско-китайских отношений. Судя по работам американских политологов, в Соединенных Штатах самым внимательным образом анализируется их динамика, сопоставляется уровень взаимоотношений Китая с СССР и США и ведется поиск оптимальных ответов. При этом на виду оказывается то обстоятельство, что заинтересованность КНР и Советского Союза в улучшении двусторонних отношений объясняется не одними лишь политическими соображениями укрепления их международных позиций, хотя и эти соображения сами по себе достаточно весомы. Большую роль здесь играет сходство внутренних проблем социалистических стран, вызывающее необходимость тесного и интенсивного обмена опытом в ходе перестройки³.

Уже сегодня можно наблюдать симптомы такого поворота дел. В Соединенных Штатах, по-видимому, приходится учитывать, что Китай все более воздерживается от критики внутренней жизни СССР, европейских социалистических стран и одновременно указывает на изъяны американской демократической системы⁴. Социальный критерий присутствует в многочисленных работах китайских ученых, рассматривающих существование мирового социализма и капитализма как важнейшую отличительную черту современной эпохи⁵.

Рядом с интересами социального характера действует целый ряд долгосрочных мотивов, побуждающих Китай действовать параллельно с СССР по далеко не узкому кругу международных проблем, расходясь с позицией США. Эти мотивы — глубокая заинтересованность КНР в обуздании гонки вооружений и предотвращении военной угрозы, ее намерение содействовать укреплению международной безопасности, стремление учесть в своей политике интересы «третьего мира». Данные целеустановки отчетливо дают о себе знать в том, например, что позиция китайской делегации в ООН по резолюциям, касающимся контроля над вооружениями, гораздо чаще совпадает с советской, чем с американской.

В позиции Китая накапливаются элементы, заставляющие считать по крайней мере упрощенную точку зрения, согласно которой КНР возлагает «равную ответственность» за гонку вооружений на США и СССР. Так, в китайской политологической литературе отмечается, что СССР «стремится к умеренному, на низком уровне паритету с США»⁶, тогда как Вашингтон ставит своей целью достижение военного превосходства; что выдвинутый Советским Союзом принцип «достаточной обороны» дает ему «теоретическое обоснование для того, чтобы раньше выбраться из болота неограниченной гонки вооружений»⁷. Выдвигаются возражения против имеющих хождение в США взглядов на безъядерный мир как на утопию, иллюзий, будто бы ядерную войну можно выиграть.

Наблюдается несовпадение подходов КНР и США и по некоторым аспектам другой глобальной проблемы — проблемы развития. Китайская печать подвергла, в частности, критике США за отказ от участия в Международной конференции по взаимосвязи между разоружением и развитием в августе 1987 г. (в то время как СССР подтвердил свою готовность передать развивающимся странам часть средств, которые будут реально высвобождены в результате сокращения вооружений). «Соединенные Штаты», — отмечала «Жэньминь жибао», — оказывают противодействие идее сокращения сверхдержавами своих вооружений первыми и использования сэкономленных таким образом средств для развития экономики третьего мира. Более того, они обеспокоены, что эта конференция может оказать неблагоприятное влияние на разработанный рейгановской администрацией план «звездных войн»⁸.

По большинству крупных региональных конфликтов позиции Китая и Соединенных Штатов отстоят далеко друг от друга, а то и оказываются прямо противоположными. КНР осуждает вмешательство Соединенных Штатов в дела Панамы и других стран Центральной Америки, поддержку вашингтонской администрацией никарагуанских «контрас»⁹, до последнего времени критиковала политику США на Ближнем Востоке за «игнорирование ООН и попытки ущемить законные права палестинского народа»¹⁰.

В то же время многочисленные факты свидетельствуют о неуклонном улучшении политического климата в отношениях между Китаем и СССР. Как же воспринимает это Вашингтон?

Еще в 70-х гг. в кругах, формирующих внешнюю политику США, выработалась такая линия поведения: не отвечать в официальном порядке на критические выступления китайской стороны по поводу американского гегемонизма и его проявлений в различных сферах международной жизни, дабы не подвергать испытанию те аспекты двусторонних отношений, которые устраивают Соединенные Штаты.

Логическим продолжением этой традиции фактически явилось решение американской дипломатии воздерживаться от демонстрации недовольства развитием советско-китайских отношений по восходящей линии и согласиться, что оно — «в порядке вещей». Такой выбор был обусловлен целым рядом обстоятельств.

Во-первых, улучшение советско-американских отношений, демократизация общественной жизни СССР, перестройка его внешней политики на принципах нового мышления, масштабные преобразования в Китае и реализация им концепции «мирной, независимой и самостоятельной внешней политики» — все эти обстоятельства создают ситуацию, подрывающую базу антикоммунистической риторики, лишаящую убедительности стереотипы времен «холодной войны» относительно угрозы миру со стороны «агрессивного советско-китайского блока». Очевидно, что ни Советский Союз, стремящийся к развитию добрососедских отношений с Китаем, ни Китай, отвергающий идею стратегических связей и союзов с какой-либо из крупнейших держав, не ставят задачей вернуть своим двусторонним отношениям то содержание, которое они имели в совершенно иных условиях 50-х гг.

Во-вторых, в американских политических кругах в настоящее время господствует убеждение, что позиции США на международной арене укрепились благодаря заметному увеличению военных расходов, возросшей поддержке со стороны союзников и т. п., вследствие чего значение для Вашингтона «китайского фактора» в системе «стратегического треугольника» несколько снизилось.

В-третьих, в Соединенных Штатах вызревает понимание того, что взаимоотношения в «треугольнике» вообще неверно рассматривать как игру с нулевой суммой, то есть такую, в которой всякое улучшение отношений между какими-либо двумя партнерами обязательно происходит за счет третьего. Госсекретарь США Дж. Шульц, выступая 16 сентября 1988 г. в Азиатском обществе в Вашингтоне, отметил: «Многие в Соединенных Штатах очень пугаются каждый раз, когда происходят встречи между китайцами и Советами. Я полагаю, что это объясняется старым пониманием трехсторонних отношений. Оно не обязательно полностью утратило свой смысл. Тем не менее я думаю, что положение вещей в значительной мере изменилось, и старые трактовки этой идеи уже больше неприменимы». В связи с этим необходимо напомнить, что советская концепция нового мышления базируется на идее равноправия и баланса интересов всех стран. Это в полной мере относится и к взаимоотношениям между СССР, КНР и США. Отвечая на вопросы редакции газеты «Известия», министр иностранных дел Э. А. Шеварднадзе прямо подчеркнул: «Мы исходим из того, что нормализация советско-китайских отношений не должна наносить ущерба связям СССР или КНР с третьими странами»¹¹.

Наконец, в-четвертых, очевидно, что попытки остановить советско-китайское сближение, оказывая нажим на Китай, могли бы вызвать негативную реакцию в Пекине и поставить под удар отношения между КНР и США, а испытывать их на прочность никак не отвечает целям Вашингтона.

Со своей стороны и китайская дипломатия приложила усилия, чтобы застраховать развитие китайско-американских взаимоотношений от возможного торможения. На всем протяжении процесса сближения с СССР китайские официальные лица неизменно подчеркивали в диалоге с американскими представителями то важное значение, которое они придают своим отношениям с США¹².

Вместе с тем в КНР, безусловно, учитывали то, что Соединенным Штатам самим было бы невыгодно со всех точек зрения допускать нарастание трений в китайско-американских отношениях. В итоге, как представляется, было убедительно показано, что для Вашингтона не имеет смысла пытаться воспрепятствовать развитию советско-китайских отношений силовым методом — с помощью, скажем, каких-либо «штрафных санкций».

Сказанное выше отнюдь не означает, что Вашингтон готов безоговорочно мириться с любым дальнейшим улучшением советско-китайских отношений. В политических кругах США остается господствующим мнение, что потенциально советско-китайское сближение «могло бы иметь негативные последствия для специфических американских интересов»¹³. В США немало почитателей идеи сдерживания его развития в определенных рамках, используя для этого более гибкие методы, а именно: пытаясь создать впечатление, будто бы безопасность Китая нуждается в обеспечении извне и только США могут и хотят служить гарантом его безопасности. Именно на этой основе некоторые американские политические и военные деятели хотели бы строить отношения США с Китаем. Излагая такую позицию, помощник министра обороны Р. Армитидж, выступивший 25 февраля 1987 г. в подкомитете по делам Азии и Тихого океана Комитета палаты представителей по иностранным делам, заявил: «Развитие американо-китайских военных отношений было и остается одним из коренных элементов общей политики США в отношении Китая. Американо-китайские военные отношения отвечают основным стратегическим интересам Соединенных Штатов и Китая». Целый ряд американских политологов (М. Оксенберг, Дж. Сегал, Дж. Поллак и др.) прямо заявляют о наличии «советской угрозы» Китаю.

Важной составной частью тактики, применяемой американской стороной, является постоянно демонстрируемая готовность (правда, на самом деле далеко не безоговорочная) «сыграть позитивную роль в военной модернизации Китая», говоря словами того же Р. Армитиджа. Чем же отвечает КНР на усилия Соединенных Штатов и как складываются двусторонние отношения в этой достаточно деликатной области?

Следует признать, что военное сотрудничество между государствами осуществляется в различных формах, включающих в себя и встречи ответственных представителей военных ведомств, и такие демонстративные мероприятия, как заход американских военных кораблей в порт Циндао или показательный полет эскадрильи американских самолетов. По свидетельству западной и японской прессы, стороны обмениваются военной информацией, американские наблюдатели присутствуют на учениях частей НОАК, некоторое число китайских военнослужащих обучается в США. Китай покупает в Соединенных Штатах технику военно-гражданского и гражданского назначения, в том числе газотурбинные двигатели для ВМФ, береговые радиолокаторы, электронное оснащение для самолетов-перехватчиков, оборудование для производства снарядов. Ведутся переговоры о совместном производстве противотанковых ракет и легких торпед.

Ни Китай, ни США не собираются отказываться от такого сотрудничества (которое помощник госсекретаря Г. Сигур назвал «скромным») или сворачивать его. Однако не видно и признаков того, что оно может подняться на качественно новую ступень, поскольку сдерживается достаточно весомыми факторами.

США, несмотря на свои многочисленные заявления в пользу «сильного Китая», ведут себя весьма осторожно, учитывая идеологическую противоположность двух государств, состояние тайваньской проблемы и т. п. Не случайно, как выяснилось в начале 1988 г., министерство обороны США включило КНР в секретный список «враждебных государств» (что вызвало резкий протест китайского МИД).

С другой стороны, Китай, проводя модернизацию своих вооруженных сил, приобретаемая для этого за рубежом военную технику (что в свою очередь требует поддержания как минимум неконфронтационных отношений с ее поставщиками), по многим глубоким причинам ограничивает объемы ее закупок. Существенную роль тут играют и финансовые соображения, и ориентация на создание собственного, независимого от Запада военно-технического потенциала, соответствующего статусу великой державы.

Главное же, что определяет позицию политических руководителей КНР, — это их твердое, на наш взгляд, убеждение, что политическое звучание, которое хотел бы придать военным отношениям КНР с США кое-кто в Вашингтоне, не отвечает ни интересам укрепления безопасности самого Китая, ни делу устранения глобальной военной угрозы (потому несомненно с провозглашенной КНР мирной, независимой и самостоятельной внешнеполитической линией). В беседе с американскими издателями в мае 1988 г. Чжао Цзыян подтвердил: «Китайско-американские отношения должны строиться исходя из интересов мира и развития, они не направлены против третьей страны. В противном случае они будут нестабильными, временными»¹⁴. Член Политбюро ЦК КПК, заместитель председателя Центрального военного совета КНР Ян Шанкунь во время встречи с Р. Рейганом, констатируя развитие военных связей между Китаем и США, отметил, что Китай желает как стабильного развития отношений с США, так и улучшения советско-китайских отношений¹⁵.

Реалистически оценивая международную обстановку, политику СССР, руководители КНР не считают возможным присоединиться к тезису о «советской опасности» Китаю. Окончательному разоблачению этого мифа в немалой мере способствуют такие творческие, новаторские шаги советского правительства, как достижение договоренности с США о ликвидации ракет среднего и меньшего радиуса действия, в том числе и в Азии; разработка концепции азиатской безопасности; вывод части советских войск из МНР; женевские договоренности по Афганистану; предложение о проведении советско-китайской границы по главному фарватеру Амура.

Заслуживает внимания в связи с этим одно из выступлений в печати Г. Киссинджера. Оспаривая мнение китайских руководителей, которые, как он пишет, «с гордостью заявляют об отсутствии подобной опасности», бывший госсекретарь взывает к их бдительности и выражает надежду, что они «не станут бездумно рисковать американскими гарантиями безопасности, полностью полагаясь в деле обеспечения безопасности государства на постоянную добрую волю Советского Союза»¹⁶. Однако с американской стороны можно услышать и голоса, по сути дела, опровергающие стереотипное представление об СССР как источнике угрозы безопасности Китая. Так, Р. Скалапино отмечает, что советская вооруженная мощь противостоят американской, а не китайской¹⁷. С. Левин считает, что баланс между «элементами сотрудничества и конфликта» в советско-китайских отношениях ныне «не вызывает беспокойства ни у одной из сторон»¹⁸.

Более того, в Китае начинают обращать серьезное внимание на военно-политические аспекты деятельности США в АТР, никак не способствующие укреплению безопасности региона. Так, по сообщениям прессы, посол КНР на Филиппинах Чэнь Сунлу на встрече с журналистами в Маниле в июне 1987 г. заявил, что Китай рассматривает американское военное присутствие на островах как угрозу миру в азиатско-тихоокеанском регионе.

Отнюдь не безразлично Китаю и развитие американско-японских военных связей, сопровождающееся наращиванием милитаристских тенденций в Стране восходящего солнца. США, будучи заинтересованы в сохранении контроля над ростом японского военного потенциала, стремятся получить в этом отношении поддержку со стороны КНР. Отсюда — утверждения американских представителей, что Китай «не станет возражать до тех пор, пока Япония действует в рамках американского руководства, но будет встревожен, если возникнут попытки Японии перейти эти границы»¹⁹.

Однако Китай уже сейчас, хотя и в осторожной форме, выражает беспокойство по поводу возможных последствий американско-японского военного сотрудничества. Журнал «Шицзе чжиши», например, полемизируя с американскими деятелями, которые пытаются обосновать требование увеличения военного потенциала Японии рядом экономических и военных соображений, пишет: «Такая точка зрения является крайне неразумной, но она в какой-то мере отражает манеру США действовать, не учитывая последствий»²⁰.

В результате всего этого военное сотрудничество между Китаем и США как политический фактор подверглось радикальной девальвации, что, кстати сказать, отчетливо зафиксировано в исследованиях американских политологов²¹. Показательно в этой связи, что на встречах руководящих деятелей КНР и США в 1988 г. вопрос о «параллельных стратегических интересах» уже не поднимался. В новых условиях на первый план в китайско-американских отношениях, бесспорно, выдвинулись факторы экономического сотрудничества.

Перестройка в КНР и китайско-американские отношения

Вопросы, так или иначе связанные с осуществлением хозяйственных и политических реформ в КНР, с реализацией курса на развитие внешнеэкономических связей, стали в последние годы постоянным предметом обсуждений в ходе диалога между Китаем и США. Целый ряд факторов, и не только чисто экономического порядка, побуждает правящие круги США проявлять заинтересованность в продвижении китайского общества по пути реформ, исходя, разумеется, из собственных расчетов. «Творцы американской политики... отмечает исследовательская служба конгресса, — так же как и большинство американских наблюдателей, по-видимому, соглашаются с тем, что Соединенные Штаты выиграют, если Китай будет продолжать экономические и административные изменения по направлениям, принятым с 1978 г.»²²

В экономическом плане цель США — обеспечить себе широкий и прочный плацдарм на потенциально емком китайском рынке, в политическом — побудить Китай «отдавать предпочтение хорошим отношениям с США и другими странами Запада ради получения отсюда необходимой технологии и финансовых средств»²³ и одновременно ввести в приемлемое для себя русло процесс советско-китайского сближения.

Стремление США создать благоприятную для себя ситуацию в «стратегическом треугольнике» определяет и их отношение к увеличению мощи Китая, происходящему в результате его модернизации. Как отмечает заместитель директора Института США АОН КНР Цзы Чжунюнь, влиятельные круги в Соединенных Штатах «считают, что в структуре американско-советского противоборства сравнительно стабильный, процветающий и дружественный по отношению к ним Китай выгоден для них. Поэтому, формируя свою политику, они стремятся способствовать успеху китайских реформ и модернизации»²⁴.

Правда, в США высказывается и несколько иная, можно сказать более конструктивная по содержанию оценка внешнеполитических последствий перестройки в КНР, а именно: Китай отдает приоритет хозяйственному строительству, военная модернизация у него отошла на второй план, и это должно способствовать рассенванию застарелых предубеждений насчет его политики, улучшению его взаимоотношений

с азиатскими союзниками и близкими партнерами США. Существенно, однако, что и в данном случае реформы в Китае рассматриваются как отвечающие американским интересам и заслуживающие поддержки.

Далее, идеологи внешней политики США полагают, что успешное развитие в КНР многоукладности и товарных отношений, принятых в качестве важнейших элементов начального этапа строительства социализма, послужит доказательством превосходства капиталистической системы со всеми вытекающими отсюда последствиями. В упомянутом уже заявлении Р. Армитидж рисует образ такого Китая, «внешняя политика и экономическая система которого становились бы все более приемлемыми для Запада». Нелишне в этой связи упомянуть о восторженном замечании Дж. К. Гэлбрейта относительно превращения КНР в «бастион свободного предпринимательства»²⁵. Нетрудно увидеть, что подход США к реформам в Китае отчасти аналогичен их подходу к перестройке в СССР, а отчасти продиктован расчетами на использование «китайского фактора» в советско-американских отношениях.

Отношение США к перестройке в КНР наглядно проявилось в их негативной реакции на борьбу с течением «буржуазной либерализации» (конец 1986 — начало 1987 г.), рассматриваемым руководителями КНР как попытка отказа от социализма, от руководства со стороны КПК. Американский конгресс принял ряд резолюций, осуждающих критику этого течения и содержащих, как отмечалось в китайской прессе, «нападки на Китай, где якобы не уважают свободу слова и свободу печати; клеветнические утверждения, будто бы там устраивают гонения на интеллигенцию»²⁶. Госсекретарь Дж. Шульц во время пребывания в КНР в период кампании против «буржуазной либерализации» счел нужным обратить внимание своих собеседников на то, что в США в связи с наметившейся тенденцией к торможению реформ уменьшается доверие к Китаю и усиливаются сомнения относительно целесообразности сохранения экономического сотрудничества с ним на существующем уровне.

С китайской стороны были даны терпеливые и подробные разъяснения. Чжао Цзяян во время встречи с Дж. Шульцем отметил, что цель кампании — «более правильное осуществление курса на развитие экономического сотрудничества и либерализации». В ходе бесед с американскими представителями Дэн Сяопин, Чжао Цзяян и другие китайские руководители настойчиво подчеркивали: «Политическая обстановка в стране остается в высшей степени стабильной»; «Китай будет еще смелее расширять внешние связи и ускорять шаги реформы»²⁷. Вместе с тем они абсолютно недвусмысленно указывали, что Китай твердо намерен последовательно продвигаться по пути социализма. Разъясняя органическую связь между этими двумя сторонами стратегии развития китайского общества, Чжао Цзяян заявил Дж. Шульцу: «Без руководства КПК, в отрыве от социализма в Китае не может быть политической обстановки стабильности и сплоченности, невозможно проведение реформ и открытой политики в отношении внешнего мира»²⁸.

Очевидно, однако, что во влиятельных политических кругах США эти объяснения не были сочтены достаточно убедительными и что твердая решимость Китая сохранить приверженность идеалам социализма остается для них постоянным раздражителем, вызывая упорное стремление постепенно добиться развития процессов обновления, протекающих в китайском обществе, в желательном для Вашингтона направлении. Традиционной сферой, через которую Вашингтон пытается осуществить воздействие на внутреннюю жизнь социалистических стран, являются вопросы, касающиеся прав человека и национальных отношений. Именно к этой сфере принадлежит и серия враждебных КНР акций, предпринятых обеими палатами конгресса на протяжении нескольких месяцев с середины 1987 г. Это — принятие поправок о «правах человека в КНР» и о «нарушении Китайской Народной Республикой прав человека в Тибете»; предоставление далай-ламе, вопреки возражениям китайского правительства, трибуны в одном из подкомитетов конгресса как политическому деятелю; коллективное письмо группы конгрессменов китайским руководителям в поддержку позиции далай-ламы.

В ответ на каждую из этих акций китайская сторона в резких тонах выражала решительные протесты через МИД и ВСНП, через свою прессу и письма в американские газеты. В китайских заявлениях подчеркивалось, что Тибет является неотъемлемой частью территории КНР, а тибетский народ — членом большой многонациональной семьи народов КНР, в силу чего все происходящее в Тибете целиком является внутренним делом самого Китая. Действия конгрессменов были расценены

как попытка посягательства на суверенитет страны, оскорбляющая чувства китайского народа. Отмечалось, что планы далай-ламы направлены на раскол страны. Солидаризуясь с ними, американские конгрессмены не только сами допускают «серьезное нарушение норм международных отношений и откровенный отход от принципов трех совместных китайско-американских коммюнике, регулирующих отношения между двумя странами», но и открыто подстрекают администрацию к вмешательству во внутренние дела КНР²⁹. Фигурировавшие в конгрессе данные, касающиеся обстановки в Тибете и его истории, были охарактеризованы китайской стороной как «сплошная фальсификация и ложь». Одновременно получили отповедь и нападки конгресса на положение дел с осуществлением прав человека в Китае.

Протесты китайских официальных органов и средств массовой информации, как и следовало ожидать, не оказали на конгресс заметного влияния. Администрация же США заняла более сдержанную позицию, подтвердив, в частности, что считает Тибет частью Китайской Народной Республики, но выразив при этом «глубокую озабоченность ситуацией в области прав человека в Тибете».

Одновременно администрация продемонстрировала — и притом достаточно чувствительным для Китая способом — свое недовольство порядками, принятыми в КНР, отказавшись в августе 1987 г. от уплаты взноса в Фонд ООН для деятельности в области народонаселения. Отказ мотивировался тем, что программы фонда включают в себя содействие «политике искусственного пресечения беременности и ограничения деторождения в Китае». КНР охарактеризовала этот шаг США как извращение демографической политики Китая и грубое вмешательство в его внутренние дела, как удар по усилиям, прилагаемым ООН для контроля над ростом населения Земли.

Если описанные действия конгресса при всей их бесцеремонности носят, так сказать, предупредительно-символический характер, то интенсивно развивающиеся двусторонние торгово-экономические связи рассматриваются в США как фактор, позволяющий оказывать вполне реальное воздействие на внутреннюю жизнь КНР.

Взять, например, вопрос о притоке в Китай американских капиталов. В конце 1987 г. в КНР имелось 407 совместных американо-китайских предприятий, располагающих обязательствами на 3,1 млрд. ам. долл.³⁰ США являются крупнейшим в данной сфере партнером Китая среди развитых капиталистических стран. Руководители КНР проявляют глубокую заинтересованность в увеличении объема американских предпринимательских капиталовложений, что вновь подчеркнул министр иностранных дел КНР У Сюэцянъ во время визита в США в марте 1988 г. В ходе совершенствования двусторонних отношений получают свое решение сложные и во многом новые для Китая вопросы улучшения инвестиционного климата, такие, как обмен валюты, расширение доступа на внутренний рынок, юридическая защита, преодоление бюрократизма в работе китайских учреждений и т. п.

Однако американская сторона усматривает здесь и важный политический аспект, состоящий в наличии связи между политической обстановкой в стране и ходом инвестиционных процессов. В частности, сокращение размаха кампании против «духовного загрязнения», последовавшее довольно скоро после ее развертывания (1983), американские наблюдатели объясняют в числе других причин и тем, что она «напугала потенциальных иностранных инвеститоров»³¹.

Намерение правящих кругов США придать своим экономическим отношениям с КНР характер инструмента воздействия на ее внутреннюю жизнь особенно отчетливо просматривается в вопросах торговли, и прежде всего передачи технологии. Соединенные Штаты являются третьим по значимости торговым партнером Китая (после Японии и Сянана), в 1987 г. объем двусторонней торговли составил, по китайским данным, 7857 млрд. ам. долл., увеличившись за год на 7 %³². В 80-х гг. КНР получила от США целый ряд торговых льгот и как потребитель технологии была помещена в ту же группу V, в которой находятся Великобритания и Япония. Дж. Шульц назвал осуществляемую сторонами программу научно-технического обмена «самой широкой в мире».

Однако фактически целый ряд прежних ограничений на передачу Китаю технологии остается в силе. Так, лицензионные запросы Китая подлежат изучению с точки зрения национальной безопасности. Темпы либерализации экспорта в КНР совершенно не удовлетворяют китайскую сторону. Китайские специалисты жалуются, что США раз-

решают экспорт в КНР тех или иных видов товаров только тогда, когда видят, что Китай сам способен наладить их выпуск, или приобрести в третьих странах, или же товары эти устарели³³.

В этой ситуации руководство КНР стремится максимально расширить круг своих торговых партнеров. Чжао Цзыян в телевизионном обращении к участникам Всемирного экономического форума в Давосе 2 февраля 1988 г. подчеркнул: «У нас равное отношение к Европе, США и Японии. Все они являются нашими важными торговыми партнерами. Самый конкурентоспособный партнер является самым привлекательным»³⁴.

Тем не менее монопольное положение США в производстве некоторых видов современной наукоемкой продукции, а также их ведущая роль в КОКОМ позволяют США придать своей торговой политике в отношении КНР весьма специфический характер. Достаточно напомнить, что резолюция конгресса от 6 октября 1987 г., не имевшая, правда, обязательной силы, увязывала «соблюдение прав человека» в Тибете с продажей Китаю определенной категории товаров. В связи со слухами о поставках Ирану китайского оружия, в частности ракет «Силкуорм», рейгановская администрация в октябре 1987 г. объявила о решении «приостановить процесс дальнейшей либерализации продажи КНР новейшей технологии». Китайская сторона ответила резким протестом, объявив обвинения в ее адрес абсолютно необоснованными и указав, что Вашингтон «пытается таким образом переложить на Китай ответственность за усиление напряженности в Персидском заливе»³⁵. Органы массовой информации выступили с возражениями против позиции тех кругов США, которые «рассматривают передачу технологии Китаю как «подавание» и пытаются использовать ее с целью оказания нажима на КНР»³⁶. В мае 1988 г. администрация США отменила свое решение. Однако уже в июле сенат принял «поправку Доула», представляющую собой новую попытку поставить состояние американско-китайских отношений в зависимость от определенных моментов политики КНР на Ближнем Востоке.

Действия администрации и конгресса Соединенных Штатов свидетельствуют о том, насколько глубоко укоренилось в политических кругах страны представление о растущей зависимости Китая от Запада³⁷ и о возможности благодаря этому оказывать на КНР политический и экономический нажим.

Неудивительно, что в КНР не разделяют тех безоговорочно высоких оценок, какие дают американско-китайским отношениям в США, хотя и отмечают их сравнительно стабильное развитие и позитивно характеризуют их роль в международном плане. В одном из интервью, например, Чжао Цзыян отметил, что несмотря на присвоенный американской администрацией статус несоюзной дружественной страны, Китай подвергается дискриминации в области передачи технологии, а выступления некоторых конгрессменов «оскорбляют чувства китайского народа»³⁸.

Между тем история убедительно показывает, что давление, «увязки» — далеко не лучшие методы во взаимоотношениях государств, особенно великих держав, что эти методы не вписываются в набирающие силу тенденции обновления международной жизни. Интересам улучшения международного климата, укрепления всеобщей безопасности отвечают такие отношения, которые строятся на основе принципов равенства, невмешательства во внутренние дела, учета законных интересов друг друга.

¹ «Известия», 24.XI.1988.

² Подробнее см.: В. П. Лукин, А. А. Нагорный. Концепция «треугольника» СССР — США — КНР и новые реальности мировой политики. — «США — экономика, политика, идеология», 1988, № 6.

³ О сходстве перестроечных процессов в СССР и КНР и важности данного фактора для разрядки в советско-китайских отношениях говорит, например, Дж. Сегал, отмечающий устойчивый характер тенденции к их улучшению. (G. Segal. Sino-soviet Detente: how far, how fast. — «World Today», L., 1987, vol. 43, № 5).

⁴ См., напр., статью бывшего посла КНР в США Чая Цзэминя «Поговорим об американской демократии». — «Баньюэтань», 1987. № 5.

⁵ См., напр.: Чэнь Чжунцзинь. Проблемы международной стратегии. Пекин, 1987 /на кит. яз./, а также дискуссии по теоретическим проблемам международных отношений. — «Шицзе чжиши», 1987, № 1, 2. 1988, № 3. В сборнике "Essays on World Affairs in the 1980's" / Beijing, 1986 / прямо отмечается, что «администрация Рейгана продолжает проводить долгосрочную стратегию борьбы за доминирующее положение в мире, с одной стороны, и борьбы против социализма — с другой» /с. 1/.

⁶ «Шицзе чжиши», 1987, № 9, с. 9.

⁷ «Шицзе цзинцзи даобао», 18.VIII.1987.

⁸ См.: «Жэньминь жибао», 26.VIII.1987.

⁹ См. там же, 28.1; 6.II.1988.

¹⁰ Там же, 15.IV.1988.

¹¹ «Известия», 24.XI.1988.

¹² Показательно в этом смысле замечание С. Левина о том, что «три препятствия — это не барьер, а китайская ширма, прикрывающая улучшение китайско-советских отношений». S. Levin. The end of sino-soviet estrangement. — "Current History", 1986, № 512, p. 280.

¹³ Sino-Soviet Relations: Recent Improvements and Implications for the United States. Updated August 13, 1987. By Robert G. Sutter. Foreign Affairs and National Defence Division. Congressional Research Service. Order Code IB86138, p. 12.

¹⁴ «Жэньминь жибао», 7.V.1988.

¹⁵ Цит. по: «Новое время», 1987, № 23, с. 8.

¹⁶ "Washington Post", 29.I.1988. Аналогичные идеи развиваются и в более поздних статьях того же автора / "Newsweek", 19.IX.1988/.

¹⁷ In: R. A. Scalapino. The U. S. and the security of Asia. — Internal and external security issues in Asia. Berkeley (Cal.), 1986.

¹⁸ In: S. Levin. Op. cit., p. 280.

¹⁹ "Daily Yomiuri", 5.VII.1987.

²⁰ «Шицзе чжиши», 1987, № 15, с. 7.

²¹ См., напр.: R. A. Scalapino. Op. cit.

²² China's Future. By Kerry B. Dumbaugh. Updated September 9, 1987. Foreign Affairs and Defence Division. Congressional Research Service. Order Code IB85108, p. 9.

²³ Ibid.

²⁴ «Шицзе чжиши», 1988, № 3.

²⁵ In: "Washington Post", 14.VI.1987.

²⁶ «Ляован», 1988, № 2, с. 33.

²⁷ Из высказываний Дэи Сюпина на встречах с Г. Киссинджером и А. Хаммером. — «Жэньминь жибао», 4; 14.IX.1987.

²⁸ Там же, 3.III.1987.

²⁹ Там же, 7.X.1987.

³⁰ "Beijing Review", 1988, vol. 31, № 25, p. 16—17.

³¹ In: K. Dumbaugh. Op. cit., p. 8.

³² «Жэньминь жибао», 11.V.1988. По американским данным, 10,4 млрд. ам. долл. — "Beijing Review", 1988, vol. 31, № 25, p. 16.

³³ In: "Beijing Review", 1987, vol. 30, № 16, p. 4.

³⁴ «Жэньминь жибао», 2.III.1988.

³⁵ Там же, 15.XI.1987.

³⁶ Там же, 27.X.1987.

³⁷ «Вслед за осуществлением, начиная с 1978 г., программы экономической модернизации китайские руководители углубляли зависимость Китая от сотрудничества с США, Японией, Западной Европой, странами — союзниками Запада в Азии и с международными финансовыми организациями», — отмечает исследовательская служба конгресса США. — См.: Robert G. Sutter. Op. cit., p. 11.

³⁸ «Жэньминь жибао», 7.V.1988.

16 ноября 1988 г. на Научном совете ИДВ АН СССР по социально-экономическим проблемам состоялось обсуждение темы «Перестройка отношений собственности в ходе реформы экономической системы КНР». Данное обсуждение явилось продолжением и конкретизацией дискуссии о концепции «начальной стадии социализма» в Китае, материалы которой опубликованы в первом номере нашего журнала за 1989 г. В обсуждении приняли участие ученые Института Дальнего Востока АН СССР, Института экономики мировой социалистической системы АН СССР, Института экономики АН СССР, Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, Центрального экономико-математического института АН СССР, Института государства и права АН СССР, Института Европы АН СССР, ИНИОН, а также ИСАА при МГУ, Московского кооперативного института, представители Министерств финансов СССР и других организаций.

Основой для обсуждения послужил доклад главного научного сотрудника ИДВ, доктора экономических наук Э. П. Пивоваровой, которая отметила, что впервые вопрос о необходимости реформы отношений собственности, особенно государственной, был поставлен в КНР в 1978 г. В то время он не получил широкой поддержки. Однако в 1985 г. на специальном совещании по вопросам собственности, в котором приняли участие крупнейшие ученые-экономисты и практики, был сделан общий вывод о том, что без реформы отношений собственности не будет успеха в реформе экономической системы КНР. Вывод этот основывался на анализе результатов и особенностей хозяйственной деятельности многообразных по формам собственности типов хозяйств, которые стали активно развиваться в стране, пока ученые дискутировали допустимость вторжения реформы в отношения собственности.

Вначале стихийное, а затем направляемое теми или иными решениями властей, развитие различных по формам собственности типов хозяйств быстро изменило прежнюю единообразную структуру собственности в КНР. Если в 1978 г. на долю государственного сектора приходилось свыше 80 % валовой продукции промышленности страны и более 90 % розничного товарооборота, то к 1988 г. эти показатели снизились примерно до 66 и 38 %. Одновременно выросли доли коллективного, единоличного, госкапиталистического, частного секторов, а также различных хозяйств смешанного типа собственности (государственной и коллективной, частной и коллективной, государственной и частной, сразу нескольких видов собственности и т. д.).

Главное (качественное) изменение в структуре народного хозяйства КНР по формам собственности вызвано активным развитием единоличных хозяйств (в 1987 г. их насчитывалось свыше 12 млн. с числом занятых более 20 млн. человек), смешанных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале (5 — в 1980 г., более 5 тыс. — в 1987 г.), а также вырастающих из единоличных частных хозяйств (в 1987 г. их насчитывалось 225 тыс. с числом наемных работников 3,6 млн. человек). Характерно, что если до недавнего времени Конституцией КНР, кроме государственного и коллективного, разрешалось развитие основанного на собственном труде, единоличного и госкапиталистического секторов, то после XIII съезда КПК (октябрь 1987 г.) было легализовано существование базирующегося на наемном труде частного сектора, как полезного дополнения к общественному хозяйству. Принята и соответствующая поправка к Конституции КНР.

«Прорыв» в подходе в КНР к отношениям собственности при социализме состоит в отказе от признания того, что по мере развития социализма должна

повышаться степень обобществления и происходить восхождение к единой всенародной собственности. Необходимость многообразия типов хозяйств по формам собственности признается не только как неизбежная черта начального этапа социализма, продолжительность которого измеряется примерно столетием, но и как, по всей видимости, нужная для удовлетворения многообразных потребностей человека характеристика социалистического общества вообще. То есть не только общественные, но и традиционно рассматривавшиеся как несоциалистические типы хозяйств вписываются в модель «социализма со спецификой Китая».

Наряду с появлением (реанимацией и новым развитием) ранее формально обобществленных форм собственности в ходе реформы экономической системы КНР произошли определенные изменения и в характере государственной и коллективной форм собственности. Прежде всего изменения коснулись коллективной собственности в сельском хозяйстве. Перешедшее очень быстро на семейный подряд китайское крестьянство получило (путем покупки или раздела) в собственность орудия производства (не только мелкие, но и крупные) и в длительную аренду землю (сроки подряда или аренды продлевались постепенно от 3—5 лет до 10—15, 30—50, иногда 80—100 лет). В результате образовалась собственность, которая рассматривается в КНР как совместная собственность коллектива и индивидуума.

В сельском хозяйстве преобразования в сфере собственности произошли не только на основе отделения права собственности от права хозяйствования (в случае с землей), но и изменения в самом праве собственности (в случае с орудиями производства). Крестьянин, ставший по сути сособственником средств производства и получивший возможность распоряжаться произведенной сверх определенной нормы продукцией, значительно повысил свою трудовую активность, чем и объясняются быстрые успехи в сельском хозяйстве. Однако проблемы капитальных затрат, рационального и бережного использования земли (то есть там, где крестьянин не стал сособственником) остаются наиболее острыми и требуют дальнейших шагов по их разрешению. Именно на создание дополнительных стимулов вложений крестьян в землю и направляются меры по продлению срока ее аренды. Поскольку возможность продажи (или передачи) земли в собственность крестьянам пока в КНР отрицается, очевидно будут вноситься дальнейшие корректировки в сроки аренды, могут ставиться вопросы о пожизненном ее закреплении, наследовании и т. д.

Изменения в сфере государственной собственности прежде всего коснулись мелких городских предприятий, главным образом торговых и службы быта. Значительная часть их, сданная на подряд, в аренду или проданная коллективам и отдельным лицам, стала функционировать намного эффективнее. (По данным на начало 1987 г. такие преобразования коснулись $\frac{3}{4}$ всех государственных мелких торговых предприятий.) Если в случае сдачи на подряд или в аренду мелких государственных предприятий не происходит смены формы собственности, то при продаже их коллективам или отдельным лицам это происходит безусловно. Такое решительное вторжение в государственную собственность (по сути меняющее одну форму на другую) дополняется различными комбинациями, переплетением ее с другими формами собственности. И все это делается в целях повышения жизнеспособности мелких государственных предприятий, а полученные уже положительные результаты подталкивают к расширению такого рода практики.

Больше всего проблем возникает с повышением жизнедеятельности крупных и средних государственных предприятий. Ставка сделана на повышение эффективности их работы с помощью отделения права собственности от права хозяйствования путем подлинной передачи последнего предприятиям. Не меняя характера собственности, такое отделение требует охраны законных прав предприятий, недопущения вмешательства в их хозяйственную деятельность. Это предполагает определение прав, обязанностей и интересов собственника (государства) и хозяйственника (предприятия) юридическими средствами в договорной форме.

Тем не менее практика показывает, что предоставление хозяйственной самостоятельности предприятиям при неразвитости рыночной системы так или иначе толкает их вновь стать на иждивение государства, что установление всякого рода регулирующих налогов сводит собственные финансовые возможности предприятий к минимуму, что договорные отношения между предприятиями в условиях дефицитной экономики оборачиваются фактически отсутствием у них права само-

стоятельного выбора партнера, что нежесткие отношения с государственным бюджетом позволяют не разорваться предприятию даже в случае убыточной работы, а потому при заинтересованности его в получении большей прибыли сохраняется известное безразличие к убытку, ложающемуся, как правило, на собственника — государство. Получается, что достижение самоокупаемости предприятия невозможно до тех пор, пока оно не будет брать на себя предпринимательский риск, то есть выступать не только как хозяйствующий субъект, но и субъект собственности.

Именно поэтому сегодня в КНР от разделения права собственности и права хозяйствования взгляды простираются дальше — в разделенное право собственности, в превращение государственных предприятий в собственников средств производства, получающих тем самым соответствующие права и на использование имущества, и на получение прибыли (или других результатов с одновременной ответственностью за них), и на распоряжение ею. Такое преобразование затрагивает глубинную экономическую причину недостаточной жизнеспособности предприятий государственной собственности — абсолютную монополию государства и абстрактное равенство прав трудящихся в отношении собственности.

Одним из реальных способов разделения права собственности для стимулирования трудовой активности трудящихся уже выступает в КНР акционерная форма, набирающая все большие темпы в последнее время. Помимо того, что акционерная форма деятельности является важным средством в деле мобилизации дополнительных денежных и материальных ресурсов, главнейшая миссия ее может состоять именно в преобразовании государственной собственности таким образом, чтобы от абсолютной монополии государства перейти к разделению определенной части этого права собственности между рабочими (посредством продажи акций на самом предприятии), сделав их реальными владельцами средств производства, сознательно берущими ответственность за использование последних. То обстоятельство, что у рабочих и служащих предприятия, кроме трудовых доходов, появляется при этом еще и доход за счет дивидендов, причем как тот, так и другой зависит от производственной и хозяйственной деятельности предприятий в целом, реально заинтересовывает их в повышении трудовой активности.

Пока предприятие не является собственником имущества, оно не несет ответственности за его потерю. А потому даже в случае банкротства предприятия государственной собственности убыток несет только государство, а не конкретные хозяйствующие лица на предприятии. Акционерная форма в равной степени возлагает предпринимательский риск, риск по утрате собственного имущества на отдельного акционера, коллективного акционера и государство-акционера, создавая прямую заинтересованность предприятия в целом в достижении конкурентоспособности. По существу, акционерная форма соединяет воедино собственника, инвестора и того, кто непосредственно занимается хозяйственной деятельностью, то есть создает предпосылку для реализации эффективности. Можно поставить вопрос и по-другому — чтобы реализовать эффективность, необходимо соединить в одном лице собственника, инвестора и хозяйствующего. Использовать для этого акционерную форму или же найти какую-то иную — вопрос, требующий дальнейшего как теоретического, так и практического поиска.

Важность использования акционерной формы для достижения эффективности крупных и средних предприятий государственной собственности, судя по фактам последнего времени, становится в КНР очевидной. Главная трудность остается в отыскании наиболее приемлемых форм ее использования в социалистической экономике, в определении безусловных гарантий интересов государства, коллектива и личности, выступающих в качестве акционеров, в создании действенного контроля за происходящими процессами.

Перестройка отношений собственности в ходе реформы экономической системы КНР является, на наш взгляд, ключевым вопросом. В его решение упираются все другие проблемы, в частности ставший наиболее актуальным вопрос о реформе цен. Ибо, по большому счету, если говорить о ценах, то речь должна идти о реформе ценообразования, а значит о снижении затрат на производство, о повышении эффективности хозяйственной деятельности, о реформе отношений собственности, то есть о соединении в одном субъекте собственника и хозяйствующего, на основе чего и становится возможной экономическая реализация интересов

тружеников социалистического общества. Точно так же в перестройку отношений собственности упирается проблема развития товарно-денежных отношений и создания единого социалистического рынка в стране: пока все ресурсы предприятий находятся в собственности государства, они не могут организовать перемещение их в соответствии с потребностями рынка. То есть предприятие не превратится в самостоятельного товаропроизводителя (что подразумевается реформой), пока не станет субъектом собственности. Таким образом, проблема собственности стоит не в ряду с прочими проблемами реформы, а является стержневой, на которой выросли и могут найти разрешение и другие экономические проблемы.

Поскольку в КНР новые подходы к отношениям собственности при социализме имеют уже десятилетнюю историю и базируются на практическом анализе новых явлений в жизни социализма (реанимация после длительного периода обобществления не только единоличных, но и госкапиталистических и частных хозяйств), тем более, что страна добилась за эти годы реального социально-экономического прогресса на этой основе, осмысление китайской теории и практики может способствовать продвижению в том поиске, который ведется в сфере обновления социалистической собственности в нашей стране.

Наиболее крупными вопросами, требующими такого осмысления, являются те, которые выходят за пределы прежних, находящихся в рамках марксистско-ленинского наследия, представлений о социализме.

Нынешние выводы китайских ученых о допустимости сосуществования при социализме социалистических и несоциалистических форм хозяйства не совпадают с высказанными при жизни В. И. Ленина идеями новой экономической политики о пусть очень медленном, но все же вытеснении единоличных (не говоря уже о частных) собственников из социалистического общества. Но попытки ведущих китайских ученых по-новому посмотреть на те формы хозяйств, которые способствуют экономическому прогрессу страны и в этом смысле работают на социализм, а также попытки определить те условия, при которых традиционно «несоциалистические формы» можно рассматривать как если и не присущие, то допустимые при социализме, идут в русле ленинских наказов о необходимости творчески подходить к оценке новых, «бесспорнейших фактов» жизни социализма.

Если при жизни В. И. Ленина надежды на вытеснение несоциалистических хозяйств связывались с тем, что в условиях сосуществования, а потому и соревнования (конкуренции) различных типов хозяйств социалистические предприятия докажут свою эффективность и окажутся естественными победителями в конкуренции (этого не произошло), то в сегодняшней практике КНР, уже создавшей многоукладную структуру, труднее всего добиться повышения эффективности именно государственных предприятий, а наличие многообразных по формам собственности типов хозяйств и конкуренции между ними как раз и рассматривается как важнейшее и постоянное условие изменения этого положения и одновременно поддержания эффективности каждого из типов хозяйств.

В КНР высказываются мнения, что количественные границы каждого из типов хозяйств должен определить эволюционный процесс рыночного естественного отбора: те из них, которые в условиях равной рыночной конкуренции проявят свою эффективность, пусть продолжают существовать и развиваться; для тех же, которые не смогут функционировать без постоянной государственной поддержки, неизбежно должно наступать банкротство. Учитывая реальную ситуацию с эффективностью общественных, особенно государственных хозяйств, можно предположить, что в таком случае вряд ли может сложиться называемая в КНР наиболее рациональной пропорция между общенародной, коллективной, полусоциалистической и несоциалистической формами собственности как 5:3:1:1 или же сохраниться абсолютное преобладание общественных форм собственности. Такое соотношение может или удерживаться регламентацией сверху, или сложиться при условии отыскания способов действительного повышения эффективности государственных предприятий, что требует радикальных решений.

Отождествление государственной собственности с общенародной базируется на положении «государство — это мы», которое остается идеальным и абстрактным на сегодня и останется таковым, если не обретет субъектов собственности, ибо «мы» в вышеприведенной формуле, если всерьез стремиться к ее реализации,

требует именно многосубъектного отношения. Если же исходить не из формулы, а из того, что государство — это аппарат, власть, то отождествление понятий «государственная» и «общенародная» тем более недопустимо, не говоря уж о том случае, когда эта власть неадекватно отражает интересы народа. Сама история процесса формирования предприятий «общенародной» собственности определяла их как единую государственную собственность, ибо первоначально источниками формирования их имущества были экспроприация государством имущества прежних собственников и прямые капиталовложения с его стороны. И если на этом этапе государство естественно превращалось в единственного собственника «общенародных» предприятий, так как работники последних являлись лишь получателями, но не создателями имущества предприятий, то после определенного периода воспроизводства, хотя имущество предприятий «общенародной» собственности и остается по своей юридической форме по-прежнему в собственности государства, источником его добавленной стоимости становится труд рабочих и служащих предприятий. Так появляется и развивается противоречие между государством как юридическим собственником (значит, властью) и коллективами работников предприятий как создателями имущества, что требует естественного разрешения этого противоречия в правовом оформлении субъектов собственности в соответствии с их участием или функциями в воспроизводственном процессе (на всех его стадиях).

В реальной жизни социализма собственник и хозяйственник по сути всегда были разделены. Поскольку собственность без хозяйствования не получает экономической реализации, она становится бессмысленной с позиций удовлетворения интересов. Когда собственник и инвестор не хозяйствуют непосредственно, то их заинтересованность в эффективном использовании имущества и денежных средств не обязательно реализуется на практике. Хозяйствующий субъект, не будучи собственником и инвестором, не берет на себя риск за имущество и вложенные деньги, а потому его интерес не связан напрямую с эффективностью предприятий. То есть для реализации эффективности логично, чтобы хозяйствующий субъект являлся также собственником и инвестором. Предпринимаемая в КНР попытка повышения эффективности предприятий общественных форм собственности на основе «разделения двух прав» — собственности и хозяйствования — по своему содержанию является только передачей действительных хозяйственных прав тому, кто никогда не только не был собственником, но и чьи хозяйственные права фактически никак не гарантировались. В случае же реализации в акционерной или иной форме разделения и самого права собственности на государственных предприятия может быть действительно достигнуто многоуровневое и многосубъектное отношение, способное обеспечить единство процессов присвоения, использования и распоряжения средствами и конечными результатами производственной деятельности. Прямая связь эффективности с интересом достигается в таком случае тем, что при четком разграничении прав (а значит и функций) на каждом уровне (государство — предприятия — рабочие и служащие) субъект собственности и хозяйствования здесь един, а не разделен. Такое вторжение в отношения собственности, которое затрагивает не только ее структуру, но и сущность общественных форм собственности социализма, безусловно нуждается в глубоком анализе.

Основным критерием целесообразности развития при социализме многообразных по формам собственности типов хозяйств должно являться то, способствуют ли они экономическому и социальному прогрессу в обществе. Однако вопрос не исчерпывается этим общим положением. В качестве критериев социалистичности тех или иных форм собственности, как правило, рассматривается возможность обеспечения не только высокой эффективности производства, но и занятости, социальных гарантий, отсутствия эксплуатации. В КНР ставшая существенным экономическим подспорьем практика развития не только единоличных, но и частных хозяйств с десятками, а иногда и сотнями наемных работников заставляет несколько по-иному определять критерии допустимости их использования при социализме. При условии сохранения преобладающих (или же ведущих) позиций общественных форм собственности в народном хозяйстве здесь речь идет о том, что и небольшая безработица, и немного эксплуатации не повредят социализму, а лишь помогут скорее выбраться из экономической отсталости. Главное, чтобы не сформировался класс эксплуататоров, чтобы в целом увеличивалась занятость, чтобы обогащение отдель-

ных слоев не сопровождалось обнищанием других, а происходило при условии улучшения благосостояния всего общества. Допустимость этих «несоциалистических элементов в социалистической экономике» также заслуживает серьезного осмысления, как и вопрос о безусловности или безусловности зависимостей «наемный труд — эксплуатация» и «уравнительное распределение, присвоение на основе власти — эксплуатация».

Больше всего вопросов возникает в связи с предоставлением прав гражданства в социалистической экономике частному сектору: неоднозначными могут оказаться и результаты по развитию других типов хозяйств, связанных с преобразованиями в сфере общественной собственности и стимулированием индивидуального предпринимательства. Однако в оценке использования таких способов достижения социально-экономического прогресса при социализме надо исходить из реальности, заключающейся в том, что в альтернативе «экономический прогресс через дифференциацию и конкуренцию» или «застой при недопущении того и другого» пока не найден (ни в КНР, ни где-либо в другой развивающейся на слабой экономической основе социалистической стране) иной выбор, по крайней мере такой, который был бы не теоретической абстракцией. А потому важнейшей задачей является отыскание оптимальной меры в использовании новых форм, типов и способов хозяйствования (а также методов контроля за ними), с тем чтобы в общей сложности поставить трудящегося человека в лучшие условия существования. Ибо сущность социализма именно в этом и заключается. Однако найти эту меру чрезвычайно трудно.

В дискуссии, развернувшейся по теме доклада, выступавшие, основываясь на опыте хозяйственных реформ в КНР, СССР и других социалистических странах, затронули целый ряд вопросов, представляющих как теоретический, так и практический интерес.

Р. Н. Евстигнеев (заведующий отделом ИЭМСС АН СССР, доктор экономических наук) отметил, что своеобразие современного этапа состоит в превалировании эмпирического анализа, что многие новые теоретические выводы сделаны на основе практики, что не только в КНР, но и у нас, и в других социалистических странах наука не прокладывает путь реформе, а в основном следует за практикой.

Сегодня, когда от хозяйственных реформ во многих социалистических странах напряженно, но часто безуспешно ожидают отдачи, очень важно реально оценивать предпринимаемые шаги реформ и их вероятные последствия, видеть, куда идет развитие, осознавать, что полумеры малорезультативны.

То, что в КНР в ходе реформы пошли сразу по пути многообразия форм собственности, а в Европе сосредоточили внимание на совершенствовании государственной собственности, очевидно связано с уровнем реального обобществления, который в КНР был заметно ниже, чем в европейских социалистических странах. Однако развитие многообразных по формам собственности типов хозяйств отнюдь не снижает, а, напротив, повышает уровень реального обобществления в КНР. То же самое можно сказать и о процессах, имеющих место в социалистической Европе.

Общее в реформах в Китае, СССР и европейских социалистических странах — укрепление предпринимательских функций всех хозяйствующих субъектов. Однако для реализации этих функций не всегда есть условия, поэтому для оценки действительного положения дел необходимо видеть, какие отношения собственности складываются за теми или иными формами ее (например, акционерной), понимать, что субъекты хозяйствования не будут иметь возможность проявлять свои предпринимательские функции до тех пор, пока нет системы рынков, а есть лишь отдельные элементы его и т. п.

По существу, при всех разговорах у нас о хозяйственном расчете продолжает действовать директивно-распределительная система. Отказ от нее и формирование новой модели предполагает переход к рыночному механизму, когда все регулирование будет осуществляться через кредитно-финансовые отношения. А если это не будет осуществлено, то не будет и желаемого результата. Но процесс перехода — болезненный, и надо отдавать себе отчет в том, что вступление на путь совершенствования рыночных отношений неизбежно сопровождается обострением ситуации, о чем свидетельствует опыт различных социалистических стран.

Е. Ф. Авдокушин (Московский кооперативный институт, доктор экономических наук) высказал мнение, что в КНР экономическая наука следует не за практикой,

а за политикой, лишь обосновывая принимаемые правительством решения.

О. Н. Борох (научный сотрудник ИДВ АН СССР, кандидат экономических наук) подчеркнула недопустимость недооценки роли китайской экономической науки в реформе экономической системы. Результаты, которые достигнуты сегодня в Китае в области реформы собственности, стали возможными благодаря тому, что в течение десяти лет в КНР шел активный теоретический поиск: критически переосмысливались представления о собственности, получившие распространение в Китае в 50—70-е гг., изучались зарубежные теории собственности и опыт преобразований собственности в социалистических странах, анализировались новые явления хозяйственной практики современного Китая.

Реформа отношений собственности является одним из главных сюжетов экономических дискуссий, проходящих в КНР с 1978 г. Обсуждение развернулось на страницах центральной партийной печати, в специальных периодических изданиях по экономике. В нем принимали участие партийные деятели, ученые, практические работники. К настоящему времени дискуссия о собственности прошла несколько этапов, на каждом из которых разработка проблемы собственности была неразрывно связана с реальными экономическими процессами. Предварительно можно выделить три этапа обсуждения.

На начальном этапе дискуссии (1979—1984) основное внимание ученые КНР уделяли анализу тех деформаций в отношениях собственности, которые возникли в результате проводившейся в Китае с конца 50-х гг. политики ускоренных преобразований собственности. Изучение проблемы велось в рамках дискуссии о характере действия экономических законов и было связано с обсуждением закона соответствия. В работах ведущих ученых КНР была доказана несостоятельность маоистской трактовки закона, признано, что роль производительных сил в Китае недооценивалась, сделан вывод о необходимости восстановления нарушенного соответствия между производственными отношениями и производительными силами. Если в конце 70-х гг. предлагалось поднять производительные силы до уровня «передовых» производственных отношений, с начала 80-х гг. речь стала идти о том, чтобы приспособить производственные отношения к многоярусной структуре производительных сил Китая, допустить одновременное сосуществование в экономике страны различных форм собственности. В ходе обсуждения также критиковались недостатки, присущие государственной форме собственности, и был поставлен вопрос о неправомерности отождествления государственной и общенародной собственности.

Начало второго этапа относится ко времени принятия Постановления ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы (1984). На первый план выдвинулся вопрос о разделении права собственности и права хозяйствования и повышения на этой основе эффективности государственных предприятий. На практике были осуществлены меры по расширению прав предприятий, что способствовало усилению их жизнеспособности, однако не изменило характера отношений между государством и предприятием, не решило проблемы «нежесткости бюджетного ограничения» социалистических предприятий, не сделало их ответственными за убытки. Под влиянием реальных процессов ведущими учеными КНР был поставлен вопрос о необходимости не только реформы хозяйственного механизма, но и отношений собственности.

Дальнейшее развитие эта идея получила в связи с обобщением итогов внедрения на крупных и средних государственных предприятиях системы подрядной ответственности. Хотя эта система четко определила права, обязанности и интересы собственника имущества предприятий (государства) и хозяйствующего (предприятия), а ее внедрение повысило самостоятельность предприятий и их заинтересованность в получении прибыли, она не сделала предприятия действительно самокупаемыми, не превратила их работников в реальных хозяев, не изменила положения, при котором предприятия заботятся только о ближайших интересах и пренебрегают долгосрочными целями развития. Проблемы, выявившиеся при внедрении подрядной системы, привели к изменению хода дискуссии. Основываясь на конкретном анализе происходящих процессов, многие ученые КНР стали склоняться к мнению об ограниченных возможностях подрядной системы и пришли к выводу о том, что предприятие должно выступать не только как субъект хозяйствования, но и как субъект собственности.

На третьем этапе обсуждения, переход к которому намечился уже в 1986 г.,

серьезное внимание ученые КНР уделили обсуждению теории «вакантного», или «свободного» места собственника. Было подвергнуто критике положение, согласно которому имущество социалистического предприятия принадлежит всем членам общества и в то же время не принадлежит никому, то есть место собственника является вакантным, свободным, поставлен вопрос о необходимости уяснения имущественных отношений на предприятии. В качестве главных путей решения проблемы были предложены превращение общенародной собственности в собственность предприятий и введение акционерной системы. В ходе обсуждения многие ученые-экономисты выступили с критикой первого предложения, указывая, что переход от общенародной собственности к собственности предприятий противоречит закону соответствия и может нанести ущерб экономической мощи государства. Вопрос о развитии акционерных отношений вызывает сейчас в КНР повышенный интерес. Акционерная система начала использоваться на практике, активизировались теоретические исследования этой проблемы. В материалах дискуссий стала проводиться мысль о том, что акционерная система является лучшей формой уяснения имущественных отношений на предприятии, она позволяет превратить работников в реальных владельцев средств производства, заинтересовать их в результатах труда, сделать предприятия ответственными не только за прибыли, но и за убытки. Вместе с тем многие участники обсуждения выступают против попыток форсировать акционеризацию, используя административные методы, предостерегают против «ажиотажа вокруг акционерной системы», высказывают опасения, что без реформы политической системы развитие акционерных отношений не будет иметь успеха. Продолжает дискутироваться широкий круг конкретных вопросов, связанных с использованием акционерной формы, анализируются проблемы, возникающие в ходе функционирования акционерных предприятий. Все это свидетельствует о сложности процессов, происходящих в экономике КНР, и незавершенности теоретического поиска китайских ученых.

Л. А. Волкова (старший научный сотрудник ИДВ АН СССР, кандидат экономических наук) отметила, что проблема изменения отношений собственности в китайской деревне становится особенно актуальной в последние годы. Переход к формированию многоуровневого характера собственности облегчался в известной мере формальным обобществлением производства, достигнутым в результате кооперирования сельского хозяйства. В сельскохозяйственных производственных кооперативах, а позже — в производственных бригадах коммун практиковалось закрепление производственных заданий за звеном, отдельным работником, а с начала 60-х гг. и за отдельным крестьянским двором. Эти формы организации производства как наиболее приемлемые для крестьян и понятные им легли в основу подрядной системы хозяйствования, переход к которой был в основном завершен в 1983 г. в масштабах страны.

В результате в деревне к середине 80-х гг. в отношениях к собственности и ее структуре произошли радикальные изменения: абсолютное преобладание коллективной собственности на основные средства производства уступило место почти одинаковой доле коллективной собственности и собственности крестьянских дворов, не считая земли, которая оставалась в коллективной собственности.

В конце 1985 г. более половины основных производственных фондов деревни, оцененных в 270 млрд. юаней, находилось во владении крестьянских дворов, 42,4 % оставались в коллективной собственности, 1,8 % — в собственности новых хозяйственных объединений, 0,4 % — в собственности частных предприятий. Переход к более низкому уровню обобществления производства в деревне носил в известной степени стихийный характер, опережающий его нормативно-правовое оформление.

Процесс формирования многоуровневой собственности в деревне будет происходить в течение длительного времени. На нынешнем этапе развития коллективная собственность в деревне представлена прежде всего коллективными предприятиями волостей и деревень, в собственно сельском хозяйстве преобладает собственность индивидуального крестьянского двора. Представляется, что выделение системообразующей оси в многообразии форм отношений собственности — дело будущего. С точки зрения форм собственности и ее структуры китайская деревня не предстает единым целым, между отдельными регионами страны существуют принципиальные различия, изучение которых является столь же насущной задачей, как и изучение отношений собственности в стране в целом.

Я. М. Бергер (заведующий отделом ИНИОН, доктор исторических наук) подчеркнул, что китайскими теоретиками проделана колоссальная работа. Задача китаеведов — предоставить советскому обществоведению материалы острейших теоретических дискуссий по важнейшим проблемам социализма, в том числе собственности.

Необходим анализ политического аспекта проблем собственности, ибо политический аспект — это необходимый момент экономических исследований. Сфера отношений собственности потому имеет такое большое значение, что она напрямую входит в сферу отношений власти. Перестройка отношений собственности порождает новые субъекты власти, а сама собственность не может быть преобразована без реформы отношений власти. Что касается общенародной собственности в Китае, то мы имеем дело с мифом, «лженародной собственностью», так как народ был полностью отчужден и от средств производства, и от результатов труда. Субъект, полностью отчужденный от собственности, не может реально выступать субъектом власти. Сейчас ситуация меняется, появляются субъекты собственности в лице коллективов предприятий, акционеров.

Состояние отношений собственности в деревне очень сложное. Перестройка отношений собственности должна быть дифференцирована максимально и по районам и по отраслям.

Изучение реальности реформы собственности должно идти параллельно с анализом политических процессов.

С. А. Степанов (эксперт Министерства финансов СССР) подчеркнул, что при анализе собственности необходимо прежде всего определить методологию исследования. Наиболее важным здесь представляется выделение трех основополагающих моментов.

Во-первых, это разграничение собственности как сущности, то есть как системы производственных отношений, от того, как она находит свое выражение в нормах права, в праве собственности. Во-вторых, при определении сущности собственности нужно проводить исследование всего комплекса производственных отношений, не останавливаясь при этом на каком-либо одном уровне абстракции. Третий момент — практический — состоит в необходимости оценки степени адекватности действующего хозяйственного механизма и законодательства построенной теоретической модели собственности.

Вопрос о разграничении экономического и юридического аспектов поставлен первым для того, чтобы сразу не впасть в заблуждение, взяв за основу не реальные отношения по поводу присвоения в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, а закрепленные в нашем законодательстве понятия права собственности и права оперативного управления. Эти понятия, скорее всего, появились у нас из экономических концепций государственной (общенародной) собственности и единого экономического центра, то есть из идеологии оправдания ставшей уже нарицательной административной системы.

С другой стороны, генезис их виден в объективном процессе разграничения капитала как собственности и капитала как функции. Достаточно даже эклектичного соединения двух этих предпосылок — и получается то, что имеется сейчас, и то, что начали перестраивать. Между тем, содержание права собственности и права оперативного управления фактически идентичны и включают в себя, как известно, право владения, пользования и распоряжения. Проводя формальную аналогию между социалистическими и капиталистическими странами (а в последних право частной собственности все-таки имеет законодательные ограничения), следует заметить, что, хотя принимаемые нами законы направлены на расширение прав производственных единиц, в отличие от частных собственников право собственности за ними не признается.

Сейчас, пожалуй, стало уже ясным, что как бы мы ни трактовали государственную (общенародную) собственность и право оперативного управления (догматически или творчески), мы тем самым оправдываем или же способствуем жесткой централизации управления производством, распределением, обменом и потреблением, устранению трудовых коллективов от этого управления, монополизации и бюрократизации экономики. Такое положение вытекает, на наш взгляд, из ограниченности анализа социалистической собственности.

Действительно, на высокой ступени абстракции, рассматривая ассоциированного работника, мы видим, что именно он выступает владельцем, пользователем и распорядителем средств производства и предметов потребления и, таким образом, собственником. Замыкаясь на столь высоком абстрактном уровне, можно (это и было сделано) построить концепцию государственной (общенародной) собственности и из нее вывести необходимость централизации экономики.

Механическое перенесение производственных отношений ассоциированного работника на более низкий уровень — будь то социалистическое предприятие и его коллектив или отдельный рабочий и его станок — приводит к выводам о характере труда как непосредственно общественного и об утере рабочей силой ее товарной формы. Правда, при этом упускается из виду совершенно очевидное противоречие, а именно — ни отдельный рабочий, ни трудовой коллектив в отличие от ассоциированного работника не относятся к средствам производства как к своим, поскольку не являются их собственником. Таким путем каждый представитель ассоциированного работника теряет чувство хозяина. Зато такое чувство приобретает «единый экономический центр».

Однако «неассоциированный работник» теряет не только чувства, но и способность непосредственно влиять на отношения по поводу присвоения как средств производства, так и предметов потребления, то есть фактически собственником не является.

В рамках нынешней правовой доктрины (или устаревшей догмы?), которую мы бы охарактеризовали как примат вторичного права собственности, необходимо совершенствование законодательства в сторону предоставления больших прав трудовым коллективам, хотя в сущности это означает менее жесткие ограничения права собственности и на средства производства, и на производимую продукцию. Особая привлекательность и перспективность видится при этом в арендной форме, позволяющей производителям стать реальным владельцем выпускаемой продукции, в кооперативной форме собственности и смешанных формах — государственно-кооперативной, а также совместной и смешанной собственности совместных предприятий.

Если же выйти за рамки действующей доктрины, то следует, наверное, признать, что сегодня, да и вообще никогда, нет государственной (общенародной) собственности и частной собственности в чистом виде. Такая чистота появляется только на достаточно высоком уровне абстракции, а в реальности все формы собственности государственного предприятия переплетаются и образуют смешанные формы собственности.

Если принять такую предпосылку, которую нужно еще строго обосновать, собственности социалистического государственного предприятия можно определить как общую (совместную или долевою — однако не всегда так, как определены эти понятия в Гражданском кодексе РСФСР) социалистическую собственность, совладельцами или сособственниками, собственниками в рамках которой выступают государство, с одной стороны, и коллективы предприятий, с другой. Такое понимание, выраженное на практике в различных формах, например акционерной, на наш взгляд, значительно упрощает разработку адекватного содержанию собственности законодательства и хозяйственного механизма. Так, управление предприятием, распределение производимой продукции и дохода (прибыли) производились бы согласно долям участия в капитале (или уставном фонде) предприятия.

Представляется, что последняя гипотеза нуждается в серьезной проработке, а ее содержание способствовало бы формированию у трудящихся чувства хозяина производства, решая тем самым одну из важнейших задач перестройки.

Л. И. Кондрашова (ведущий научный сотрудник ИЭМСС АН СССР, доктор экономических наук) остановилась на методологических подходах к реформе системы собственности китайских ученых. На первом, экспериментальном этапе хозяйственной реформы расширение самостоятельности предприятий базировалось на теории разделения права собственности и права хозяйствования. Согласно этой теории, носителем права собственности признается государство, а права владения, распоряжения и пользования передаются первичным хозяйственным организациям, таким образом, право собственности остается неделимым, а право хозяйствования (включая владение, распоряжение и пользование) оказывается дробным. Государство не может бесплатно

изымать всю произведенную предприятием продукцию, то есть должно вознаграждать за непосредственное использование средств производства; предприятия, в свою очередь, не могут безвозмездно пользоваться предоставленными им средствами производства.

К середине 80-х гг. популярность концепции «разделения двух прав» стала спадать. Вместо «права хозяйствования» начало вводиться понятие «экономическая собственность», противопоставляемая «юридической собственности». В пользу такого разграничения приводятся следующие аргументы:

— юридическая собственность фиксирует в законодательном порядке принадлежность определенного объекта собственности определенному субъекту собственности. Экономическая собственность выражает производственные отношения, опосредованные процессом производства данной вещи;

— юридическая собственность оторвана от производственного процесса и может отражать даже воображаемые отношения, ее изменения отстают от изменений в реальных производственных отношениях. Экономическая собственность не может существовать вне производственного процесса (бездействующий завод выпадает из системы экономической собственности, но остается объектом юридической собственности какого-либо лица или коллектива);

— юридическая собственность находит выражение в получении дохода и в принципе индифферентна к способу функционирования объекта собственности. Экономическая собственность — процесс воспроизводства производственных отношений, собственник участвует в получении дохода и выбирает способ его получения.

Вследствие этих различий характер юридической собственности может не совпадать с характером экономической собственности. Исходя из этих рассуждений, абстрактного «права хозяйствования», оторванного от права собственности, быть не может, поскольку хозяйствование — это способ реализации собственности. Но с точки зрения юридического собственника пользование собственностью может быть передано другому лицу. Таким образом, в экономическом смысле право собственности и право хозяйствования отделить друг от друга нельзя, но в юридических взаимоотношениях это вполне допустимо.

Все существующие ныне концепции реформирования системы собственности, придерживаясь понятий экономической и юридической собственности, можно классифицировать следующим образом:

1. Неполное разделение юридической и экономической собственности.

Государство — полный юридический и частичный экономический собственник. Предприятие — частичный экономический собственник.

Возможны эти два варианта в зависимости от той «части» экономической собственности, которая сохраняется за государством.

2. Полное разделение юридической и экономической собственности.

Государство — полный юридический собственник. Предприятие — полный экономический собственник.

3. Нерасчлененность юридической и экономической собственности при существовании разных ее форм.

Государственная собственность (единство юридической и экономической собственности). Собственность предприятий (корпоративная собственность) — единство юридической и экономической собственности.

4. Всеобщая акционерная собственность — отношения между юридическим и экономическим собственником переносятся на само предприятие.

Государство не юридический собственник, частичный экономический собственник (или вообще не экономический собственник). Предприятие: правление акционеров — юридический собственник, экономическая собственность разделена между правлением акционеров и управляющими (часть экономической собственности либо остается за государством, либо нет).

В. К. Андреев (старший научный сотрудник Института государства и права, доктор юридических наук) отметил, что обсуждение имеет непосредственное отношение к проблемам функционирования хозяйственного механизма в нашей стране, где уже на практике ставятся вопросы о выкупе в коллективную собственность арендуемого кооперативами государственного имущества. Опыт перестройки отношений собственности в ходе реформы экономической системы КНР может послужить ориенти-

ром в принятии политико-законодательных решений для нашей экономики.

Совместное участие экономистов и юристов в разработке проблем развития социалистической собственности плодотворно, поскольку оно ведет к взаимному обогащению научных понятий, более точному выражению на языке права социально-экономической действительности. Благодаря юридическим нормам отношения общенародной (государственной) и кооперативной собственности получают соответствующее закрепление, и только в таком виде воспринимаются людьми достижения экономистов в познании тех или иных сторон собственности. Вследствие формальной определенности права проводятся четкие ограничения собственности общенародной (государственной) от кооперативной или от собственности общественных организаций, а также от личной (индивидуальной) собственности граждан.

Представляются необоснованными суждения экономистов о том, что в нормах права нельзя выразить диалектическое противоречие общественной собственности как обладание имущественными объектами всеми и каждым. Еще со времен римского гражданского права юриспруденция располагает большим юридико-техническим арсеналом, наличие которого подтверждается в характеристиках, которые дают и китайские ученые этому правовому феномену: экономическая собственность, право собственности, имущественное право, право собственности юридического лица и т. п., выражающие различные стороны и грани этого сложного явления. В советском хозяйственном законодательстве проводится различие между формами общественной собственности и общей собственностью, когда имущество принадлежит нескольким собственникам. В Законе о кооперации в СССР общая собственность употребляется в значении собственности государства, кооперативов и других общественных предприятий и организаций, когда речь идет об имуществе государственно-кооперативных объединений.

Идея о многосубъектности общенародной собственности в принципе плодотворна, однако методологически неверно акцентировать внимание на противопоставлении общенародной собственности государственной. Общенародная собственность может существовать лишь в единстве всех государственных ее форм:

— общегосударственная собственность, собственность Союза ССР (земля, ее недра, железнодорожный, морской, воздушный транспорт, другие средства производства, которые по своей социально-экономической природе должны быть собственностью этого государства);

— собственность союзных республик;

— собственность местных Советов народных депутатов;

— собственность предприятия (а не собственность трудового коллектива).

Предложение характеризовать государственную собственность как общенародную ставит перед экономической и юридической наукой сложные задачи по разрешению проблем разграничения и сочетания названных четырех форм государственной собственности. Как в условиях развития и укрепления советского федерализма создать оптимальные условия для улучшения конечных результатов всей хозяйственной деятельности каждой союзной республики? Усиление ответственности союзной республики безусловно предполагает, что она должна быть признана субъектом собственности на определенную часть государственного имущества (например, на средства производства республиканского подчинения). Кроме того, может быть использована и юридическая конструкция «двойной» собственности, то есть субъектами собственности на имущество являются Союз ССР и союзная республика.

Реализация идеи о многосубъектности общенародной собственности немыслима и без ответа на вопрос, как можно объяснить собственность предприятия или собственность Совета народных депутатов, оставаясь на позиции ее характеристики как общенародной собственности. Если признать предприятие собственником всего имущества, находящегося в его обладании, то это уже не общенародная собственность.

Значит, в пределах государственного предприятия должны быть два вида собственности: собственность государства и собственность самого предприятия, в том числе и на новые объекты, создаваемые за счет хозяйственного дохода коллектива. Процессы по выкупу рабочими данного предприятия объектов государственной собственности, по выпуску и приобретению ими акций как раз и отделяют имущество от общенародной собственности и превращают государственные предприятия в коопе-

ративные. В нашей стране вряд ли потребуются политико-правовые решения, как это сделано в КНР, о возможности деятельности частных предприятий, то есть когда основной капитал находится в руках отдельных граждан, не объединяемых в кооперативы. В сфере обслуживания и торговли общенародная собственность вряд ли сохранится и у нас.

О. В. Катихин (ведущий научный сотрудник Института экономики АН СССР, кандидат экономических наук) отметил, что центральной проблемой экономической реформы в КНР, как и перестройки экономической системы в СССР, является изменение в структуре собственности. Без решительной ломки сложившихся стереотипов в понимании социалистической собственности и тенденций ее развития нельзя, видимо, рассчитывать как на успех реформы в КНР, так и на успех перестройки в СССР.

Теория и практика социалистического строительства в течение длительного времени исходили из того, что структура собственности и форм хозяйствования социализма достаточно проста. Считалось, что эта структура во многом статична и если изменяется, то в сторону дальнейшего упрощения.

Но развитие социализма требует мобилизации всех потенциальных возможностей, заложенных в его природе, использования всех форм экономической деятельности, для которых имеются объективные основания и которые не находятся в конфликте с природой социалистического строя. Проведение такой линии с неизбежностью ведет к усложнению структуры отношений собственности, к усилению многообразия форм экономической жизни.

При решении вопроса об изменении структуры форм социалистической собственности необходимо иметь в виду, что уровень производительных сил и обобществления производства в различных странах и в различных секторах народного хозяйства внутри одной страны остается неодинаковым. Недоучет данного обстоятельства вызывает две противоположные тенденции: с одной стороны, забегание вперед с внедрением более высоких обобществленных форм хозяйствования, а с другой — отставание с назревшими преобразованиями. Результат в обоих случаях одинаков — сдерживание экономического роста.

В реальной действительности во многих социалистических странах, в том числе в СССР и КНР, возобладала первая из названных тенденций, когда формы собственности зачастую превзошли реальный уровень обобществления производства. Об этом свидетельствует удельный вес государственной собственности, ее распространение почти на все сферы хозяйства. В этой связи особенную актуальность приобретает задача приведения форм собственности в соответствие с достигнутым уровнем реального обобществления производства.

Решение отмеченной выше задачи во многих случаях означает «разогосударствление» экономики, другими словами — переход от государственной к кооперативной и другим формам собственности. Эти процессы уже происходят в некоторых социалистических странах. Они нуждаются при этом во взвешенной и трезвой оценке.

Вряд ли будет правильно утверждать на основании только имеющейся практики СССР, КНР и некоторых других стран, что передача государственных предприятий и организаций в кооперативную собственность или в аренду коллективам или отдельным лицам является закономерностью социализма. Не следует повторять ошибки прошлых лет, когда чуть ли не каждое крупное мероприятие экономической политики объявлялось экономическим законом или во всяком случае закономерностью социализма. Нынешний процесс очищения политической экономии от такого рода законов и закономерностей не следует подменять конструированием новых, полученных по такому же методологическому принципу.

В. В. Карлусов (старший преподаватель ИСАА при МГУ, кандидат экономических наук) остановился на некоторых дискуссионных вопросах развития товарно-денежных отношений и легализации частной собственности в отдельных странах реального социализма. Опыт хозяйственной реформы в социалистических странах показывает, что товарно-денежные отношения при социализме трансформируются во «вторично превращенную» форму, средство проявления общественного характера труда, которое в свою очередь опосредовано государством как субъектом планомерного регулирования рынка. При этом планомерность (а отнюдь не административные запреты на ту или иную форму собственности), понимаемая как стремление

государства к выражению наиболее общих интересов ассоциации тружеников и экономически заложная в систему стоимостных регуляторов общественного спроса и предложения, включает в себе возможность преодоления (нейтрализации) типичной для капитализма роли меновой стоимости как средства отчуждения и эксплуатации.

Собственность в странах реального социализма (особенно экономически невысокоразвитых, таких как КНР) — сложное разнотипное, многоуровневое, включающее в себя элементы базиса и надстройки, отношение, объективно стремящееся к отражению реально существующей структуры производительных сил.

Хозяйственная практика КНР, ВНР и некоторых других соцстран дает основание полагать, что пока существуют товарное производство, товар как общественная форма продукта труда и пока труд не носит непосредственно общественного характера, существуют и определенные объективные условия реализации частной собственности как одной из общественных форм развития производительных сил. Однако подобно тому, как товарно-денежные отношения из всеобщей формы выражения стихийной общественной связи производителей при капитализме превращаются в реальную социалистическом обществе в планомерно регулируемую, подчиненную государству форму общественных отношений, так и частная собственность из всей формы развития производительных сил превращается в подчиненную, дополняющую государственную и коллективную (и их производные) форму собственности.

«Запрещение» и подавление частной и других негосударственных форм собственности юридически и административно-командными методами ведет, как свидетельствует многолетняя практика ряда соцстран, к торможению процессов реального обобществления производства, обострению проблем товарного дефицита и диспропорций между общественным спросом и предложением, нарастанию тенденций к свертыванию товарно-денежных отношений. Административно-управленческий аппарат при этом раздувается, бюрократизируется. Частная собственность, однако, будучи «ликвидированной» юридически, как социально-экономическое явление отнюдь не исчезает, а продолжает существовать в виде «теневых» или «замаскированных» отношений; преимущественно непроизводительных (функционирующих в сфере обращения) форм, паразитирующих на дефиците и неразвитости товарно-денежного механизма; отношений, изнутри подтачивающих, коррумпирующих систему и разлагающих имидж социалистического образа жизни.

Легализация частной собственности в КНР — это прежде всего мера политико-правового подчинения частного сектора государству в целях использования хозяйственного потенциала этого сектора в индустриализации страны, обобществлении, коммерциализации и модернизации производства.

Социалистическое государство как стремящийся к выражению интересов ассоциации трудящихся институт надстройки, с одной стороны, и как хозяйствующий в интересах этой ассоциации субъект, с другой, является соответственно политическим и экономическим гарантом будущего превращения частной собственности и других «несоциалистических элементов в социалистической экономике» в имманентно присущие социализму, коллективистские, исключающие эксплуатацию человека человеком, социально-экономические формы. Но такое превращение, как признают ныне в КНР, экономически детерминировано определенным (несравнимо более высоким, чем современный) уровнем и характером развития производительных сил и не может быть форсировано (во всяком случае, без серьезных негативных для социалистического строительства последствий) волевыми, административно-командными методами.

Конкурентоспособность частной собственности, выживаемость ее в условиях сосуществования с общественной связана, во-первых, с присущей ей большей приспособленностью к товарно-денежным отношениям и, во-вторых, с тем, что в частном секторе посредствующие звенья между собственниками условий производства и непосредственными производителями зачастую оказываются менее сложными и громоздкими, чем в сфере государственной и коллективной собственности (в их нынешнем виде). Общественная собственность при социализме может реально вытеснить частную лишь в ходе естественного, адекватного развитию производительных сил процесса сокращения посредствующих звеньев отношений между собственниками условий производства и непосредственными производителями. (Частная собственность, по-видимому, изживает себя лишь при таком уровне развития производительных сил, который объективно исключает отчуждение производителя от средств и результатов производства.)

Задача социалистического государства — ускорить этот естественный процесс, но не административно-командными, внеэкономическими, насильственными, «деспотическими», как называл их К. Маркс, методами, а посредством создания наилучших социально-экономических, правовых и иных условий его развития. Главный критерий правильности политики государства в области регулирования отношений собственности — устойчивый рост производительных сил общества в интересах человека.

В. Я. Портяков (заведующий сектором ИЭМСС АН СССР, кандидат исторических наук) отметил, что специфика нынешнего момента состоит в переходе от насильственного развития форм собственности, которые мы считали социалистическими, к естественному ходу их развития. Государство при этом выступает в роли разрешителя, «добраго барина», позволяющего развитие новых форм или ставящего препятствие на их пути. Существует, естественно, и проблема защиты законных интересов государства, его собственности и имущества. Такой революционный переход не может быть гладким и бескровным. В Китае стремятся отделить функции государства как собственника от его функций экономического управления.

Очень не проста проблема развития форм собственности в китайской деревне. Повторная кооперация — это лишь один из путей развития собственности в деревне. Китайский экономист Чжан Куйфэн приходит к такому заключению: когда в Китае осуществляли кооперирование крестьянства, хотели прийти к зажиточности и к социализму; в результате к социализму пришли, а к зажиточности — нет. В рамках коллективной собственности всегда существует тенденция уравнительности. Стимул к эффективному развитию сельского хозяйства может дать, считает китайский ученый, только раздача земли в частную собственность крестьян. По мнению Чжан Куйфэна, именно частное хозяйство как наиболее восприимчивое к новациям может стать наиболее динамичным сектором народного хозяйства КНР. Насильственное ограничение частного хозяйства (путем установления процентных соотношений) может привести к возникновению слоя рантье.

Необходимо учитывать резко негативное психологическое восприятие населением некоторых новых форм собственности, прежде всего частного хозяйства. Такое отношение населения будет сдерживать их распространение.

И. Н. Коркунов (заведующий сектором ИДВ АН СССР, кандидат экономических наук) остановился на экономической роли государства в условиях многоукладного хозяйства в КНР. Если прежде государство делало главную ставку на политические кампании и пыталось охватить управлением все сферы экономической жизни общества, то теперь на смену этим методам приходят новые решения — расширение материального стимулирования, развитие научно-технического прогресса, ограничение сферы непосредственного государственного вмешательства в экономику.

Роль государства фактически характеризуется двумя видами экономической деятельности: во-первых, непосредственное участие государства в развитии материального производства и инфраструктуры, во-вторых, мобилизация и распределение ресурсов, включая инвестиционную, торговую, финансовую, внешнеэкономическую деятельность, использование налоговой системы, механизмов денежного обращения и ценообразования. Все это в конечном итоге привело к повышению регулирующей экономической роли государства.

Сдвиги в отношениях собственности на средства производства как результат изменения масштабов и объектов обобществления в определенной мере носили стихийный характер. В деревне, помимо тенденций к индивидуальному хозяйствованию, наблюдались тенденции быстрого роста подсобных промыслов и мелкой промышленности, конкурирующей с крупной и средней за сырье, энергию и рабочую силу. Изменения отношений собственности не привели пока к формированию устойчивой системы производственных отношений собственности в китайской деревне. В наиболее богатых районах создавались наиболее зажиточные бригады и хозяйства, объем доходов которых зависит не столько от количества и качества затраченного труда, сколько от «конкурентоспособности» хозяйств. Система отношений собственности в деревне пока является переходной, проводятся меры по закреплению ее государственно-правовым регулированием. Ее противоречивость проявляется, в частности, в двойственной системе собственности — общественной на землю и в значительной мере индивидуальной на другие средства производства.

В. Н. Ремыга (заведующий сектором ИДВ АН СССР, кандидат экономических наук)

наук) подчеркнул, что в КНР главным критерием поощрения создания различных по формам собственности типов хозяйств стало то, способствуют ли они развитию производительных сил страны.

З. А. Муромцева (старший научный сотрудник ИДВ АН СССР, кандидат экономических наук) отметила, что рассматривая комплекс вопросов, связанных с преобразованием в отношениях собственности, мы вновь обращаемся к проблемам формального и реального обобществления при социализме. Упрощенное метафизическое представление о социалистических отношениях привели к появлению двух опасных тенденций. С одной стороны, социалистическая собственность стала превращаться как бы в «ничейную», культивируя устойчивость предрассудков уравнилельного распределения и безвозмездное изымание прибавочной стоимости у хорошо хозяйствующих коллективов и активных работников. С другой стороны, наметилась тенденция к установлению корпоративности в лице ведомственной и министерской бюрократии, искусственно создающей барьеры в развитии производительных сил общества и усиливающей несбалансированность народного хозяйства. В социалистическом обществе сформировался целый слой иждивенцев, мера потребления которых не зависит от меры их труда. И то, и другое породило и порождает застойные явления в социалистическом обществе.

Теоретически необходимость соединения функций собственника и хозяйственника, владельца и распорядителя давно находилась в поле зрения экономической науки. В КНР на рубеже 80-х гг. приступили к практическому решению этой назревшей проблемы.

М. Г. Солнцева (младший научный сотрудник ИДВ АН СССР) обратила внимание на взаимообусловленность реформы ценообразования и перестройки отношений собственности на современном этапе реформы экономической системы в КНР. В настоящее время в Китае наблюдается обострение экономической ситуации. Оно проявляется в нарастании по восходящей инфляционных процессов, углублении диспропорций в народном хозяйстве, частичном снижении уровня жизни народа.

Вплоть до недавнего времени обострение ситуации связывалось, в основном, с расстройством денежной сферы, неудовлетворительным состоянием системы ценообразования и цен. Внимание как руководства КНР, так и многих китайских экономистов было сосредоточено на необходимости первоочередного осуществления реформы цен как ключевого звена дальнейшей реформы.

Обсуждение сложившегося положения на 3-м пленуме ЦК КПК 13-го созыва (сентябрь 1988 г.) привело к выводу о необходимости комплексного подхода к проведению реформы.

Осуществление целостной экономической перестройки предполагает взаимосвязанное решение задач: 1) создание экономических условий для повышения эффективности основной хозяйственной единицы — предприятия; 2) формирование и совершенствование механизма рыночных связей; 3) совершенствование макроэкономического управления и контроля. Трудности современного периода связаны с плохой стыковкой этих слоев реформы, каждый из которых не может дать дальнейшего движения вперед вне связи с другими. Путь к успеху экономической перестройки лежит через взвешенное и взаимосвязанное осуществление преобразований на всех уровнях экономики.

Для формирования хозяйственного механизма «предприятия ориентируются на рынок, рынок регулируется государством», соответствующего плановой товарной экономике, реформа цен как ядра рыночного механизма безусловно необходима. Однако трудно ожидать, что сама по себе она сделает возможным соизмерение затрат через гибко действующий механизм конкуренции и цен. Это труднодостижимо в условиях, когда на ценовые сигналы рынка способны реагировать лишь мелкие производители, включившиеся в сферу товарного производства (в этом смысле наиболее «просвещены» законом стоимости крестьянские хозяйства), а крупные и средние государственные предприятия на деле не заинтересованы в минимизации издержек производства, поскольку благодаря нежестким отношениям с государственным бюджетом практически любой уровень их затрат будет признан необходимым обществом в условиях дефицитности экономики.

Для того чтобы реформа цен действительно сыграла свою роль в формировании рыночного механизма движения экономики, необходима дальнейшая глубокая

перестройка деятельности предприятий, направленная на то, чтобы проблема экономической эффективности стала для них действительно вопросом выживания, чтобы за убытки коллектив предприятия нес такую же ответственность, как и за прибыли. Представляется обоснованным тезис о том, что это требует изменения не только механизма хозяйственной деятельности предприятия, но и системы имущественных прав. Реформа системы имущественных прав позволит поставить предприятия общенародной собственности в равные условия с производителями, функционирующими в рамках товарной экономики, и создаст условия для конкуренции.

Таким образом, с одной стороны, действенность реформы цен по сути обусловлена углублением преобразований в производственных отношениях, вплоть до вторжения в сферу отношений собственности.

С другой стороны, формирование и функционирование диверсифицированной системы форм собственности, соответствующей многоуровневой структуре производительных сил, требует дальнейшего совершенствования механизма движения экономики в направлении создания благоприятных внешних условий для хозяйствующих субъектов. Совершенствование системы рыночных связей (особенно ценообразования и цен) призвано обеспечить на основе действия закона стоимости не искаженное действием внеэкономических факторов соотношение затрат общественного труда и признание их общественно необходимыми.

И. А. Балюк (младший научный сотрудник ИДВ АН СССР) остановился на проблемах реализации общественной собственности на средства производства при социализме. Общественная собственность на средства производства должна гарантировать всем членам общества равенство по отношению к общественным средствам производства, то есть равное право участвовать в общественном производстве по мере своих способностей.

Недостатком существовавшего во многих социалистических странах, в том числе в Китае, способа соединения со средствами производства является формально-декларативный характер этого соединения, при котором работник не имел возможности влиять на производственный процесс, не чувствовал себя хозяином на производстве.

В ходе реформы экономической системы в Китае была предпринята попытка преодолеть отчуждение работника от средства производства. В теории это получило оформление в виде тезиса о разделении права собственности и права хозяйствования: через использование различных форм хозяйственной ответственности (подряд, аренда, акционерное участие и др.) работник заинтересовывается в максимально эффективном использовании средств производства.

Рамки права хозяйствования, на наш взгляд, должны быть раздвинуты до реализации возможности свободной купли — продажи средств производства между производителями в пределах данной страны, так как в этом случае происходит лишь смена лиц, использующих эти средства производства, а сами они не исключаются из процесса общественного производства.

Использование различных форм реализации общественной собственности на средства производства немалосило без активного развития товарно-денежных отношений. Действия закона стоимости. Действие закона стоимости как регулятора общественного производства влечет за собой дифференциацию производителей. В конкурентной борьбе одни предприятия преуспевают, другие не выдерживают конкуренции и подлежат реорганизации.

Новые формы реализации общественной собственности на средства производства оказывают стимулирующее воздействие на активность работника, побуждают его трудиться с максимальной отдачей в целях получения высокой заработной платы, являющейся логическим вознаграждением за качество и количество затраченного труда. Легализация социальной дифференциации, которая существует объективно, но в скрытой форме, позволит осуществить социалистический принцип распределения по труду в противовес реально действовавшему до сих пор механизму распределения доходов на уравнительной основе.

Исторический опыт развития социалистических стран свидетельствует о неприемлемости и бесперспективности формального обобществления средств производства без учета реальной обстановки в стране. Объективные законы экономического развития общества потребуют разукрупнения собственности, что произошло в Китае в ходе

реформы и что в известной степени имеет место и в СССР.

Ю. В. Цыганов (аспирант ИДВ АН СССР) затронул вопрос о коллективных формах хозяйства в условиях реформы экономической системы в КНР. В конце 70-х — начале 80-х гг. в КНР произошел отход от господствовавшей ранее концепции, согласно которой собственность при социализме рассматривалась как простое сочетание государственной и коллективной форм, и считалось, что коллективная форма неизбежно эволюционирует в сторону государственной как более высокой и в перспективе сливается с ней. Для коллективного сектора это на практике означало его огосударствление, когда коллективная собственность получила наименование «второй общенародной собственности». Множество мелких предприятий были произвольно объединены в крупные коллективные, в свою очередь сливавшиеся с государственным сектором. Сельскохозяйственные снабженческо-сбытовые кооперативы также были фактически возведены до уровня государственной собственности. Во многих коллективах работники не могли распоряжаться фондами и отчисляли прибыль вышестоящим организациям (государственные ведомства или объединения кооперативов). В частности, второе министерство легкой промышленности отвечало по счетам большого количества городских коллективных предприятий, они же большую часть прибыли отчисляли министерству.

В настоящее время в Китае подчеркивается равноправный характер коллективной собственности по отношению к государственной. Поставлена задача превращения коллективных предприятий в самостоятельные хозяйственные единицы с самостоятельной ответственностью за доходы и убытки.

Перестройка отношений собственности началась в деревне. Подрядная система ответственности, в которой вознаграждение связано с конечной продукцией, стала разрывом со старыми экономическими методами единообразного хозяйствования. Такая система, в которой основным производственным звеном стал крестьянский двор и которая базируется на общественной собственности на землю, сейчас оценивается в Китае как новая форма социалистической кооперативной экономики, приспособленная к нынешнему состоянию производительных сил.

Довольно быстро развивались волостные и поселковые коллективные промышленные предприятия, которые по источникам формирования фондов можно назвать муниципально-коллективной собственностью, так как эти предприятия организуются местными административными органами. Достижение самостоятельности таких предприятий видится на путях проведения границ имущественных отношений на предприятиях посредством паевых форм и осуществления системы подрядных договоров. Пасовое участие также должно стать средством восстановления коллективного характера снабженческо-сбытовых и посреднических кооперативов.

Средства производства на предприятиях коллективной собственности должны быть имуществом, находящимся в коллективном владении работников предприятия, но фактически в Китае имеется небольшое количество коллективных предприятий, которые были организованы на средства работников или возникли на основе бывших кооперативов ремесленников. Можно выделить следующие типы коллективных предприятий в городах и поселках: 1) крупные коллективные предприятия, организованные и управляемые органами промышленно-торговой администрации городского уровня; 2) крупные коллективные предприятия, организованные промышленно-торговыми органами районного и уездного уровня; 3) мелкие коллективные предприятия, руководимые квартальными управлениями; 4) предприятия, руководимые уличными комитетами; 5) крупные коллективные предприятия, созданные и руководимые предприятиями общенародной собственности; 6) крупные или мелкие коллективные предприятия, созданные различными органами, предприятиями и организациями; 7) мелкие коллективные предприятия, созданные компаниями трудовых услуг различного уровня; 8) мелкие коллективные предприятия, совместно руководимые квартальными или уличными комитетами и общенародными предприятиями, органами торговли; 9) производственные кооперативы «крупных коллективов», созданные для трудоустройства молодежи, ожидающей работу, организации которых содействуют промышленные компании; 10) коллективные предприятия, управляемые самими работниками и созданные на их собственные средства. Только предприятия последнего типа могут осуществлять самостоятельное хозяйствование.

Преобразование системы «государственная собственность — государственное хозяй-

ствование» на основе реализации принципа разделения права собственности и права хозяйствования ведет к возникновению новых форм коллективного хозяйствования. Государственные предприятия (прежде всего мелкие), особенно в торговле, сфере услуг, могут использовать коллективный подряд, аренду, более того, продаваться в коллективную собственность трудящихся (для чего могут быть использованы индивидуальные средства при организации акционерного предприятия). Подряд и аренда фактически способствуют формированию смешанных форм собственности, так как подрядчики и арендаторы могут расширять масштабы производства и приращенные фонды являются их собственностью.

Коллективные предприятия в свою очередь используют подряд и аренду в отношениях с частными лицами, может использоваться и семейный подряд, при котором коллективные предприятия поставляют обработанные или сырые материалы и закупают готовую продукцию.

А. Ф. Оникненко (аспирант ИМЭМО АН СССР) указал, что важным направлением реформы собственности в КНР является развитие акционерных отношений. Акционерная система — одна из наиболее перспективных форм хозяйственной деятельности, обеспечивающая аккумуляцию и производительное использование свободных денежных средств населения и предприятий, способная дать высокую экономическую эффективность, а также один из важнейших методов реформы структуры собственности государственных предприятий, позволяющий разделить право собственности и право хозяйствования, административные и хозяйственные функции, преодолеть отчуждение непосредственного производителя от средств производства и результатов труда, возрождая тем самым у рабочих и служащих чувство реального хозяина своего предприятия. Признание китайскими учеными и руководителями различного ранга возможности и плодотворности применения акционерной системы в условиях социализма представляло собой сложный процесс, который развивался как в теоретических дискуссиях, так и на основе изучения конкретного опыта первых, появившихся в экспериментальном порядке акционерных предприятий.

На начальном этапе введения акционерной системы высказывались опасения, что, будучи капиталистической формой хозяйствования, она — при достаточной длительности ее использования в условиях социализма — способна изменить характер социалистической общественной собственности. Некоторыми учеными ее внедрение напрямую связывалось с реставрацией капитализма, с нарушением соответствующих положений конституции.

Однако в работах многих китайских авторов была показана несостоятельность подобных точек зрения. Прежде всего в качестве организационной формы предприятия никакой особой классовости она в себе не несет, получая конкретное наполнение лишь в условиях совершенно определенного общественного строя. Она может эффективно использоваться и служить развитию производительных сил как при капитализме, так и при социализме. Акционерная система является реформой лишь формы собственности — общественная собственность получает иную, более совершенную форму реализации, но при этом отнюдь не происходит изменения собственности как таковой.

Кроме того, основным методом осуществления «акционеризации» предприятий в настоящее время является введение на них трех типов долевого участия: пая государства, коллективного пая предприятия и индивидуальных паев рабочих и служащих данного предприятия. Но доля этих индивидуальных паев в общей сумме акционерного капитала предприятий достаточно низка, колеблется в разных частях Китая от 3 до 14—15 %, не превышая пока 30 %. Доли государства и коллектива, которые часто объединяются единым термином «общественный пай», составляют при этом основную часть всего акционерного капитала, и, следовательно, отсутствует возможность коренных изменений в характере социалистической общественной собственности.

Немало споров и возражений вызывает сам коллективный пай предприятия. Этот тип долевого участия представляет собой имущество, сформировавшееся за счет накопления, осуществлявшегося самим предприятием в течение ряда лет. Принадлежит это имущество, а следовательно, и пай всему коллективу в целом, но не отдельным его членам. Противники долевого участия предприятия считают, что предприятия общенародной собственности созданы на основе капиталовложений государства, поэтому

и создаваемая на нем прибыль может принадлежать лишь государству. Введение же пая предприятия может обусловить формирование «собственности предприятия», что являлось бы «отходом» от общенародной собственности.

Основным доводом против того положения, что предприятие не имеет права собственности на оставляемую ему прибыль, произведенную на нем самом, обладая лишь правом распоряжения этим остатком прибыли, является то, что, согласно теории марксизма, капитал прибыли не создает, прибыль же представляет собой часть новой стоимости, созданной трудящимися. И если — в условиях общественной формы собственности — она распределяется между трудящимися, то может передаваться и государству как представителю всех трудящихся, может полностью оставляться коллективу предприятия, может частично передаваться государству, а частично оставляться в распоряжение предприятия. Выбор между тремя этими вариантами будет зависеть лишь от государственной распределительной политики, но это ни в коей мере не значит, что прибыль может принадлежать только государству как инвестору.

Несогласие с положением об «отходе» аргументируется необходимостью покончить с традиционным представлением, что общенародная собственность является высшей формой общественной собственности. Владение коллективом предприятия паем — это также один из видов общественной собственности. Государство может усилить или ослабить свой контроль над предприятием посредством увеличения или уменьшения объема реинвестируемой прибыли, распределяемой согласно долевого участию. При незаинтересованности в финансовом контроле над данным отдельным предприятием государство может прекратить реинвестиции прибыли, используя ее на усиление контроля над другими, более значимыми для государства предприятиями. Тем самым доля коллектива предприятия будет постепенно увеличиваться, что действительно может привести к гипотетической возможности перехода этого предприятия в «собственность предприятия». Но подобное изменение формы собственности даже у части акционерных предприятий не должно нарушать того принципа, что ведущее место сохраняется за социалистической общественной собственностью.

С введением акционерной системы, как показывает опыт Китая, возникает большое число проблем как теоретического, так и практического характера. Оценившая современный этап развития акционерной формы в Китае в целом, китайские экономисты называют ее лишь «праформой», отмечая, что существующие сейчас в стране акционерные компании нельзя назвать таковыми в полном смысле слова. Тем не менее в этой форме видится одно из основных направлений, по которому пойдет реформа предприятий государственной собственности.

Б. А. Богданов (редактор отдела журнала «Проблемы Дальнего Востока») остановился на некоторых теоретических аспектах проблемы отчуждения трудящихся от средств производства и результатов труда.

А. Б. Резниченко (Всесоюзный заочный политехнический институт, кандидат экономических наук). Хотелось бы уточнить одно положение доклада Э. П. Пивоваровой, где говорится о том, что «"прорыв" в подходе КНР к отношениям собственности при социализме заключается в отказе от признания того, что по мере развития социализма должна повышаться степень обобществления». Очевидно, что здесь, говоря об обобществлении, необходимо было бы добавить слово «формального», поскольку отказаться от обобществления как от объективного процесса невозможно. У нас вплоть до сегодняшнего дня обобществление, как процесс усиления экономической взаимозависимости на основе постоянно развивающихся процессов разделения и кооперации труда, отождествляется с процессами концентрации и централизации производства. Хотя усиление концентрации и централизации является лишь частным случаем, одной из форм процесса обобществления, ибо прогресс в развитии производительных сил в различных отраслях и областях хозяйства в разные периоды может сопровождаться и снижением уровня концентрации и централизации. При этом уровень обобществления может повышаться.

Пивоварова Э. П. указала на высказанное в ходе обсуждения сомнение по поводу тезиса о «прорыве» китайских ученых в подходе к проблемам собственности. Новое в этом подходе — признание того, что по мере развития социализма должна повышаться степень ее обобществления, утверждение, что развитие многообразных форм собственности, снижая уровень формального обобществления, повышает его реальный уровень, что обобществление — объективный процесс и он не всегда совпадает с кон-

центрацией и централизацией производства. Своеобразие подхода ряда китайских ученых состоит в том, что они говорят о нецелесообразности, или необязательности повышения в условиях нормального, а не деформированного развития социализма, степени реального обобществления, отказе от прежних представлений, когда признавалось, что единоличная собственность должна перерасти в коллективную, а коллективная — в государственную (общенародную). Речь идет о праве на сосуществование и обобществленных, и необобществленных форм. В КНР, например, существует точка зрения, что частное хозяйство как более восприимчивое к новациям может стать наиболее динамичным сектором народного хозяйства, и для того, чтобы оно работало на социализм, нужна полноценная конкуренция. Допускается, что если будет создан действительный механизм соревновательности, доля несоциалистических, необобществленных хозяйств в сумме может достигнуть 40 %, то есть степень обобществления будет решать эффективность, а не тип хозяйства.

А. П. Морозов (зам. директора ИДВ АН СССР, кандидат экономических наук). Представляется очевидным, что в настоящее время мы в очередной раз подошли к моменту, когда, по выражению В. И. Ленина, «вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» (т. 45, с. 376). Если с позиций исторического материализма дать наиболее общее определение социализма, вне его каких-либо конкретных форм, то он представляет собой такую организацию общества, общественного производства, которая является более прогрессивной по отношению к капитализму, то есть создает более благоприятные условия для всестороннего развития производительных сил, в центре которых стоит человек. В этом заключается и историческая оправданность и необходимость замены капитализма социализмом. Конкретизируя это положение, классики марксизма-ленинизма выдвинули предположение о том, что такой лучшей формой организации будет всеохватывающая общественная собственность на средства производства, то есть они отождествляли социализм с безраздельным господством общественной собственности. Как известно, Энгельс представлял себе будущее общество в виде единой фабрики, где господство отношений общественной собственности позволит регулировать из единого центра общественное производство на нетоварной основе.

Это предположение классиков, берущее свое начало от представлений социалистов-топистов, впоследствии превратилось в непререкаемую догму, в соответствии с которой за протяжении нескольких десятилетий в разных странах пытались перестроить систему экономических отношений, попирая при этом основополагающие, научной и жизнью доказанные принципы марксизма, в частности, обусловленность производственных отношений, ядром которых являются отношения собственности, характером и уровнем развития производительных сил. Ленинская политика НЭПа нанесла первый серьезный удар по этой догме, но она устояла и дожила до сегодняшнего дня.

Представляется, что отождествление социализма с монополией общественной собственности на средства производства исторически себя не оправдало, также как и представление о социализме как о единой фабрике. Подобная концепция социализма к тому же является несовместимой с признанием товарного характера социалистического производства. Поскольку товарные отношения возникают лишь при наличии независимых друг от друга самостоятельных товаропроизводителей, которые не могут существовать в рамках единой и единственной общественной формы собственности. Поэтому в Китае переход к социалистической товарной экономике и создание нового хозяйственного механизма, сущность которого выражается формулой «государственное регулирование рынка и рыночное ориентирование предприятий», идет параллельно с ломкой старой структуры отношений собственности, с переходом от всеохватывающей монополии общественных форм собственности к созданию плюральной системы собственности, при которой общественная собственность играет определяющую роль. Разумеется, в этих условиях происходит и структурная перестройка самой общественной собственности, развитие многообразия конкретных форм ее реализации.

Представляется, что в новой плюральной структуре собственности социалистического общества общественная собственность должна играть решающую роль, она, видимо, должна стать материальной основой определяющего влияния государства на характер и направление социально-экономического развития общества в целом в соответствии с идеалами социализма, с идеалами социальной справедливости. При этом, разумеется, вовсе не обязательно, чтобы общественная собственность

занимала количественно преобладающее положение в структуре собственности.

Очевидно, что «чистый социализм», то есть социализм, основанный на монополии общественной формы собственности, существовать не может, по крайней мере, при данном уровне и характере развития производительных сил. В этом плане мне представляется несостоятельными распространенные в нашей литературе утверждения, что товарный характер социалистического производства связан с его недостаточной развитостью, что если бы социализм победил в развитых капиталистических странах, как это имели в виду К. Маркс и Ф. Энгельс, то было бы возможно и создание «чистого», нетоварного социализма. Однако классики марксизма под развитым капитализмом имели в виду капитализм прошлого века, от которого по уровню развития производительных сил весьма далеко ушли не только передовые капиталистические, но социалистические страны.

Наша сегодняшняя дискуссия о собственности при социализме на материале реформ, осуществляемых в Китае, позволила, на мой взгляд, выйти за рамки наших традиционных представлений о социалистической собственности, поставила нас перед необходимостью переосмысления этого фундаментального понятия и формулировки нового его определения на базе основополагающих принципов научного социализма. В формировании нового понимания социалистической собственности теория и практика должны идти нога в ногу, поскольку эта категория является не только теоретической абстракцией, но и практической реальностью, играющей важнейшую роль в развитии производительных сил.

Поиск путей взаимодействия

(Встреча советских и японских
специалистов)

В Токио состоялась беседа советских и японских специалистов в области международных экономических отношений. Обсуждались проблемы адаптации японской экономики к неблагоприятному воздействию беспрецедентного повышения курса иены, перехода страны к новой модели экономического развития и внешнеэкономических связей и в этом плане перспективы расширения торгово-экономических связей между СССР и Японией. С советской стороны в беседе участвовали доктор экономических наук В. Н. Хлынов и С. П. Коцюба. С японской — специалист по вопросам японо-советских отношений профессор Т. Сака и С. Екогава, возглавлявший в течение последних 20 лет Ассоциацию японо-советской торговли.

В. Хлынов. Разрешите начать нашу беседу. Как известно, нынешняя экономическая ситуация в Японии оценивается многими наблюдателями как весьма сложная и во многом неоднозначная. Негативное воздействие стремительного и до сих пор продолжающегося роста курса иены, снижающего конкурентоспособность японского экспорта на основных рынках сбыта, приводит к необходимости внесения серьезных корректив в механизм и саму концепцию внешнеэкономических связей, подталкивает болезненный пересмотр соотношения удельных весов внешнего и внутреннего спроса в стратегии хозяйственного развития страны.

Вместе с тем основные макроэкономические показатели говорят о сохранении позиций Японии в мировой экономике. Эти позиции достаточно весомы: сегодня на страну, по некоторым подсчетам, приходится уже 14 % мирового ВВП.

Т. Сака. Резкое и неожиданное повышение курса иены, происходящее со второй половины 80-х гг., привело к кризисным потрясениям, глубина и возможные последствия которых сравниваются Управлением экономического планирования (УЭП) с «10-летием нефтяного кризиса и инфляции» (1970—1980). Прежде всего опасения были основаны на том, что повышение курса иены может привести к резкому сокращению экспорта, дефляции, банкротствам и росту безработицы. Новый этап развития, в который вступила японская экономика, характеризовался и небывалым обострением противоречий с основными торговыми партнерами (США, странами ЕС).

В этих условиях правительство разработало программу адаптации хозяйственного развития страны к происходящим изменениям. Основы ее изложены в «Белой книге по вопросам экономики» за 1985 г. и развиты в двух «докладах Маэкава», подготовленных Исследовательским советом по гармонизации промышленной структуры. Переход на новую модель экономического роста основывался на двух взаимосвязанных моментах. Первое — расширение внутреннего спроса за счет прогресса в отраслях обработки информации, дальнейших технологических нововведений в компаниях, диверсификации и индивидуализации вкусов потребителей. Второе — сокращение издержек производства за счет переноса значительной его части за рубеж, использование преимуществ горизонтального разделения труда с партнерами в азиатско-тихоокеанском регионе.

Можно сказать, что страна в целом справилась с задачей перехода на новую модель развития. Пессимистические прогнозы, характерные для начала 1987 г., не оправдались, экономическая ситуация улучшилась. Объем промышленного производства после спада в 1986 г. (сокращение на 0,4 %) увеличился и, по предварительным данным, в 1988 г. превысил 4 %.

Восстанавливаются прибыли большинства компаний, сокращается число банкротств. Приостановлен рост безработицы, уровень которой приблизился к 3 % — самой высокой отметке для послевоенного развития страны. В облегчение ситуации с занятостью внесло весомый вклад расширяющееся промышленное производство и сфера услуг.

В процессе смещения центра тяжести экономического роста на внутренний спрос ключевую роль играет финансовая политика. Здесь наметился отход от бюджетной экономии к активному стимулированию внутреннего компонента экономики.

Это дает определенные результаты. Если раньше восстановление деловой активности после циклических спадов происходило за счет роста экспорта, то отличительная особенность нынешней ситуации — рост производства при заметном сокращении вывоза за рубеж. Наблюдается падение экспортной доли в основных отраслях, продукция которых составляла основу внешнеторговой экспансии, была ее ударной силой. Так, в автомобилестроении экспортная доля снизилась с почти 60 % в начале 80-х гг. до 40 % в 1987 г. В электронном и электротехническом машиностроении она не превышает 30 %, тогда как в 1985 г. доходила в среднем до 40 %. В общем машиностроении указанный показатель понизился с 30 % в 1983 г. до 20—22 %.

С. Коцуба. В печати встречаются многочисленные материалы о расширении продаж на внутреннем рынке у компаний, традиционно ориентированных на внешний спрос. Приводятся, например, данные о том, что сокращается экспорт видеомагнитофонов, а их продажа внутри страны выросла почти на треть. Аналогичная ситуация наблюдается и с другими видами бытовой радиоэлектроники. Так, производство цветных телевизоров благодаря росту продаж на внутреннем рынке увеличилось в 1987 г. на 3,5 %, хотя до этого начиная с 1985 г. оно неуклонно сокращалось.

Видимо, это дает основание ряду японских экономистов отмечать превращение внутреннего спроса в главный движущий фактор экономического развития страны.

С. Екокава. В качестве основы улучшения экономического положения в 1987 г. обычно называются три фактора, рассматриваемых по степени важности в следующей последовательности: рост внутреннего спроса; улучшение кредитных условий (самая низкая за послевоенное время учетная ставка — 2,5 %); рост государственных расходов. Активный внутренний спрос способствовал оживлению хозяйственной ситуации, однако вряд ли оправданно считать вопрос о внесении серьезных корректив в стратегию экономического развития страны успешно решенным. Изменение пропорций и приоритетов во внутри- и внешнеэкономическом развитии страны проходит крайне болезненно не только для отдельных компаний, но и для целых отраслей японской промышленности.

В. Хлынов. Не последнюю роль в восстановлении деловой активности наряду с устойчивым внутренним спросом сыграла и продолжающаяся рационализация производства, повышение его гибкости, внедрение нового высокоэффективного производственного оборудования, создание все большим числом фирм «безлюдных производств». Например, в результате полной автоматизации одного из предприятий компании «Хитати», расположенного в районе Токай, число занятых на нем сократилось до четырех человек. При этом время сборки одного видеомагнитофона составляет всего полторы минуты, а не три, как раньше.

Показательно, что даже в период падения прибылей большинство японских фирм не шло на сокращение расходов на НИОКР, занимаясь разработкой новых перспективных товаров. Результаты этих усилий налицо: уникальная, технологически сложная продукция, на которую сделали ставку японские компании, находит широкий спрос на зарубежных рынках.

Т. Саса. Вновь обращаясь к внешнеэкономической сфере, можно отметить, что надежды торговых партнеров Японии решить за счет «дорожающей» нены (этот процесс получил у нас термин «эндака») свои проблемы, а главная их них — хронический дефицит двусторонней торговли, не оправдались. Несмотря на превышение темпов роста импорта из США, дефицит в двусторонней торговле продолжает расти в пользу Японии, хотя и более умеренными, чем раньше, темпами. По-прежнему быстро растет положительное сальдо в торговле с Западной Европой и Юго-Восточной Азией, включая «новые индустриальные страны» (НИС).

С. Коцуба. В последнем случае мы имеем дело с упомянутой Вами попыткой использовать углубляющуюся экономическую взаимозависимость в АТР в качестве фактора перестройки хозяйственной структуры Японии, адаптации к новым условиям воспроизводства. За счет расширения закупок в регионе материалов, компонентов

и готовой продукции, технологический уровень которой быстро растет, японские фирмы рассчитывают сэкономить на издержках производства и оставить за собой завоеванную долю американского и западноевропейского рынков, где условия реализации японского экспорта резко ухудшились. Другое направление — смещение акцентов во внешне-экономической стратегии с роста товарного экспорта на увеличение прямых частных инвестиций, преследующих цель заменить вывоз товаров их непосредственным производством на ставших труднодоступными рынках.

В этих условиях филиалы японских компаний в азиатских НИС и странах АСЕАН становятся еще одной экспортной базой. Использование сравнительных преимуществ производственной деятельности японских компаний в азиатской части тихоокеанского региона приводит к увеличению поставок произведенной там продукции в саму Японию, и также филиалам в США и в странах Западной Европы. Рост межстрановых поставок приводит к созданию глубоко эшелонированного международного разделения труда.

Примеры, когда в условиях неблагоприятного курса иены сохраняется ценовая конкурентоспособность японского экспорта, достаточно многочисленны. Они показывают эффективность рассредоточения производства отдельных узлов и компонентов по тем странам региона, где оно наиболее прибыльно, с последующей сборкой готовой продукции в местах с наличием квалифицированной и дешевой рабочей силы. Так, например, сингапурский филиал «Маусита дэнки», производящий акустическую технику, закупает конденсаторы и устройства регулировки громкости в Малайзии, динамики — на Тайване, магнитную пленку — в Южной Корее, соединительные шнуры, разъемы и лентопротяжные механизмы — в Японии. Компания реализует на сингапурском рынке лишь 10 % произведенной продукции, а 90 % экспортирует в 50 стран мира.

В целом на сегодняшний день до 50 % частей и компонентов цветных телевизоров и кассетных магнитофонов, выпускаемых японскими компаниями, уже не производится в стране, а импортируется из стран Юго-Восточной Азии. Часть из них поступает с торговой маркой японских филиалов, часть — местных производителей.

В. Хлынов. Согласен с оценкой стран АТР как весьма перспективных партнеров Японии в условиях новой хозяйственной ситуации в стране. Я бы даже назвал этот регион зоной преимущественных интересов японского капитала.

В этой связи логично было бы перейти к рассмотрению советско-японских торгово-экономических связей, учитывая, что значительная часть нашей страны расположена в регионе, а Япония — полностью.

Т. Саса. Перспективы советско-японских связей, безусловно, можно рассматривать и в контексте углубляющейся хозяйственной взаимозависимости стран, расположенных в бассейне Тихого океана. Здесь обе страны, как, впрочем, и все другие партнеры, имеют законные интересы, вправе рассчитывать на рост товарооборота, объемов обмена научно-техническими, капитальными ресурсами, используя сравнительные преимущества и благоприятные возможности регионального разделения труда. Важно и то, что наши страны имеют статус глобальных экономических держав: СССР выступает как лидер социалистического мира, в том числе и в хозяйственном плане, а Японию благодаря хорошо известным послевоенным достижениям теперь все чаще называют в качестве одного из «локомотивов» развития противоположной социально-экономической системы.

Если подавляющее большинство ученых во многих странах сходится во мнении о том, что роль и значение АТР в мировой экономике возрастает, благоприятно оценивая перспективы этого быстро набирающего темпы процесса, то понятно и стремление к активизации участия в региональной взаимозависимости. Иными словами, страна, имеющая весомый потенциал на Тихом океане, обеспечит себе далеко не последнюю роль в мировой экономике завтрашнего дня.

В связи с этим мне хотелось бы обратить внимание на следующее. Обе наши страны заметно расширяют хозяйственные взаимосвязи в регионе, роль которого растет во внешней торговле как Японии, так и СССР. Однако нет адекватного расширения двусторонних советско-японских связей. Они не только не успевают за общей тенденцией, но и в значительной мере утратили динамику, присущий им в прошлом.

С. Коцюба. Упомянутое Вами неблагоприятное положение отмечается советской внешнеторговой статистикой. В текущем десятилетии, например, динамика советско-японской торговли выглядит следующим образом: 1981 г. — рост товарооборота по сравнению с предыдущим годом на 10,1 %, 1982 г. — рост на 17,7 %, 1983 г. — сокраще-

ние на 22,6 %, 1984 г. — сокращение на 3,8 %, 1985 г. — рост на 10,0 %, 1986 г. — сокращение на 1,0 %, 1987 г. — сокращение на 22,5 %.

Уже сама неравномерность темпов, значительная амплитуда колебаний говорят о том, что нашу торговлю лихорадит. В последнее время не удавалось достичь максимального объема взаимных поставок, зафиксированного в 1982 г. (3,7 млрд. руб.), но с 1985 г. происходит новое сокращение товарооборота, и лишь в 1988 г. эту тенденцию в какой-то мере удалось приостановить.

Советские поставки хронически несбалансированы, их сырьевой характер не соответствует как тенденциям развития мировой торговли, в которой повышается удельный вес готовых изделий, так и структуре национального производства. По данным Госкомстата СССР, на обрабатывающие отрасли приходится до 90 % общего объема промышленной продукции, в то время как их доля в советском экспорте не превышает 25—30 %.

Проблема деиндустриализации советских экспортных поставок является серьезным препятствием на пути увеличения торговли с Японией.

Т. Саса. Снижение значения каждой из стран в торговле друг с другом имеет две стороны — политическую и экономическую. К сожалению, охлаждение политических отношений между Японией и СССР, сокращение межгосударственных контактов непосредственно сказалось на конкретных результатах двусторонних торговых операций. Торговля не смогла оздоровить общую атмосферу отношений, а, наоборот, сама стала жертвой их ухудшения. Дало себя знать и негативное влияние деятельности сторонников принципа «не отделять политику от экономики».

В то же время нельзя забывать и об изменении условий сбыта в Японии советских товаров. Переход на умеренные темпы роста экономики, внедрение материало-сберегающих технологий сократили потребность Японии в ввозе топливно-сырьевых товаров. Советские внешнеторговые организации не смогли адекватно и оперативно ответить на происшедшие изменения, улучшить структуру поставок, повысить их качество.

С. Екокава. Согласен с точкой зрения о том, что нельзя абсолютизировать ни первую, ни вторую стороны проблемы. Однако в огорчающем нас периоде заметного охлаждения советско-японских отношений, совпавшем с началом 80-х гг., в немалой степени повинен конъюнктурный курс японского правительства. Активное подключение к экономическим «санкциям», резкое ограничение в одностороннем порядке политических контактов с Советским Союзом, введение запретов на новые сделки — все это вряд ли исходило из долгосрочных интересов развития взаимовыгодных двусторонних связей.

Не нужно обладать большой наблюдательностью, чтобы заметить рецидивы подобной политики и в наши дни. Случай, происшедший с компанией «Тосиба кикай», — наглядное проявление попыток США ослабить своего более удачливого в ряде областей конкурента, навязав ему свертывание контактов с социалистическими странами. С японской стороны это результат того, что определенные политические силы, много и все больше говорящие о глобальной взаимозависимости как принципе будущего для страны, в реальных делах еще не спешат освободить свой кругозор от антисоветских шор.

Советский Союз никогда не предпринимал политических шагов, рассчитанных на свертывание связей с Японией, и в этом смысле его политика может быть названа последовательной. Что касается ограничений КОКОМ на торговлю с социалистическими странами, то это явный пережиток времен «холодной войны». Люди, ведущие торговлю, если они беспристрастны, вряд ли могут придерживаться другого мнения. Сегодня уже никому не приходится доказывать, что человек должен быть свободным. Почему же не столь очевидна необходимость этого и для торговли, важность ликвидации всех форм ее несправедливых ограничений и дискриминации?

С. Коцюба. Иногда приходится сталкиваться с тезисом о том, что в торгово-экономической области добрососедские отношения выгодны лишь СССР, а Япония может без них и обойтись. В основе подобного подхода — заявления о том, что потребность в советском дальневосточном сырье сокращается прямо пропорционально тому, как под воздействием структурной перестройки японской экономики растет роль наукоемких отраслей, снижающих материало- и энергоемкость производства. Аргументированную критику возведения в абсолют бесспорно существующих в этой области серьезных проблем, суждений о том, что «сегодня и навсегда» СССР как торговый партнер

не может представлять интереса для Японии, я нашел в книге С. Екокава, посвященной советско-японским отношениям*. Видимо, Вы не случайно перед разделом о нынешних проблемах торгово-экономических отношений наших стран поместили главу о японо-американских внешнеторговых противоречиях?

С. Екокава. Зависимость Японии от США в военно-политической и экономической сферах хорошо известна. Иногда говорят, что эта зависимость «добровольная», Японии выгодна такая модель партнерства с США, при которой страна прикрыта «ядерным зонтиком» и может сосредоточить больше усилий на хозяйственном развитии.

Но давайте остановимся лишь на одной стороне вопроса — экономической. В последнее время чрезмерная концентрация нашего экспорта на американском рынке вызывает все большее беспокойство. Министр внешней торговли и промышленности Х. Тамура — один из немногих, кто остался на старом посту и в правительстве Н. Такэсита, — заявил о давно назревшей необходимости изменения географической структуры внешней торговли страны с целью снизить зависимость от США. Сейчас эта зависимость гипертрофирована: американский рынок поглощает 40 % японского экспорта и, например, лишь 10 % западногерманского. Это приводит к ослаблению позиций японской стороны в разгорающихся спорах по поводу урегулирования внешнеторговых противоречий. Х. Тамура, отметив, что ФРГ является основным торговым партнером одиннадцати стран ЕС, высказался за диверсификацию географической направленности японской внешней торговли путем преимущественной опоры на рынки азиатских соседей. Речь идет о том, чтобы ту роль, которую играют для хозяйственного развития ФРГ страны ЕС, играли для Японии страны АТР.

С. Коцюба. Мы вновь вернулись к ситуации, создающей новые предпосылки для развития контактов японских фирм с партнерами из тихоокеанского региона, в том числе и с Советским Союзом. Но для того, чтобы реализовать эти предпосылки, нужно преодолеть определенные трудности, убрать преграды, о которых уже говорилось.

С. Екокава. По моему убеждению, внешняя торговля наряду с развитием культурных связей играет важную роль в укреплении добрососедских отношений между нашими странами. Последние несколько лет, занимая пост председателя Ассоциации японо-советской торговли, я прилагал все свои силы, чтобы вместе с советскими партнерами добиться ощутимых успехов в этом направлении. Однако результаты, к сожалению, нельзя назвать удовлетворительными.

Именно поэтому, сейчас, отойдя от практической деятельности, я занялся изучением проблем советско-японской торговли. В результате определенной работы, проделанной вместе с профессором Т. Саса, возникли следующие соображения.

Прежде всего относительно несбалансированности внешней торговли. Обычно торговый баланс как в краткосрочном, так и в долгосрочном плане уравнивается обменом товарами или услугами. Ситуация же, при которой в течение длительного времени наблюдается значительный дисбаланс по итогам торговли, является неблагоприятной. Однако подобное положение не редкость и в отношениях между развитыми капиталистическими странами, примером чему являются прежде всего японо-американские внешнеторговые трения. Еще более понятно оно в отношениях между странами с различными общественно-экономическими системами. Бартерная торговля, поддерживающая баланс двустороннего обмена поставками товаров и услуг, — вот выход из создавшегося положения.

Вызывает сожаление, что все расчеты по советско-японской торговле до сих пор ведутся в валюте третьей страны — долларах США. Испытывая нехватку долларов, СССР для осуществления торговых операций должен получить их в кредит или под отсрочку платежей. Понятно, что одно это само по себе может затруднить торговые переговоры. Выходом могла бы стать ситуация, при которой первым шагом шел бы экспорт советских товаров, что дало бы возможность получить требуемое количество валюты, на которую и были бы осуществлены импортные закупки. Но здесь мы сталкиваемся с проблемой выбора советской продукции или услуг, достаточно конкурентоспособных на японском рынке.

* Открывая дверь светлomu завтра: отношение японцев к СССР на пороге XXI в. Токио, 1984 (на яп. яз.).

В условиях, когда эта проблема остается трудноразрешимой, мы предлагаем следующее. Для начала небольшая часть операций в советско-японской торговле должна вестись на компенсационной основе с использованием открытого счета для урегулирования поставок. Расчеты должны вестись в иенах или рублях, курс которых по отношению друг к другу будет определен на специальных переговорах.

Для осуществления указанного проекта между заинтересованными юридическими лицами заключается внешнеторговое соглашение на компенсационной основе. С японской стороны в нем примут участие не только частные внешнеторговые компании, но также финансовые и банковские круги. После выбора партнеров последние создают японо-советский совместный комитет, в компетенции которого будут вопросы осуществления текущей деятельности, включая составление годовых планов товарооборота, установления конкретной номенклатуры товаров для совместного обмена.

С. Коцюба. Вы предлагаете, насколько я понимаю, подписание торгового соглашения бартерного типа на частном уровне в дополнение к уже существующему механизму советско-японской торговли. В этой связи главным и достаточно сложным, учитывая ранее сказанное Вами, становится выбор конкретных товаров для обмена по принципу стоимостного равенства, что исключило бы денежные расчеты между контрагентами. Контроль над тем, чтобы в течение установленного отрезка времени экспортные и импортные операции уравнивали друг друга, предлагается осуществлять, видимо, через открытый счет. В каких конкретно товарах заинтересована японская сторона?

Т. Сака. Разрешите мне сказать несколько слов по поводу первой части поставленного вопроса. Предлагаемый нами проект, учитывая внутривладельческую ситуацию, сложившуюся в Японии на сегодняшний день, а также накопленный опыт предыдущих советско-японских соглашений, не претендует на крупномасштабность. Тем не менее его осуществление могло бы стать реальным вкладом в улучшение торговых отношений между нашими странами, а главное — способствовало бы созданию новой торговой структуры.

Проект не преследует цель изменить полностью существующий механизм балансирования советско-японской торговли. Это — пробный шаг. Начиная с малого, в случае положительных результатов он смог бы обеспечить ее постепенное расширение. Предложенный способ балансирования поставок является разновидностью бартерной сделки, но он исходит из перспектив постепенного перехода на прямые расчеты в иенах и рублях. Поскольку сегодня практическое ведение подобных расчетов невозможно, речь идет об изучении потенциальных перспектив в будущем. К сожалению, мы не можем сейчас прояснить все детали, проект находится в стадии разработки. Для его завершения было бы целесообразно провести симпозиум специалистов из двух стран.

С. Екогава. Что касается другого важного аспекта — номенклатуры товаров, то от ее правильного выбора будет во много зависеть успех предлагаемых бартерных операций. Прежде всего уже сейчас ясно, что в качестве потенциального коммерческого товара могут выступать редкие металлы. Если в рамках рассматриваемого проекта организовать совместные предприятия, использующие японскую технологию для производства редких и редкоземельных металлов на территорию СССР, то в советском экспорте появится новая, чрезвычайно конкурентоспособная и перспективная статья. Вы знаете, что развитие передовой японской электроники, средств связи и обработки информации, на которых базируется экономическая стратегия страны, сильно зависит от поставок редких и цветных металлов.

Одно любопытное обстоятельство. В прошлом году, опередив США, Япония стала ведущим торговым партнером ЮАР, товарооборот с которой увеличился почти на 20 %. Это создает для нашей страны немалые международно-политические трудности, поскольку мировая, да и японская общественность выступает за строгое соблюдение санкций против режима апартеида. Но несмотря на вводимые запреты, объем торговли между Японией и ЮАР продолжает расти. Все дело в том, что основная статья южноафриканского экспорта — упомянутые редкие металлы. Так, доля поставок из ЮАР в японском экспорте ванадия составляет 80 %, хрома — 58, платины — 51, магния — 47 %. Почему бы в этих условиях не использовать появившееся у японских потребителей указанных видов сырья стремление расширить число поставщиков?

Помимо указанных, можно назвать и другие виды редких металлов, от импорта которых Япония зависит либо полностью, либо в значительной степени. Это — бериллий, кобальт, германий, литий, ниобий, никель, стронций, тантал, титан, иттрий, цирконий

(доля импортных поставок — 100 %), а также молибден (78 %), кремний (80 %), галлий (76 %) и ряд других.

Если в Советском Союзе приступят к их совместному с японскими фирмами производству, это окажет благотворное влияние на валютно-финансовое положение вашей страны, а если такие материалы однажды попадут на японский рынок, будут включены в производственные планы японских предприятий, то обе стороны сойдутся во мнении о желательности установления долгосрочного стабильного сотрудничества в их поставках.

Т. Сага. Производство указанных редких металлов даст значительно больший коммерческий эффект, чем других, традиционных видов сырья. Для примера можно сравнить, что произвести выгоднее:

целое судно изделий на сумму в несколько сотен миллионов иен или же изделия, которые умещаются в один самолет, но которые стоят несколько миллиардов иен.

Трудности вызовет то, что на редкие металлы, вследствие их технических характеристик, существует спрос в военной области, ведутся исследования с целью их использования для повышения наступательного потенциала. Но я верю, будущие поколения выберут другой путь. Редкие металлы должны открыть новую страницу советско-японского торгово-экономического сотрудничества.

В. Хлынов. И последний вопрос: есть ли в Японии деловые круги, заинтересованные в развитии сотрудничества между нашими странами в том направлении, о котором Вы сейчас рассказали?

Т. Сага. Мой ответ уже сейчас может быть утвердительным, хотя в условиях продолжающейся работы над проектом официальный зондаж, как вы понимаете, сделать нельзя. Тем не менее у нас есть полная уверенность в том, что потребители новой советской экспортной продукции в Японии найдутся.

СИС — СОЦИУМ: ИНФОРМАЦИЯ, СТАТИСТИКА

Реформа против бюрократии

Открытые вступительные экзамены, новые дисциплинарные правила и профессиональная подготовка будут введены в системе государственной службы КНР как часть ее кардинальной реформы, сообщает гонконгская газета «Дагун бао».

Реформа проводится в порядке эксперимента сначала в 5 центральных министерствах и в административных аппаратах 8 городов. С 1989 г. она будет распространяться по всей стране. В течение 4—5 лет предполагается охватить реформой большинство министерств, местных правительств в провинциях крупных городов. Будут учреждены учебные заведения, готовящие специалистов высшей квалификации для государственной администрации.

Борьба с правонарушениями партийных работников

Как сообщает агенство Синьхуа, в 1987 г. из КПК было исключено более 109 тыс. членов партии, замешанных в коррупции, взяточничестве, превышении власти и других правонарушениях. Среди них 30 высокопоставленных партийных работников — руководителей уровня секретарей провинциальных организаций КПК и выше.

За период с 1983 по 1987 гг. 150 тыс. членов КПК были обвинены в «неправильном поведении» и 500 тыс. понесли наказания за нарушения партийной дисциплины.

*Е. Ф. АВДОКУШИН,
доктор экономических наук*

Одним из наиболее крупных вопросов, активно обсуждаемых с конца 70-х гг. китайскими экономистами, является вопрос о соотношении плана и рынка¹. Интерес к проблеме объясняется необходимостью выработки стратегии экономического развития. В основе этой стратегии лежит реформа планирования, суть которой состоит в создании эффективного целостного механизма рыночного управления народным хозяйством на плановой основе.

Проблема плана и рынка рассматривается в узком и широком смыслах. В узком она трактуется как соотношение плановых и рыночных рычагов, их взаимосвязь, взаимозависимость, выделение их регулирующего начала. В широком смысле она включает в себя многообразный спектр вопросов, затрагивающих проблемы планомерности или товарности как основных черт социализма (социалистической плановой товарной экономики), особенностей товарных отношений, закона стоимости, рынка при социализме, соотношения централизма и самостоятельности, сущности социалистического хозяйственного механизма, включая вопросы «социалистической конкуренции», ценообразования и др. В ходе обсуждения проблемы плана и рынка при социализме подчеркивалось, что изучение ее многообразных аспектов не только будет способствовать «познанию экономической системы социализма, но и явится теоретической основой для реформы экономической системы»².

Дискуссия началась во второй половине 1979 г., прошла два этапа и находится на третьем.

На первом этапе (1978—1984), особенно в его начале (1978—1981), в дискуссии превалировала резкая критика положений теоретиков «банды четырех», принижавших либо вовсе отрицавших роль товарно-денежных отношений в развитии социалистической экономики, трактовавших план, плановые рычаги в основном как внеэкономические категории. Такой ход обсуждения расчищал теоретические завалы на пути научного осмысления природы товарных отношений при социализме, раскрывал реальные функции плана, указывал путь для широкого, неформального использования в экономике КНР товарно-денежных отношений.

Со второй половины 1979 г. и в 1980 г. в экономической литературе была выдвинута и получила определенное обоснование концепция «социалистического товарного хозяйства».

Существенное влияние на взгляды китайских теоретиков по проблеме плана и рынка в этот период оказали идеи видного деятеля КПК Чэнь Юня, высказанные им в беседе с работниками Госплана КНР в январе 1982 г. Чэнь Юнь, затронув в беседе проблему плана и рынка, подчеркнул, что необходимо «твердо придерживаться положения — плановое хозяйство является главным, а рыночная экономика дополнением... Мы должны еще больше усиливать плановость...»³. В декабре того же года Чэнь Юнь еще раз указал на то, что рыночное регулирование может быть осуществлено в пределах планового руководства⁴.

После 6-го пленума ЦК КПК 11-го созыва среди китайских экономистов получают распространение тезисы о «необходимости на основе общественной собственности осуществлять плановую экономику, одновременно раскрывать вспомогательную роль рыночного регулирования», «плановая экономика — это главное, рыночное регулирование — дополнение». В более развернутом виде эта формула приобретала следующий вид:

государство на основе общенародной собственности осуществляет плановую экономику. Посредством комплексного сбалансирования и планирования экономики, а также вспомогательной роли рыночного регулирования оно гарантирует согласованное развитие народно-хозяйственных пропорций. В такой трактовке эта формулировка вошла в документы XII съезда КПК, Конституцию КНР.

Следующий этап обсуждения проблемы плана и рынка (1985—1987) связан прежде всего со значительным влиянием на китайских общественников постановления 3-го пленума ЦК КПК 12-го созыва (октябрь 1984 г.). Теоретические положения постановления, квалифицировавшие социалистическую экономику как «плановое товарное хозяйство», требовали нового понимания ее хозяйственного механизма, широкого использования многообразных стоимостных рычагов в народном хозяйстве.

Китайские экономисты постепенно отказались от формулы: плановая экономика играет главную роль, а рыночное регулирование — вспомогательную. Взамен была выдвинута трехчленная формула: директивное планирование — направляющее планирование — рыночное регулирование.

Опираясь на идеи постановления, китайские теоретики стремились вскрыть роль рынка в социалистической экономике, одновременно ведя поиск средств для его эффективного контроля. Широкомасштабные теоретические поиски вывели дискуссию на новый уровень — на уровень интеграции плановых и рыночных рычагов в единый целостный механизм. В середине 80-х гг. в китайской экономической науке практически уже не ставился вопрос о допустимости рынка при социализме. Было признано, что план и рынок имманентны социализму⁵. Но кто кого регулирует — план рынок или рынок план — и каким образом регулирует — по этим вопросам по-прежнему велась неугасающая дискуссия. На XIII съезде КПК порядок взаимосвязи плана и рынка предстает в виде формулы: государство регулирует рынок, а рынок ориентирует деятельность предприятия. Практическая реализация этой формулы рассматривается как цель реформы хозяйственного механизма в КНР.

1. Объективные основы необходимости функционирования плана и рынка

Выясняя необходимость взаимосвязи плана и рынка, китайские экономисты подвергли критике традиционную точку зрения, согласно которой эти две категории и механизм их функционирования несовместимы, что «социалистическая плановая экономика является всеобщим и категорическим отрицанием рынка». Китайская экономическая наука, конечно, признавала существование в социалистической экономике товарного производства и действие закона стоимости, однако традиционно большинство теоретиков ставило их на другой полюс по отношению к плану. Подобная точка зрения, как подчеркивал Лю Гогунан, не только теоретически несостоятельна, но и принесла пагубные результаты на практике. Китайский теоретик аргументировано доказывал, что плановое развитие экономики противостоит не отношениям рыночной экономики, а стихийному и анархичному состоянию производства. По мнению Лю Гогуана, как и многих других китайских теоретиков, «отношения рыночной экономики не являются специфическими для экономики частной собственности. Натуральная, а не плановая экономика противостоит отношениям рыночной экономики»⁶.

Главной причиной однобокого подчеркивания роли плана и пренебрежения рынком в течение долгого периода в китайской экономической мысли и на практике, по мнению ряда китайских экономистов, является неправомерность отождествления рынка со стихийностью, особенно с анархическим состоянием капиталистической рыночной экономики, а также планового и натурального хозяйства.

На первом этапе дискуссии практически все китайские экономисты, признавая необходимость сочетания планового и рыночного регулятора, поддерживали тезис «плановая экономика — это главное, рыночное регулирование — дополнение». Правда, трактовка этого тезиса, его обоснование были далеко не однозначны, что приводило к изменению акцента, а то и смысла, содержания тезиса. Даже в обосновании объективной необходимости этого положения китайские экономисты были далеко не единодушны, хотя и не противоречили друг другу.

Одни (Дэнь Лицюнь) в качестве объективной причины выдвигали отсутствие необходимых материальных условий в Китае (крупное общественное производство не занимает господствующего положения, нет всеобщего распространения современной науки и техники и т. п.) для всеобъемлющего планирования⁷. Ряд китайских экономистов, фактически солидаризируясь с точкой зрения Дэнь Лицюня, связывал возмож-

ность и необходимость использования планового управления для важнейшей, основной части экономической деятельности (и рыночного регулирования — в отношении вспомогательной части экономики) сложившейся ситуацией, в которой ведущую роль играет государственная экономика, но сосуществуют и другие многообразные экономические формы, а также налицо неравномерность в развитии производительных сил и разнообразные общественные потребности⁸.

Представители другой точки зрения видели необходимость указанной формулировки в наличии разных форм собственности (государственной, кооперативной, индивидуальной), в необходимости обмена продукцией между секторами, представляющими эти виды собственности. Наряду с государственным планированием, указывал Сюэ Муцяо, в рамках государственного плана возможно существование свободного производства и обмена многих мелких товаров широкого ассортимента⁹.

Большая группа китайских экономистов и среди них (Лю Гогуан, Чжао Жэньвэй и др.) считала, что при социализме существует единство и различие материальных интересов между предприятием и государством, между различными предприятиями и т. д. Это противоречивое единство и является объективной основой существования плановых и рыночных начал в социалистической экономике. При этом некоторые из них подчеркивали, что социалистической экономике свойственны не только товарность, но в определенных рамках и стихийность, что свидетельствует в пользу необходимости использования роли рыночного регулятора для развития производства¹⁰.

2. Китайские экономисты о сущности планового и рыночного регулирования и специфике их взаимосвязи

Поступательный ход дискуссии о плане и рынке во многом сдерживался отсутствием единства методологических основ по ряду проблем. Смело взявшись за решение частных, актуальных вопросов, китайские теоретики все чаще стали наталкиваться на многие общие вопросы, без решения которых двигаться вперед в дискуссии становилось невозможно.

В этой связи необходимо было прежде всего осознать сущность планового и рыночного регулирования.

Относительно понятия «*регулирование*» были высказаны три основных точки зрения. Одни рассматривали «регулирование» как «форму распределения общественного труда». Ссылаясь на положение К. Маркса о том, что необходимость распределения общественного труда в соответствии с определенными пропорциями отнюдь не может быть уничтожена какой-бы то ни было формой общественного производства, что могут изменяться только формы его выражения, китайские экономисты по-разному толковали понятие «регулирования». Например, Цзян Сюэмо считал, что «регулирование означает распределение совокупного общественного труда — средств производства всего общества и рабочей силы по различным отраслям, способствуя пропорциональному, согласованному развитию отраслей народного хозяйства»¹¹. Представители другого подхода указывали, что под «регулированием» понимается регулирование разносторонних отношений материальных интересов, например между отраслями, районами, предприятиями. На основе регулирования материальных интересов регулируются пропорциональные отношения¹². Третьи подчеркивали, что «регулирование» — это способ конкретного осуществления управления экономикой. Подобной точки зрения придерживаются как практические работники, так и экономисты-теоретики¹³.

Рамки использования понятия регулирования также получили неоднозначную трактовку. У одной группы экономистов понятие регулирования и такие категории, как «управление», «согласованность», «организация» фактически идентичны. Другие же в сравнительно строгом смысле используют термин «регулирование». По их мнению, хотя понятие «регулирование» включает в себя значение понятий «урегулирование», «подчинение», «организация», «командование», «контроль» и др., однако традиционно его смысл состоит в непосредственном установлении пропорций в производстве и обращении¹⁴.

Что же касается сущности «*планового регулирования*», то большинство экономистов относило к ней следующие черты:

1) субъектом планового регулирования является общество или государство; 2) основанием планового регулирования являются объективные экономические законы; 3) методы регулирования — посредством плана; 4) цель регулирования — осуществление распределения общественного труда.

Вместе с тем, признавая, что основанием планового регулирования являются объективные экономические законы, китайские теоретики задавались вопросом: на основе каких объективных экономических законов в конечном счете осуществляется плановое регулирование? Отвечая на него, одни называли основной экономической закон социализма, закон планомерного развития народного хозяйства, закон стоимости¹⁵, другие — основной экономической закон социализма и закон планомерного развития¹⁶, третьи ограничивались законом планомерного развития народного хозяйства¹⁷.

Понятие «плановое регулирование» получило существенное распространение в статьях и монографиях в течение первого этапа (1979—1981) обсуждения проблемы плана и рынка. Начиная с 1982 г. частота употребления словосочетания «плановое регулирование» заметно снижается, во все большем количестве научных статей и книг используется термин «плановая экономика». А вместо формулы «плановое регулирование» и «рыночное регулирование» появляется соответственно «*плановая экономика*» и «*рыночное регулирование*». В этой связи многие китайские экономисты указывали, что «плановая экономика — это планомерно регулируемая экономика, и рамки охвата плановой экономики и планового регулирования одинаковы», что понятие «плановое регулирование» вообще нет смысла использовать, поскольку существует понятие «плановая экономика»¹⁸. Чжун Эньчжан, Чжан Цигуан, Чжан Вэньин и др. подвергли критике эту точку зрения, ссылаясь на классиков марксизма, которые ввели в оборот понятие планового регулирования¹⁹. По мнению этих экономистов, плановое регулирование имеет следующие черты: сознательность, всеобщность, административную обязательность, стабильность²⁰.

Трактуя так или иначе понятие «плановое регулирование», китайские экономисты по-разному понимали план, с помощью которого осуществляется регулирование. Сунь Ефан, например, считал, что регулирование осуществляется посредством директивного плана. По его мнению, плановый регулятор означает директивность, у него ясно прослеживаются черты централизованности, обязательности²¹. По мнению ряда других экономистов, экономическое регулирование осуществляется посредством ряда экономических механизмов, через необязательный направляющий план. Например, Сунь Пэйян указывал, что плановое регулирование эффективнее «осуществлять через экономический механизм»²². А Линь Цзыли подчеркивал, что плановое регулирование — это «не бесплановость и не директивное планирование, а *направляющее планирование*»²³. По мнению Ван Цзие, регулирование включает как директивные, так и направляющие критерии. отождествление планового регулирования с директивным планированием, подчеркивал он, — это явная абсолютизация, подобный подход легко может сделать план нежизнеспособным. Нельзя, по его мнению, также согласиться с тем, что в отношении предприятия не обязательно доводить директивные показатели. В управлении экономической необходимо сочетать и директивные и направляющие критерии²⁴.

Высказывания китайских экономистов о причинах сохранения *рыночного регулирования* и его целях были в основном едины.

Предпосылкой существования рыночного регулирования при социализме называлось сохранение в нем товарного производства и обращения. Необходимость рыночного регулирования связывалась также с действием законов стоимости, спроса и предложения, закона конкуренции. Конечной целью рыночного регулирования, по мнению многих китайских экономистов, является установление равновесия между спросом и предложением. Вместе с тем следует отметить, что некоторые экономисты считали, что социалистическая экономика является только плановой, а не товарной экономикой, отрицали существование в ней рыночного регулятора²⁵.

Что касается характера рыночного регулирования, то здесь существовали совершенно противоположные мнения. Так одни экономисты высказывали точку зрения на рыночный регулятор как на автоматический действующий закон стоимости. Так, по мнению Сунь Пэйяна, использование рынка идентично использованию закона стоимости. Закон стоимости является «сравнительно всесторонним регулятором» считает он²⁶. Только дав возможность рыночному регулятору в полной мере раскрыть свою автоматическую роль, подчеркивал Ляо Лили, можно рассматривать его как действительно рыночный регулятор²⁷. Согласно логике китайского теоретика, закон стоимости можно рассматривать как рыночный регулятор, если он действует «задним числом», проявляя себя в качестве внутреннего, естественно необходимого механизма. Если же государственно сознательно использует закон стоимости — это «плановый регулятор». «Только стихий-

ный регулятор закона стоимости является рыночным регулятором.— указывал Ли Чжэньчжуи.— Пельзя рыночным регулятором назвать обычный ценовой регулятор, только стихийный, колеблющийся регулятор цены — это рыночный регулятор»²⁸.

Другие экономисты не соглашались с тем, что рыночный регулятор обязательно должен связываться с автоматическим характером его действия. Рыночные отношения, считают они, совершенно не обязательно выражают обстановку анархии и слепого автоматизма. При оценке рыночного регулирования надо исходить из собственности на средства производства. Так, «в условиях социалистической собственности на средства производства,— указывали Лю Гогуан и Чжан Жэньвэй,— рыночные отношения могут сознательно контролироваться людьми, служить социалистической плановой экономике»²⁹. Экономисты, придерживающиеся подобной точки зрения полагают, что осуществление сознательного регулирования через действие закона стоимости, и закон стоимости, рассматриваемый в качестве автоматического регулятора, одинаково относятся к рыночному регулированию.

Характеризуя рыночное регулирование, китайские экономисты к числу его важнейших черт относили: стихийность, локальность, экономическую полезность, гибкость, двойственность его роли³⁰. Особенностью «социалистического рыночного регулирования», по мнению Цзян Сюэмо, является то, что социалистическое государство может «сознательно использовать закон стоимости для регулирования производства»³¹.

В отношении рамок действия рыночного регулятора высказывались мнения, трактующие их как достаточно широко, так и сравнительно узко. Сторонники ограниченного использования рыночного регулирования допускали его использование лишь в некоторых сферах экономики с небольшим объемом валовой продукции, широким ассортиментом товаров повседневного спроса, в «свободном производстве», а также в сфере индивидуальной деятельности и коллективной торговли. Сторонники широкого использования рыночного регулирования в экономике не ограничивались данными рамками и настаивали на использовании государством рыночного регулирования посредством планомерного использования экономических рычагов³².

Обосновывая проблему взаимосвязи плана и рынка как сочетания плановых и стоимостных рычагов, китайские экономисты высказывали различные, часто полярные мнения, исходя из того или иного понимания сущности социалистической экономики — то ли преимущественно плановой, то ли — товарной.

При всех различиях интерпретаций китайские экономисты в основном были едины в том, что в стране длительное время противопоставлялись плановые и рыночные рычаги, ограниченно трактовалась роль закона стоимости. Подобный подход вел к подрыву связи между производством и потреблением и как следствие — к выпуску не пользующейся спросом продукции, отклонению цен от стоимости, поощрению самообеспечения предприятий, что нарушало процесс специализации и кооперирования в народном хозяйстве³³.

Значительное большинство китайских обществоведов на всех этапах дискуссии считало необходимым сочетание, соединение, взаимное использование плана и рынка. Однако обоснования этой необходимости существенно отличались. Одни экономисты полагают, что плановый и рыночный регулятор представляют «соединение жесткого, застывшего типа». Разъясняя свою позицию, они указывали, что на продукцию, которая является важной с народнохозяйственной точки зрения, устанавливаются единые цены, она подлежит единому распределению, входит в рамки планового регулирования. Та часть продукции, которую предприятие производит в соответствии с требованиями рыночного спроса и предложения, а цены на нее колеблются под влиянием рыночной конъюнктуры — принадлежит к сфере рыночного регулирования. В соответствии с этим делением в первом случае большая часть подвержена плановому регулированию, меньшая часть — рыночному регулированию; в другом — большая часть рыночному регулированию³⁴.

Другие ученые подчеркивали *органичность связи плана и рынка*, взаимозависимости между ними, считая важным не только их последовательное соединение, но и взаимопроникновение. Представлялось, что в результате такого соединения должен быть создан органичный механизм управления народным хозяйством. Хэ Цзяньчжан, Ван Цзие и др. считали, что рыночное регулирование всегда должно находиться в рамках, обусловленных плановым регулированием. «Сущность социалистического рынка состоит в том, что это не стихийный, а плановый рынок»³⁵.

В ходе дискуссии делались попытки *синтеза двух вышеприведенных точек зрения* на проблему взаимосвязи плана и рынка. Предполагалось выделять внешний аспект соединения плана и рынка, который носит «характер жесткого соединения, закрепления» и внутренний аспект, суть которого проявляется в органичном взаимосочетании плановых и рыночных рычагов по принципу взаимопроникновения³⁶. Придерживаясь подобной точки зрения некоторые экономисты полагали, что между плановым и рыночным регулятором в основном существует «взаимопроникающая форма соединения», вместе с тем еще существует «жесткая форма соединения». Иногда эти две формы соединения переплетаются вместе. «Если говорить о народном хозяйстве в целом, то способ соединения планового и рыночного регулирования представляет взаимопроникающую связь. Это определяется самой сущностью социалистической экономики». Если же представлять дело таким образом, что одна часть народного хозяйства подвергается независимому плановому регулированию, а другая часть — рыночному регулированию, то такой подход считает, например Лю Чэнжуй, явно несостоятелен. В реальной жизни плановое и рыночное регулирование является взаимодополняющими, играют взаимную вспомогательную роль. В сфере макроэкономики необходимо брать за основу плановое регулирование, в сфере микроэкономики — рыночное. В отношении некоторых, играющих важную народнохозяйственную роль, базовых предприятий, объектов крупного капитального строительства, важнейших видов продукции также необходимо брать план за основу³⁷.

Необходимость поиска эффективных методов хозяйствования в ходе экономической реформы, прежде всего в ее экспериментальной стадии (1979—1984), требовала отказа от натурального хозяйствования и перехода на позиции органичной взаимосвязи плана и рынка при социализме. Такой переход не мог произойти мгновенно, надо было менять мышление.

Модель управления экономикой, выраженная в формуле «плановая экономика играет главную роль, а рыночное регулирование — вспомогательную» отражала такого рода переходность, компромиссность положения в экономическом создании и экономической теории. Она представляла собой лишь отказ от традиционной экономической модели, основанной на преобладающей (монопольной) позиции государственной собственности, сугубо директивном административном планировании и соответствующих формах распределения, а не шаг вперед к товарной модели социализма. Эта формула в тех или иных вариациях разрывала план и рынок, противопоставляла их друг другу, будучи механистичной не показывала внутренних импульсов самодвижения социалистической экономики. В ходе экономической реформы, коммерциализации (товаризации) китайской экономики, ограниченность этой формулы постепенно становилась ясной многим китайским экономистам.

3. Разработка проблем директивного и направляющего планирования.

В первой половине 80-х гг. часто подчеркивалось, что директивность планирования является основным принципом социалистической плановой экономики. Вместе с тем к середине 80-х гг. все активнее начинает пропагандироваться идея о «направляющем планировании», о важности рыночного регулирования, то есть предполагалось «сочетать все формы планирования».

В условиях руководящей роли плановой экономики государству предлагалось «выделить определенную сферу», в которой регулирование должно осуществляться на основе закона стоимости. Рыночное регулирование рассматривалось как дополнение к плановой экономике, которое «не подрывает» ее. Для уяснения сути предлагаемого механизма журнал «Хунци» требовал от китайских теоретиков «четко определить сферы и границы» директивного, направляющего планирования, а также рыночного регулирования, «перестроить плановую работу, придать планированию более последовательный научный характер»³⁸.

Успешный ход экономической реформы, активная созидательная роль экономических рычагов (несмотря на имеющиеся издержки), поддержка китайского руководства стимулировали теоретические поиски, анализ и обобщение быстроразвивающейся практики. В результате в середине 80-х гг. китайские теоретики делают заметный качественный шаг вперед, отказываясь от формулы «плановую экономику взять за главное, а рыночное регулирование как дополнение». В Постановлении III пленума ЦК КПК 12 созыва (октябрь 1984 г.) эта формула уже не упоминается.

Последовательное изучение сущности плановой экономики, особенностей рыночных

отношений, возможностей их взаимного сочетания и использования привели к выдвижению новой концепции, которая, вобрав в себя многие моменты предшествующего обсуждения, дала толчок к новому поиску.

К середине 80-х гг., когда была осуществлена первичная теоретическая проработка (и получено официальное признание) концепции социалистической экономики как «*плановой товарной экономики*», была выдвинута трехчленная формула управления народным хозяйством: директивное планирование — направляющее планирование — рыночное регулирование. Всесторонняя разработка этой концепции началась с 1983 г. До этого времени высказывались лишь отдельные положения о необходимости осуществления наряду с директивным планом и направляющего планирования. Первым китайским экономистом, высказавшимся еще в 1979 г. в пользу необходимости использования направляющего планирования был Хэ Цзяньчжан³⁹. Впоследствии выдвижение идеи о необходимости осуществления направляющего планирования в народном хозяйстве было охарактеризовано многими китайскими экономистами как «наилучшая форма соединения плана и рынка»⁴⁰. Принимая данную трехчленную формулу китайские экономисты давали разную характеристику ее составным частям, принципам их взаимосвязи.

Большинство китайских экономистов было единодушно в том, что направляющее планирование — это «конкретная форма плановой экономики», план, осуществляемый с помощью экономических рычагов⁴¹. Однако относительно особенностей и характера направляющего планирования, соотношения между направляющим и директивным планированием, объективных основ осуществления направляющего планирования, его границах, условиях эффективного функционирования и др. высказывались различные мнения⁴².

Многие китайские экономисты, признавая правомерность трехчленной формулы, вместе с тем выражали несогласие с тем, что она способна наилучшим образом разрешить противоречивое единство плана и рынка. Были выдвинуты точки зрения о так называемом *системном соединении плана и рынка*. «Системное соединение» по мысли, например Чжан Чжэньци, не идентично ни точке зрения «взаимопроникновения» плана и рынка, ни положению об их «жестком» соединении. Взаимосвязь плана и рынка у него предстает как логическое единство, объективная принадлежность плановой товарной экономики, как основа действия закона стоимости. В результате такого соединения, по его мнению, возникает органичный, целостный, взаимозависимый механизм⁴³.

Были предприняты шаги по выработке целостного органичного механизма «*планового рыночного регулирования*».

4. Разработка формулы: государство направляет рынок, рынок ориентирует деятельность предприятия

Теоретическая разработка особенностей функционирования социалистического планового товарного хозяйства, активные поиски эффективного механизма его движения, насущные требования практики, смело идущей на ломку сложившихся стереотипов, способствовали дальнейшему углубленному изучению многообразных проблем плана и рынка.

Заметным событием в этом отношении явилась конференция, состоявшаяся в г. Тайюань в августе 1986 г. На ней впервые подверглась широкому обсуждению новая формула хозяйственного механизма, предлагающая органичное сочетание планового и рыночного регулирования: государство направляет рынок, рынок ориентирует деятельность предприятия. Комментируя эту формулу, китайские экономисты высказывали различные точки зрения. Одни экономисты подчеркивали главенство государственных заданий для предприятия, вместе с тем подчеркивая, что план должен служить удовлетворению потребностей рынка. Другие видели роль государственного планирования в использовании экономических рычагов: воспринимая сигналы о состоянии рынка, воздействовать через них на деятельность предприятий. Ряд экономистов высказал мнение о том, что государство должно выполнять главным образом контролирующую функцию параметров рынка и посредством рыночных рычагов регулировать экономическую деятельность предприятий⁴⁴.

Углубленная разработка проблем плана и рынка способствовала тому, что во второй половине 80-х гг. китайская экономическая мысль все настойчивее стала искать пути перехода от непосредственного к опосредованному регулированию макроэкономики.

Многие китайские экономисты полагают, что опосредованное регулирование предполагает поддержание баланса важнейших народнохозяйственных пропорций, прежде всего между совокупным спросом и предложением, накоплением и потреблением в национальном доходе и др. Другие ученые в качестве объекта опосредованного регулирования выдвигают рынок и его регулирование с помощью закона стоимости и рыночного механизма. При этом некоторые экономисты в качестве важнейшего инструмента опосредованного регулирования выделяют цену⁴⁵.

Последовательная разработка концепции «социалистического планового товарного хозяйства» и механизма его функционирования привели к официальному признанию формулы «*государство регулирует рынок, рынок ориентирует деятельность предприятия*» на XIII съезде КПК. «Механизм социалистического планового товарного хозяйства должен воплощать, — указывалось на съезде, — органическое единство планирования и рынка»⁴⁶. Государственное регулирование рынка (отношений спроса и предложения) и рыночное ориентирование предприятий (на принятие хозяйственных решений), по мнению многих китайских экономистов, представляет собой «форму соединения планирования и рынка на высоком уровне». При взаимопроникновении и взаимовязывании плана и рынка их сфера действия «распространяется на все общество»⁴⁷. Разъясняя суть «нового рабочего механизма экономики», Чжао Цзыян в докладе на XIII съезде указывал, что «государство станет при помощи экономических, юридических и необходимых административных средств регулировать соотношение между рыночным спросом и предложением, создавать благоприятную экономическую и социальную среду и тем самым подсказывать предприятиям правильные хозяйственные решения»⁴⁸. Для создания нового хозяйственного механизма предполагается постепенно заложить основы каркаса новой системы планового товарного хозяйства⁴⁹.

После XIII съезда КПК китайские экономисты стали рассматривать положение «государство регулирует рынок, рынок ориентирует деятельность предприятия» как «научный итог и теоретическое обобщение девятилетней практики реформы хозяйственного механизма в Китае»⁵⁰. Высоко оценивая выдвижение этой теоретической формулы, некоторые китайские экономисты интерпретировали ее с позиций приоритета планирования, его первичности в плановой товарной экономике. Решение проблемы взаимосвязки плана и рынка видится им в расширении использования направляющего планирования, сужении сферы директивного плана. Плановость социалистической экономики, скажем у сторонника подобных взглядов Ян Цисяня, фактически является необходимым, постоянным и органическим условием, в отличие от рыночного механизма, который признается важным, но все же второстепенным компонентом в системе плановой товарной экономики⁵¹.

Другая группа экономистов трактует данное положение как основную формулу социалистической товарной экономики в Китае. Этот механизм, по мнению Ван Цзюэ и Чэнь Вэньтуна, является «плановым». Особенность этого планового механизма, по их мнению, состоит в том, что в его основе лежат не рабочее время и продукт труда, а стоимость и товар. Регулирующей основой этого механизма является не непосредственные директивы, а контролируемый, плановый, познанный и в силу этого переставший действовать «слепой» рынок. Реализация этого положения полностью увязывает, по их мнению, интересы трех сторон: государства, рынка и предприятий. Государство овладевает правом свободного контроля, раскрывается «активная, но не слепая роль рынка», реализуется «не выходящая за рамки независимость предприятий»⁵².

Другие экономисты не противопоставляют непосредственные и опосредованные методы регулирования государства, хотя и подчеркивают большую значимость опосредованных методов управления⁵³. Точка зрения этой группы экономистов, видимо, более близка к нынешним реалиям Китая, где как они указывают, еще в значительной мере отсутствуют условия (например, нет развитой рыночной системы капиталов, средств производства, услуг и т. д.) для полной реализации формулы «государство регулирует рынок, рынок ориентирует деятельность предприятий». На это обстоятельство прямо указывает китайский экономист Фан Вэйчжун, призывая на основе этой формулы, выработать «модель переходного типа», поскольку для ее полной реализации трудно в короткий период создать необходимые условия⁵⁴.

Продолжая изучение проблемы плана и рынка, китайские экономисты вновь и вновь обращаются к уяснению сути этих категорий в социалистической плановой товарной экономике. Широкое признание получили выводы о том, что важнейшая

функция плана — это осуществление руководства, регулирования и контроль макроэкономики и важнейших народнохозяйственных пропорций; планирование при социализме не тождественно директивному планированию, рынок является неотъемлемой частью сущности плановой товарной экономики, не будучи, как это имеет место при капитализме, «невидимой рукой», он является плановым и регулируемым. Государство использует рынок как посредника в управлении предприятиями.

Влияние старого хозяйственного механизма и ростки нового приводят к усложнению путей решения проблемы взаимосвязи плана и рынка, их органичной интеграции. Многие китайские экономисты, понимая, что ни плановое (в его нетрадиционном понимании), ни рыночное регулирование в Китае не достигли еще зрелой стадии развития, предлагают свое решение проблемы органического единства плана и рынка на данном этапе: осуществлять подход с позиции многоструктурности, многоступенчатости строения народного хозяйства.

Исследуя возможности, особенности новой модели хозяйственного механизма, органично увязывающего план и рынок в рамках формулы «государство регулирует рынок, рынок ориентирует деятельность предприятия», большинство китайских экономистов понимает, что необходимые условия для такого механизма еще не созданы, требуются существенные усилия для того, чтобы новый механизм эффективно заработал. Важнейшим направлением работы по созданию таких условий в 1988 г. стало провозглашение китайским руководством и активная разработка китайскими теоретиками «*нового порядка социалистической товарной экономики*»^{55–56}. Концепция «нового порядка», по мнению Тун Далиня, предполагает признание того, что «товарная экономика не является ни общественной, ни экономической системой, а представляет способ движения экономики»⁵⁷. «Новый порядок» предполагает зрелое состояние товарной экономики, установление, как подчеркивает Дун Фужен, рыночного порядка, принципов рынка, идеологии, согласующейся с рыночным механизмом, соответствующей системы общественного контроля над рынком⁵⁸. Решение этих проблем, по единодушному мнению китайских экономистов, — трудная задача, рассчитанная на длительный период времени⁵⁹.

Подводя итоги, хотелось бы выделить следующее. В ходе обсуждения китайскими экономистами проблем «плана и рынка» сложились и получили в той или иной степени апробацию три теоретических концепции — концепции «жесткого», «взаимопроникающего» и «органичного» соединения планового и рыночного регулирования. Первые две концепции, несмотря на значительные различия, объединяет то, что они рассматривают план и рынок как две изолированные системы со своими отличительными видовыми особенностями. И та и другая концепция лишь допускают использование товарно-денежных отношений, стоимостных рычагов в социалистической экономике, фактически не признавая (в первой концепции) их имманентности социализму. Несомненно, что сторонники «взаимопроникающей» формы взаимосвязи плана и рынка заметно отошли от их резкого противопоставления, однако в их трактовках разрыв между плановым и рыночным регулированием еще не преодолен.

Концепция «органичного соединения» плана и рынка в единый регулирующий механизм выглядит весьма плодотворной. Теоретически этот регулятор предстает как выражение целостного, единого по составу и внутренней структуре организма, осуществляющего свое действие как на макро-, так и на микроуровне народного хозяйства. Однако на практике реализация этого механизма сопряжена с существенной социально-экономической перестройкой, что повлечет за собой множество новых, неизученных, сложнейших проблем.

Несмотря на довольно смелые практические шаги в осуществлении реформы и впечатляющие экономические результаты, экономическая реформа в КНР к концу 80-х гг., по мнению Лю Гогуана, в основном находится в процессе перехода от первой формы взаимосвязи плана и рынка ко второй⁶⁰.

Китайские экономисты, разрабатывающие ту или иную концепцию взаимодействия плана и рынка в социалистической экономике, фактически отстаивают ту или иную модель хозяйственного механизма. Так сторонники «жесткого соединения» плана и рынка выдвинули модель хозяйственного механизма, в которой «планирование берется за основу, а рыночное регулирование как дополнение». Регулирующей доминантой этой модели является директивный план. Реализация этой модели хозяйственного механизма на практике привела лишь к некоторому ослаблению административно-командных рычагов, прежде всего в условиях сельского хозяйства (где как раз большее внимание

уделялось рынку), некоторых других секторах народного хозяйства, благодаря чему были достигнуты заметные результаты. Однако совокупных качественных сдвигов от дальнейшего внедрения этой модели по мере исчерпания экстенсивных факторов роста вряд ли можно было бы ожидать. По мнению авторитетного экономиста Дун Фужэна, число сторонников этой модели в Китае в настоящее время «не велико»⁶¹.

«Взаимопроникающая» форма взаимодействия плана и рынка соответствует, по выражению того же Дун Фужэна, модели «двухколейного движения»⁶². Суть ее выражается в трехчленной формуле: директивное планирование — направляющее планирование — рыночное регулирование. Важным направлением развития этой формулы является то, что рамки директивного планирования должны сужаться, а направляющего — соответственно расширяться.

И, наконец, форма «органичного» соединения плана и рынка соответствует модели регулируемого рыночного движения. Китайские экономисты в настоящее время активно занимаются проработкой этой модели хозяйственного механизма.

В настоящее время, как считает Дун Фужэн, в КНР реализуется модель «двухколейного движения». Эта модель, по его мнению, не является идеальной, поскольку при ее осуществлении в народном хозяйстве возникают диспропорции, различные экономические неурядицы. Реформа хозяйственного механизма, делает вывод Дун Фужэн⁶³, неизбежно должна переходить от второй модели к третьей⁶⁴. Следует отметить, что многие китайские экономисты, анализируя третью модель хозяйственного механизма, считают, что и она далеко не беспроблемна, помимо позитивного развития системы, она сопровождается и какими-то негативными явлениями.

Анализ разработки китайскими экономистами эффективной модели хозяйственного механизма в 80-е гг. позволяет говорить о заметном вкладе китайской экономической науки в осознание этой многоплановой, чрезвычайно сложной проблемы. Активный научный поиск, предпринятый китайской экономической мыслью далек от своего завершения. Однако достигнутые результаты должны быть всесторонне осмыслены и освоены для дела перестройки в нашей стране.

¹ Проблема плана и рынка не является новой для китайских экономистов. Начало ее обсуждения было положено еще в 1956 г.— См.: Сюэ Муцяо. Плановая экономика и закон стоимости.— «Жэньминь жибао», 28.X.1956.

² «Цзинцзи яньцзю», 1982, № 6, с. 28.

³ «Жэньминь жибао», 25.I.1982.

⁴ См.: там же, 3.XII.1982.

⁵ По мнению Сюэ Муцяо, решение вопроса о соотношении плана и рынка в социалистической экономике является одним из двух важнейших прорывов в теории.— См.: Гао Шанцюань. Девять лет реформы экономической системы в Китае.— «Жэньминь чубаньше», 1987.

⁶ Лю Гогуан. Об экономической реформе и урегулировании экономики. Исследования некоторых теоретических и практических проблем, 1983, с. 99—100.

⁷ «Цзинцзи яньцзю», 1983, № 10.

⁸ «Жэньминь жибао», 13.X.1980; 27.IV.1982.

⁹ «Цзинань сюэбао», 1983, № 1.

¹⁰ «Цзинань сюэбао», 1983, № 1.

¹¹ «Цзинцзи яньцзю», 1979, № 8.

¹² Обзор некоторых важнейших экономических проблем, обсуждаемых в настоящее время в Китае. Под ред. Гу Шутана. Тяньцзинь, 1984, с. 83—84.

¹³ Там же.

¹⁴ Урегулирование народного хозяйства и реформа экономической системы. Цзинань, 1981, с. 8—22.

¹⁵ «Сюэси юй таньсо», 1980, № 6.

¹⁶ Обзор некоторых важнейших экономических проблем, обсуждаемых в Китае в настоящее время. Под ред. Гу Шутана, с. 84.

¹⁷ «Гуанмин жибао», 20.X.1979.

¹⁸ Чжун Эньчжан, Чжан Цзигуан и др. План и рынок, 1984, с. 9.

¹⁹ Там же, с. 10.

²⁰ Там же, с. 13—15.

²¹ «Чжунго цаймао бао», 13.IV.1982.

- ²² «Шихуэй кэсюэ цзикань», 1980, № 5.
- ²³ «Цзинцзи яньцзю», 1980, № 11.
- ²⁴ «Фуцжоу сюэкань», 1981, № 3.
- ²⁵ Обзор некоторых важнейших проблем, обсуждаемых в Китае в настоящее время... с. 87.
- ²⁶ «Гуанмин жибао», 27.01.1985.
- ²⁷ «Чжунго цаймао бао», 08.VI.1982.
- ²⁸ «Гуанмин жибао», 26.XII.1981.
- ²⁹ «Цзинцзи яньцзю», 1979, № 5.
- ³⁰ Чжун Эньчжан и др. План и рынок, с. 46—49.
- ³¹ «Гуанмин жибао», 24.VIII.1982.
- ³² Обзор некоторых важнейших экономических проблем, обсуждаемых в Китае в настоящее время... с. 87.
- ³³ «Хунци», 1979, № 20, с. 20; Су Син. План и рынок. Цена 1984. с. 12.
- ³⁴ Политическая экономия социализма. Тайюань, 1984, с. 331—332.
- ³⁵ «Цзинцзи яньцзю», 1980, № 5.
- ³⁶ «Шэхуэй кэсюэ цзикань», 1980, № 6.
- ³⁷ См.: «Цзинцзи лилунь юй цзинцзи гуаньли», 1981, № 1.
- ³⁸ «Хунци», 1982, № 22, с. 21.
- ³⁹ «Хунци», 1982, № 22, с. 21.
- ⁴⁰ «Цзинцзи яньцзю», 1979, № 5.
- ⁴¹ «Цзинцзи лилунь юй цзинцзи гуаньли», 1985, № 3, с. 21; «Сюэшу яньцзю», 1986, № 3, с. 17.
- ⁴² См., например: «Цинцзи лилунь юй цинцзи гуаньли», 1986, № 1, с. 77.
- ⁴³ Подробнее, см.: Авремов В. Е. Изменения в системе планирования.— «Проблемы Дальнего Востока», 1986, № 3.
- ⁴⁴ «Цинцзинсюэ чжоубао», 17.V.1987, с. 4.
- ⁴⁵ Там же, 21.IX.1986.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (1987) Пекин, 1988, с. 33.
- ⁴⁸ XIII съезд КПК и реформа в Китае. Под ред. Су Вэньминя. Пекин, 1987, с. 49.
- ⁴⁹ XIII съезд КПК и реформа в Китае. Под ред. Су Вэньминя. Пекин, 1987, с. 34.
- ⁵⁰ Там же, с. 35.
- ⁵¹ «Жэньминь жибао», 4.XII.1987.
- ⁵² Там же, 25.I.1988.
- ⁵³ «Жэньминь жибао», 24.XI.1987.
- ⁵⁴ Там же, 4.XII.1987.
- ⁵⁵ «Цинцзи жибао», 6.V.1988.
- ⁵⁶ «Гуанмин жибао», 25.VI.1988.
- ⁵⁷ В августе 1988 г. газета «Цинцзи жибао» провела теоретическую конференцию, посвященную этой проблеме.
- ⁵⁸ «Цинцзи жибао», 31.VIII.1988.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ «Цинцзи яньцзю», 1988, № 7, с. 30. В этой связи следует заметить, что в советской китайцеведческой литературе стало формироваться мнение об определенном отставании китайской экономической науки от идущей впереди практики. Подобное мнение высказывалось и на страницах китайской печати. На мой взгляд, это не вполне соответствует действительности. В качестве аргумента можно привести авангардные разработки китайской экономической наукой проблемы «направляющего планирования», в то время как хозяйственная практика была еще не способна эффективно использовать их. Так, по некоторым данным, в 1986 г. директивным планом на крупных промышленных предприятиях было охвачено свыше 80 % производимой продукции, на средних — 50 и соответственно 20 % на мелких. Не случайно, видимо, в период широкой пропаганды «направляющего планирования» среди китайских хозяйственников высказывалось мнение, что «направляющее планирование имеется в теории», на практике же его нет пока.
- Разработка концепции «органичного соединения» плана и рынка в свою очередь свидетельствует об опережении теоретических разработок практики. На это обстоятельство указывают многие китайские экономисты. Так, Дун Фуцзи считает, что для подобной взаимосвязи плана и рынка, формирования «планового рыночного механизма» еще не созданы соответствующие условия, их еще предстоит создавать. В 1988 г. практическая реализация теоретической формулы «органичного соединения» плана и рынка («государство реагирует, рынок ориентирует деятельность предприятия») только в экспериментальном порядке стала осуществляться на 14 предприятиях г. Муданьцзяна (пров. Хэйлуцзин).
- ⁶² Там же, с. 29.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же, с. 28.

Социально-правовые аспекты экономической преступности

Э. З. ИМАМОВ,
кандидат юридических наук
М. А. ЯКОВЛЕВ

В современном обществе отрицательное влияние на состояние преступности в ряде случаев могут оказывать такие социальные процессы, которые в основе своей неизбежны и связаны с серьезными сдвигами в жизни общества. Именно поэтому рассмотрение проблем преступности необходимо проводить в рамках более широкого социологического контекста. «Исходной посылкой для такого рассмотрения должно служить понимание преступности как части более общего, более широкого социологического спектра нарушений, противоречащих не только нормам права, но и требованиям иных социальных норм, то есть нарушений, подрывающих нормативный порядок в целом»¹.

Такой подход особенно актуален при изучении современного Китая, где в силу динамичности общественной жизни в ней обозначились «три неравномерности», существенно усложнившие осмысление китайской действительности: неравномерность развития материальной и духовной культур, социального развития и состояния социального управления, а также неравномерность в развитии реформ в политической и экономической системах². В такой обстановке невозможно однозначно определить нормальность тех или иных социальных явлений, а также выявить причины, условия и механизм возникновения отклонений от нормального течения социальных процессов, в том числе отклонений противоправного, преступного характера.

Как отмечает академик В. Н. Кудрявцев, «социальная норма и социальные отклонения — два полюса на одной и той же оси социально значимого поведения индивидов, социальных групп, классов и других социальных общностей»³. Социальные отклонения в сфере экономики рассматриваются на основе норм правового, административно-управленческого, морально-воспитательного регулирования и норм экономического интереса. Важнейшим условием успешного развития общества является согласование действия этого вида норм, с тем чтобы они не только не противоречили друг другу, но и взаимно усиливали свое воздействие. Поэтому отклоняющееся поведение есть результат рассогласованности действия указанных норм. Очевидно, что характер рассогласованности неодинаков применительно к китайскому обществу дореформенного и пореформенного периодов. Это обусловлено тем, какого рода нормы из числа перечисленных играли и играют решающую, а какие — вторичную роль в регулировании экономических отношений.

В дореформенный период в системе нормативного регулирования китайского общества наблюдалось возобладание административно-управленческих норм, действие которых усиливалось жертвенно-подчинительными аспектами моральных и наказательно-устрашающими аспектами правовых норм. «За тридцать лет существования КНР право рассматривалось только в качестве орудия классовой борьбы, при этом забывались его регулятивные функции по упорядочению общественной жизни... Политика подменяла закон, и даже гражданские споры решались партийными и административными органами, которые ставили себя выше юстиции»⁴. Выполнение же моральных норм в общественном масштабе в суммарном итоге отвечало общественной потребности в форми-

ровании «человеческого винтика», слепо выполняющего административные инструкции и довольствующегося при этом малым, что значительно сужало сферу моральной регуляции в обществе. Понятно, что в такой обстановке координаты отклоняющегося поведения достаточно четко и однозначно просматривались, пользуясь терминологией В. Н. Кудрявцева, «на оси социально значимого поведения».

В пореформенный период в китайском обществе нормы экономического интереса стали решающей доминантой социально значимого поведения в сфере экономики. Это обстоятельство оказало соответствующее влияние на соотношение указанных групп норм: приглушено значение административно-управленческих и раскрывается доселе не использованный потенциал правовых и морально-воспитательных норм. Правовые нормы стали в большей мере регулировать горизонтальные отношения, в которых воплощается экономический интерес. Обосновывая потребность такой переориентации социальной функции права, правовед Юань Чэнди в качестве неизбежного следствия указывает на оживление экономики и ссылается на примеры из истории страны: «Это имело место в период восстановления народного хозяйства до 1957 г. и в период реформ, оживления и открытости экономики начиная с 1979 г. А период «упора на крупное общественное производство» и период «борьбы с частным, критики ревизионизма», проповеди «справедливости бунта» (то есть периоды господства административно-управленческих норм, превалирования наказательно-устрашающих элементов в праве.— Прим. авт.) были временами экономической отсталости и разрухи, попрания законности»⁵.

С переходом в Китае к товарной экономике «управленческие структуры общества получили сильный удар. Диспропорции и даже провалы в управлении ослабили механизм социального контроля... привели к разнузданной преступности»⁶. Отметим, что речь здесь идет именно об ослаблении механизма административно-управленческого контроля, его неспособности эффективно управлять процессами товарной экономики. Поэтому возникла острая необходимость перестройки управления на правовой основе, причем осуществляя переход от императивных норм — категорических предписаний — к диспозитивным нормам, предоставляющим правомочие сторонам действовать в конкретных условиях самостоятельно, по своему усмотрению.

Однако разработка такой регулятивной системы, которая не противоречила бы социальному прогрессу и не создавала бы дисфункциональных явлений, порождающих преступность, является делом непростым, требующим широкой материальной основы, то есть разрешения проблемы дефицита хозяйства, и высокой морально-правовой культуры носителей прав и обязанностей. До появления этих предпосылок система управления вынуждена воздерживаться от установления четких критериев отклоняющегося поведения и допускать для него приблизительные рамки, в которых граница одобряемого и отклоняющегося поведения оказывается в известной мере размытой, подвижной.

Складывается своеобразная ситуация, когда отказ от императивных поведенческих предписаний и переход к диспозитивным обуславливают невозможность использования императивных оценок и в отношении отклоняющегося поведения — его регламентация также стала требовать широкого диспозитивного подхода. И поэтому реакция социального контроля на отклоняющееся поведение в экономике КНР переходного периода стала преимущественно определяться не жесткой правовой нормой, а гибкими нормативами с использованием оценочных понятий. Важное значение при этом приобретают категории неправового характера — политические установки, общие положения уголовной политики, требования конъюнктуры рынка, идеологические воззрения, а с учетом традиционалистских особенностей китайской государственности — взгляды отдельных лиц. В правоприменении возникают условия для смещения критериев допустимого поведения по оси его социальной оценки в сторону отклоняющихся действий.

Сказанное можно проиллюстрировать на примере нормотворческой практики Китая начала 80-х гг., в период резкого возрастания в стране числа экономических преступлений. В марте 1982 г. было принято Постановление об усилении наказаний в отношении лиц, совершивших серьезные экономические преступления. Положения этого документа значительно ужесточили наказания за экономические преступления, а также установили уголовную ответственность за ряд деяний, ранее ненаказуемых в уголовно-правовом порядке. Однако, как показала правоприменительная практика

КНР, нормы постановления в ряде случаев не отражали потребности экономического развития страны в силу излишней однозначности в трактовке отклоняющегося поведения и суровости санкций. В китайской прессе отмечалось, что «попытки слепого использования» данного постановления нередко приводили к «снижению активности реформаторов»⁷. Поэтому спустя лишь месяц после введения постановления в действие, 13 апреля 1982 г., ЦК КПК совместно с Госсоветом Китая приняли «Решение о нанесении ударов по серьезным хозяйственным преступлениям»⁸. Этот акт правительства, помимо толкования уголовно-правовых понятий, призванных смягчить суровость норм мартовского постановления, содержал также много интересных положений, направленных на разработку подходов к оценке отклоняющегося поведения в товарной экономике.

В документе говорилось, например, что следует различать халатность и преступления; порочный стиль и экономические преступления; контрабанду, мошенничество и взяточничество и действия, предпринимаемые с целью расширения контактов с внешним миром; ошибки, проистекающие из отсутствия точного понимания некоторых установок, касающихся оживления экономики, и экономические преступления; коррупцию в целях личного обогащения и подмену интересов государства местничеством, то есть интересами завода, цеха и т. д.

Решение определяет принципиальный курс уголовной политики КНР в борьбе с экономической преступностью, выражающийся в «необходимости сосредоточения усилий на рассмотрении крупных и важных дел». Это положение резко очерчивает круг деяний повышенной общественной опасности, по которым возбуждение уголовных дел обязательно. Данное обстоятельство свидетельствует прежде всего о сложности однозначного определения криминальности «средних и малых» дел и, что самое главное, ставит под сомнение целесообразность их рассмотрения в уголовно-правовом порядке. В решении говорится: «Можно смягчать или совсем освобождать от наказания лиц, совершивших не очень серьезные противоправные деяния в хозяйственной сфере при наличии у них твердого намерения исправиться и после возвращения ими в полном объеме присвоенных денег и материальных ценностей».

Решение предписывает необходимость обращения практиков, применяющих закон, к положениям концепции о двух типах неодинаковых (антагонистических и неантагонистических) противоречий в обществе для рассмотрения важнейших вопросов преступления и наказания. Это обстоятельство наряду с перечисленными выше другими положениями решения и особенностями реакции социального контроля КНР на отклоняющееся поведение в товарной экономике свидетельствует об усилении в китайском праве социологического содержания. Исходным пунктом и конечной целью социологической юриспруденции «является не право как совокупность действующих норм, а право как составная часть социальной реальности»⁹. Социологизм, как и школа «свободного права», «реализма» и «прагматизма» в праве, снижает значение формально определенных норм, выступающих в качестве единых масштабов, призывает к изучению фактов реальной жизни для приспособления к ним юридических конструкций. Социологизм — явление довольно распространенное в праве многих стран. По мнению его сторонников, оно помогает решать те проблемы, которые обычно не удается регламентировать в законодательстве. Распространение социологизма ведет, как правило, к появлению сильного судейского права, которое в своих решениях руководствуется не жесткими предписаниями закона, а преимущественно идеями правосознания, правовой интуицией, потребностями конкретной ситуации.

Философско-правовые положения концепции противоречий в обществе действуют в направлении усиления роли практиков, применяющих закон в условиях диспозитивного правового регулирования. Правовед Ляо Цзэнъюнь, анализируя тенденции развития национального уголовного права в товарной экономике, пишет: «В связи с тем, что граница между требованиями государственного упорядочения экономики, правильной деятельностью и преступлениями изменчива, необходимо строго разграничивать два типа неодинаковых противоречий, четко разделять преступное и не преступное...»¹⁰

Очень точно, на наш взгляд, содержание концепции противоречий в обществе выразил правовед Ван Сижэнь: «Все законы Китая, включая и уголовные, выражают волю народных масс, поэтому каждая правовая норма не может не проводить границы между нами и врагами, между добром и злом... Разделение правды

и неправды, добра и зла, истины и лжи не противоречит наказанию на основе закона»¹¹. Как видим, китайский правовед при использовании концепции противоречий в обществе вынужден обращаться к оценочным категориям нравственности, которые не всегда пригодны для выражения существа явлений, регулируемых правом. Об уязвимости подобных взглядов немало говорится в правовой идеологии Китая¹². Однако большинство китайских правоведов склонны усматривать в концепции противоречий в обществе серьезный методологический потенциал, значение которого возросло именно в связи с ростом экономической преступности.

Социологизация правовых явлений в Китае сопровождается усилением роли суда, и это обстоятельство располагается в контексте требований реформы. Судейское право в сильной степени активизирует деятельность правоприменения КНР, придает ему больший динамизм и оперативность в принятии решений. Однако этого, конечно, недостаточно, и суды в Китае все еще перегружены рассмотрением хозяйственных споров, в результате даже ставится вопрос «о создании на базе действующих судов еще одной дополнительной инстанции или же учреждения выездных сессий суда для быстрого рассмотрения экономических споров»¹³. Следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет не только о гражданско-правовых отношениях, нередко «под экономическими спорами скрываются разные виды мошенничества; мошенники используют хозяйственные договоры для проведения преступной деятельности, и поэтому очень трудно разобраться, какие хозяйственные договоры являются истинными, какие ложными, а какие из них относятся к обычным экономическим спорам»¹⁴.

Об изменении критериев оценки тех или иных форм поведения в зависимости от уровня развития районов Китая, от степени товаризации их экономики, от особенностей правоприменения, от уголовной политики и т. д. говорит пример наказуемости кражи и хищения. Кража имущества признается совершенной «в сравнительно крупных размерах» при присвоении лицом 200—300 юаней, а в районах, где идет «ускоренное экономическое строительство», эта сумма составляет 400 юаней. Что касается хищений, то «сравнительно крупными» они признаются при похищении 1 и 2 тыс. юаней соответственно¹⁵. По мере углубления процесса товаризации экономики, правоприменение страны вынуждено с большей избирательностью реагировать на отклоняющееся поведение, что, в частности, выражается в переводе «больших» уголовных дел в «малые», «малых» — в административные, последних — в дисциплинарные и т. д. В китайской печати начала восьмидесятых годов такие явления по понятным причинам расценивались отрицательно — они упоминались в качестве способа вывода преступников из-под уголовной ответственности¹⁶. Но впоследствии, возвращаясь к этим явлениям, стали говорить об их неизбежности в условиях резкого возрастания числа экономических преступлений и необходимости концентрации усилий на «больших и важных» делах. При этом отмечалось, что в разных районах страны вырабатывались свои критерии отнесения тех или иных преступлений к категории «больших и важных»¹⁷.

В условиях реформ подвергаются пересмотру устоявшиеся представления о криминальности некоторых деяний, а также возникают преступления, ранее не характерные для китайского общества. Ярким примером второго случая служат факты рэкета, особенно участвовавшие за последнее время в китайской деревне. Юрист Цзи Синь приводит такого рода пример в отношении зажиточного крестьянского двора, глава которого получил от преступников послание следующего содержания: «Твоя семья богата, наши семьи бедны, ты должен такого-то числа, такого-то месяца положить 300 юаней в каменное углубление сбоку от железнодорожного моста. В противном случае большая беда подстерегает тебя, если сообщишь в полицию — вырежем всю твою семью»¹⁸.

Примером декриминализации может служить толкование понятия «состав спекуляции». Как известно, суть этого преступления выражается классической формулой «скупка и перепродажа с целью наживы», причем законодатели разных стран в зависимости от конкретных социальных потребностей сужают или расширяют круг деяний, охватываемых спекуляцией, а также материальных ценностей, перепродажа которых образует состав спекуляции. До недавнего времени в Китае к спекуляции относили практически все случаи скупки и перепродажи сколько-нибудь значимых материальных ценностей. Сейчас изменения коснулись главным образом случаев перепродажи товаров в районах, отдаленных от места покупки. «Крестьянин Хэ Фэньюн и

его товарищи закупили в разных уездах 60 тыс. кг чая, который нельзя было там реализовать, и отвезли в провинцию Гуандун, где продали местным торговым организациям. В результате этой сделки они получили прибыль в размере 57 тыс. юаней. Суд, разбирая это дело, посчитал, что Хэ Фэньюн, осуществляя закупку и продажу чая, оживил каналы торговли, что пошло на благо общества, коллективов и отдельных лиц»¹⁹.

По мнению китайских юристов, необходима и криминализация ряда деяний, совершаемых в экономике страны. Прежде всего это касается новых форм мошенничества, которые УК КНР 1979 г. не мог предусмотреть. «Новая форма мошенничества посредством заключения ложных договоров, как некая неожиданно возникшая эпидемия, распространяется в сфере экономики»²⁰. Мошенники стали выступать от имени юридических лиц, объектом их интересов является не только имущество граждан, но и общенародная собственность, собственность коллективов. Появилось мошенничество юридических лиц, то есть когда одно предприятие посредством обманных действий завладевает имуществом другого. По данным Чжан Чуньхана и Хао Лихуэя, число ложных хозяйственных договоров крайне велико и доходит до 10 млн.; в одной только провинции Ляонин такие договоры заключены на сумму 500 млн. юаней, а незаконно присвоено свыше 20 млн. юаней²¹. Возникли «пустые фирмы» или «фирмы четырех без», то есть «без пункта управления, без капитала, без оборудования и техники, без постоянного персонала». Доля таких фирм в шести городах провинции Хэбэй составляет 4—5 %²².

Большинство китайских правоведов предлагает ужесточить уголовную ответственность за мошенничество вплоть до введения высшей меры наказания. Кроме такого традиционного подхода решения социальных недугов, отдельные правоведы совершенно справедливо полагают, что серьезные возможности в деле борьбы с этим злом содержатся в расширении гласности. «Необходимо организовать открытую и обязательную публикацию образования и роспуска предприятий, учреждений, фирм. Это не только поставит дело под контроль масс, но и усилит ответственность предприятий, а также права торгово-промышленных отделов по административному управлению организационными процессами»²³.

Действующее уголовное законодательство Китая призвано бороться главным образом с преступлениями повышенной общественной опасности, то есть отклоняющимся поведением в его крайних формах. Что касается преступлений средней и незначительной общественной опасности, они рассматриваются другими нормами системы социального регулирования, которые в Китае традиционно отличаются разнообразием и эффективностью. Отказ китайского законодателя от детальной регламентации в законе вопросов квалификации и наказания всех мыслимых форм отклоняющегося поведения повышает значимость этих норм и в современном обществе, что ведет, как отмечалось выше, к социологизации правовых явлений.

Важнейшим криминогенным фактором экономической преступности в современном Китае являются особенности хозяйственной жизни в открытых районах и специальных экономических зонах. «Обстоятельств, способствующих совершению экономических преступлений, в специальных районах гораздо больше... Наряду с передовой технологией, капиталом и опытом управления, стимулирующими экономическое развитие Китая, в страну неизбежно проникают гнилая буржуазная идеология, частнособственнические устремления, психология наживы вплоть до буржуазных принципов товарного обмена»²⁴. Ведущий социолог Китая профессор Фэй Сяотун в связи с этим пишет: «Внезапное открытие внешнего мира и другие политические изменения должны были нанести ужасный удар по образу мысли людей. Отсутствие адекватной правовой системы, а также неудовлетворительное гражданское просвещение, ориентированное одновременно и на старые принципы, и на текущую ситуацию, способствуют пробуждению многих плохих старых обычаев, привычек, которые обнаруживают себя сейчас в коррупции и противозаконной деятельности»²⁵.

По мнению китайских ученых, центральным криминогенным фактором в рассматриваемых районах является их открытость по отношению к внешнему миру. Это обстоятельство дестабилизирует систему социального контроля, сформировавшуюся с учетом закрытости контролируемых процессов. С другой стороны, преступления, совершаемые в этих районах, по своей общественной опасности и содержанию сильно отличаются от уголовных дел на остальной территории страны. Все это способствует формирова-

нию специфики регионального социального контроля, выражающейся в большей терпимости к разнообразным формам поведения. Последние смешены здесь в сторону отклоняющегося поведения в наибольшей степени.

Открытые районы Китая оказывают криминогенное воздействие на неустойчивых лиц в разных частях страны. Преступники этих районов вовлекают в свои незаконные торговые, финансовые операции юридических и физических лиц со всего Китая, а также создают для правонарушителей из «неоткрытых» районов благоприятные условия для совершения преступлений. Так, например, нашумевшее уголовное дело торгово-промышленной компании «Гуаньюй» министерства космической промышленности не смогло бы приобрести такого размаха, если бы компания «Хайма» с острова Хайнань не предоставила ей фиктивную документацию на импорт французских цветных телевизоров и не создала бы благоприятные условия для практической реализации сделки²⁶. Участники крупномасштабных махинаций автомобилями с острова Хайнань вовлекли в свои преступные операции многие банки Китая, нанеся существенный ущерб финансово-валютной системе страны²⁷.

По данным китайского правоведа Фу Цзиньцана, с 1984 по 1985 г. число дел по экономическим преступлениям в специальных зонах выросло на 12,5 %, а количество «больших и важных» дел превысило их общее число за предыдущие четыре года в пять раз. За первое полугодие 1986 г. уголовных дел возбуждено в два раза больше по сравнению с аналогичным периодом 1985 г., а «больших и важных» — в 4 раза. 33,3 % этой категории дел имели выходы за рубеж. Таможня Сямыня в 1985 г. раскрыла 254 случая крупной контрабанды на общую сумму 36650 тыс. юаней, что в 12 раз больше, чем в 1984 г. Только в августе 1985 г. в Сямыне возбуждено 127 дел о спекуляции валютой на общую сумму 38 750 тыс. юаней. В них оказались замешанными более ста различных организаций²⁸.

По мнению китайских юристов, в открытых районах существенную общественную опасность представляют факты сокрытия налогов, подрывающие экономическое строительство. В районе Вэньчжоу с населением более 6 млн. человек семейные производственные дворы только одной волости за два года не уплатили налогов на сумму 3500 тыс. юаней, внося при этом всего 7,4 % причитающейся суммы. Группа предприятий волости уклонилась от уплаты 1250 тыс. юаней. Отмечается, что выявленные факты не отражают истинного положения вещей; налоги, которые следовало бы уплатить от сделок, имеющих выходы за рубеж, не поддаются точному определению. Среди населения Вэньчжоу даже в ходу поговорка: «Богатство приходит от неуплаты налогов»²⁹.

Открытые районы стали местом концентрации беглых преступников, которые создают преступные группировки, шайки. Местом их действия, как правило, являются торговые рынки, поселки, которые образуются предпринимателями и торговцами. В районе Вэньчжоу действует более 500 рынков, которые ежедневно посещают около 700 тыс. человек. В 1986 г. среди задержанных преступников только на одном рынке 90 % составляли лица, совершившие побег из мест отбывания уголовного наказания³⁰. В этом же районе получили распространение такие преступления, как азартные игры, содержание притонов, незаконные денежные операции. Только в январе-апреле 1987 г. за азартные игры, ставки которых превышали 100 тыс. юаней, в уголовном порядке наказано 2900 человек³¹.

В современном Китае в условиях развития самостоятельности хозяйственных и территориально-управленческих структур актуализируется проблема защиты общества от негативных форм их деятельности. В основе этих тенденций, по мнению профессора экономики Цянь Цзяцзюя, лежит «возобладание местных экономических интересов над общенациональными»³². Эгоистичный местный интерес может проявляться на уровне компании, фирмы, отрасли, а также в рамках крупных административно-территориальных единиц. Необходимо обратить внимание на некоторые социологические аспекты негативной деятельности компаний и управленческих структур, методы ее оценки, рассмотреть эту деятельность посредством проекции на оси социально значимого поведения.

Основное содержание этой деятельности выражается в торговых и валютно-финансовых операциях с целью извлечения выгоды-наживы за счет государства, соседей, торговых и хозяйственных партнеров. Посредством скупки и перепродажи валюты, а также перепродажи импортируемых вразрез с интересами государства предметов длительного пользования — автомобилей, цветных телевизоров, видеоманитофонов

и т. д. — компании «Гуаньюй», «Нункэн» и власти острова Хайнань получали выгоду-наживу, исчисляемую в сотнях миллионов юаней. Существенная особенность этих негативных явлений, влияющих на их правовую оценку, по мнению китайских ученых, заключается в том, что «фактически у частных лиц оказалась незначительная сумма денег. В финансовом отношении обогатились местные подразделения, которые пренебрегли долгосрочными целями развития производства»³³.

Как нам представляется, полностью отрицать корыстную мотивацию в действиях организаторов торгово-финансовых операций не следует. Но при этом следует учитывать, что корыстные мотивы этих лиц оказались слитыми, растворенными в корпоративном эгоизме, и это обстоятельство усложняет правовую квалификацию содеянного. Корпоративный эгоизм в свою очередь также имел оправдательный оттенок, так как рассматриваемые явления в целом соответствовали духу реформы — обогащаться, ускоряться, быть предельно предприимчивым и изобретательным в деле социально-экономического ускорения и, в частности, в поисках источников финансирования. Оправдательные настроения корпоративного эгоизма расплавались в контексте реализации целей развития острова, по-своему понимаемых как ситуационно обусловленные и целесообразные. «У хайнаньского руководства началась горячка по поводу быстрого достижения успехов, был разработан нереальный план «ускоренного взлета», который как путь к достижению задачи накопления капиталов предполагал перепродажу импортных товаров, чтобы стимулировать взлет Хайнаня за счет внутреннего рынка»³⁴. Руководители острова стали «приспосабливать политику и курс государства под местные интересы», осуществлять «политику балансирования на грани, то есть одной ногой стоять в рамках курса, а другой — вне этих рамок»³⁵. Практически наблюдалось своеобразное массовое отклоняющееся поведение.

Для выражения существа негативных тенденций в Китае удачно употребляют термин «порочный стиль». Порочный стиль, на наш взгляд, это мировоззренческая идеология отклоняющегося поведения в широком социальном контексте, на уровне осмысления целей общества и разработки подходов и управленческих решений для их реализации. Отклонение происходит от «политики и курса государства», от «установок ЦК КПК» и, в конце концов, от идеи социализма.

Идеология порочного стиля порождает в обществе глубокие дисфункциональные явления, которые выразились в том, что «экономика острова (Хайнань) потерпела колоссальный урон, была загрязнена социальная атмосфера, опорочена целая группа кадровых работников, внесено смятение в идеологию многих людей»³⁶. Идеология порочного стиля также содержит в себе сильный криминогенный элемент, который на уровне отдельных граждан стимулирует отклоняющееся поведение разных форм, в том числе и преступных.

Социальные корни порочного стиля многообразны, и прежде всего это сложности переходного к товарной экономике периода. Как отмечалось в редакционной статье газеты «Жэньминь жибао» по итогам расследования дела компании «Нункэн», «в некоторых вопросах рамки политического курса все еще не очень конкретны, а ряд экономических законов и норм требуют дальнейшего совершенствования»³⁷. Следует учитывать и возобладание в сознании людей мелкобуржуазной психологии, а также неподготовленность руководящих кадров к пониманию особенностей и характерных черт, присущих социалистическому товарному хозяйству, их принципиального отличия от товарности капиталистического общества.

В юридической литературе КНР содеянное лицами, замешанными в незаконных операциях, однозначно квалифицируется как преступление. Однако это не означает, что все они привлекаются к уголовной ответственности в соответствии с буквой закона. Напротив, случаи такие не распространены и имеют место лишь в отношении наиболее злостных преступников, деяния которых отличаются повышенной общественной опасностью. Большинство же субъектов правонарушений наказываются в административном, дисциплинарном порядке, подвергаются моральному осуждению, в крайних случаях они, скажем, исключаются из партии. Наблюдается определенная терпимость к отклоняющемуся поведению доприступных и даже преступных форм.

Явление это, как нам представляется, неизбежно и в известной мере необходимо в переходный период: оно несет в себе немало рационального. Реакция социального контроля на отклоняющееся поведение в экономике с учетом широкого спектра социологических данных делает ее более адекватной потребностям весьма динамичного

и противоречивого социального развития, а также способствует сохранению в обществе престижа государственного принуждения.

Концепция порочного стиля как массового отклоняющегося поведения дает возможность уяснить природу своеобразных новелл в социальном контроле китайского общества, введенных Постановлением о дополнительных мерах по наказанию коррупции и взяточничества и Постановлением о дополнительных мерах по наказанию контрабанды от 21 января 1988 г. Эти документы установили уголовную ответственность юридических лиц, то есть предприятий, учреждений и организаций, за совершение ими экономических преступлений.

Вопрос о признании юридических лиц в качестве субъектов уголовного преступления относится к новейшим в теории уголовного права социалистических стран, и только китайский законодатель положительно решил его на законодательном уровне. По мнению правоведа И Хуа, это обстоятельство является «прорывом классической концепции о том, что субъектом уголовного преступления может быть только физическое лицо»³⁴. Первый шаг в этом направлении был сделан в Таможенном кодексе КНР, принятом в январе 1987 г., где в статье 47 устанавливалась ответственность предприятий, ведомств, государственных и общественных организаций за совершение контрабанды. «Это положение имеет не только огромное практическое значение, но также имеет значение в научном плане — в изучении проблем преступлений юридических лиц, в пересмотре и развитии традиционной теории уголовного права, а также в установлении уголовно-правовых представлений социалистической товарной экономики»³⁵.

Последнее обстоятельство имеет принципиальное значение. Именно с развитием товарной экономики возникает потребность в «обуздании» разрушительной мобильности юридических лиц. В массовом отклоняющемся поведении в товарной экономике наибольшую опасность представляют не преступления отдельной личности или группы лиц, а вредоносные деяния предприятий и организаций, наделенных большой самостоятельностью и действующих в условиях конкуренции. Как показала криминологическая обстановка Китая за последние годы, отклоняющееся поведение юридических лиц «серьезно подрывает экономико-правовой порядок в обществе, создает для неустойчивых граждан условия для совершения экономических преступлений. Такие общественно опасные деяния юридических лиц появились с формированием товарной экономики в Китае»⁴⁰.

Профессор Сюй Чунькэ пишет: «Среди кадровых работников и в массах сложились ошибочные представления, будто «нет корысти — нет и преступления», «действия в общих интересах не являются нарушением закона», «члены юридических лиц, непосредственно замешанные в преступлениях, вовсе не набивают свой карман», такие взгляды позволяют преступникам полагать: что бы ни делалось в интересах коллектива — все сойдет с рук»⁴¹. Китайский профессор осуждает корпоративный эгоизм, крайние формы проявления которого и должны служить основанием уголовной ответственности. Он полагает, что «наказание юридических лиц позволит оказать влияние на его членов, с тем чтобы они контролировали соблюдение юридическими лицами дисциплины и законов»⁴², то есть тяжесть уголовно-правового воздействия равномерно возлагается на всех работающих. Таким образом, проявление корпоративного эгоизма влечет за собой вменение корпоративной виновности.

В соответствии с Постановлениями от 21 января 1988 г. юридические лица, совершившие преступления, наказываются денежным штрафом, являющимся видом уголовного наказания, а непосредственно виновные физические лица подвергаются уголовному наказанию в виде лишения свободы. Для определения степени вины во всех составах преступления преимущественно используется стоимостной критерий — закон устанавливает конкретные суммы взятки, контрабанды, которые прямо обуславливают характер и размеры наказания. Самой крупной контрабандой считается контрабанда ценностей и предметов стоимостью свыше 500 тыс. юаней, а размер взятки для признания ее крупной должен превышать 50 тыс. юаней. Есть факты взяток и юридическими лицами.

В условиях расширения контактов с внешним миром китайские юридические лица получают доступ к внешним рынкам, им предоставляется право установления прямых связей с зарубежными фирмами. Такая форма экономической деятельности требует оперативного ввоза из-за границы необходимых материалов, а также использования во внешних контактах валюты, которая, разумеется, должна иметься на счету у пред-

приятый. Для предотвращения нежелательных действий в плане передвижения материалов через границу установлена ответственность за ввоз без разрешения и без уплаты налогов заготовок, деталей для монтажа, материалов компенсационной торговли, деталей для механизмов, комплектующих товаров и т. д.

Уголовная ответственность установлена также за нарушение положений об использовании валюты, уклонение от ее использования по назначению при обязанности сделать это или уклонение от помещения валюты в указанный государством банк, незаконное направление за границу валюты внутригосударственного пользования. В статье 9 Постановления о контрабанде говорится: «Промышленные и непромышленные предприятия, учреждения, организации, коллективы или отдельные лица, незаконно занимающиеся перепродажей валюты и извлекающие при этом выгоду, наказываются согласно положениям о спекуляции».

С развитием товарной экономики увеличивается число легальных источников получения гражданами Китая дополнительных доходов. Однако и число незаконных, тщательно скрывааемых источников доходов также растет; становится все труднее бороться с этими явлениями. Поэтому нормативные акты установили весьма своеобразный порядок выявления и наказания государственных работников, извлекающих нетрудовые доходы. В статье 11 Постановления о наказании коррупции говорится: «Если имущество государственных работников или же их расходы со всей очевидностью превышают законный доход и при этом разница огромная, то можно обязать лицо объяснить характер источников доходов. Если это лицо не в состоянии объяснить законность источников дохода, то сумма, на которую расходы превышают доходы, считается незаконным поступлением и лицо наказывается лишением свободы на срок до 5 лет или уголовным арестом, кроме того, можно назначать самостоятельно или как дополнительное наказание конфискацию незаконно добытой части имущества».

Эта новелла уголовного законодательства Китая предоставляет правоприменению страны существенные возможности в борьбе с нетрудовыми доходами. Общеизвестны те огромные сложности, с которыми сталкиваются органы прокуратуры в деле выявления и оформления процессуальных доказательств фактов взяточничества. Теперь эта процедура значительно упростится, так как при невозможности объяснить источник доходов «строится предположение о наличии хозяйственного преступления и назначается уголовное наказание. Невозможность доказать законность источника доходов является новым составом преступления, включенным в уголовный кодекс»⁴³.

Рассмотренные особенности экономической преступности в Китае позволяют, на наш взгляд, увидеть за конкретным фактом отдельного уголовного преступления результат опосредованного воздействия на поведение человека факторов экономического, социологического и нормативно-правового характера. Нарастающий динамизм социального развития современного Китая изменяет не только виды преступлений и способы их совершения, но и обуславливает адекватные изменения в системе социального контроля. Последнее проявляется в повышении роли диспозитивного правового регулирования, в отказе от попыток решения проблем экономики посредством усиления репрессий и в смелых новациях в уголовном праве, в социологизации правовых явлений, в использовании разнообразных, в том числе традиционалистских, регуляторов социальных связей, в развитии самостоятельности суда. Разрабатываются социально и исторически обусловленные подходы регламентации отклоняющегося поведения в экономике, эффективные меры по предупреждению и пресечению его крайних форм. Следует согласиться со справедливыми словами профессора Фэй Сяотуна о том, что, «несомненно, нам не следует относиться к этим явлениям беспечно, но и не следует терять чувство меры. Реформа и открытая политика несут такие ощутимые преимущества стране, что никто не может отрицать важность этого аспекта. Более того, правительственные и общественные меры воспитания реализуются по всей стране в деле борьбы с коррупцией. Любой перебой в борьбе за реформу из-за некоторых злоупотреблений поистине стал бы поворачивать время вспять»⁴⁴.

¹ А. М. Яковлев. Социология экономической преступности. М., 1988, с. 58.

² См.: Пань Няньси. Проблемы экономической преступности в условиях развития товарной экономики. — «Фасюэ цзачжи», 1987, № 5, с. 28.

- ³ Социальные отклонения. М., 1984, с. 99.
- ⁴ Чэнь Баошу. О допросах под пыткой.— «Фасюэ», 1983, № 5, с. 5.
- ⁵ Юань Чэньди. Социалистическое право также должно делиться на публичное и частное.— «Фасюэ цзикань», 1986, № 4, с. 22.
- ⁶ Пань Няньси. Указ. соч., с. 29.
- ⁷ О взглядах правоведов КНР по квалификации деятельности «активистов реформы» подробнее см.: Э. З. И м а м о в. Реформа хозяйственного механизма и уголовное право в Китае.— «Проблемы Дальнего Востока», 1987, № 4, с. 96—105.
- ⁸ Здесь и далее цит. по: «Жэньминь жибао», 14.IV.1982.
- ⁹ В. А. Туманов. Буржуазная правовая идеология. М., 1971, с. 244.
- ¹⁰ Ляо Цзеньюнь. Цели изучения уголовного права и тенденции его развития.— «Фасюэ яньцзю», 1988, № 1, с. 57.
- ¹¹ Ван Си жэнь. Правильно разграничивать два типа неодинаковых противоречий в уголовном праве.— «Фасюэ цзачжи», 1985, № 1, с. 49.
- ¹² См., напр.: Ван Цянхуа. Учение о двух типах противоречий и принципы его использования в социалистическом праве.— Там же, 1984, № 5, с. 49—51.
- ¹³ Чжан Ююй. О некоторых вопросах примирительной работы среди населения.— «Фасюэ цзикань», 1987, № 2, с. 19.
- ¹⁴ Цао Цзыдань. Вступительное слово на симпозиуме по проблемам борьбы с экономической преступностью в условиях реформы экономической системы.— В сб.: «Реформа экономической системы и борьба с экономической преступностью». Пекин, 1987, с. 2.
- ¹⁵ Хань Цзявэнь. О наказании хищений и кражи.— «Ляонин дасюэ сюэбао», 1986, № 1, с. 91.
- ¹⁶ См., напр.: «Жэньминь жибао», 27.VI.1980.
- ¹⁷ Фу Цзиньцан. Сурово наказывать экономические преступления. Обеспечить строительство специальных экономических зон.— В сб.: «Реформа экономической системы и борьба с экономической преступностью», с. 51.
- ¹⁸ Ци Синь. Сурово карать экономические преступления, ускорять структурные реформы.— в сб.: «Реформа экономической системы и борьба с экономическими преступлениями», с. 18.
- ¹⁹ Там же, с. 23.
- ²⁰ Чжан Чуаньхань, Хао Лихуэй. Вопросы упорядочения квалификации и назначения наказания за некоторые экономические преступления.— Там же, с. 65.
- ²¹ Там же.
- ²² Се Цзядао. «Фирмы четырех без» и экономические преступления.— Там же, с. 75.
- ²³ Там же, с. 81.
- ²⁴ Фу Цзиньцан. Указ. соч., с. 47.
- ²⁵ Цит. по: И Сюй. Коррупция: почему это встречается, что предпринимается.— «China Reconstructs», 1986, № 5, с. 27.
- ²⁶ См.: «Жэньминь жибао», 7.II.1986.
- ²⁷ См. там же, 1.VII.1985.
- ²⁸ Фу Цзиньцан. Указ. соч., с. 49.
- ²⁹ Пань Няньси. Указ. соч., с. 28.
- ³⁰ Там же, с. 29.
- ³¹ Там же.
- ³² Цит. по: И Сюй. Указ. соч., с. 28.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Чжун Цзиу. Уроки хайнаньского автомобильного дела.— «Хунци», 1986, № 7, с. 21.
- ³⁵ Там же, с. 22.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ «Жэньминь жибао», 23.V.1986.
- ³⁸ И Хуа. О некоторых вопросах «Дополнительных мер по наказанию коррупции и взятки». — «Фасюэ цзачжи», 1988, № 2, с. 41.
- ³⁹ Чжу Хуажун, Линь Цяньхуа. О принципе двойного наказания преступлений юридических лиц.— «Фасюэ яньцзю», 1987, № 6, с. 57.
- ⁴⁰ У Люцунь, Сян Чаоян. Общественно опасные деяния юридических лиц и их правовой контроль.— «Сычуань дасюэ сюэбао», 1987, № 2, с. 41.
- ⁴¹ Сюй Чунькэ. Юридические лица как субъекты преступления.— «Гирин дасюэ шэхуэй кэсэю сюэбао», 1987, № 5, с. 11.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ И Хуа. Указ. соч., с. 11.
- ⁴⁴ Цит. по: И Сюй. Указ. соч., с. 27.

Кто защитит потребителя?

(Публицистический очерк)

ХО ДА

«Поднебесная велика, и много в ней разных чудес».

Стоял июнь 1981 года. Экономическая и социальная Комиссия ООН для стран Азии и Тихого океана проводила в Бангкоке несколько необычную конференцию: «Вопросы защиты интересов потребителя». Организаторы настойчиво приглашали китайских потребителей принять участие в этой международной встрече.

Надо сказать, что такое приглашение явилось полнейшей неожиданностью. Для огромного большинства китайского населения тема конференции была некоторого рода загадкой: кто такие эти «потребители» и что это за «интересы», которые собираются защищать?

Формула «права потребителя» стала юридическим термином, создателем которого считается бывший президент США Джон Кеннеди. По Марксу, производство — для потребления. Потребление пронизывает всю нашу жизнь.

В 1892 г. в США объявила о своем рождении первая в мире ассоциация потребителей, выступившая с требованием стабилизации цен. Позже, после второй мировой войны, когда жизнь вошла в нормальное русло и стала быстрыми темпами развиваться экономика, достижения науки и техники предоставили людям огромный выбор товаров. В развитых странах вновь стали появляться организации потребителей. В 1960 г. в Гааге было официально объявлено о создании Международного союза потребителей. На первом съезде присутствовали представители из США, Англии, Австралии. В 80-х гг. в мире уже насчитывалось около трехсот объединений, отстаивающих права потребителей в более чем восьмидесяти странах, свыше ста двадцати организаций пяти десятков стран являются членами союза потребителей.

Вернемся теперь к событию, с которого начался рассказ. Конференция была призвана способствовать подъему движения потребителей в странах АТР.

К величайшему сожалению, столь ценное приглашение пришло тогда, когда в Китае не было и в помине «организованных потребителей».

А может быть, не нужна китайцам такая организация? Может быть, их интересы не ущемляются или они уже полностью обеспечены первосортными товарами и услугами? Тогда, пожалуй, и не стоило бы браться за перо. Но я уверена, что все в один голос воскликнут: нет, нет, это не так!

Теперь поговорим о рядовом потребителе. О его трудовых сбережениях, о попытках купить нужный товар и о том, что из этого иногда получается. Давайте пойдем следом за самым обычным покупателем.

...Город Гуанчжоу. Море машин и велосипедов, море людских голов. Каждый человек — потенциальный покупатель, и почти каждый стремится отдать свои деньги и получить взамен то, что ему нужно из великого разнообразия товаров, предлагаемых рынком. Здесь есть одежда современных фасонов, разнообразная обувь, всяческие дары богатой южной земли и моря и прочее, и прочее... Кстати, все это немного получше, а иногда и чуть-чуть подешевле, чем где-нибудь в глубинке. Между небоскребами — гостиницами и ресторанами — раскинулось бесчисленное множество магазинов и магазинчиков, лавок, лавочек и лавчонок. Гудит многоязыкий рынок. Торговля идет всюду. Вот этот, явно из деревни, твердо держит свою цену. Другой торгош берет только чеками. Что же, подходите, если они у вас есть.

А вот и наш рядовой покупатель. Не теряйте его в толпе. Ему за пятьдесят, лицо смуглое, ничем не примечательное, волосы редкие, наполовину седые. Одет он тоже обычно: привычный всем френч, кепка и матерчатые тапочки. Человек явно не привык ни к этому бурлящему городу, ни к людской толчее. Он, впрочем, приехал с определенной целью — останавливается перед витринами магазинов радиоаппаратуры, подходит к прилавкам, и за гулом толпы можно разобрать, что спрашивает он цветные телевизоры. Названия разных фирм мелькают перед ним: «Шарп», «Сони», «Тосиба», «Саньё»... Человек долго смотрит, много спрашивает, но, в конце концов, отходит ни с чем.

Однако он терпелив. Обойдя крупные магазины, принимается за мелкие. Наконец в одном из магазинов уцененных товаров, где среди всякой всячины есть и радиоаппаратура, он присмотрел подходящий по цене телевизор. Правда, на пластиковом корпусе имеется трещина — следы транспортировки. Продавец, тоже человек немолодой, говорит покупателю:

— Его цена — 900 юаней, из-за повреждения корпуса продается за 880.

— А внутри у него все в порядке?

— В полном порядке — аппарат новый!

Все прикинув и взвесив, человек наконец решил: надо брать.

Он убедительно просит отложить товар, потому что надо съездить домой, за город — посоветоваться с домашними, взять деньги. Выдавший виды продавец кивает, улыбаясь, и провожает взглядом сельского жителя, припустившего по улице широким шагом.

Между тем рядовой покупатель вовсе не житель села. В 1950 г. он вернулся из Гонконга, чтобы принять участие в строительстве нового Китая. Преподавал высшую математику. Короче — старый интеллигент. Лет двадцать простоял у доски с мелом в руке. Скоро на пенсию. Что касается зарплаты, то раньше получал пятьдесят-шестьдесят, а теперь — семьдесят-восемьдесят юаней в месяц. Да еще зарплата жены. Получалось, что у них вдвоем чуть больше сотни на все про все: одежда, еда, квартира, транспорт, книги... Двое детей учатся в институтах — тоже надо помогать. Тут действительно нужно высшее образование, чтобы сводить концы с концами!

И тем не менее ему удалось сэкономить тысячу юаней. Дрожащими руками он трижды пересчитывает деньги, бережно укладывает их во внутренний карман, поближе к сердцу. И снова бегом в обратный путь, к остановке, откуда автобус повезет его в город. Несчастный повторит это путешествие не раз и долго будет помнить этот день...

До закрытия оставались считанные минуты. Телевизор ждал его на прилавке. Деньги перешли из рук в руки — и дело сделано. Он даже тихо охнул: в первый раз за свою жизнь истратил в мгновение ока такую сумму.

Крепко прижимая к себе покупку, человек двинулся в обратный путь, осторожно уклоняясь от встречных прохожих. Втиснулся кое-как в автобус и всю дорогу не сводил глаз со своего сокровища.

Дома радости не было предела. Сбежались соседи. Все спешили его поздравить: в среде китайских интеллигентов цветной телевизор пока еще не такое частое явление, как, скажем, у «десятитысячников»¹ на селе или у городских единоличников.

— Внимание, включая! — Экран осветился голубым сиянием, но — вот странное дело! — другие краски не появлялись. Собравшиеся переглядывались в недоумении. Внезапно экран погас. Снова засветился — и снова погас. Сердце у математика, кажется, остановилось. Соседи начали тихонько перешептываться.

— Вы знаете, ваш телевизор неисправен, — услышал он наконец то, что боялся сказать себе сам. Да, неисправность. Но какая? Пытаясь сохранять хотя бы внешнее спокойствие, он отправился к коллеге, разбирающемуся в аппаратуре.

— Это дефект кинескопа, — вынес тот свое заключение.

— Ты не мог бы починить это?

— Починить? Нет, не получится. Надо менять кинескоп.

— А сколько стоит кинескоп?

— Ну, юаней четыреста, не меньше.

— Сколько?

— Если товар некачественный, ты можешь вернуть его в магазин.

— А если они скажут, что это я его испортил? — по привычке предполагать худшее спросил математик.

— Нет, не скажут,— ободрил коллега.— Кинескоп герметичен и ты тут совершенно ни при чем.

Пожалуй, что так. Надо ехать в магазин.

Старика, который продал ему телевизор, не было. Вместо него за прилавком стоит девушка. Не дослушав сбивчивые объяснения, она заявила:

— Мы гарантии не даем. Купленный товар не обменивается и обратно не принимается.

— Но, товарищ, позвольте...

Продавица раздраженно поджала губы и более не удостоила его даже взглядом.

Пришлось ни с чем возвращаться домой, где он, естественно, не нашел сочувствия. Жена рассердилась, а друзья и соседи осмеяли его. Ну, интеллигент! Так и будешь, значит, ждать, когда телевизор сам исправится?..

Подбадриваемый родными и знакомыми, он снова поехал в магазин. На этот раз пожилой продавец был на месте. Наш неудачник бросился к нему, как к спасителю. Еще раз, в еще более мягких и деликатных выражениях изложил свои обстоятельства. Как будто он нажился на этой покупке, словно совершил серьезный проступок и молит о помиловании и снисхождении.

Пожилой продавец надменно слушал, оценивая внешний вид унижающегося покупателя, и отвечал:

— По правилам торговли, уцененные товары не обмениваются и обратно не принимаются. За их качество мы не отвечаем. Если хотите гарантию качества — покупайте в дорогих магазинах. Все.

Около прилавка столпились люди. Кое-кто поглядывал в его сторону. «Ишь, скандалист!» — наверное, думали они. От этой мысли лицо покупателя-неудачника покраснело, словно его при всех уличили в воровстве, и он поспешил покинуть поле боя.

Что делать нам с этим удивительным чувством собственной вины, возникающим, когда речь заходит о наших естественных и, скажем прямо, элементарных правах?

Возвращение домой, где ждали расспросы, недоумение, упреки и советы, было малоприятным, но неизбежным.

Через месяц кинескоп совершенно померк, и телевизор превратился в абсолютную ненужную, но очень дорогую рухлядь. Вместе с кинескопом померкли все мечты и слабо теплившиеся еще надежды.

По интеллигентской привычке, вызывающей и сочувствие, а у кого-то, наверное, и усмешку, он решил обратиться в магазин письменно. Он им пошлет письмо!.. Подобрать соответствующие обороты помог знакомый продавец книжного магазина. Переписанное и дважды, и трижды, послание отличалось законченной логикой и совершенством формулировок. Письмо наконец отправлено. С таким же успехом можно было бросить камень в море и ждать, когда он всплывет. Как ни странно, ответ какой-никакой был получен, правда, весьма краткий: «Не меняем и назад не берем!»

Он решил поискать другой выход. По соседству недавно открылась фирменная мастерская по ремонту телевизоров как раз этой марки. Туда он и направился со своей покупкой: может быть, удастся хотя бы починить? Работник мастерской чинить не стал: «Это не наш. Мы таких не выпускаем». Потом объяснил подробнее:

— Эту марку делают два завода. Марка одна, а модели разные.

— А как найти другой завод? — осторожно спросил неудачник, вытирая пот со лба.

— Ищи — свищи! Их завода больше нет. Они крутили там что-то со своей внешней торговлей, частной инициативой — ну, и докрутились! Директор в тюрьме сидит.

— Как в тюрьме?! — Эта новость была сказана так запросто, как будто прежнего директора перевели на другую работу или он уехал в отпуск. Молчание затянулось. Наконец он спросил:

— А, нельзя ли вас попросить... Вы не смогли бы заменить в таком случае кинескоп?

— Нет, ничего не выйдет. У нас кинескоп другой, такого сейчас не достать. Покупатель вышел на перекресток улиц и остановился.

«Почему? — спрашивал себя готовый заплакать седой мужчина, окруженный со

всех сторон безучастным людским потоком. Ему хотелось закричать в полный голос, чтобы услышали и те, кто рядом, и те, кто далеко.— Почему?! Почему все так несправедливо? Я простой человек, кормил семью и жил на зарплату, за что же глумятся, издеваются надо мной? Люди, услышьте кто-нибудь!..»

Маленький человек, без званий, без прав, без денег. Да еще изнервничавшийся, издерганный. Короче — самый обыкновенный рядовой покупатель. Но несмотря на его заурядность, все-таки хочется ему посочувствовать. Не правда ли, уважаемый читатель, чем-то наш герой немного похож и на нас с вами?

Конечно же, наш тихий и робкий герой не смог бы стоять посреди улицы и взывать во весь голос. Он дорожит своей репутацией — впрочем, как и мы с вами — и ни за что не согласится выставить себя напоказ или заявить о своих бедах во всеуслышание: что люди скажут! Но верю, что если он осмелится это сделать и если бы раздался этот голос обиды и гнева, то вслед ему откликнулись бы тысячи и тысячи голосов.

И слышен был бы в этом нестройном хоре незнакомый нам мужской голос с хунаньским акцентом:

— Это еще что, мой дорогой товарищ по несчастью, это еще цветочки! Вы все-таки целый месяц смотрели свой телевизор. Я же купил в феврале 1980 г. черно-белый телевизор «Радуга», сделанный в Гуанчжоу и имеющий четырнадцать дюймов по диагонали, и заплатил, между прочим, двести семьдесят девять чеков. Смотрел я его пять минут. Потом пропал всякий звук. На завод я написал с десяток писем, да столько же раз ездил туда. Четыре года прошло, но я ничего не добился.

Приезжий из Чжэнцзяна подхватит:

— Подумаешь, удивили! Я заплатил пятьсот шестьдесят девять юаней за магнитола, сделанную в Гуанчжоу. Через несколько дней она сломалась. Я написал на завод и потребовал отремонтировать ее, на что получил ответ: «Пожалуйста, присылайте!» Я послал, но завод ее не принял. Получил по почте отказ: «Ввиду того, что наше предприятие больше не выпускает переносных магнитол, а детали для них импортировались из-за рубежа, в настоящее время ощущается острый дефицит названных деталей. По этой причине произвести соответствующий ремонт не представляется возможным, вследствие чего просим вернуть посылку отправителю».

А вот говорит девушка, недавно выезжавшая за границу в командировку:

— Лучше и не вспоминать! В марте этого года я купила в Гуанчжоу в Центре международной торговли туфли с клеймом: «Сделано в Китае». Надела их, уезжая в командировку. Кто бы мог подумать, что не успею добраться до Гонконга, как у правой туфли отвалится каблук? Наши отзывчивые гонконгские соотечественники помогли мне починить его, однако на следующий день отвалился левый каблук! Мне было крайне неловко, и я сама отправилась искать ремонтную мастерскую. Отремонтировали левую туфлю. Через несколько дней, когда я была уже в ФРГ, отлетели оба каблука сразу! Мне пришлось извиниться и вместо работы идти в магазин и покупать новые туфли. Что следовало мне ответить на удивленные вопросы зарубежных коллег, интересовавшихся, где делают такую «разовую» обувь? Неприятно было сознаваться, что на них стоит имя твоей родной страны.

Все описанные здесь случаи связаны только с одним особым экономическим районом — с Гуанчжоу,— и это лишь малая толика того, что здесь происходит. А ведь проблемы такого рода возникают не только в Гуанчжоу.

Военнослужащий из Фуцзяни прочитал в газете «Китайская молодежь» объявление о том, что Южнокитайская торговая фирма, располагающаяся почему-то в Северном Китае, предлагает желающим «полуфункциональное напоминающее устройство». Потратив шестьдесят юаней, он приобрел образец этого загадочного устройства, оказавшегося на проверку... слуховым аппаратом, стоимость которого никак не могла превышать десяти с небольшим юаней. Военный написал в торговую фирму, требуя вернуть деньги. Описание дальнейших событий было бы лишь повторением предыдущих историй.

Крестьянин из провинции Сычуань, воодушевленный решениями третьего пленума ЦК КПК² усердно принялся за работу и добился успеха. На вырученные деньги он купил четыре «предмета роскоши»: фотоаппарат «Восток-135» производства тяньцзиньского завода, магнитола гуанчжоуского завода «Рассвет», термоэлектрический коврик, изготовленный в Чэнду, а также японские женские наручные часы марки

«Два льва». Можете представить себе радость членов его семьи. Представили? Тогда вам несложно будет понять и их горе, когда менее чем через год все четыре предмета вышли из строя.

Один магазин в провинции Хубэй продавал цветные телевизоры «Сони» с превышением государственной цены на шестьсот юаней. В том же году торговая база фирмы «Сельский капитал» в провинции Хунань продавала импортные цветные телевизоры на триста десять юаней выше государственной цены. Это вызвало бурю негодования у местных жителей. Вмешались отделы контроля за ценами — и незаконные доходы конфисковали. Однако изъятые суммы были переданы в госбюджет, а обворованные покупатели не получили обратно ни гроша. Нарушители же отделались чисто символическим штрафом общей суммой четыреста юаней.

Цены сейчас — действительно большой вопрос. Часто можно слышать: «Что хотят — то и делают!» В разных местах одни и те же товары стоят по-разному. Что ни магазин — то новая цена. Сегодня одна, а завтра другая. Голова кругом идет от такого «разнообразия»! Ответственный товарищ из Государственного управления по ценам сообщил: за один только 1985 год в Китае было выявлено более трехсот девяносто тысяч случаев превышения государственных цен, а общая сумма «левых» доходов составила при этом более четырехсот миллионов юаней!

Ряд министерств и промышленных предприятий, а кое-где и местные власти идут на нарушение государственной политики в области цен. Пользуясь реформой, они под «лозунгом перестройки» взвинчивают цены. Такая погоня за выгодой и необоснованными привилегиями для своего предприятия порождает острые противоречия в экономике и хаос на рынке. Наносится ущерб интересам потребителей, подрывается престиж программ преобразований, предстающих перед глазами людей как рост цен и сплошная неразбериха.

По идее все определено четко: на ряд товаров установлены стабильные государственные цены, не допускающие отклонений; на другие существуют средние нормативные цены, принимаемые как ориентир; на третьи есть установленный государством «потолок»... Тем не менее миллионы потребителей не в состоянии разобраться в этом многообразии, чем успешно пользуются ловкачи.

В конце 1984 г. отдел снабжения универмага в городе Шицзячжуане закупил партию полушерстяного габардина, пользующегося повышенным спросом. Метр ткани первого сорта стоит двенадцать юаней семьдесят семь фэней, а третьего — одинадцать юаней сорок фэней. Пользуясь положением о средних нормативных ценах, универмаг сбыв этот габардин своему же отделу тканей по четырнадцать юаней семидесяти фэней за первый сорт и двенадцать юаней девяносто фэней за третий. Отдел тканей, не терзаясь долго сомнениями, одним росчерком превратил полушерстяной габардин в «шерстяной с териленом», причем изменилось не только название: первый сорт оценили в семнадцать юаней десять фэней, а третий — в шестнадцать юаней тридцать фэней за метр. Потом оформили передачу товара в секцию шерстяных тканей... Короче, в розничной торговле — для нас с вами — ткань стоила уже двадцать восемь юаней!

Чем большим спросом пользуется товар, тем выше взлетают цены. Возьмем, например, бананы, которые не так-то просто найти на пекинских рынках. В 1986 г. Китайская компания по экспорту и импорту продуктов питания решила закупить немного этих фруктов за рубежом. При получении первой партии — две тысячи девятьсот тонн — шанхайское отделение компании определило им цену в восемьдесят фэней за полкило. Шанхайский холодильник № 3, принявший груз, установил цену от восьмидесяти восьми до девяноста фэней за те же полкило. Получатели груза в Пекине — торговые фирма «Юнсин» и «Чжунсин» — сбывли эту партию бананов пекинской городкой компании по торговле фруктами уже по цене от юаня семи фэней до юаня десяти фэней. Проницательный читатель, должно быть, догадался, что все «превращения» происходили под крышей одной и той же торговой организации. Товар неоднократно продавался и покупался фирмами, входящими в состав Китайской компании по экспорту и импорту продуктов питания, причем каждый раз цена его поднималась. Только внешнеторговые филиалы трижды перекинули партию товара с рук на руки и лишь после этого передали филиалам, торгующим внутри страны. В конце концов в государственные магазины бананы попали с ценой один юань шестьдесят фэней за полкило — ровно в два раза выше, чем первоначаль-

ная. Потом государственные магазины продали бананы по этой цене мелким магазинчикам и частным торговцам, а уже тогда бананы попали, наконец, к потребителям, но уже по цене от одного юаня восьмидесяти фэней до двух юаней.

Откуда знать покупателям в Пекине, сколько бананы должны стоить на самом деле? Не знают они и тех, кто затеял эту банановую карусель. Для чего столько промежуточных звеньев? Это же никому не нужно и не выгодно! Вот здесь вы, дорогие потребители, и ошибаетесь. Очень даже нужное это дело и выгодное. Правда, не нам с вами. Пока филиалы одной компании и разные торговые организации, забавляясь, как дети в кругу, перебрасывали бананы друг другу, к их потным разгоряченным ладошкам прилипали денежки. И веселая, и прибыльная игра. Потребителю остается лишь завидовать да проверять, осталось ли что-нибудь в кошельке. Правда, бананы относятся к товарам, на которые установлены свободные цены... Только вот многим ли выгодна такая свобода?

Поветрие роста цен уже перебралось с продуктов питания, предметов повседневного спроса и одежды на медицинское обслуживание, сферу культуры и образования, транспорт и связь. Не удивительно, что люди с иронией отмечают: «На все цены растут и только в «Утильсырье» падают!»

Звон монет и шорох купюр слышатся и из-за двери со спасительным красным крестом. Дьявол наживы запустил свои кривые когти в больных и не собирается отпускать добычу.

По сводке о состоянии дел в Шанхае за декабрь 1986 г. из тридцати трех проверенных больниц в двадцати девяти обнаружены серьезные нарушения. В семидесяти процентах больниц самовольно повышены цены на лекарства, плата за пребывание в больнице и плата за проведение операций. Стоимость наложения одного шва была, например, от пятидесяти фэней до полутора юаней, теперь же стала от восьми до шестнадцати юаней! В семидесяти девяти процентах больниц выявлены различного рода приписки и подлоги, вплоть до прямого обмана пациентов и подмены лекарств.

Слово «рентабельность», а вместе с ним и деньги, получили постоянную прописку в школах, где, как известно, из «цветов жизни» мы воспитываем «наше будущее». Сводка по одной лишь провинции Хубэй свидетельствует, что в учебных заведениях существуют следующие «аналоги»: плата за дополнительные занятия, плата за учебные материалы, плата за лекции, плата за занятия физкультурой, плата за культ-массовую работу, плата за демонстрацию учебных фильмов, плата за начало учебных занятий, плата за проведение учебных экспериментов и опытов, плата за ремонт, плата за сохранность инвентаря, плата за оборудование и приборы, плата за административное обеспечение права на образование (!), плата в фонд группы (курса, класса), плата в фонд вспомоществования... Неплохо бы прервать этот перечень, но это еще не все: плата за инфраструктуру, за библиотеку, за экскурсии, за форму, за озеленение, за... законность (?), а также за привлечение преподавателей на общественных началах... Всего — более сорока различных видов! Ученик средней школы в городе Эчэне должен платить в семестр шестьдесят пять юаней, а стажеры и аспиранты — по сто двадцать. Но ставки бывают и выше. В уезде Цяньцзян новичок, пришедший в школу, должен сразу же выложить пятьсот юаней. А в уезде Данъян, где в старших классах практикуется выдача денежных премий отличникам, вы не получите документов, пока не внесете нужную сумму в «премиальный фонд». Хотите верить, хотите — нет!

Деньги, деньги, деньги! Клянусь, впервые в жизни мне приходится так часто употреблять это слово. В прошлом интеллигентные люди избегали его и говорили «господин с квадратным ртом»³. Сейчас уже не так стесняются этого слова, и пожелание разбогатеть стало распространенным приветствием. Но причем здесь сами деньги? И сегодня, как в любые времена, есть деньги чистые и нечистые. Нетрудовые деньги всегда были невысокого достоинства.

Отправимся в город Наньнин, центр Гуанси-Чжуанского автономного района. Январь 1986 года. Торговая фирма «Великая стена» поместила в городской газете «Наньнин ваньбао» объявление, предлагающее «для широкого круга покупателей» возможность заказать новые импортные цветные телевизоры, которые «будут получены в ближайшее время». Заявки и деньги стали поступать не только от жителей Наньмина, но и со всего Китая. По неполным подсчетам, фирма получила около полу-

миллиона юаней. Прошло четыре месяца. Клиенты спрашивали и терпеливо ждали, ждали и опять спрашивали. Один настойчивый потребитель приезжал в Наньнин более десяти раз. И что же? Ни телевизоров, ни денег. В накаляющейся нервной атмосфере гремели уже громы и сверкали молнии семейных ссор. Клиент из Наньнина, ослепленный гневом, избил укорявшую его жену так, что лишь наличие в местной больнице отделения реанимации спасло ей жизнь. Свыше трехсот человек с квитанциями в руках, забыв про работу и многое другое, взяли в осаду «Великую стену», требуя вернуть деньги или выдать товар.

Не только гражданские простакі попались на эту удочку. Компания «Великая стена» ухитрилась проковырять дырку даже в «прочном щите нашей Родины»! Местная авиачасть поспешила заказать телевизоры для своих летчиков. Бесплодное ожидание не лучшим образом сказывалось на моральном и физическом состоянии летного состава — у них нарушился сон, и аппетит. Видно, и в армии деньги достаются нелегко. Командованию пришлось принять решение: временно отстранить от полетов тех, кто пострадал от «телемиража».

Смешно? Но это факт, и далеко не единичный.

В том же году в Синине местная торговая фирма «Шие», приняв «по благу» заявки от четырех тысяч человек, выманила у них в общей сложности восемь миллионов юаней.

Все эти события произошли в восьмидесятые годы. Китайцы восьмидесятых своими глазами увидели перемены: за реформой экономической системы последовали открытость и оживление, наметился подъем экономики и торговли, стал повышаться уровень жизни и потребления — произошло улучшение, не идущее ни в какое сравнение с временами «культурной революции» и «искоренения четырех зол». Но мы увидели и кое-что еще, достойное глубокого сожаления: резкое падение качества продукции и уровня обслуживания, приведшее к значительному обесцениванию таких высоких понятий и лозунгов, как «авторитет предприятия», «служение народу», «ответственность перед народом». Для многих людей они стали ничего не значащими словами. Бесчестность и ловкачество, которые, казалось, вот-вот исчезнут без следа, нашли для себя благоприятную почву и быстро пустили корни, пышно зацвели махровым цветом, выхлестнулись за пределы рынка. Уже находятся такие люди, которые выбор между деньгами и честью делают в пользу денег и готовы посвятить им жизнь. Я вовсе не намекаю на мелких частников. Таких людей предостаточно и в среде «чиновников от торговли». Вгрызаясь в слабые места реформы, они превращают оживление в хаос и путаницу, всегда добиваясь при этом выгоды для себя.

Писать эти строки стоит мне немалых усилий. Насколько приятней было бы описывать вам чистое высокое небо, таинственный сумрак густого леса, сияющие города и села, радостные лица. Хочется всего этого, но заботы, тревоги и боль сограждан требуют другого.

Мне известно, что у огромного большинства соотечественников невысоки заработки, что их надежды и желания весьма скромны. С пустой базарной кошелкой в руке они подолгу простаивают в раздумье перед бесконечными табличками цен. Многие вообще никогда не осмеливаются приблизиться к ранним огурцам и помидорам, впервые появляющимся на весеннем рынке. Они долгим взглядом, словно запоминая, изучают мандарины, яблоки, ананасы. Порой осторожно берут их в руки и тут же кладут обратно. Они приходят и спрашивают фунт креветок для больной старушки-матери, которой хочется морского деликатеса, и вздрагивают, слыша: «Девятнадцать юаней!»

Многие из нас покупают молоко — не только семьи, где есть дети. Но, честно говоря, мне нелегко писать о качестве натурального молока, которое мы пьем. Проверка, произведенная в апреле 1986 г. на двух молокозаводах Харбина, показала, что в пятидесяти пробах из шестидесяти одной молоко было, мягко говоря, ненатуральным. В этом молоке — так и хочется взять слово в кавычки — были обнаружены не только соль и тростниковый сахар, но и другие продукты (постарайтесь не волноваться, если сможете): мочевины, гашеная известь, стиральный порошок, щелочи, сернистый алюминий, помой вареного риса. Вы, пожалуй, спросите — а зачем все это в молоке? Говоря по правде, не знаю. Может, чтобы увеличить вес и объем и вырывать больше денег. А может, чтобы отравить кого-нибудь. Неужели у этих

людей нет своих детей, которые тоже пьют молоко? Хотя, возможно, у их детей особое снабжение...

Не только в Харбине — и в Шанхае, и в Гуанчжоу, и в Синине, и в Хэфае, и в Шицзячжуане, и в Чжанцзякоу, и в Чунцине — при проверке качества молока в нем обнаружилось одному небу известно как попавшие туда «добавки». Из восьми городов ни в одном (!) молоко не соответствовало санитарным требованиям. В пяти городах содержание в молоке кишечных бактерий намного превосходило норму и нигде не соответствовало ей. На некоторых заводах в миллилитре молока содержалось до пятидесяти миллионов различных бактерий, то есть в тысячу шестьсот раз больше предельно допустимого!

Часто ли в жаркое время года вы покупаете прохладительные напитки? Выборочная проверка ряда заводов прохладительных напитков, осуществленная в 1985 г., выявила неутешительные факты. В напитках были обнаружены всевозможные посторонние примеси, в том числе непищевые красители. То же и с кефиром, и пирожными. Рвота и понос по причине их употребления нередки даже среди пекинских школьников.

Неудивительно, что люди обычно сами не покупают продукцию своих предприятий — они знают, что это такое. Бывает, что в порыве искренности они советуют знакомым: не покупайте лимонад — знаете, как его делают? Не берите пирожных — в них много тухлых яиц и скорлупы!

Но довольно! Я уже догадываюсь, что вы, уважаемый мой читатель, готовы поклясться никогда в жизни не брать в рот ни лимонада, ни пирожных, ни кефира. Это вам, может быть, и удастся. Но вот сможете ли вы обойтись без соевого соуса? Проверка в 1985 г. показала, что в Хэнани, Шаньдуне, Сиани сто процентов (!) продукции оказались недоброкачественными. Если же вы решите отныне питаться одной мукой, то знайте, что и в нее кое-что добавляют. Зачем? По-видимому, для веса.

Так неужели от всего этого нет никакого спасения? Совершенно верно, никакого. Мы окружены некачественной продукцией, и это ставит под вопрос не только наше здоровье, но и саму жизнь. Вам нужны доказательства? Пожалуйста. Бытовой трансформатор ФЮВ-8501 убил током шестилетнего мальчика. Электровентилятор с поэтическим названием «Цветок персика» стал причиной гибели сразу двоих детей. Что делать теперь их родителям? Здесь уже не поможет ни одна ремонтная мастерская. Кто же во всем виноват?

Одна девушка купила в пекинском магазине фотоаппарат. Поскольку не работала перемотка пленки, не включалась вспышка и вообще внутрь фотоаппарата проникал свет, она попросила вернуть ей деньги.

— Видите? — отвечал вежливый продавец, указывая на знакомую нам табличку: «Купленные товары обратно не принимаются».

Девушка вспыхнула:

— Да как вы смеете! Почему государственный магазин обманывает покупателей?

Спокойный продавец наклонился к ней:

— Бесполезно спрашивать это у меня, спросите у компартии.

Некоторые люди уже начали кричать во всеуслышание, что реформа виновата в упадке всех добродетелей. Что это за политика, так ее растак? Разве это социализм? Где руководящая роль коммунистической партии?..

Можно, конечно, сказать: партия, мол, идет верным курсом. Есть определенные недостатки, которые надо устранять, но в целом движение происходит в правильном направлении. Подавляющее большинство одобряет и поддерживает... Дело, однако, в том, что эти слова, годные для пятидесятых-шестидесятых годов, не могут убедить людей восьмидесятых — уж слишком они стали умные, ученые и практичные. Их не устроит теперь фразы, которые ничего не могут изменить.

Вопрос стоит очень серьезно. Популярность реформы, вера в правильность политики, авторитет партии — все это в разной степени теряет свое значение и смысл, обесценивается и тускнеет в глазах людей.

И можно ли их винить за это?

Итак, в чем же корень зла?

Послушаем сперва, какие оценки высказываются в наш адрес за рубежом. Вы-

ходящая в Нью-Йорке североамериканская газета опубликовала недавно редакционную статью, где говорится, в частности, что на материке³ «продавцы и вообще весь обслуживающий персонал встречают вас с такими лицами, словно у них в доме покойник. Этот странный феномен не нов, и не одно поколение покупателей ежедневно возмущалось и жаловалось, но перемен к лучшему не изблюдается и поныне. В чем причина того, что уровень обслуживания стал таким, хуже которого трудно сыскать, и продолжает упорно прогрессировать в этом направлении? Винить в этом следует не отдельных людей, а всю систему организации торговли и обслуживания. Особенности администрирования в торговле на материке хорошо известны — это нерациональная организация оптовых закупок, распределения и сбыта, а также отсутствие связи между этими звеньями. Добавьте сюда отсутствие конкуренции, монументальные в своей незыблемости планы — и вы поймете, что ни в торговле, ни в экономике и речи быть не может об инициативе и эффективности. Руководящие учреждения, похоже, вершат суд по своему собственному разумению, действуя то нажимом, то проволочками, используя товар как рычаг власти, а дефицит — на пользу себе и своим людям. А раз уж ответственные работники поступают таким образом, то исполнителям не остается ничего иного, как следовать их примеру. Что они и делают весьма успешно...».

Верно сказано, не правда ли? Уверена, что многие из моих соотечественников знают те вещи, о которых здесь идет речь, гораздо глубже и конкретнее, чем зарубежные журналисты.

Но позвольте, спросят у нас, как же обеспечивают свое благополучие предприятия, ни в грош не ставящие своих клиентов? Как же они существуют?

Есть ответ и на этот вопрос. «Дочь императора не испытывает недостатка в женихах» — говорят в народе. Людей в Китае, слава богу, хватает: ты не купишь — другой купит. Разве в таких условиях можно «прогореть»? Напротив, всегда всего не хватает.

Некоторые товары, конечно, не находят сбыта, но и на этот случай у опытных дельцов есть испытанное средство.

Один завод в Чунцине завалил все свои склады мылом, которое никто не хотел покупать. Капитал перестал оборачиваться. Тогда усиленно принялись распространять слухи: цены на мыло скоро подскочат! Такая «утечка информации» вызвала беспорядок — и оно усиленно подогревалось, — что не замедлило сказаться. Выстроились очереди — и склады опустели. К тому времени, когда подоспело официальное опровержение, мыло было уже распродано.

Североамериканская газета не совсем права, когда пишет, будто у нас «отсутствует конкуренция». Чего-чего, а конкуренции у нас хватает. Только состязаются наши предприятия не в том, кто лучше удовлетворит потребности людей. Они соревнуются а более высокую прибыль и не брезгают при этом никакими — даже грязными — средствами, не щадят ни конкурентов, ни потребителей. «Дайте мне урвать кусок побольше, а там — хоть трава не расти!» — вот их девиз. В подобной конкуренции нет ни капли социализма. Напротив, это классический пример конкуренции капиталистической, и здесь нельзя все сваливать на административные методы. Корень зла — в погоне за прибылью любой ценой, а это — принцип капиталистического хозяйствования.

На первый взгляд, права потребителя — это частная проблема, волнующая маленького человека. Но при глобальном подходе из интересов потребителей складываются интересы государства, интересы всего народа. Удовлетворить и обеспечить потребности людей — это главная цель социалистического хозяйствования. Борьба за ее достижение предстоит долгая и упорная, но от этого зависит жизнь и труд всего народа, судьба модернизации страны, судьба преобразований. Не может быть и речи о сохранении политической стабильности, достигнутой, наконец, после 3-го пленума ЦК КПК, не будет выполнена программа реформ, если мы опустим руки перед лицом крепнущего мошенничества и усиливающихся тенденций капиталистического хозяйствования!

Между тем вести борьбу с отрицательными явлениями в экономике путем административного контроля со стороны государственных органов очень и очень сложно. Микроб капиталистического отношения к труду ядовит и живуч. Он проникает во все щели, приживается и на рынке, и в служебных кабинетах, меняет

форму и окраску. Его не убить одним, пусть даже очень хорошо продуманным, постановлением. Мало ли у нас министерств и ведомств? Но каждое из них действует в своей области и не может охватить все многообразие интересов миллионов и миллионов потребителей. И уж тем более — решать конкретные вопросы каждого из них.

По этой причине у нас хоть пруд пруди различных административных органов, сплошь и рядом дублирующих друг друга, полным-полно управленцев, столь часто поминаемых недобрым словом. Между тем нет ни одной организации, образованной самими потребителями и обслуживающей непосредственно потребителей.

По этой причине так остро стоят вопросы неудовлетворенности населения. По этой причине потребители почти всегда оказываются в проигрыше.

Помните ли вы еще того горемычного преподавателя математики, с которого началось наше повествование? Мы оставили его, лишённого физических и душевных сил, посреди улицы. Куда идти, кому жаловаться?

В момент крайнего отчаяния до него доходит известие, что в Гуанчжоу — а он проживает, как вы помните, в пригороде, неподалеку — недавно образован комитет потребителей. Разговоры эти, надо сказать, не пробудили в нем никакой надежды. Никто не знал толком ни что это за комитет, ни где он расположен, ни его полномочий. Не ожидая уже ничего хорошего, а просто по принципу «была — не была!», пострадавший потребитель потратился еще на конверт, написав сверху: «В Гуанчжоуский комитет потребителей», поскольку адреса не знал.

Справедливы те, кто говорит, что надежда умирает последней.

Мне не надо сообщать читателю, что, хотя происходило все это в январе 1985 года, Гуанчжоуский комитет потребителей был основан еще в августе 1984-го. Весть пришла с опозданием на четыре месяца. Но кто тогда принимал всерьез этот первый маленький цветок?

Новое время требует своих новшеств, а эпоха перемен вызвала к жизни организации потребителей. Вряд ли ошибусь, если скажу, что их создание — знаменательный этап процесса преобразований.

Гуандун был первым из особых экономических районов, открытых после 3-го пленума. Новые формы хозяйствования и многоукладность экономики быстро пришли на смену «железному занавесу» и сыграли важную роль в подъеме, который произошел всего за несколько лет и быстро дал первые плоды. Уже в 1983—1984 годах один из важнейших показателей — доход на душу населения — поднялся в пригородах до пятисот с лишним юаней, а в самом городе перевалил за шестьсот юаней. Появившиеся деньги, естественно, ручейками потекли на рынок. Как весенний бамбук, стали расти всевозможные предприятия. Но среди этой поросли появились и поганки. У некоторых проснулось желание обмануть, словчить, обобрать, недодать.

Эти причины вызвали к жизни комитет потребителей. Как только местные газеты сообщили о его преобразовании, толпы пострадавших хлынули за помощью. Комитет, в котором, не считая совместителей, работало лишь пять сотрудников, рассмотрел большое количество жалоб, производил проверку цен, правильности обслуживания и качества товаров, заведя на нарушителей одно дело за другим. Увидев результаты его работы, гуанчжоуские потребители радостно приветствовали новую организацию.

Но самая первая организация потребителей была создана за год до этого, в мае 1983 года, в неприметном уезде Синьлэсянь провинции Хэбэй. Ассоциация потребителей уезда устроила в местной торговой палате большую выставку поддельной продукции. Было не только всенародно показано подлинное лицо тех, кто наживается на обмане. Тут же, в присутствии зрителей, были уничтожены поддельные сигареты и спиртные напитки общей стоимостью девятьсот сорок тысяч юаней. Именно эта маленькая ассоциация, обнаружив один фальшивый велосипед «Феникс», возбудила дело против тех, кто поддельно известную марку. Дело это закончилось уничтожением трехсот восьмидесяти семи «лжефениксов». Именно эта маленькая ассоциация потребителей возбудила дело в связи с гибелью двух детей, произошедшей из-за того, что штепсельная вилка вентилятора «Цветок персика» пропустила ток. Государственные органы по требованию ассоциации заставили производителя — завод электробытовых приборов «Наньтун» — выплатить компенсацию в раз-

мере трех тысяч юаней и дополнительно оштрафовали его на полторы тысячи, а Государственное управление стандартов распространило информацию о случившемся по всей стране.

Вслед за Синьлэсянем и Гуанчжоу организации потребителей стали появляться во многих городах и провинциях. В конце 1984 года в Пекине было объявлено о создании Китайской ассоциации потребителей, почетным председателем которой был избран заместитель председателя ВСНП, председатель финансово-экономической комиссии ВСНП Ван Жэньчжун, а председателем — заместитель председателя Государственного управления промышленности и торговли Ли Яньшоу.

Вот в какой исторический момент наш преподаватель математики обратился в Гуандунский комитет потребителей.

Сотрудники комитета были гораздо терпеливее и дальновиднее. И настойчивее. В крайнем случае комитет мог прибегнуть и к таким сильнодействующим средствам, имеющимся в его распоряжении, как право обращения к средствам массовой информации для предания гласности фактов нанесения ущерба потребителям с указанием конкретных лиц и организаций, а также право передачи дела административным или даже судебным органам при отказе возместить ущерб или в случае серьезного нарушения закона.

К этому времени на дворе уже стоял май 1985 года. Как раз в конце мая в Гуанчжоу созывался рабочий семинар потребительских ассоциаций пятнадцати провинций и городов. Событие это свидетельствовало о росте влияния и авторитета организаций потребителей. Один потребитель не может ничего, но тысячи и миллионы потребителей, объединенные и организованные, становятся весомой общественной силой, игнорировать которую нельзя. В канун семинара, под давлением общественного мнения и административных органов, магазин наконец-то полностью признал свою вину и выплатил покупателю все восемьсот восемьдесят юаней. Преподаватель математики был приглашен на семинар и даже выступил с речью. Наступила пора, когда простой потребитель, прежде безмолвный и безликий, встал во весь рост и заявил о себе в полный голос.

Движение китайских потребителей совсем молодое — ему только два года. Но и этот отрезок времени уже показал его силу. К концу марта этого года⁶ в Китае насчитывалось двенадцать потребительских организаций провинциального уровня, двадцать семь городских и восемьдесят одна уездная. В ряде мест идет активная подготовительная работа по созданию таких организаций. Словно парашютики одуванчика, разлетаются они по всей стране. Что движет этим процессом? Осуществляется какое-нибудь очередное поставление? Нет, это делают сами люди. По неполным данным за 1985 год Китайская ассоциация потребителей рассмотрела тысячу четыреста сорок три дела, за первый квартал 1986 года — уже две тысячи четыреста пятьдесят. Абсолютное их большинство закончилось в пользу потребителей. Многие присылают письма со словами благодарности, например: «Ваша работа наполняет нас уверенностью в том, что поставленные партией задачи непременно будут выполнены!»

Китай — социалистическое государство. У нас главная цель развития производства — это удовлетворение все возрастающих материальных и духовных потребностей людей. Задача преобразования — к концу века поднять Китай до такого уровня, когда будут гарантированы элементарные потребности. При социализме интересы у производителей и потребителей общие. Производитель сам является потребителем, потребитель в свою очередь является производителем.

При капитализме цель производства — прибыль, но там прекрасно понимают, что источник богатства — это огромная масса потребителей, что процветание фирмы зависит от того, доволен ли клиент. Их аксиома — покупатель всегда прав. Поэтому, поднимая знамя защиты прав потребителей, они в конечном счете отстаивают собственную выгоду, добиваясь большего авторитета, а стало быть — и большей прибыли. Как известно, именно качество приносит авторитет и прибыль.

До пятидесятых годов японские товары считались на мировом рынке низкосортными. Про них тогда говорили: «Такого нам и даром не надо». Во второй мировой войне Япония была разгромлена, вся страна лежала в руинах. Продовольствие, необходимое для выживания, надо было импортировать. Вопрос о качестве продукции стал для Японии вопросом жизни и смерти. И уже в конце шестиде-

сятых годов произошел стремительный взлет японской экономики. Многие товары стали мировыми эталонами качества. Япония не только завоевала себе место на мировом рынке, но и успешно стала конкурировать с развитыми странами Запада. Здесь нет никакой тайны, если учесть, что на первое место были поставлены надежность и качество.

В мае 1986 года, когда я возвратилась с юга в Пекин, начальник секретариата Китайской ассоциации потребителей Ван Цзяньюань как раз собирался в Нью-Йорк по приглашению Международного союза организационных потребителей на открывшийся там семинар, приуроченный к пятидесятилетию Американской ассоциации потребителей. Организаторы встречи горячо приветствовали его, назвав присутствие на их форуме китайского представителя «самым дорогим подарком». Даже была изменена повестка работы семинара, чтобы Ван Цзяньюань имел возможность выступить перед представителями организаций потребителей из тридцати стран. Многие деятели движения потребителей выразили желание поддерживать тесные контакты с Китайской ассоциацией потребителей.

Все это прекрасно, но на сегодняшний день Китай не является членом Международного союза, хотя такое пожелание неоднократно высказывалось ответственными работниками этой организации.

С чем же мы придем в завтрашний день? У нас в стране вообще еще слишком много «вакуума» в области права. Между тем Генеральной Ассамблеей ООН были в свое время приняты «Принципы защиты прав потребителей», многие государства имеют в своем законодательстве положения, охраняющие эти права. Например, в США действует Закон об ответственности за товар, Федеральный закон о продуктах питания, лекарственных средствах и парфюмерии. В Англии есть Закон о снабжении товарами, в ФРГ — Закон о безопасности потребительских товаров. Широко известны в Японии Основной Закон об охране прав потребителей, Закон об ограничении рекламы, Закон о качестве бытовых потребительских товаров и другие — всего более шестидесяти законов, составляющих так называемую Конституцию потребителей. В Гонконге местным правительством утверждено Положение о комитетах потребителей. Только у нас нет ничего похожего.

Правовые гарантии необходимы. Этого требуют интересы широких масс потребителей. В настоящее время наши компетентные учреждения готовят проект Положения об охране прав потребителей. Скорее бы!

Мое «расследование» продолжается. Где бы я ни была, привычный взгляд подмечает очереди, людей пересчитывающих деньги, студентов с книгами, красиво одетых детей, радостные семьи с покупками... Миллиардный китайский народ живет, работает, думает. Он ждет от будущего перемен к лучшему. Он приветствует первые ростки движения потребителей на китайской земле. Ростки эти вызваны к жизни происходящими переменами. Теперь они должны набрать силу, расцвести, налиться плодами, которых хватит каждому человеку. Урожай зависит от нас.

Перевод с китайского А. А. Монастырского

¹ «Десятитысячниками» называют в Китае тех бывших крестьян, чей годовой доход превышает десять тысяч юаней. В последнее время таких стало немало.

² Состоявшийся в 1978 г. 3-й Пленум ЦК КПК одиннадцатого созыва положил начало нынешней политике экономических преобразований.

³ Круглые медные китайские монеты имели посредине квадратное отверстие, чтобы их можно было нанизывать.

⁴ Китайский соевый соус заменяет соль.

⁵ Так называют КНР китайцы-эмигранты.

⁶ Очерк написан в 1986 году. Дается в сокращенном переводе.

*Р. Ш.-А. АЛИЕВ,
доктор исторических наук*

Предоставляя страницы специалисту по внешней политике Японии, доктору исторических наук Алиеву Р. Ш.-А., редакция отнюдь не солидаризируется со всеми положениями его статьи.

В то же время мы полагаем, что настало время, когда в условиях гласности — а она выступает важнейшим стимулятором демократизации научной жизни — следует поставить на открытое обсуждение те вопросы, которые длительное время оставались фактически запретными, хотя и являлись предметом споров, нередко достаточно острых в академической среде, привлекали внимание критически мыслящих специалистов, вовлеченных в сферу изучения такой актуальной проблемы, как место и роль Японии в современном мире.

На встрече с председателем ЦИК СПЯ 6 мая 1988 г. М. С. Горбачев заявил, что «японо-советские отношения напоминают тлеющий костер, который не разгорается, а больше дымит»¹. Ответственность за такое состояние этих отношений обычно возлагалась нами на японскую сторону. И все же было бы непродуктивным ограничиваться подобной констатацией. Новое политическое мышление требует и от нас критического осмысления нашей политики в отношении Японии, проверки тех оценок и выводов, которые, как нам представляется, определяли или определяют действия этой страны на международной арене, в том числе и на советском направлении. Ведь от того, насколько наши представления о Японии будут носить объективный, без ложных и конъюнктурных стереотипов, характер, каков будет уровень советского японоведения, в немалой степени будет зависеть конструктивность нашей политики в отношении этой страны, состояние советско-японских отношений. Как указывал на упомянутой встрече М. С. Горбачев, «нужна полная ясность в позициях».

Ясности же, тем более полной, трудно добиться до тех пор, пока в советском японоведении сохраняется немало проблем и таких тем, которые, с одной стороны, просто не исследованы, а с другой — получили, на мой взгляд, однобокую, а значит искаженную трактовку.

К такого типа проблемам и намерен автор привлечь внимание ученых-японоведов, предлагая одновременно способы и варианты их исследования, которые следует рассматривать как приглашение к дискуссии.

Место Японии в мире

В данном случае термин «место» означает порядковый номер страны, определяемый по уровню экономического потенциала (мощи) в абсолютных показателях по сравнению с другими государствами. В качестве общепринятых индикаторов этого потенциала принимаются ВВП и доля страны в мировом промышленном производстве. В целях отражения уровня научно-технического прогресса к ним обычно добавляются расходы на НИОКР. На вовлеченность экономики в международные экономические связи указывают объемы внешней торговли и заграничных инвестиций, а также их доли в мировой торговле и мировых зарубежных капиталовложениях.

В советских публикациях с конца 60-х гг. и по настоящее время утверждается, что Япония по основным экономическим макропоказателям занимает второе после США

место в капиталистическом мире. Однако в 80-х гг. в Японии и в США стала проводиться точка зрения о том, что ныне Япония занимает уже второе место в мире вообще, то есть она опередила и СССР². В печати Советского Союза данное утверждение не опровергалось.

Данные за 1987 г., казалось бы, подтверждают приведенную выше западную оценку. ВВП Японии составляет около 2,8 трлн. долл., СССР — 2,4 трлн. долл.; доля в мировом промышленном производстве соответственно 15 % и 14 % (по уточненным данным советского экономиста Б. М. Болотина); расходы на НИОКР — около 55—60 млрд. долл. и 60 млрд. долл. (оценочные данные); объемы внешней торговли — 379 млрд. долл. и 215,1 млрд. долл.; прямые инвестиции Японии за рубежом равны почти 136 млрд. долл.³

Вполне очевидно, что вследствие нехватки данных и в силу разномерности показателей трудно дать объективную картину экономических потенциалов СССР и Японии. Тем не менее совершенно ясно, что эту работу должны тщательно проделать экономисты, чтобы мы имели четкое представление о соотношении экономических мощностей двух государств для осознания с одной стороны, собственных возможностей, с другой, — возможностей Японии. Невнимание к этому вопросу только усиливает недоверие к советской науке и, косвенно, к советской политике.

Роль Японии в мире

В научной литературе с начала 70-х гг. укоренились две формулировки для обозначения роли Японии в мире — «центр силы» и «центр межимпериалистического соперничества». Причиной возникновения этих формулировок явилось превращение Японии во вторую экономическую державу капиталистического мира, успешно конкурирующую в сфере экономики с двумя другими «центрами силы» — США и Общим рынком.

Первая формулировка представляется неточной. Она по сути дела ставит знак равенства между силой и экономическим потенциалом (мощью) или, по крайней мере, заключает в себе идею о прямо пропорциональных зависимостях между силой и мощью. На самом деле характер взаимозависимостей между данными категориями иной. Сила — категория политическая (о чем десятки раз писали вначале Ф. Энгельс, а затем В. И. Ленин) и сопрягается не с мощью, а с политикой. Именно поэтому Япония, хотя и обладает громадной экономической мощью, тем не менее, не удовлетворена своей политической ролью в мире.

Другими словами, не сам по себе экономический потенциал, а именно политика может носить силовые черты — не обязательно в смысле насилия, а в смысле способности оказывать значительное влияние на расстановку сил в мире вплоть до способности менять структуру международных отношений.

Политика как одна из форм человеческой деятельности имеет различные сферы обращения и потому подразделяется на подвиды: экономическую, военную, дипломатическую, идеологическую политику и т. д. Необходимо отметить, что возможности любого из этих подвидов, конечно же, связаны с экономической мощью государства, точнее с той ее урезанной частью, которая является базисом политики. Так, возможности экономической политики в немалой степени определяются экономическим потенциалом, военной политики — военной мощью, и даже идеологическая политика в определенной степени зависит от мощи информационного аппарата государства. Но при всем этом политика и мощь не находятся в прямо пропорциональной зависимости — политика не зависит безоговорочно от массы ее базового источника. Можно обладать громадным экономическим потенциалом и проигрывать в экономической политике, точно так же иметь колоссальный военный потенциал и не выиграть войну. Таким образом, разбрасываемые категории выстраиваются в цепочку: мощь — политика — сила, в которой центральным звеном является политика.

Небольшой экскурс в теорию нам необходим был для того, чтобы определить: является ли Япония «центром силы», а если да, то какой силы?

С большими оговорками, которые будут объяснены ниже, можно признать только одну силу за Японией — торгово-финансовую. Успешное внедрение японских монополий практически на всех рынках мира, регулярные победы в экономической конкуренции над монополиями США и стран ЕС демонстрируют силовые черты экономической политики Японии, обладающей возможностью оказывать громадное влияние на

общее состояние капиталистической экономики. Именно с этих позиций роль Японии в мире может быть оценена через категорию «центр торгово-финансовой силы», а учитывая сущностное проявление этой силы, к нему обоснованно применима характеристика, схваченная во второй формулировке: Япония как один из центров межимпериалистического соперничества.

Япония как «центр идеологической силы»?

В названии данного подраздела не случайно поставлен вопрос. Во-первых, такая тема вообще не обсуждалась в советском японоведении. Во-вторых, именно поэтому требуется фундаментальное исследование данной проблемы. И вот почему.

С точки зрения устоявшихся стереотипов в мире идет борьба между двумя классическими идеологиями: капиталистической и социалистической. В общей форме она находит выражение в борьбе между Западом и Востоком, а в более концентрированном виде — между США и СССР как главными носителями двух противоборствующих идеологий. Однако современный мир не двухцветен, а многоцветен: существует великое множество промежуточных идеологий — от явно фашистских до сверхлево-радикальных.

Под влиянием нового этапа научно-технической революции происходят радикальные перемены в социальных структурах различных обществ. Плюралистичность, многослойность социального мира, со множеством переходных форм общественного развития порождает новую систему закономерностей, которая требует своего осмысления на базе нестандартных теоретических исследований, о чем говорил 7 января 1989 г. на IX съезде Германской коммунистической партии, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев⁴. И коль скоро мы начали признавать многовариантность развития самого социализма, одной из моделей которой является, например, социализм с китайской спецификой, то тем более у нас нет основания считать, что у капитализма существует одна, жесткая модель. Он не менее многовариантен, чем социализм. Пример одного из вариантов являет собой японская модель развития общества, которая постепенно начинает приобретать приверженцев в других странах, прежде всего расположенных в АТР.

Причем, японскую модель было бы неправомерно рассматривать только через призму экономики. Это — специфическая модель развития общества, включающая в себя помимо экономического ряд других компонентов: низкий уровень военного потенциала, особая система управления обществом, религиозный плюрализм в форме синкретичного сосуществования, своеобразный сплав различных культур, высокий уровень грамотности населения, слабое выражение социальной напряженности, громадный удельный вес «среднего класса», быстрые темпы научно-технического прогресса и т. д.

Взаимодействие всех компонентов дает на «выходе» ту самую модель, которая и называется «японская модель развития общества». Она находит свое обоснование в различных идейно-политических течениях с большой примесью националистических и «уникалистских» концепций. В частности, альтернативно-модернизаторское направление в идеологии, провозглашая идею оригинальности «японской модели», утверждает ее универсальность для процесса модернизации вообще, в том числе и для развитых современных обществ.

Правящие круги Японии вполне осознали «исключительность» своей модели и довольно активно пропагандируют ее за рубежом. Особенно это было заметно в годы премьерства Я. Накасонэ, который сам неоднократно говорил об исключительности японской нации и культуры⁵.

Возможно, преждевременно превозносить успехи Японии на данном поприще, но и вряд ли стоит их недооценивать. Целесообразно, как представляется, предпринять новые усилия с целью осмысления возможностей Японии в качестве центра идеологической силы.

Японо-американские отношения

Приблизительно до середины 80-х гг. в партийных материалах, научной литературе утверждалась идея несамостоятельности Японии в проведении внешней политики, ее

безоговорочная поддержка стратегии США на международной арене. Затем появились формулировки в оценках роли Японии как «самостоятельной величины» в мировой политике. Последний тезис красноречиво опровергает сама Япония, причем не только в сфере военной политики, но и в той сфере, которую принято обозначать дипломатией*. Дипломатия Токио пока не дает оснований для выводов о самостоятельном поведении Японии, особенно в решении проблем по линии Восток — Запад.

Вместе с тем в советских работах совершенно справедливо отмечаются преимущества Японии в экономической конкурентной борьбе со своими союзниками, в том числе с США, в которой японские монополии нередко одерживают верх. При этом часто обращается внимание на противоречие, обнаруживающееся в слабых дипломатических позициях Японии и сильных позициях в сфере экономики в процессе взаимоотношений с США.

Представляется, что это противоречие мнимое. В связи с этим необходимо прежде всего иметь в виду, что официальный курс Токио проводится японским правительством, а экономические «войны» ведут монополии. Их взаимоотношения определяются закономерностями развития ГМК, противоречие и единство которого заключено уже в самом коде ГМК. Функциональные различия государства и монополий особенно четко прослеживаются на стадии реализации внешней политики. Другими словами, противоречия между ними просто неизбежны.

Но в данном конкретном случае напрашивается вопрос: можно ли оценивать несоответствие между дипломатической зависимостью Японии от США и экономической самостоятельностью через категорию противоречий? Переформулируем вопрос иначе. А не выгоднее ли японскому ГМК в целом, то есть и самим японским монополиям, проводить зависимую от Вашингтона дипломатию, сознательно отказываясь от претензий на самостоятельность? Ведь любая обособленная от США позиция, как бы свидетельствующая о самостоятельности Японии, потребовала бы и самостоятельных обязательств, реализация которых неизбежно должна подкрепляться соответствующими ресурсами. Это как минимум. Как максимум, развитие этой тенденции — увеличение набора обязательств — привело бы к пересмотру всей системы международных связей, места и роли Японии внутри этой системы. Допустим, резкое изменение подхода Токио в отношении Вьетнама или КНДР, идущее вразрез с позицией Вашингтона, неизбежно повлекло бы модификацию союзнических американо-японских отношений без явных позитивных последствий для Японии. Скорее всего, последствия оказались бы негативными. В таком случае не выгоднее ли Японии «смирненно» следовать за США?

В принципе отклонения Токио от политики Вашингтона не исключаются, но они происходят только тогда, когда их взаимные интересы не ущемляются, или тогда, когда руководители США осознают, что без таких отклонений их дальневосточный союзник подвергнет себя «неприемлемому ущербу», как это случается на Ближнем Востоке или в Латинской Америке. И все же послевоенная практика японской дипломатии свидетельствует, что Япония не злоупотребляет доверием Вашингтона, продолжая с большей выгодой для себя следовать стратегии США.

В этой связи уместно поставить более общий вопрос: а нужна ли Японии вообще политическая роль в мире? Разве послевоенная практика не показывает, что страны, претендующие на глобальную политическую роль, требующую громадных ресурсов для поддержания такого статуса, испытывают серьезные трудности в своем экономическом развитии? И наоборот, те страны, которые отказываются от такой роли, в обмен получают быстрые темпы экономического развития и высокий жизненный уровень своего населения. Не выгоднее ли той же самой Японии, оставаясь на правах «младшего партнера», продолжать политику «малой политической державы», концентрируя внимание на развитии своей экономики?

На этот вопрос нет однозначного ответа ни в самой Японии, ни среди советских японоведов. По моему мнению, японским монополиям глобальная политическая роль в общем-то и ни к чему. Более того, они стремятся к тому, чтобы закрепить эту

* Кстати сказать, советские японоведы в массе своей за редким исключением идентифицируют дипломатию с внешней политикой; в результате становится непонятным, какую область отношений они исследуют.

роль за США, лишь бы последние продолжали осуществлять свою миссию политического и военного гаранта безопасности, которая одновременно оборачивается гарантированными условиями для свободной деятельности японских монополий.

Кроме того, как показывает практика, публичная поддержка официальным Токио позиции Вашингтона отнюдь не мешает этим же монополиям осуществлять торгово-экономические операции с теми странами, с которыми США находятся в скрытой или явной конфронтации (Куба, Никарагуа, Афганистан, Сирия и т. д.).

Следовательно, подчинение дипломатии США, а также роль «малой политической державы» в полной мере соответствуют интересам японского ГМК. Но такой статус не просто соответствует интересам Японии, но объективно обусловлен характером японо-американских экономических отношений. Просто эту «объективность» Япония повернула в свою пользу.

И здесь мы возвращаемся к тезису о Японии как «центре торгово-финансовой силы», который был выдвинут с большими оговорками. В чем суть этих «оговорок»?

Когда в нашей литературе пишется о торгово-экономических «войнах» между Японией и США, обычно фиксируются «победы» первой над вторыми. Но это внешняя сторона этих отношений. Внутреннюю же сторону определяют результаты этих «побед». А они ведут к такой степени взаимозависимости экономик двух стран, которая уже сейчас сформировала плотное экономическое интеграционное поле с перспективой его развития в сторону их объединения. По крайней мере к такому выводу начали склоняться некоторые американские японоведы, в то время как советские избегают пока исследования данной темы в качестве актуальной научной проблемы.

От решения этой проблемы зависит, однако, ответ на очень важный практический вопрос: не окажется ли так, что в перспективе два центра экономического соперничества сольются в один американо-японский центр финансово-экономической силы? Ответ на данный вопрос предполагает исследование почти неизученной у нас темы: финансовые отношения между США и Японией.

На данный же момент пока ясно одно: при всей взаимозависимости экономик двух держав зависимость японской экономики от экономики США превосходит обратную зависимость. Такой вывод может быть подтвержден не только пропорциями в торговых связях, а в первую очередь степенью зависимости Японии от США в сфере продовольствия и стратегического сырья⁹. Экономическая зависимость Японии от США как раз и является той объективной базой политической зависимости Токио от Вашингтона, которую Япония, как уже говорилось, успешно использует в своих интересах.

Япония — «милитаристская держава»?

Зависимость Японии от США определяется также стратегической уязвимостью дальневосточного центра империализма, что, естественно, в еще большей степени лишает его возможности для проведения самостоятельной политики. И здесь вновь может возникнуть вопрос: а стремится ли Япония ослабить эту стратегическую уязвимость путем скачкообразного наращивания собственного военного потенциала с перспективой превращения в «великую военную державу»?

В принципе Япония имеет, как это неоднократно отмечалось в японоведческой научной литературе, достаточные ресурсы для достижения такого статуса вплоть до обладания ядерным потенциалом, адекватным совокупной ядерной мощи Англии и Франции или Китая. Несмотря на то, что на подобную угрожающую перспективу советская военная литература указывает уже более 30 лет, Япония не избирает этот путь. Некоторые ученые объясняют этот феномен тем, что против такой тенденции работает японская конституция, три неядерных принципа, пацифистские настроения в стране и т. д.

Не сбрасывая со счетов указанные причины, наиболее важным представляется другое — нежелание правящих кругов Японии превращать свою страну в самостоятельную военную державу. И дело не только в том, что такой вариант развития приведет к взрыву антияпонских настроений в ЮВА, без энтузиазма будет воспринят в США, не говоря уже о СССР или КНР. По подсчетам американских специалистов, для того, чтобы сохранить условия безопасности Японии и окружающего ее пространства, которые охвачены сейчас системой американо-японских военных отношений, самой Японии пришлось бы увеличить нынешний военный бюджет в 3 раза (то есть довести его

до суммы в 70 млрд. долл.)⁷. Приобретение же статуса великой ядерной державы потребовало бы структурной перестройки военного потенциала, на которую ушла бы, по самым скромным подсчетам, в ближайшие три года сумма в 250—300 млрд. долл. Самое парадоксальное, что и в этом случае Япония без опоры на США не решила бы проблему собственной безопасности.

Несмотря на подобные расчеты, некоторые советские японоведы (также как и некоторые их западные коллеги) не исключают в перспективе возможности превращения Японии в самостоятельную военную единицу стратегического значения. Такой путь развития Японии, по мнению автора, маловероятен. Во-первых, потому, что начавшийся американо-советский диалог об уменьшении уровня военно-стратегического паритета носит необратимый характер в силу потери стратегическим ядерным оружием своих функциональных качеств. Во-вторых, даже если этот процесс начнет давать сбои, Японии тем более выгодно находиться под ядерным крылом США, нежели самой расходовать ресурсы на развитие военного потенциала, который в перспективе будет демонтирован. Только правительство, абсолютно лишенное здравого смысла, могло бы пойти на тотальную милитаризацию, лишаясь преимуществ имиджа «невоенной державы». Наконец, в-третьих, воспроизводство капиталистических отношений и обеспечение национальных интересов оказалось возможным невоенными средствами политики. А раз так, то для каких целей приводить в действие дополнительные средства в форме военных инструментов политики? Последние как раз и используются тогда, когда обнаруживается неэффективность экономических средств.

Следовательно, роль самостоятельной военной державы не соответствует национальным интересам Японии, в рамках американо-японского союза японской стороне весьма удобно сохранять за собой статус подчиненного партнера и в военной сфере.

В нашей же научной и политической литературе Япония представляла перед читателем в основном в образе милитаристской державы⁸. «Технически» это делалось самым примитивным образом. Показывается рост военных расходов по сравнению с уровнем чуть ли не начала 60-х гг., при этом нередко упускается из виду, что военный бюджет Японии уступает, например, бюджету Саудовской Аравии (по курсу 1985 г.). Всегда стараются избегать сравнений бюджета или военного потенциала Японии с Англией, Францией или ФРГ⁹, которые не привлекают столь же пристального внимания критиков милитаризма на страницах нашей печати. Говоря о милитаризме Японии, часто ссылались на высказывания крайне правых кругов этой страны, на общий экономический и научно-технический потенциал Японии, который «может» превратиться в военный потенциал. При этом не объясняли, почему же категория возможности не переходит в категорию действительности. Нередко приводится следующий «аргумент»: «Поскольку современный милитаризм есть «жизненное проявление капитализма»... постольку он присущ всем капиталистическим государствам и является империалистическим милитаризмом. В связи с этим спор о том, есть в Японии милитаризм или нет, является беспредметным»¹⁰. А раз так, то Япония, судя по такой схеме, являясь империалистической державой, неизбежно станет военной державой — мысль, которая отвергает перспективу всеобщего разоружения и т. д. и т. п.

Таким образом, укрепляясь «образ врага» со всеми вытекающими из этого последствиями. Такая ситуация, не отражающая действительности, требует новых исследований военной политики Японии, переосмысления понятия «милитаризм», «военно-промышленный комплекс». Необходим свежий взгляд на соотношение экономики и военной политики в соответствии с новыми явлениями, привнесенными современной фазой научно-технического прогресса. Следует, как представляется, большее внимание уделить участию Японии в американской программе СОИ и СКИ (стратегической компьютерной инициативе). В любом случае исследования военной проблематики в связи с Японией должны быть лишены предвзятости и старых стереотипов, навеянных опытом наших отношений с ней в годы второй мировой войны. Неверные расчеты относительно военной роли Японии оборачиваются нашими просчетами как во внутренней, так и во внешней политике.

Три основных центра современного империализма

Состояние межимпериалистических отношений, удельный вес в них центробежной и центростремительной тенденций, уровень и характер противоречий между тремя

центрами империализма относятся к числу важнейших элементов мировой политики. Они, в частности, непосредственно сказываются на формировании совокупной мощи империализма и, следовательно, на соотношении сил противоположных общественных систем.

На XXVII съезде КПСС был подтвержден сделанный еще на XXIV съезде КПСС вывод о том, что три центра империализма «полны явных и скрытых противоречий» и что их взаимоотношения ведут «не к преодолению, а к обострению противоречий».

Эти важные выводы не получили научного подтверждения в работах японоведов, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что среди них нет ни одной монографии или даже статьи по теме «трех центров»¹¹. Белым пятном продолжает оставаться и тема японо-западноевропейских отношений. То есть одна из важнейших сторон треугольника США — ЕС — Япония выпала из поля зрения японоведов. Существующие же работы по данной теме принадлежат перу американоведов-экономистов.

Следовательно, перед японоведами стоит задача анализа взаимоотношений трех центров и с японского угла, который должен привести к ответу на ряд вопросов, к примеру:

— на какую тенденцию работает обострение противоречий внутри треугольника: на его еще более тесное сплочение или на размежевание, а в этой связи — не разрешаются ли эти противоречия в пользу более глубокой экономической взаимосвязи между тремя центрами;

— в каком соотношении находятся межимпериалистическое сотрудничество в сфере безопасности и дипломатии и противоречия в экономических областях;

— как работают эти соотношения во взаимодействии внутри треугольника (или шире — внутри Запада), на Юге (в зоне развивающегося мира) и на Востоке (в социалистической зоне).

Разработка этой темы с японского угла позволит более адекватно отразить реальное состояние отношений между тремя центрами империализма как в официальных, правительственных, так и в партийных документах.

Япония и США в АТР: противоречия или сотрудничество

Проблеме противоречий в системе империализма, естественно, уделяется повышенное внимание в партийной литературе. В частности, в Программе КПСС сказано об образовании новых экономических центров соперничества, прежде всего в Тихоокеанском бассейне и в Латинской Америке.

В японоведческих работах, посвященных экспансии японских монополий, также постоянно аргументируется тезис об их соперничестве с монополиями США и стран ЕС. Беда в том, что подобные тезисы не обеспечиваются конкретным анализом, возможно и потому, что такой анализ мог бы и не подтвердить в полной мере теоретический постулат о «соперничестве». По крайней мере, что касается Тихоокеанского бассейна, то здесь наблюдается не столько соперничество, предполагающее борьбу, сколько расхождение в позициях, например между Японией и США. По каким вопросам они проявляются?

Растущий экономический потенциал АТР и огромные возможности его дальнейшего развития, большая емкость рынка, запасы дефицитного сырья и т. д. делают его сферой притяжения и столкновения интересов и американских, и японских монополий. Вместе с тем, японо-американское политическое взаимодействие в целом отличается здесь, за некоторыми исключениями, довольно высокой степенью согласованности и, главное, взаимодополняемости. В основе своей это объясняется общим для правящих кругов и США, и Японии стремлением сохранить в орбите капитализма стратегически важный регион с его исключительно сложной и пестрой структурой международных отношений, очагами конфликтов, многочисленными и разнообразными противоречиями между странами этой зоны и внутри них. Имеющиеся различия в политике США и Японии в регионе связаны в первую очередь с различной ориентацией их на использование силовых методов.

Правящие круги Японии заинтересованы прежде всего в обеспечении социально-политической и экономической стабильности в этой зоне, которая, по мнению Токио, является важнейшим условием успешной деятельности здесь японского капитала. Главным инструментом ее обеспечения является оказание экономической помощи развиваю-

щимся странам и содействие в решении тех социальных проблем, которые чреваты обострением политической ситуации.

В целом обстановка в АТР не вызывает сегодня особого беспокойства у японских правящих кругов. Исключение составляет лишь положение на Филиппинах. Стабилизация ситуации в этой стране, как считают в Токио, зависит во многом от увеличения ей экономической помощи, как по государственной, так и по частным линиям.

В Вашингтоне придают особое значение укреплению военных позиций США в Азии и на Тихом океане, наращиванию там военного присутствия, созданию прочной, охватывающей под своей эгидой весь регион структуры военно-политических блоков. Такая линия вызывает определенную напряженность в японо-американских отношениях, поскольку, как полагает японское руководство, чрезмерная военная активность США в этой зоне может вызвать усиление там советской военной деятельности. Довольно острые противоречия между Японией и США были связаны с проблемой создания «тихоокеанского сообщества», поскольку оно мыслилось в Вашингтоне не только как экономическая, но и как военная организация. Последнее было абсолютно неприемлемо для Токио, что и способствовало в конечном итоге провалу идеи в целом.

На уровне субрегионов между США и Японией существует очень сложный баланс интересов, затейливое переплетение сотрудничества и расхождений. Весьма показательные различия имеются, например, в подходах США и Японии к корейской проблеме. Отношения США с КНДР практически отсутствуют, и при сохранении существующего там положения установление прямых американо-северокорейских контактов проблематично. К тому же американский бизнес практически не проявляет интереса к северокорейскому рынку. В отличие от США Япония в начале 70-х гг. установила неофициальные деловые и политические контакты с КНДР и продолжала продвигаться в этом направлении.

Рынок КНДР для японских деловых кругов чрезвычайно узок и нестабилен, масштабы торговли (обычно 300—500 млн. долл. в год), по японским понятиям, ничтожно малы. Однако, сложившаяся практика гарантирования сделок японских фирм с КНДР экспортно-импортным банком Японии свидетельствует о заинтересованности государства с политической точки зрения в экономических связях с КНДР. В целом Япония стремится не раздражать КНДР, а при случае и использовать отношения с ней в политической игре с Южной Кореей и, изредка, с США.

Более спокойная и скептическая оценка Японией «северокорейской угрозы» также является причиной разногласий с США и Южной Кореей. Основываясь на этой оценке, Токио последовательно избегает принятия на себя прямых обязательств по обеспечению безопасности сеульского режима. В то же время деятельность Японии по поддержанию экономической стабильности Южной Кореи, позволяющая укреплять там позиции японского капитала, вызывает недовольство американских конкурентов. Соединенные Штаты обеспокоены и тем, что тесные связи деловой верхушки Токио и Сеула в некоторой степени ослабляют американское влияние в Южной Корее.

Наконец, имеются противоречия в подходах США и Японии к вопросу воссоединения Кореи. Хотя США так же, как и Япония, не видят реальных возможностей решения этой проблемы в ближайшем будущем, муссирование темы единства Кореи (как и германской проблемы в Европе) несколько не противоречит глобальным стратегическим интересам Вашингтона. Экстраполируя нынешние тенденции соотношения сил на Корейском полуострове, США в принципе не против идеи воссоединения Кореи на выгодных для американского империализма условиях.

Хотя такая перспектива, казалось бы, способствует укреплению совокупных позиций империализма на Дальнем Востоке, она вызывает недовольство правящих кругов Японии. В Токио рассматривают Южную Корею как своего потенциального и даже реального конкурента и потому заинтересованы в сохранении статус-кво на Корейском полуострове. Эти факторы долгосрочного характера зачастую заставляют японское правительство пускаться в хитроумные политические маневры как в отношениях со своими союзниками, так и с потенциальными противниками. Именно они определяют необходимое, с точки зрения японских правящих кругов, лавирование в отношениях с Сеулом и Пхеньяном. По сути в этом кроется глубинная основа заложенных в подходе США и Японии к корейской проблеме расхождений и противоречий, которые могут усилиться в будущем.

Более гибкую, чем США, позицию проявляет Япония и в отношении стран

Индокитая. Оказывая дипломатическую и экономическую поддержку противникам СРВ, Лаоса и Кампучии, Япония предусмотрительно осуществляет через каналы «частной экономической дипломатии» экономическое сотрудничество с этими странами и не исключает в перспективе нормализацию с ними политических отношений.

Экспансия Японии в развивающемся мире

Все без исключения работы советских японоведов, посвященные экономической политике Японии в развивающемся мире, неизменно сопровождаются словом «экспансия». Указывается на ее грабительский, хищнический характер в отношении народов стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Но разве это не естественно? Выражать по этому поводу негодование и обвинять Японию в проведении «неконструктивной», «неэквивалентной» политики было бы по крайней мере наивным, поскольку вряд ли приходится от нее ожидать иных вариантов экспансии. Это означало бы «лишить» империализм его природной сущности.

Но марксистско-ленинская наука никогда огульно не отрицала в экспансионизме позитивных моментов. Диалектика этого явления такова, что с точки зрения экономического и социального развития стран третьего мира торгово-экономическая экспансия объективно несет в себе и положительный заряд. Не случайно правительства развивающихся государств часто с большой охотой откликаются на вторжение японского капитала в экономику своих стран, создавая ему для этого благоприятные условия. И опять же не случайно те страны, в экономику которых Япония проникла особенно глубоко, например НИС АТР, демонстрируют более высокие темпы экономического развития, чем не охваченные или слабо охваченные японскими монополиями государства.

Эта экспансия оказывает содействие росту экономики стран-реципиентов. Она же благодаря созданию новых предприятий, на которых работают сотни тысяч местных рабочих, стимулирует формирование у них классового самосознания. В такой экспансии заложен громадный потенциал социальных потрясений в будущем. «Двойкая миссия» колониализма — разрушительная и созидательная¹², о которой писал К. Маркс и на которую неоднократно обращал внимание В. И. Ленин, не утратила свой характер применительно и к неоколониализму. Обращая внимание на первую часть этой формулы, наши авторы, почему-то совершенно игнорируют ее вторую часть.

Точно также наивно представляется в работах о Японии официальная помощь развитию (ОПР) странам третьего мира. Слово помощь обычно берется в кавычки, и такая закавыченная «помощь», как утверждается, является удобной формой экспансии, оружием неоколониализма.

Совершенно естественно, что субъективно эта помощь должна отвечать экономическим интересам японских монополий, а об объективной стороне было сказано выше. Но, разумеется, нельзя не видеть, что эта же помощь включает в себя очень важный идеологический аспект. Она в основном или по крайней мере большие ее доли направляются в те государства, которые находятся напрямую в конфронтации со странами социализма (Таиланд, Южная Корея, Пакистан), или туда, где возникает социальная напряженность, угрожающая капиталистическому строю (Филиппины). И в данном вопросе японские монополии по-своему логичны: им необходимо поддержать или укрепить условия капиталистического воспроизводства.

Единственный вариант противодействия японской экспансии в форме торговли, инвестиций или помощи — создание для стран третьего мира более привлекательных альтернатив. До тех пор, пока мы не в состоянии создавать такие альтернативы, развивающиеся страны вынуждены обращаться за помощью к Японии, одновременно предоставляя ей условия и для экспансии. Нам же пока ничего не остается, как объективно, по-марксистски отразить будущее японское присутствие в Азии.

О советско-японских отношениях

Как уже отмечалось, характер советско-японских отношений в немалой степени определяется нашими представлениями о Японии, ее внутренней и внешней политике. Высказанные критические замечания относительно этих представлений в нашей литературе должны подвести к выводам об их неадекватности существующим реалиям или по меньшей мере о неполном отражении этих реалий. То же можно сказать и о

работах, касающихся непосредственно советско-японских отношений. Здесь хотелось бы коротко отметить два момента.

Наибольшее количество публикаций посвящено торгово-экономическим связям между СССР и Японией. Однако большинство из них загружено массой данных справочного характера без глубинного анализа причин неблагоприятного состояния этих отношений. В последнем случае обычно обращается внимание на внешние факторы, причем политического свойства, например усиление антисоветизма в Токио, давление США и т. п. И крайне мало или вскользь говорится о структурной перестройке японской экономики, «недостройке» советской экономики, особенно на Дальнем Востоке, потере фактора взаимодополняемости двух экономик. Совершенно отсутствует анализ нашей экономической политики (именно политики, а не отношений) по отношению к Японии. Достаточно сравнить любую из наших работ по советско-японским отношениям хотя бы с монографией «America Versus Japan»¹³, в которой показано состояние и проблемы американско-японских экономических отношений, чтобы оценить, насколько американские японоведы превосходят нас в анализе.

Еще более прямыми являются, с точки зрения автора, выглядят оценки политических отношений между СССР и Японией. Если труды по истории советско-японских отношений в какой-то степени отвечают требованиям исторической науки, то современная история представлена, с одной стороны, в виде массы инициатив Советского Союза, с другой — в виде обвинения Японии, не желающей эти инициативы признавать и одобрять.

И последнее, что не менее важно: редко встречаются работы японоведов, написанные образным языком и предназначенные для широкого читателя. Источником информации по Японии для советской общественности, к сожалению, становятся чаще всего журналистские эссе, конъюнктурный характер которых лишает их научной значимости.

Можно сказать, что взгляд СССР на место и роль Японии в мире, представленный в советском японоведении, не соответствует нашим потребностям в деле улучшения советско-японских отношений. Некоторые проблемы вообще не освещаются, другие освещаются искаженно, третьи — конъюнктурно.

Причины такой ситуации видятся в следующем.

Основная часть японоведов исследует отдельные проблемы или отдельные направления внешней политики Японии. Уже в силу этого они не могут дать объективную оценку всей политики Японии, не говоря уже о месте и роли Японии в мире, поскольку последняя тема предполагает как минимум сравнительный анализ трех центров экономического могущества. Эта причина и объясняет отсутствие работы по данной проблеме. Тем самым подтверждается старая истина: тот не знает Японии, кто знает только Японию. Советское японоведение, к слову сказать и китаеведение, страдает также и оттого, что оно оговорено от политологии и теории международных отношений. В результате — множество эмпирических исследований без фундаментальных теоретических обобщений.

Это привело к тому, что исследования японистов в области внешней политики Японии по качеству уступают аналогичным исследованиям советских американистов и европейцев. Положение усугубляется тем, что наметилась тенденция монополизации японоведческой науки. Если эта тенденция будет закреплена, то на смену одним стереотипов придут другие. Монополизм опасен в любой сфере, науке же он просто противопоказан, что подтверждает и наша печальная практика доперестроечного периода. Только разнообразие взглядов, школ, концепций, ведущих к спорам и дискуссиям, может породить истину, которая так необходима науке.

Нельзя не отметить необоснованно большое внимание, которое уделяется в японоведении военной проблематике, в результате чего утрируется милитаризация Японии и тем самым укрепляется «образ врага».

Сказались и стойкие стереотипы конфронтационного мышления, которые наиболее активно проявились через своих носителей в верхнем эшелоне практических и академических организаций, где осуществлялась основная деятельность по формированию политики и общественного мнения в отношении Японии. Размывание устойчивых стереотипов — процесс длительный и болезненный, а для некоторых носителей такого рода стереотипов, видимо и безрезультатный.

Наконец, долгие годы научное японоведение фактически находилось в подчиненном

положении перед высшими партийными инстанциями и МИДом, которые в конечном счете определяли характер выводов и оценок по тем или иным аспектам внешней политики Японии. Подобная соподчиненность, кстати сказать, характерная для всего обществоведения, ограничивала свободу творчества исследователей, побуждая их при-способляться к линии официальных верхов.

Без разрешения всех отмеченных проблем трудно рассчитывать на улучшение качества советского японоведения, а следовательно, и на достижение оптимальных результатов внешней политики Советского Союза в отношении Японии.

¹ «Правда», 7.V.1988.

² The Political Economy of Japan. Vol. 2. The Changing international context.— Ed. by T. Inoguchi and D. I. Okimoto. Stanford University Press, 1988, p. 1.

По мнению известного японского экономиста Х. Канамори, по ВВП Япония опередила СССР уже в 1978 г. См.: Внешнеполитический курс Японии в 1980-е гг. Токио, 1980, с. 65 (на яп. яз.).

³ См.: Pacific Economic Outlook. Dynamism and Adjustment. Osaka, 1988, p. 237, 60; Japan Economic Almanac. Tokyo, 1988, p. 275.; «Аргументы и факты», 1989, № 1, с. 6; «Правда», 24.I.1988.

⁴ «Известия», 7.I.1989.

⁵ См. напр.: The Flow of World Civilization and Japan's Role in the 21-st Century. A dialogue between Prime Minister Yasuhiro Nakasone and Professor Takeshi Umehara. Tokyo, 1986.

⁶ См.: Р. Ш.-А. Алиев. Внешняя политика Японии в 70-х — начале 80-х гг. (Теория и практика). М., 1986, с. 224—226.

⁷ Имеется в виду, что Япония должна взять на себя годовые расходы США по безопасности в Восточной Азии, которые, по данным директора Центра международных отношений Гарвардского университета С. Хантингтона, составляют ежегодно 42—47 млрд. долл. См.: «Foreign Affairs», 1987/88, № 3, p. 471. Цифровые данные — по курсу 1985 г.

⁸ См.: И. Сергиенко. Возрождение милитаризма в Японии. М., 1968; А. П. Марков. Япония: курс на вооружение. М., 1970; Японский милитаризм. М., 1972; С. Т. Мажоров. Военно-экономический потенциал современной Японии. М., 1979; И. И. Ивков. Япония: снова по пути милитаризации. М., 1980; М. И. Иванов. Рост милитаризма в Японии. М., 1982; Е. Заичев, И. Тамгинский. Япония: снова путь милитаризма. М., 1985; С. С. Моденов. Возрождение японского милитаризма — угроза миру в Азии. М., 1986; В. В. Седнев. Япония — тайфун милитаризма. Киев, 1987.

⁹ См.: Р. Ш.-А. Алиев. Указ. соч., с. 194—195.

¹⁰ С. Т. Мажоров. Указ. соч., с. 7.

¹¹ Здесь возникает соблазн назвать работу В. П. Лукина «Центры силы: концепции и реальность» (М., 1983). Но, во-первых, эта книга написана не японоведом, а у нас речь идет о японоведах, а во-вторых, она посвящена внешней политике каждого из «центров», и проблемы взаимодействия между ними занимают здесь незначительное место. Наконец, что особенно важно, автор, выражая несогласие с определениями «силы» западными учеными, сам не определяет этот термин и фактически следует концепции школы «политического реализма». Сказанное отнюдь не умаляет научной значимости данной работы, которая выгодно отличается от аналогичных работ других исследователей прежде всего своей теоретико-политологической стороной.

¹² К. Маркс. Будущие результаты британского владычества в Индии.— К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 9, с. 224—230.

¹³ America Versus Japan. Ed. by Thomas K. McCraw. Boston, Mass., 1986.

Можно ли предсказать землетрясение?

*А. Ф. ГРАЧЕВ,
доктор геолого-минералогических наук*

Землетрясение для китайского народа — такое же рядовое событие, как дождь в Ленинграде или туман в Лондоне. Поэтому неудивительно, что описание землетрясений прошлого является традиционной чертой китайской культуры. Китайские хроники представляют исключительно важный материал для палеосейсмологии и составления карт сейсмического районирования. Пожалуй, ни одна страна мира не обладает таким сейсмическим «архивом». Например, только в одной книге «Гуцзинь Туму Цзичэн» /1725 г./ содержится 654 статьи о землетрясениях, начиная с 780 г. до н. э. и кончая периодом правления императора Канси цинской династии /1700 г. н. э./.

За последние 2000 лет на территории Китая зафиксировано, по крайней мере, 23 катастрофических землетрясения с магнитудой*, равной 7.5, и 29 землетрясений с магнитудой /М/ 7.0—7.4. В 1556 г. в результате мощного землетрясения с М-8.0 в провинции Шаньси погибло более 830 тысяч человек. С начала XX века произошло 86 землетрясений с М более 7.0, из них шесть — имели М более 8.0. Сильнейшее землетрясение в Азии с М-8.5 произошло тоже в Китае — в провинции Ганьсу в 1920 г.

Для того чтобы понять достижения и уровень современной китайской науки в области изучения и прогнозирования землетрясений, необходимо хотя бы очень кратко проследить ее развитие за последние 40 лет. Только после образования КНР работа по оценке сейсмической опасности была впервые поставлена на научный уровень. В этот период, как известно, между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой успешно развивались тесные научные связи. Существенный прогресс был достигнут и в области наук о Земле, в частности в сейсмологии. В 50-е годы ряд крупных советских ученых /Г. П. Горшков, Б. А. Петрушевский, Н. В. Шебалин и др./ принимали участие в совместных работах по изучению сейсмичности Китая, в частности в составлении первой в истории страны карты сейсмического районирования КНР в масштабе 1:10.000.000 под руководством проф. Г. П. Горшкова и проф. Ли Шэнпана /Институт геофизики АН КНР/.

Карта эта была составлена, главным образом, на основе исторических данных о землетрясениях, и она, как показали дальнейшие события, содержала много неточностей.

После сильнейшего землетрясения в Синтае /магнитуда 7.2/ в 1966 г. была проведена реорганизация всех исследований в области изучения и прогноза землетрясений. В 1970 г. — создано Государственное сейсмологическое бюро, в задачу которого входила организация широкого комплекса научно-исследовательских работ, направленных на решение проблемы прогноза землетрясений.

Однако природа ждать завершения этого процесса реорганизации не стала. В течение 1966—1976 гг. в Китае произошло 15 землетрясений в магнитудой, превышавшей 7.0,

* Магнитуда — это энергетическая характеристика землетрясения, введенная Ч. Рихтером. По шкале Рихтера, каждая последующая единица соответствует стократному увеличению энергии колебаний. Магнитуда самого сильного землетрясения оценивается в 8.9. Магнитуду нельзя путать с интенсивностью землетрясения, которая измеряется в баллах, исходя из характера разрушений на поверхности. В СССР принята 12-балльная шкала MSK-64. Прямой связи между магнитудой и интенсивностью не существует.

из них девять — в промышленных и густонаселенных районах. Число погибших оценивалось более чем в 300 тысяч человек. Трагедия усугублялась тем, что ряд землетрясений произошел именно в тех местах, которые на первой карте сейсмического районирования были показаны как области 6—7-балльных землетрясений, т. е. районы сравнительно спокойные в плане сейсмической активности.

Необходимость принятия самых решительных мер по принципиальной перестройке сейсмологической службы (и в первую очередь в области фундаментальных исследований) была очевидной. Хотя и до этого изучением землетрясений занимались многие институты АН КНР, однако эти работы не были объединены единым планом, отсутствовала координация исследований.

Как нам представляется, переломный момент в развитии сейсмологических исследований в Китае наступил в 1978 г. В организационном плане он ознаменовался появлением трех новых институтов в Государственном сейсмологическом бюро: Института геологии и Института геофизики, отделившихся от одноименных институтов Академии наук КНР (г. Пекин), и Института сейсмологии, возникшего на базе Института геодезии, аэрофотографии и картографии (г. Ухань). Средний возраст наиболее активно работающих специалистов — менее 50 лет. Многие из них прошли стажировку в Соединенных Штатах Америки, в Японии, в западноевропейских странах*.

Структура институтов Государственного сейсмологического бюро и организация научной работы определяется стратегией научных исследований, с одной стороны, направленной на фундаментальные исследования сейсмического процесса, и с другой, на обобщение опыта предшествовавших работ. Последнее направление касается распространенной среди китайских геологов идеи о связи сильных землетрясений с активными разломами в земной коре.

Несмотря на значительные успехи, достигнутые мировой и китайской наукой в области геодинамики и геомеханики, не только проблема прогноза землетрясений остается нерешенной, но и сам сейсмический процесс в целом до конца не объяснен. Ясно только одно: изучение сейсмичности в любой стране требует комплексного анализа и геологических, и геофизических, и геохимических данных не только какого-либо конкретного района, а весьма обширной территории. Это означает, что практически в одном институте необходимо собрать специалистов из разных наук о Земле, дать им необходимое оборудование и организовать исследования так, чтобы коллектив ученых работал как один человек.

Именно так и поставлена работа в Институте геологии ГСБ КНР. Хотя он и называется геологическим институтом, здесь изучается широкий круг проблем, что видно хотя бы из перечня отделов: тектоники /геотектоника, неотектоника, сейсмогенные разломы, дистанционные методы в сейсмологии, палеомагнетизм, микроструктурный анализ, сейсмическое районирование/, тектономеханики /тектоническое моделирование, сейсмомеханика, деформация земной коры, геодинамика, земные приливы/, глубинного строения /магнито-теллурическое зондирование, геотермика, гравиметрия, аэромагнитная съемка, фокальные механизмы/, тектонофизики /моделирование сейсмогенных структур, изучение свойств горных пород при высоких давлениях и температуре, математическое моделирование сейсмотектонических процессов, вычислительная сейсмология/, геохимии /изучение геохимии подземных вод и газов, петрология и минералогия кайнозойских вулканических пород, изотопная геохимия и изотопный возраст/.

Таким образом, даже для неспециалиста ясно, что в одном институте изучаются практически все аспекты геологии, геофизики и геохимии, необходимые для анализа сейсмичности. Существенно важно, что при институте работает небольшой экспериментальный завод /67 инженеров и рабочих/, выпускающий ограниченными партиями несерийные специальные приборы.

Другим крупным научным центром по изучению землетрясений в Китае является Институт сейсмологии в г. Ухани. Здесь все усилия сосредоточены на прямом изучении

* Наши китайские коллеги хорошо знают советскую научную литературу; важнейшие монографии, вышедшие в СССР за последние 20 лет, переведены на китайский язык. Примерно каждый десятый из тех, с кем приходилось встречаться автору (не менее 400 человек) учился в свое время в СССР. Некоторые до сих пор неплохо говорят по-русски и многие читают советскую научную периодику.

движений земной коры и физических полей в процессе подготовки самого землетрясения, во время землетрясения и после него. Помимо традиционных геодезических методов здесь широко используются методы спутниковой геодезии для непрерывного изучения деформаций в пределах отдельных районов. Специальный отдел изучает так называемую наведенную или индуцированную сейсмичность, связанную с деятельностью человека / имеются в виду землетрясения, возникающие под действием тяжести воды в крупных водохранилищах/. Еще одно научное подразделение занимается дешифрированием космических снимков для выявления сейсмоактивных разломов*. При Институте сейсмологии также существует экспериментальный завод, выпускающий высокоточную аппаратуру для геодезических и геофизических исследований. К числу достижений этого научного центра следует причислить тот факт, что институт занимается сейсмическим мониторингом /изучением деформации земной коры/ в провинции Хубэй на базе 10 сейсмических станций, несущих оперативную сейсмологическую службу по прогнозу землетрясений.

Из сравнения этих двух, а также и других институтов, которые автору удалось посетить в г. Пекине и г. Ухани, ясно, что ни по подбору кадров, ни по обеспеченности современным оборудованием и приборами в КНР не существует разделения на столичную и провинциальную науку.

Помимо институтов, относящихся к Государственному сейсмологическому бюро, изучением землетрясений в той или иной степени занимаются практически все институты в области наук о Земле — как академические, так и ведомственные. Из них особо хотелось бы отметить Институт геодезии и геофизики АН КНР в г. Ухани и Институт геологии АН КНР /г. Пекин/, а также геологический факультет Пекинского университета.

Определение степени сейсмического риска предполагает решение двух проблем. Первая включает долговременный прогноз, связанный с выделением в пределах какой-либо территории /например, целой страны/ областей различной сейсмической активности. Такая работа основана на изучении всех исторических землетрясений, а также анализа геолого-геофизических данных. Используя методы сейсмостатистики и современные методы вычислительной сейсмологии, специалисты составляют карты сейсмического районирования, на которых в изолиниях балльности показывают сейсмически опасные районы /часто с указанием повторяемости землетрясений определенного балла в 100 или в 1000 лет/. Такие карты являются официальными документами при строительстве городов и различных инженерных сооружений. Для особо важных объектов /атомных станций и др./ составляются и карты сейсмического микрорайонирования.

Однако нередко допускаются ошибки. Землетрясения возникают либо там, где они раньше вообще не фиксировались /например, Газлийское землетрясение в СССР/, либо интенсивность происшедшего землетрясения сильно отличается от расчетной. Последний пример — землетрясение в Армении в декабре 1988 г. с интенсивностью 9—10 баллов, которое произошло в 8-балльной зоне, согласно последней карте сейсмического районирования. Число подобных примеров настолько велико, что у многих возникает сомнение, какова же достоверность таких карт.

Однако если в решении проблемы составления более точной карты сейсмического районирования перспективы все-таки имеются, то проблема прогноза землетрясения, по мнению большинства ученых, в том числе китайских, остается пока не решенной задачей.

Сейсмический прогноз подразумевает определение места, времени и магнитуды землетрясения. Теоретически известно, что нужно делать и какие виды измерений необходимо провести, чтобы предсказать землетрясение, но на практике реализация известных методов пока еще далека от того, что мы называем прогнозом.

В этом отношении большой интерес представляет пример изучения землетрясения в г. Аньшани провинции Ляонин /4 февраля 1975 г., магнитуда 7.3/, в районе, который ранее относился к 7-балльной зоне. После сильного землетрясения в Синтае в 1966 г. /магнитуда 7.2/ к западу от Бохайского залива сейсмическая активность

* В Китае в открытой печати издано два альбома космических снимков: первый — в 1979 г. /512 цветных и черно-белых снимков на всю территорию КНР/ и второй — в 1982 г. /157 цветных и черно-белых снимков для районов сильных землетрясений/. Таким образом, изучение космических снимков доступно каждому китайскому исследователю.

в этом районе значительно повысилась. Ввиду того, что данный район Китая относится к числу густонаселенных районов с большим числом различных промышленных объектов, здесь были организованы полевые станции для регистрации землетрясений и изучения деформации земной коры. К июню 1974 г. были получены важные предвестники будущего сильного землетрясения: вертикальные деформации увеличились более чем в 20 раз, число толчков в месяц возросло до 35, вертикальная компонента магнитного поля достигла значения около 22 гамм и уровень воды в Бохайском заливе повысился на 10 см. Анализ этих данных привел к следующей предварительной оценке, сообщенной правительству КНР: землетрясение с магнитудой 5.0—6.0 может произойти в ближайшие 1—2 года к северу от Бохайского залива. Государственные власти потребовали активизировать работы по изучению сейсмической активности в этом регионе.

Дальнейшие события развивались стремительно. К концу 1974 г. число слабых и умеренных толчков достигло 600, превысив средние данные за последние несколько лет в 5 раз. Большая часть толчков группировалась в рой. Изменение высот при нивелировках достигло 4 мм, почти в 40 раз превышая вариации за 1972—1973 гг. Резко изменился уровень грунтовых вод, и содержание радона повысилось на 40—70 %.

На этом основании был сделан вывод о том, что землетрясение с магнитудой 5.5—6.0 произойдет в ближайшие 6 месяцев 1975 г. Однако природа опять поступила иначе. В последние 10 дней января 1975 г. изменение уровня грунтовых вод происходило скачками, лед в озерах и прудах взламывался, наблюдалось аномальное поведение домашних животных и змей, покинувших норы в зимнее время. Эти данные вместе с результатами геофизических и геохимических исследований, а также новые рой толчков в пределах прогнозируемого района на границе Хайчэн и Инкоу, не оставляли сомнений. Немедленное предупреждение о сильном землетрясении было передано местным властям в 0 час. 30 мин. 4 февраля 1975 г. В 10 часов утра власти провинции Ляонин оповестили все население провинции о возможности сильного землетрясения в районе Хайчэн и Инкоу в ближайшие часы. Через 9 часов предсказанное землетрясение, правда, большей магнитуды, действительно произошло.

Несмотря на успешный опыт прогноза землетрясения 1975 года, следующее сильнейшее землетрясение с магнитудой 7.8, которое произошло в районе Таншань 28 июля 1976 г., не было предсказано, хотя оно и ожидалось, и необходимые наблюдения были организованы. Однако обсуждение быстро поступавших новых данных не было обеспечено, вероятно, достаточно строгим и оперативным анализом. Дискуссии относительно места, времени и магнитуды надвигающегося сейсмического события не привели к своевременной и однозначной оценке. Землетрясение привело к сильному разрушению г. Таншань и гибели 200 тысяч человек. Погибли и шесть сейсмологов, приехавших из провинции Хэбэй для полевых работ.

Последнее сильное землетрясение в октябре 1988 г. в провинции Юньнань привело к гибели более 700 человек; предупреждение не было сделано.

Нетрудно понять, что даже имея, казалось бы, все необходимые данные для прогноза землетрясения, нужно еще учитывать и психологические, и социально-политические аспекты, связанные с таким прогнозом. Совершенно очевидно также, что нужно обладать достаточной смелостью, чтобы сделать соответствующие рекомендации правительственным органам (местным и центральным) относительно будущего землетрясения. Вероятность того, что землетрясение произойдет именно в это время и именно в этом месте, остается все еще невысокой. А ведь ложная тревога неизбежно приводит к большим материальным (эвакуация населения и приостановка работ на промышленных объектах) и моральным потерям (в следующий раз люди с большим недоверием будут относиться к предупреждениям о сейсмической опасности).

Сказанное не означает, что прогноз невозможен вообще. Опыт Китая, Японии, ряда других стран показывает, что решение этой задачи становится возможным только тогда, когда сейсмическая опасность осознается как общегосударственная, национальная проблема. Достижения китайской сейсмологии за последнее десятилетие представляют собой именно такой позитивный пример. В Китае такого рода новый этап в изучении землетрясений, начался в 1978 г.

Для непрерывного изучения деформаций земной коры (сейсмического мониторинга) на территории Китая было организовано 20 полигонов, покрывающих площадь 2 млн. кв. км. Эти полигоны расположены таким образом, что наиболее населенные

районы, где происходили или могут произойти сильные землетрясения, оказываются под контролем.

Наблюдения за деформациями земной коры как до, так и после землетрясений ведется с помощью комплекса приборов и методов: наклономеров, деформографов, экстензометров, лазерных дальномеров, включая методы спутниковой геодезии.

Особое значение придается высокоточному нивелированию для изучения вертикальных движений земной коры и триангуляции для горизонтальных смещений. Суммарная длина линий повторного нивелирования достигает 68 тыс. км, покрывая площадь 1780 тыс. кв. км, горизонтальные движения изучаются на площади 60 тыс. кв. км, используя сеть триангуляции из 117 пунктов. Повторные измерения на полигонах проводятся каждые 2—3 года при нивелировках и каждые 1—5 лет при триангуляции.

Изучению деформаций в зонах разломов китайские ученые придает особое значение. С этой целью установлено 60 станций для непрерывного анализа деформаций вдоль активных разломов и 400 подвижных станций используется для выявления вертикальных и горизонтальных движений земной коры на коротких расстояниях. Для того чтобы избежать помех, вызываемых, главным образом, атмосферными явлениями, ряд приборов /наклонометры, экстензометры, деформографы/ размещен на глубине до нескольких сот метров в карстовых пещерах. 200 таких станций достаточно равномерно покрывают наиболее сейсмичные и густонаселенные провинции Северной, Юго-Западной и Центральной части Китая. Поскольку среднегодовые колебания температуры в подземных станциях меняются в пределах 0.3—0.8 °С, то создаются очень хорошие условия для наблюдений, позволяющих избежать влияние шума в показаниях приборов. На большинстве станций ведется также регистрация земных приливов с точностью выше 10^{-6} .

Особое значение придается записи слабых и умеренных толчков /форшоков/, которые обычно предшествуют сильному землетрясению. В наиболее важных районах, как например вокруг Пекина, разбита сеть из 44 телеметрических сейсмических станций, где с помощью различного типа сейсмографов ведется постоянная регистрация толчков; 6 сейсмографов расположены в скважинах. Все станции связаны с вычислительным центром, и оператор имеет возможность контролировать изменения сейсмической «погоды».

Для инструментальных наблюдений используются как зарубежные так и отечественные приборы, причем приборы китайского производства /например, скважинные сейсмографы/ по своим характеристикам соответствуют мировым стандартам.

В 1982 г. был проведен пересмотр требований к точности наблюдений, произведена замена на второе поколение приборов, чувствительность которых повысилась в 10 раз. Кроме того, для каждой станции был определен частотный спектр помех.

Была пересмотрена также система записи наблюдений, и все приборы были оборудованы приспособлениями для ускоренной протяжки бумаги на регистраторах записи в критические моменты, когда появляются аномалии в деформациях земной коры.

Учитывая громадные пространства Китая, а также неравномерное распределение населения и крупных промышленных центров, нереально охватить всю территорию геодезической системой для повторных измерений с целью изучения деформаций земной поверхности. Поэтому уже с начала 70-х годов в Китае была начата работа по использованию методов спутниковой геодезии с использованием лазерной техники на длинных базах. В настоящее время в КНР создана система из трех станций /Шанхай, Куньмин и Урумчи/, образующих большой треугольник. Эта система позволяет определять как деформации внутри Азиатской плиты литосферы, так и в зоне столкновения Индийской и Евроазиатской плит /район Гималаев/.

С 1975 г. КНР начала работы в рамках международной программы VLBI /Very Long Baseline Interferometry/ на основе использования шестиметрового радиотелескопа Шанхайской Астрономической обсерватории, стометрового радиотелескопа в Эффельберге /ФРГ/ и двадцатшестиметрового радиотелескопа в г. Касима /Япония/. Одна из задач этой программы — изучение относительных перемещений крупных плит литосферы. Поскольку точность определения на расстоянии в 1852 км между Шанхаем и Касима 3 см, то следует ожидать в самое ближайшее время получения положительных результатов.

В настоящее время Институт сейсмологии в г. Ухань уже проводит измерения деформаций земной коры, используя свою национальную систему наблюдений за

спутниками с применением лазерной техники. Ведутся переговоры с НАСА /США/ о совместных работах в этой области.

Большое внимание в программе изучения землетрясений уделяется фундаментальным исследованиям по разрушению горных пород, что составляет физическую основу теории прогноза землетрясений. В этой области ведутся серьезные исследования в Институте геофизики Сейсмологического бюро и АН КНР в г. Пекине, Институте сейсмологии в г. Ухань, в Пекинском университете и в других местах. Важно подчеркнуть, что вся используемая аппаратура, включая дистанционный контроль, отечественного производства.

Китайские ученые в области физики землетрясений уже получили крайне интересные результаты, и надо ожидать в ближайшее время новых успехов.

Важно отметить также и чисто теоретические исследования, связанные с численным моделированием полей напряжений в земной коре отдельных регионов и мантийной конвекции. Эти работы ведутся с использованием суперкомпьютера китайского производства. В данной области китайские исследователи работают в тесной кооперации с учеными из США и европейских стран.

Работы по прогнозу землетрясений в большом масштабе требуют соответственно и подготовки необходимых кадров. Китай в этом отношении значительно опередил другие страны. В Пекинском университете организована первая в мире кафедра по сеймотектонике, имеющая хорошую экспериментальную базу и лаборатории для физического моделирования. В 1982 г. был выпущен первый в мире учебник по сеймотектонике.

Интересная работа проводится китайскими учеными с населением. Большое число брошюр, лекции ведущих ученых способствуют не только ликвидации страха перед землетрясением, но и учат тому, как вести себя в случае тревоги и т. д. Более того, в результате такой работы большое число людей охотно помогает профессиональным сейсмологам в их работе, образуя команды сейсмологов-любителей. Они ведут наблюдения за поведением животных, за уровнем воды в колодцах и водоемах, обеспечивая таким образом необходимую статистику на значительной территории. Сейчас в Китае насчитывается более 100 тысяч любителей. Разумеется, вся национальная программа по прогнозу землетрясений была подготовлена и успешно реализуется потому, что Китай располагает и первоклассными специалистами в различных областях наук о Земле. Мне удалось встретиться со многими из них, и беседы и дискуссии с китайскими коллегами оставили неизгладимое впечатление.

Китайские специалисты проявляют большой интерес к советским исследованиям в области сейсмологии и сейсмического риска. Многие направления в этой области начали развиваться впервые в СССР /сейсмическое районирование, изучение движений земной коры на полигонах и т. д./, и китайские ученые широко использовали советский опыт в своей работе.

В процессе обсуждения многих вопросов были высказаны пожелания сделаны конкретные предложения по совместному изучению сейсмического риска. В частности, Институт геологии Государственного сейсмологического бюро предложил организовать совместные исследования двух последних катастрофических землетрясений — Юньнаньского в КНР /октябрь 1988 г., магнитуда 7.6/ и Армянского в СССР /декабрь 1988 г., магнитуда 7.0/. В проблеме прогноза землетрясений остается еще много неясного, и без международного сотрудничества прогресс в этой области невозможен. Мы надеемся, что после 30-летнего перерыва советские и китайские ученые будут так же активно обмениваться опытом и идеями, как это было в 50-е годы.

*Е. А. КОНОВАЛОВ,
доктор экономических наук
Е. Ф. СЕЛИВАНОВА,
кандидат экономических наук*

До последнего времени в Китае существовали сравнительно аргументированные и довольно стойкие предположения о том, по каким тенденциям будет развиваться народонаселение КНР в будущем, каким оно будет в ближайшие десятилетия по численности, возрастной структуре, числу работающих и иждивенцев. Наконец, как рассматривать нынешнее население с позиции социально-экономической: является ли оно избыточным и, следовательно, дополнительным бременем для экономики страны или представляет собой огромный потенциал трудовых ресурсов, который создает благоприятные предпосылки для ускорения социально-экономического развития страны в условиях хозяйственной реформы. Эти и другие проблемы вызывают дискуссии среди научной общности различных слоев населения Китая, привлекают внимание демографов всего мира.

Будущие тенденции развития народонаселения Китая, разумеется, предопределены демографическими процессами прошлых лет, наличным населением в его сложившейся структуре. За 40 лет существования КНР население страны увеличилось более чем в 2 раза — с 540 млн. в 1949 г. до 1100 млн. человек в 1988 г. Рост населения происходил неравномерно: периоды подъема сменялись снижением темпов роста, а в отдельные годы («большой скачок») можно было фиксировать абсолютное сокращение численности населения. Наибольшие приросты отмечались в годы двух «демографических волн» (в 1954—1957 гг. и более продолжительной и высокой — в 1962—1971 гг.), на которые пришлось $\frac{2}{3}$ общего прироста населения в течение всех 40 лет.

За годы первой «волны» абсолютный прирост составил 53 млн. человек (в среднем 13 млн. человек за год). В 1957 г. он достиг 19 млн. против 10 млн. в 1950 г. Это было в основном результатом резкого снижения общей смертности населения — с 20 промилле до 10,8 промилле¹. В годы второй демографической волны рост населения обусловлен был в большей степени высоким на протяжении всех 10 лет уровнем рождаемости, нежели снижением показателя смертности. Уровень рождаемости в эти годы был беспрецедентным за всю историю КНР и достигал 26, даже 30 млн. человек в год. Общее число рождений за это десятилетие выражалось огромной величиной, составляющей 255 млн., а абсолютный прирост — 179 млн. человек.

Подобный рост населения был обусловлен, во-первых, компенсационным ростом населения после его абсолютного сокращения в годы «большого скачка», а во-вторых, ослаблением контроля над рождаемостью в годы «культурной революции», дезорганизовавшей партийный и государственный аппарат, включая и деятельность учреждений, занимавшихся планированием семьи. Численность населения страны достигла таких масштабов, что правительство КНР с начала 70-х гг. вынуждено было пойти на крайне жесткие экономические меры и социальные ограничения, регламентирующие число рождений в семье одним ребенком.

В течение нескольких лет бурный рост населения удалось обуздать — вначале в городах, где демографическая ситуация вызвала необходимость ограничиться рождением 1—2 детей. Выполнение каждой семьей программы деторождения имело первоочередное значение при распределении жилой площади. Если в семье рабочего или служащего имелось 3 ребенка и последний родился после 1973 г., семья получала площадь с учетом только двоих детей. Рабочие и служащие, придерживающиеся «поздних» браков и ограничивающиеся рождением одного ребенка, имели право на первоочередное получение нового жилья. Для единственных детей в семье были установлены привилегии внеочередного их приема в дошкольные детские учреждения, при посещении поликлиник, больниц. По достижении взрослого возраста единственному ребенку отдавалось предпочтение при приеме на работу, поступлении в вуз.

Однако в сельских районах переход к модели однодетной семьи встретил огромное сопротивление. Именно в деревне потребовались радикальные меры административного вме-

шательства. Это выражалось в составлении жестких контрольных цифр по числу рождений в течение года для каждой деревни, разнорядок по дворам. Устанавливалась очередность женщин, которым разрешалось рожать в запланированные сроки. Административные меры подкреплялись целой системой мер по стимулированию лиц, дающих обязательства «позже вступать в брак, реже рожать и меньше иметь детей», а также санкций за внеплановые рождения.

В качестве стимулов выдавались разовые премии в размере 50 кг зерна и 20 юаней личными матери, получившей удостоверение, свидетельствующее о том, что она имеет только одного ребенка. Оплата послеродового отпуска таким женщинам производилась в размере 80 рабочих дней, ежемесячно на больничные расходы выплачивалось по 0,5 юаня либо начисляли трудовые единицы, единственный ребенок приравнивался к взрослому члену семьи при получении продовольственного пайка; ежегодно семья получала до 100 кг зерна.

Для пресечения внеплановых рождений была разработана система штрафов (деньгами и трудоднями), взимаемых с родителей в течение нескольких лет. Увеличились трудовые нормы, «нарушителей» лишали приусадебных участков и талонов на продовольственный паек. Кроме того, выполнение производственного задания коллективом увязывалось с выполнением программы планового деторождения его членами; за превышение плана рождаемости на одну промилле снималось 10 % доходов, и наоборот, перевыполнение его сопровождалось начислением 10 % к выполненному объему производственного задания.

При бесплатном медицинском обслуживании рожениц в роддомах за рождение внеплановых детей как в городе, так и в деревне взымалась плата от 20 и более юаней. Важное значение придавалось и мерам морального воздействия, обсуждение и осуждение «нарушителей» вплоть до решения о принудительном прерывании беременности.

Подобная демографическая политика привела к весьма заметному снижению рождаемости с 1971 г. по 1979 г. — вначале в городах с 21,3 до 13,7 промилле, а затем в сельских районах с 31,9 до 18,4 промилле². В целом в стране число рождений удалось сократить с 27 млн. до 17—18 млн. в год и таким образом избежать рождения еще 56 млн. детей.

На этом фоне исключительных успехов демографической политики в Китае начала складываться и общая стратегия развития народонаселения на ближайшие десятилетия. Проявились весьма оптимистические представления о том, что и в дальнейшем в стране есть резервы снижения рождаемости, уменьшения среднего числа детей на одну женщину детородного возраста. Реальной казалась цель к 2000 г. «добиться того, чтобы женщины, имеющие одного ребенка, в городах составляли 95 %, в сельских районах — 90 %³, что позволило бы к 1985 г. снизить естественный прирост до 5 промилле, а к 2000 г. достичь нулевого прироста населения».

В конце 70-х гг. в стране приступили к разработке прогнозов роста населения до 2000 г. и более отдаленного периода. В эту работу включились десятки научно-исследовательских центров, сотни демографов и статистиков Китая. Были привлечены зарубежные исследователи. Большое содействие китайским ученым в их разработках оказали Мировой банк развития, а также специалисты ООН и США. В этой работе использовалась современная вычислительная техника, а в качестве методик применялись эконометрические модели с различными вариантами роста численности населения.

В начале 80-х гг. стали публиковаться результаты прогнозных оценок, в которых за исходные факторы принимались неуклонное сокращение рождаемости вплоть до 2000 г., уменьшение средней детности в семье, то есть полное претворение в жизнь концепции однодетной семьи. Наиболее основательные варианты прогнозов были разработаны Тянь Сюэюанем в его объемной монографии⁴. Эта монография содержит описание трех моделей роста населения КНР с 1978 по 2070 г.

С 1978 до 2000 г., согласно разработанным вариантам, среднее число детей в одной семье должно было быстро уменьшаться (с 2,3 до 1,9 — в первом, до 1,5 — во втором и 1,3 — в третьем варианте). Соответственно темпам снижения рождаемости и средней детности были определены размеры населения Китая к 2000 г. Так, по первому варианту, численность населения должна была составлять 1280 млн., по второму 1210, а по третьему — 1160 млн. человек⁵. При этом максимальные размеры населения Китая должны неуклонно снижаться и составить: по высшему варианту — 1515 млн. человек (2060 г.), по среднему — 1236 млн. человек (2030 г.), по наименьшему — 1162 млн. человек (2010 г.). К концу всего прогнозируемого каждому из трех вариантов, может насчитывать 1482 млн., 927 млн. и 897 млн. человек⁶.

При составлении долгосрочных планов социально-экономического развития ЦК КПК и Госсовет КНР исходили из численности населения на 2000 г., не превышающей по среднему варианту 1200 млн. человек. Эта величина рассматривалась как предельно допустимая при разработках Шестого и Седьмого пятилетних планов, отраслевых планов развития промышленности и сельского хозяйства. Она служила ориентиром достижения целей социально-экономического развития страны, включая и такие обобщенные показатели, как размер валового продукта и национально-го дохода на душу населения.

Однако реальная действительность неотвратимо вносит свои коррективы в предполагаемые оценки. Демографическая ситуация в стране в условиях хозяйственной реформы существен-

но меняется. Произошло значительное расхождение между целью, методами демографической политики и демографическим поведением основной части населения. В условиях подрядной системы, хозяйственной самостоятельности крестьянин, поняв, что личное благополучие, благосостояние своей семьи зависит от собственных усилий, наличия работников, считает, что он вправе самостоятельно решать вопрос о количестве детей в своей семье: «Сам обрабатываю землю, поднимаю производство, получаю продовольствие, и никто не должен вмешиваться в рождение моих детей»⁷. Возрождаются традиционные взгляды на большую семью как символ богатства.

В этих условиях происходит утрата авторитета, а иногда и полное прекращение деятельности отдельных лиц и целых учреждений, ответственных за контроль над рождаемостью. Для некоторых работников этих комитетов предпочтительным является занятие производственной деятельностью, и они, самовольно сложив с себя обязанности, как говорят в Китае, «потерялись домой обрабатывать землю». Многоплановая работа местных органов по контролю над рождаемостью практически сузилась и была сведена лишь к штрафованию крестьян за детей, рожденных вне плана.

Размеры штрафа не регламентированы и составляют 500—600 юаней (провинция Шаньдун), в порой и 5—10 тыс. юаней⁸. С ростом производства и денежных доходов в крестьянских семьях в стране растет и число крестьян, которые готовы и в состоянии выплатить эту сумму ради свободы в определении числа детей в своей семье, особенно в тех случаях, когда речь идет о рождении мальчика-первенца.

Внедрению концепции однодетной семьи препятствует уже получившая широкое распространение тенденция повторных рождений. В городах страны более 88 % молодых замужних женщин высказали желание иметь двух детей — мальчика и девочку⁹. В сельских районах многодетная семья (трое и более детей) стали более частым явлением, нежели несколько лет назад. В целом по стране в настоящее время 15 % (а в сельских районах 17,6 %) общего числа рождений приходится на семьи с тремя и более детьми¹⁰. Это характерно особенно для отсталых районов проживания нацменьшинств. Так, в одной из волостей Гуанси-Чжуанского автономного района из 105 рожденных детей в первой половине 1988 г. 31 ребенок (29,5 %) был вторым, а 29 детей (27,6 %) родились в семье третьими и последующими¹¹. В целом же по стране доля однодетных семей снизилась с 57 % в 1981 г.¹², 50 % в 1985 г. и 45 % в настоящее время.

Повторные рождения, принявшие массовый характер, привели к увеличению за короткий период показателя средней детности на одну женщину детородного возраста: с 2,1 в начале 80-х гг. до 2,2—2,4 в настоящее время¹³, что входит в явное противоречие с прогнозами снижения средней детности.

В настоящее время весьма серьезную трудность в осуществлении демографической политики представляют собой и незарегистрированные, а также внебрачные рождения (от незарегистрированных браков). Эти явления отражают попытки укрыть «внеплановые» рождения, а также рождения нежелательных девочек, если они появляются в семье первым ребенком. Типичным примером является описанный в газете «Жэньминь жибао» случай, происшедший в одном из уездов провинции Шэньси, когда родители укрыли от властей трех дочерей и торжественно зарегистрировали сына, появившегося четвертым¹⁴. Укрываются, как правило, и дети, появившиеся на свет в «ранних браках», то есть заключенных до достижения установленного законом возраста вступления в брак.

Принятие и опубликование в 1980 г. Закона о браке, в соответствии с которым возраст вступления в брак для женщин определен в 20 лет, для мужчин — в 22 года, по сути означало отмену прежних регламентаций, когда женщинам рекомендовалось выходить замуж не ранее 25—28 лет. За последние годы возраст вступления в брак в Китае «помолодел»: в 1984 г. средний возраст составлял 23,8 года, в 1985 г. — 22,8 г., в 1986 г. — 22,0 года. Наряду с этим стала проявляться и тенденция к возрождению традиции «ранних браков», увеличение их доли в общем числе вступающих в брак. Например, в 1984 г. на «ранние браки» приходилось 2,9, в 1985 г. — 6,1, в 1986 г. — 11,4 %¹⁵. А это отражается в свою очередь на тенденции раннего рождения первых детей. В течение 1986 г. среди женщин, вступивших в ранний брак, зафиксировано более 1 млн. рождений, и прирост в общем числе рождений относительно 1985 г. на одну треть произошел за счет этого фактора¹⁶. К тому же «ранние браки» расширяют контингент женщин, выполняющих репродуктивную функцию.

Деятельности по снижению числа рождений противостоят и естественные условия воспроизводства населения, трудно поддающиеся контролю и регулированию. С середины 80-х формирование супружеских пар происходит среди молодых людей, рожденных в годы второй «демографической волны». «Именно сейчас, — с тревогой пишут китайские исследователи, — мы переживаем период вступления в брачный и репродуктивный возраст 11—13 млн. пар, что в 2 раза больше, чем в предыдущий период»¹⁷. А это означает, что даже при условии одного рождения на каждую из этих женщин, в течение по крайней мере 10 лет они смогут ежегодно дополнительно производить на свет 6 млн. детей.

В целом по стране численность женщин детородного возраста нарастает: в 1982 г. их насчитывалось 252 млн., в 1987 г. — 300 млн., а в 2000 г. их будет более 350 млн.¹⁸. При средней

детности 2,3 подобный огромный демографический потенциал уже предопределяет высокий темп деторождений до конца столетия.

Итак, увеличение числа женщин фертильного возраста, повторные рождения и сокращение интервалов между рождениями — все это в совокупности предопределяет появление третьей демографической волны, которую, видимо, будут характеризовать не только высокие темпы, но и значительно большие абсолютные размеры рождений и приростов.

За последние 2 года рождаемость и число рождений вновь увеличились до 20,8 промилле и 21,8 млн. человек соответственно¹⁹. Эти факты в Китае рассматриваются как грозный признак надвигающейся «волны» высоких рождений. Поэтому на сегодня уже пересмотрены планы наметки ограничить численность населения к 2000 г. 1200 млн. человек и увеличены до 1300 человек²⁰. При этом предполагается, что численность населения к середине следующего столетия может достигнуть 1800 млн. человек (против 1500 млн. человек по ранее разработанным прогнозам)²¹.

Перед Китаем стоит задача погасить «волну» высоких рождений, использовать в стране «последний исторический шанс отрегулировать численность населения с помощью демографической политики», снизив показатель детности с 2,3 до 2,1 к 1990 г. и до 1,75 в 2000 г.²² В противном случае, считают в Китае, «последствия этого трудно вообразить». Это будет означать угрозу осуществлению стратегической задачи — достичь к концу века жизненного уровня среднего достатка и уровня жизни среднеразвитых государств к середине будущего столетия²³.

Новые тенденции в рождаемости могут повлиять и на имеющиеся представления о возрастной структуре населения страны на ближайшие десятилетия. Разработанные китайскими демографами гипотетические модели возрастной структуры основаны на предположении, что наряду с уменьшением рождаемости возрастет средняя продолжительность жизни вследствие быстрого снижения показателя общей смертности²⁴. Все предложенные модели прогноза возрастной структуры предполагают сокращение доли детей и резкое увеличение доли пожилых при одновременном росте удельного века трудоспособного населения.

Старение населения, то есть увеличение доли лиц пожилых возрастов в общей его численности, — это всеобщая тенденция развития населения в мире²⁵. Китай традиционно относился к странам с молодым населением, что было зафиксировано Всекитайскими переписями населения 1953, 1964 гг. Однако в рамках структуры молодого населения на протяжении главным образом 70-х гг. происходил процесс перехода к взрослой структуре, когда за счет абсолютного и относительного уменьшения детского, увеличивалось взрослое население. Данные переписи 1982 г. проиллюстрировали этот процесс. Однако с 1982 г., по мнению китайских демографов, страна вступила в длительный период перехода от взрослого к стареющему населению, первый этап которого, как ожидается, завершится к 2000 г. Таким образом, в Китае можно констатировать уникальный в истории развития населения факт демографического перехода всего за 40 лет от молодой к взрослой, а затем стареющей структуре населения. Между тем как в развитых странах Европы и Северной Америки подобный переход занимал как правило 100—200 лет.

Таблица 1

Изменения возрастной структуры населения КНР
(в % к итогу)

Возрастные группы	1953 г.	1964 г.	1982 г.	1987 г.	2000 г.		
					варианты прогноза		
					I	II	III
0—14	36,3	40,7	33,6	28,7	27,6	23,8	21,7
15—64	59,3	55,7	61,5	65,8	65,3	68,7	70,5
64+	4,4	3,6	4,9	5,5	7,1	7,5	7,8

Таблица составлена по: Тянь Сюэюань. Исследование тенденций развития народонаселения в условиях контроля над рождаемостью. Пекин, 1985 (на кит. яз.); Основные документы Всекитайских переписей населения КНР. Пекин, 1983.

Как показывают данные таблицы, разные типы возрастной структуры имеют различные соотношения между трудоспособным населением и иждивенцами. В 1964 г., когда возрастная структура населения, еще более «помолодев» после 1953 г., стала классически молодой, иждивенческая нагрузка на трудоспособное население была максимальной и составляла 0,79 или

на 10 трудоспособных приходилось примерно 8 человек детского и пожилого возраста. В 1987 г. при типично взрослой структуре населения удельный вес индивидов составил 34,2 %, соотношение рабочих поколений и иждивенцев изменилось на 0,51, то есть на 10 трудоспособных уже приходилось 5 детей и стариков.

В будущем эта тенденция снижения нагрузки на работающее население (при условии полной занятости) сохранится и, по оценкам, к 2000 г. она понизится до 0,46 (по среднему варианту). В первые два десятилетия XXI в. она достигнет своей минимальной величины (0,37), когда доля и абсолютная численность трудоспособного населения достигнет своего наивысшего уровня (70—73 %, 810—850 млн. человек). Вслед за тем предполагается абсолютное сокращение трудовых ресурсов в стране.

Подобная возрастная структура населения благоприятна для экономического развития тех стран, которые в полной мере обеспечивают трудоспособное население средствами занятости. В ряде развитых стран с высокой производительностью труда такая структура символизирует собой «золотой век» экономического роста.

В Китае структуру населения с высокой долей рабочих возрастов не склонны характеризовать однозначно, как наиболее благоприятную для экономического роста. Она может быть таковой при условии полной и эффективной занятости. Лишь в этом случае уменьшение числа иждивенцев может сказаться на улучшении доходов работающего населения. До 2000 г. в стране предстоит трудоустроить десятки миллионов лиц, высвобождающихся в ходе экономической реформы из традиционных отраслей сельского хозяйства, в результате упорядочения штатов в отраслях городской экономики, а также тех, кто ежегодно вступает в трудоспособный возраст. И эта ситуация представляется китайским ученым весьма проблематичной. «Если мы не создадим достаточное количество рабочих мест, — считают они, — это может привести к росту безработицы, не только не уменьшит нагрузку на работающее население, но и обернется дополнительным бременем для общества...»²⁶

Между тем создание дополнительных рабочих мест требует огромных капиталовложений для развития отраслей, создающих современные средства производства. Необходимость в огромных дополнительных капиталовложениях может привести не только к увеличению фонда накопления, но и повысить его норму в национальном доходе. Высокая доля трудоспособного населения означает, что центр тяжести общественных затрат начинает перемещаться с удовлетворения жизненных потребностей нетрудоспособного населения на капиталовложения, необходимые для расширения сферы занятости, создания материальных условий для расширенного воспроизводства рабочей силы.

Расходы на трудоустройство молодых людей в несколько раз больше расходов, которые необходимы для содержания, воспитания, образования детей до трудоспособного возраста. По китайским данным, в начале 80-х гг. совокупные затраты на одного ребенка с момента его рождения до 16-ти летнего возраста составляли в среднем по стране 2,4 тыс. юаней, в деревне — 1,6 тыс., в уездном городе — 4,8 тыс., в городе — 6,9 тыс. юаней²⁷, то есть соответственно 100, 300 и 430 юаней ежегодно. Учитывая факт двукратного увеличения расходов населения к 1986 г.²⁸ на каждые 10 млн. рожденных (при условии, что 6,4 млн. из них родилось в деревне, 1,8 млн. — в поселках, 1,8 млн. — в городах²⁹), среднегодовые совокупные затраты в стране по их содержанию составляют примерно 3,8 млрд. юаней.

Трудоустройство такого количества людей, учитывая, что стоимость рабочего места в деревне определяется примерно в 230—250 юаней, в поселках, уездных городах — 5 тыс. юаней, в крупном городе 10 тыс. юаней, потребует 28,6 млрд. юаней. Очевидно, что сдвиги в возрастной структуре в сторону увеличения населения в рабочих возрастах, превышение числа вступающих в трудоспособный возраст над числом рожденных в течение года увеличивают этот разрыв в еще большей степени.

Весьма серьезным представляется китайским демографам и экономистам комплекс проблем, связанный с быстрым абсолютным и относительным увеличением пожилых людей в общей численности населения в предстоящие десятилетия. В 1982 г., по данным третьей Всекитайской переписи, в стране насчитывалось 50 млн. лиц (4,9 %) в возрасте старше 65 лет, в 1987 г. — 69 млн. (5,5 %)³⁰. Согласно прогнозам, к 2000 г. их число увеличится до 93 млн. (7,4 %)³¹, в 2010 г. — до 100 млн. (7,9 %)³², в 2025 г. — до 192 млн. (13,6 %)³³, в 2040 г. достигнет своего пика — 260 млн. (17,4 %)³⁴.

Применительно к Китаю процесс старения населения означает резкое изменение соотношения двух групп иждивенцев — детей и поколения стариков. Если в 1953 г. на одного престарелого приходилось 8 детей, в настоящее время 4,3, то в 2020 г. это соотношение составит 1:1,3, а в 2025 г. — 1:0,8³⁵.

Подобные изменения требуют соответствующих сдвигов в производственной структуре, влекут за собой изменения в структуре потребления и характере спроса. Перед обществом встают такие проблемы, как необходимость абсолютного и относительного увеличения пенсионного фонда; развитие системы медицинского обслуживания, ориентированного на специфические свойства организма пожилых людей, которое уже сегодня обходится государству в 4 раза дороже, чем медицинское обслуживание детей³⁶; обеспечение возрастающих потребностей пожилых людей (питание, одежда, обувь), для одиночек — увеличение домов престарелых, кроме того, опре-

деленную метаморфозу в «старом» обществе будет претерпевать и традиционное в Китае почитание стариков.

Проблема старения населения в Китае — это прежде всего проблема жизненного уровня и социального обеспечения пожилых людей, поскольку в стране не существует системы социального обеспечения в общегосударственном масштабе. Она распространяется в основном на рабочих и служащих предприятий государственной и коллективной собственности в городах. В соответствии с действующим в стране трудовым законодательством возраст выхода на пенсию мужчин определен в 60 лет, женщин — 55 лет. Лица, занятые на специальных производствах, выходят на пенсию раньше. Размер пенсии составляет 60—80 % заработной платы, но не менее 30 юаней в месяц.

В 1985 г. число пенсионеров составило 16,4 млн., в 1986 г. — 18 млн., в 1987 г. — возросло до 19,6 млн. человек. Абсолютное и относительное увеличение числа пенсионеров требует дополнительных затрат на формирование пенсионного фонда. Если в 1983 г. его доля от фонда заработной платы составляла 9,3 %, в 1985 г. — 10,7, то к 2000 г. она возрастет до 15, к 2010 г. до 20 %, а в 2030 г. она уже будет составлять примерно 1/3 фонда заработной платы рабочих и служащих³⁷. Сегодня эти величины рассматриваются как огромное бремя для государства, и на повестку дня встает вопрос реформы пенсионного обеспечения. Важным моментом ее является формирование пенсионного фонда в значительной степени самими трудящимися за счет отчислений из зарплаты еще в рабочий период.

Остро стоит проблема увеличения размера пенсий или дополнительных выплат в связи с ростом цен на продукты питания и потребительские товары в ходе проведения экономической реформы. Размеры выплат на одного пенсионера в 1987 г. составили примерно 1,5 тыс. юаней, что на 12 % больше, чем в 1986 г.³⁵, а с учетом роста цен на потребительские товары и продукты питания за тот же период это увеличение выплат было значительно ниже. Немногим удается продлить трудовую деятельность после выхода на пенсию в условиях избытка трудовых ресурсов, существования безработицы в городах. Особенно это касается работников умственного труда.

Подавляющее большинство стариков (93 %) живут на обеспечении своих родных, лишь незначительному их числу оказывается социальная помощь. Пожилые люди, не имеющие доходов и живущие за счет материальной поддержки общества (таких в 1982 г. было 4 % всех престарелых), — это, как правило, одинокие люди, которые находятся под опекой социальных органов. Среди них практикуется система «пяти обеспечений» — питания, предоставления одежды, жилья, медицинского обслуживания, расходов на похороны и размещения в домах престарелых. Расходы на их содержание производятся за счет местных фондов социального обеспечения. В стране насчитывается примерно 26 тыс. (в том числе 11 тыс. в городах) домов престарелых, в которых проживает 440 тыс. (в том числе 140 тыс. в городах) пожилых людей.

Крупной проблемой в стране является медицинское обслуживание пожилого населения. Суть ее не только в необходимости количественного расширения сети медицинских учреждений, но и в качественно новом уровне обслуживания в силу изменения структуры заболеваний. Эта структура, особенно в городах, приобретает уже «современные» черты, характерные для экономически развитых стран: на первое место выходят заболевания сердечно-сосудистой системы, заболевания, связанные с новообразованиями, отнесенные при этом инфекционные и желудочно-кишечные.

Для оказания пожилым людям медицинской и психологической помощи явно не достаточно существующего персонала и медицинских учреждений. В крупных городах функционируют специальные поликлиники для пожилых, но на поездки требуется много времени и сил. Трудно получить срочную медицинскую помощь.

В сельских районах эти проблемы стоят еще более остро. Большинство сельских медпунктов предназначено лишь для оказания первичной медицинской помощи. В других случаях необходимо обращаться в поликлинику или больницу близлежащего города. Таким образом, медицинская помощь не всегда доступна для пожилых, особенно если они не опекаются родственниками. Поэтому многие пожилые люди предпочитают заниматься специальной китайской гимнастикой — «тайцзи» и «цигун» (дыхательная гимнастика), которая замедляет процессы старения и является профилактикой хронических заболеваний.

Перед лицом проблемы старения населения, которая вплотную встанет перед страной на пороге нового 1000-летия, уже сейчас разрабатываются программы по активизации работы с пожилыми людьми, улучшению их материального положения, оказанию им моральной и психологической помощи со стороны общественности. В 1983 г. Государственным Советом КНР в качестве постоянной организации утвержден Китайский Национальный Комитет по проблемам геронтологии, в задачу которого входит руководство научными исследованиями по различным аспектам старения населения, координация деятельности практических организаций по оказанию помощи пожилым людям, подготовка региональных конференций по проблемам старения, международное сотрудничество в этой области. В 1986 г. для активизации научных исследований в области геронтологии учреждено Всекитайское общество геронтологов с филиалами в крупных городах, а для сбора средств в пользу престарелых — Всекитайский фонд для оказания пожилым людям помощи. Во всех провинциях, автономных районах и городах страны созданы комитеты геронтологии, ведущие практическую работу по активизации общественной и духовной жизни пожилых людей. Еще крепки в китайской семье традиции иметь несколько детей, желательно сыновей,

которые будут опорой престарелых родителей в конце их жизни. Гарантии обеспеченной старости позволяют ограничиться и одним ребенком, независимо от того, сын это или дочь. Поэтому создание хорошо налаженной системы обеспечения престарелых рассматривается в Китае как залог регулирования роста населения в будущем.

Новая вспышка рождений в КНР за последние годы скорректировала предполагавшиеся прогнозы роста численности населения на целые десятилетия в будущем, а также потребует новых колоссальных затрат и трудовых усилий со стороны общества для реализации программ социально-экономического развития страны. Это и составляет реалии начальной стадии социализма в Китае.

- ¹ Статистический ежегодник Китая — 1987. Пекин, 1987, с. 90.
- ² Статистический ежегодник Китая — 1986. Пекин, 1986, с. 90.
- ³ «Жэньминь жибао», 14.11.1980.
- ⁴ Тянь Сюэюань. Исследование тенденций развития народонаселения в условиях контроля над рождаемостью. Пекин, 1985 (на кит. яз.).
- ⁵ См. там же, с. 36—37.
- ⁶ См. там же.
- ⁷ «Гуанмин жибао», 2.IX.1981.
- ⁸ См.: «Жэньминь жибао», 12.X.1988; «Нунминь жибао чжоу вэй нянь», 2.X.1988.
- ⁹ См.: «Жэнькоу яньцзю», 1988, № 5, с. 6.
- ¹⁰ См.: «Нуньминь жибао», 28.XI.1988.
- ¹¹ См.: «Жэньминь жибао», 12.X.1988.
- ¹² См.: «Жэнькоу яньцзю», 1981, № 3, с. 2.
- ¹³ См.: «Жэнькоу юй цзинцзи», 1988, № 2, с. 3.
- ¹⁴ См.: «Жэнькоу юй цзинцзи», 1988, № 2, с. 3.
- ¹⁵ См.: «Жэньминь жибао», 12.X.1988.
- ¹⁶ См.: «Жэнькоу юй цзинцзи», 1988, № 3, с. 60.
- ¹⁷ См. там же.
- ¹⁸ «Цюши», 1988, № 3, с. 40.
- ¹⁹ См.: «Жэнькоу яньцзю», 1988, № 5, с. 8.
- ²⁰ См.: Статистический ежегодник Китая — 1987. Пекин, 1987, с. 90.
- ²¹ См.: «Цюши», 1988, № 3, с. 40.
- ²² См. там же.
- ²³ См.: «Жэнькоу юй цзинцзи», 1988, № 3, с. 60.
- ²⁴ «Жэньминь жибао», 26.XI.1988.
- ²⁵ См.: «Жэнькоу юй цзинцзи», 1988, № 3, с. 23.
- ²⁶ По классификации ООН, государства, где доля лиц старше 60 лет превышает 10 %, а свыше 65 лет достигает 7 % и более от общей численности населения, относят к категории стран с демографически стареющим населением. См. «Гуанмин жибао», 7.VI.1987.
- ²⁷ «Цзинцзи яньцзю», 1988, № 3, с. 23.
- ²⁸ См.: «Жэньминь жибао», 22.VII.1980.
- ²⁹ См.: Статистический ежегодник — 1987. Пекин, 1987, с. 669.
- ³⁰ Соответственно пропорции в общем населении сельского, городского населения в поселках. См. там же.
- ³¹ См.: «Жэнькоу яньцзю», 1988, № 1, с. 29.
- ³² «Цзинцзи жибао», 13.VI.1987.
- ³³ См.: «Гуанмин жибао», 7.VI.1987.
- ³⁴ См.: «Цзинцзи жибао», 13.VI.1988.
- ³⁵ См.: «Жэньминь жибао», 5.IX.1988, «Цзинцзи жибао», 13.VI.1988.
- ³⁶ См.: «Жэнькоу юй цзинцзи», 1988, № 3, с. 21.
- ³⁷ См.: «Цзинцзи жибао», 2.XI.1988.
- ³⁸ См. там же, 13.VI.1987.
- ³⁹ In: «Beijing Review», 1988, № 24, p. 24.

*Л. П. ДЕЛЮСИН,
доктор исторических наук*

Со времени демонстрации пекинских студентов у ворот Тяньаньмэнь, протестовавших против несправедливых решений Парижской конференции, прошло уже 70 лет, и тем не менее процессы, связанные с «4 мая» 1919 г. — постоянная тема выступлений китайских газет и журналов. Заходит ли речь об усилении патриотического воспитания молодежи или об укреплении связи литературы и искусства с народом, обсуждается ли вопрос о соотношении между традиционными духовными ценностями и насущными проблемами модернизации страны, о взаимоотношениях между культурами Востока и Запада, печать обязательно обращается к опыту «движения 4 мая». Значение демократии и науки в борьбе за социальный прогресс и возрождение нации, проблема национальной специфики, роль женщины в общественно-политической жизни, положение интеллигенции — пожалуй, трудно найти в современной жизни Китая какую-либо проблему, которая так или иначе не освещалась и не трактовалась бы без учета опыта «движения 4 мая». К этому опыту обращаются с тем, чтобы ссылками на его авторитет, закрепленный в сознании народа, подтвердить необходимость проведения социально-экономических мероприятий, доказать важность перемен, вносимых в политическую линию и методы ее проведения в жизнь. И это — не особенность исключительно наших дней. На протяжении многих лет тема «4 мая» звучала как остро злободневная, связанная с решением тех задач, которые выдвигались на первый план в процессе национально-демократического революционного движения китайского народа. В зависимости от социально-политических требований текущего момента менялись оценки и характеристики «движения 4 мая». Как справедливо отмечал советский исследователь Ю. М. Гарушянц, «сторонники различных идейных направлений выпячивали, а затем и абсолютизировали какую-либо из сторон того исторического явления, которое принято называть «движением 4 мая»¹.

Разноречивость суждений о «движении 4 мая», возможность и сегодня использовать его опыт в интересах социалистического развития современного Китая свидетельствуют о том, что это движение было не только важной вехой в истории страны, но и сложным явлением, распространившим свое влияние на все сферы общественно-политической и культурной жизни китайской нации. Единодушно мнение, что «движение 4 мая» «изменило ход истории Китая и его культуры»². Что же касается временных рамок движения, то здесь начинаются расхождения. Одни склонны ограничить это движение периодом от майской демонстрации студентов в Пекине до 28 июня 1919 г., когда под давлением общественного протеста китайская делегация вынуждена была отказаться от подписания Версальского мирного договора. Другие историки считают более правильным расширить рамки движения, связывая его начало с появлением журнала «Синьциннянь» (1915), а окончание — с созданием Коммунистической партии Китая³. Среди китайских ученых есть и такие, которые к «движению 4 мая» относят все споры и дискуссии в идеологической и культурной жизни, имевшие место вплоть до начала общекитайской революции 1925 г.

При определении хронологических рамок движения не надо забывать, что студенты, вышедшие 4 мая 1919 г. на демонстрацию в Пекине, участники митингов и демон-

страций в других городах Китая были читателями «Синьциннянь», людьми, чье сознание складывалось под влиянием статей Чэнь Дусю, Ху Ши, Ли Дачжао и других авторов журнала. Эти крупнейшие общественно-политические деятели той эпохи были учеными широкого кругозора. Они могли легко и свободно, на высоком профессиональном уровне писать об особенностях традиционной философии, о литературе, рассуждать об особенностях китайского языка, обсуждать проблемы социально-политического развития страны. Они выступали с серьезными научными статьями, сочиняли стихи, рассказы, пьесы. К этому надо добавить, что мир их идей, их знаний не ограничивался узконациональными рамками. Они были знакомы с наиболее яркими трудами европейской общественно-политической мысли.

Объединенные общей целью возрождения Китая идеологи «движения 4 мая» были людьми с сильно развитой независимостью суждений. Они спорили не только со своими явными противниками — консерваторами, монархистами. Poleмика шла и внутри прогрессивного лагеря. Они могли стоять на разных социально-политических позициях, но придерживаться одинаковых взглядов по проблемам культуры, литературы и искусства. Их интеллектуальные симпатии и антипатии не были прямо связаны с их социальным статусом и не вытекали из него.

Многогранность «движения 4 мая», разнородный состав участников движения, по-разному сложившиеся их дальнейшие идейно-политические судьбы — все это предопределило различные трактовки этого важного события в истории Китая XX века, позволило сужать или растягивать его временные рамки.

Нам представляется правомерным расширение рамок «движения 4 мая», по крайней мере включение в него тех лет, которые связаны с пропагандой идей новой культуры, чем настойчиво и последовательно занималась редакция журнала «Синьциннянь».

Оценка «движения 4 мая» китайскими историками и общественными деятелями всегда носила политический характер. В 20-е гг. движение характеризовалось прежде всего как патриотическое, как «национальная революция». В 30-х гг. к опыту «движения 4 мая» обращались, чтобы выделить и подчеркнуть активную роль молодежи в национально-революционном движении. В 1939 г. КПК предлагала отмечать День 4 мая как праздник китайской молодежи.

Подчеркивая значение «движения 4 мая» и оценивая его выше Синьхайской революции, историки КНР охарактеризовали его как «антиимпериалистическую и антифеодальную революцию».

В зависимости от конкретных потребностей текущей политической борьбы рассматривался и вопрос о главных силах этого движения. Так, тезис об активной роли молодежи и интеллигенции был заменен положением о руководящей роли пролетариата, что не подтверждается фактическими данными.

В годы «культурной революции» «движение 4 мая» освещалось таким образом, чтобы освятить и облагородить «бунгарскую» деятельность хунвэйбинов. На поздней стадии «культурной революции», когда развернулась кампания критики Линь Бяо и Конфуция, идеологическая борьба периода «4 мая» интерпретировалась в духе антиисторической концепции известного противоборства между легистами и конфуцианцами. Нет необходимости подробно говорить об антинаучном характере этой трактовки.

«В период «культурной революции» критика конфуцианства и восхваление легизма были поставлены с ног на голову. Зерна были отброшены, а плевелы сохранены. Гуманизм, учение о срединном пути беспощадно клеймились как феодальные отбросы, и идеи феодального деспотизма превозносились как социалистические. По сравнению с «4 мая» это было отступление назад»¹.

После 3-го пленума ЦК КПК (декабрь 1978 г.), когда начался радикальный пересмотр социально-экономической и культурной политики, потребовалось отказаться от левацких установок периода «культурной революции», от слепого, бездумного отношения к идеям Мао Цзэдуна. Происходившее в мае 1979 г. празднование 60-летия «движения 4 мая» было использовано для широкой пропаганды положения о «раскрепощении мысли». В статьях и докладах, публиковавшихся в юбилейных номерах китайских газет и журналов, подчеркивалась важность освобождения от суеверных мнений, догматических представлений, отмечалась огромная роль науки и демократии как основ осуществления всесторонней модернизации Китая. Одновременно в китайской печати высоко оценивался патриотический дух участников движения, что прямо связыва-

национальные пути преодоления экономической и культурной отсталости страны, поскольку слепое копирование чужого, инонационального опыта не сулит Китаю ничего хорошего. Возможность учебы у других стран допускалась, но при условии соблюдения национального достоинства и решительного отказа от суеверного низкопоклонства перед иностранным опытом.

В докладе, произнесенном на юбилейной научной конференции в Академии общественных наук КНР, известный китайский критик Чжоу Ян рассматривал идеологическую ситуацию в период «движения 4 мая» в общем контексте развития общественно-политической мысли Китая с 1919 г. до последних дней. Борьба за раскрепощение мысли в период «4 мая» прямо связывалась с движением за свободу мышления в современном Китае, пережившем мрачные годы удушья мысли во времена «культурной революции»⁵.

По Чжоу Яну, за последние 60 лет (к 1979 г.) в Китае происходили три важных движения раскрепощения мысли: первое — в период «4 мая» 1919 г., второе — в 1942 г. в Яньани во время «кампании за упорядочение партии», третье — после ареста «четверки» в октябре 1976 г. и особенно после 3-го пленума ЦК КПК. Каждое из этих движений играло исключительно важную роль в ускорении развития китайской революции. Движение за раскрепощение мысли, по его словам, всегда возникало в тот момент, когда старое вступало в противоречие с новыми тенденциями общественного развития, когда тяжелое бремя старых идей и традиций душило, сковывало людей, и чтобы избавиться от этого груза, требовались большие усилия, напряженная работа.

Касаясь проблем идеологической борьбы в Китае в период «4 мая», Чжоу Ян отмечал, что критика конфуцианства, начатая Чэнь Дусю в журнале «Синьциннянь», потрясла китайское общество, привела к острой схватке новых и старых идей. Под влиянием Октябрьской и мировой революций большое число китайцев восприняло марксизм и осознало, что только социализм спасет Китай. «Без усвоения демократических идей невозможен был подъем национального сознания».

Важнейшим успехом «движения 4 мая» Чжоу Ян называл великое идейное освобождение, совершившееся в результате разрушения феодальных традиций, что создало необходимые условия для распространения марксизма и создания КПК. Недостатком «движения 4 мая», его исторической ограниченностью было непонимание критического духа марксизма, использование буржуазного метафизического метода, согласно которому, «если хорошо, то все хорошо, а если плохо, то все плохо».

Переходя от «4 мая» к современным делам, Чжоу Ян подчеркнул, что для развития движения за раскрепощение мысли на здоровой основе необходимо решительно бороться против ошибочных уклонов. Первый уклон — это непонимание или враждебное отношение к стратегическому повороту, который наступил в работе партии после 3-го пленума ЦК КПК. Леваки рассматривали этот поворот как великое предательство, как отступление от марксизма-ленинизма, от идей Мао Цзэдуна. Это — главное препятствие на пути модернизации.

Второй уклон — правого толка, когда под предлогом «раскрепощения мысли» распространяются буржуазные взгляды и суждения и нападают на марксизм-ленинизм, на идеи Мао Цзэдуна, на революционную законность и дисциплину. «Это никакое не освобождение мысли, а подчинение буржуазной идеологии».

В китайском обществе, по Чжоу Яну, многие принципы социализма рассматривались как капиталистические, а социализм всеобщей бедности считался истинным социализмом. Это объясняется влиянием действительности «четверки». Другой причиной идейной путаницы было непонимание истинной сущности характера социализма, который является новым явлением и история которого насчитывает, начиная с Октябрьской революции, всего лишь 60 лет.

В движении за идейное воспитание кадров Чжоу Ян считал необходимым, во-первых, разрешать свободные дискуссии, во-вторых — проверять теорию практикой. Курс на раскрепощение мысли, заявил он, не является временной мерой, а расчитан на длительный срок.

Обращаясь к событиям шестидесятилетней давности, китайские политические и научные работники, как это видно из доклада Чжоу Яна и материалов, опубликованных в печати, пропагандировали дух решений 3-го пленума ЦК КПК.

Так, в передовой статье «Жэньминь жибао»⁶ «движение 4 мая» высоко оцени-

валось в первую очередь как движение за раскрепощение мысли, направленное против всякого рода догм и суеверий, создавшее условия для распространения в Китае идей марксизма. В статье отмечалось великое значение Октября для роста национального и социального самосознания китайского народа, четко проводилась мысль о том, что победа революции и вообще всякого дела зависит главным образом от того, насколько успешно сумеют революционеры найти свой собственный национальный путь, национальные методы борьбы за избавление от чужеземной зависимости и за социальное преобразование своей страны.

По мнению газеты, в современном Китае патриотический дух «движения 4 мая» должен наполниться новым содержанием, а именно: горячей любовью к социализму, стремлением идти по пути социализма. В этой связи газета обращала внимание на специфическое отношение к социализму у части китайской молодежи, непонимание различия между социализмом и капитализмом, что объясняется не только вражеской подрывной агитацией, но и тем, что длительное время Линь Бяо и «четверка» насаждали ложное представление о социализме как о состоянии всеобщей бедности, что подорвало авторитет социализма.

«Жэньминь жибао» подчеркивала, что «лозунги науки и демократии периода» 4 мая» по-прежнему сохраняют актуальное значение. Мы нуждаемся в науке, а также в демократии. Без демократии не будет социализма, без демократии не будет «четырех модернизаций».

Огромное значение для понимания причин, вызвавших «культурную революцию», было определение режима, установленного в ее ходе, как феодально-фашистского. Культ личности, сыгравший столь роковую роль с судьбе китайского народа, также прямо связывался с неискоренным влиянием феодально-монархической идеологии и фашистских порядков, насаждавшихся в период господства в Китае чанкайшистского Гоминьдана. Теория и практика левацки настроенных лидеров КПК была порождена сохранившимися и после создания КНР феодальными традициями в социально-политической жизни, а также патриархальными методами руководства партией и страной.

Красной нитью через все статьи, посвященные различным аспектам «движения 4 мая», проходила мысль о необходимости борьбы против феодальной идеологии как главного препятствия на пути к национальному возрождению и социальному прогрессу, что находилось в прямой зависимости от утвердившейся в Китае официальной оценки десятилетия «великой смуты» как периода насаждения в Китае идей феодального социализма. Акцент делался на той важной роли, которую движение сыграло в борьбе против феодальной идеологии, против монархических идей. В этом и состоял актуальный политический смысл юбилейных статей.

Авторы публикаций значительное место отводили движению за новую культуру, начавшемуся в 1915 г., задолго до демонстрации 4 мая. Так, Сюй Цзунмянь и Чжоу Чэньцзя в статье «Об антифеодальной идеологической революции периода «4 мая»» писали, что начатое в 1915 г. движение за новую культуру — прелюдия к «движению 4 мая», невиданная последовательная антифеодальная идеологическая революция, небывалое движение за раскрепощение мысли. Под влиянием Октябрьской революции, благодаря воздействию «движения 4 мая», движение за новую культуру быстро переросло в движение за марксистско-ленинскую идеологию, и, хотя относилось к категории буржуазно-демократических революций старого типа, оно, заявили авторы, открыло путь для пропаганды в Китае идей марксизма-ленинизма и научного социализма.

Авторы статьи подводили читателя к мысли о сходстве между движением за новую культуру в период «4 мая» и борьбой против левацких установок «культурной революции», против идеологии культа личности. Авторы напоминали об особенностях осуждения Конфуция, о необходимости борьбы против абсолютизации и возвеличивания его личности. Читателю напоминали, ссылаясь на выступления борцов за новую культуру, что учение Конфуция — лишь одно из учений, что оно не обладает никакой святостью, что его догмы использовались феодалами, чтобы закабалить народ, одурманить его. В этой связи приводились слова о том, что «идти вперед можно лишь критикуя Конфуция, а преклонение перед ним неизбежно отбрасывает общество назад». Проницательный читатель мог сам соединить эти антиконфуцианские выска-

звания с осуждением культа личности и абсолютизацией «мудрых указаний великого кормчего».

Китайские историки отмечали, что значение выдвинутого журналом «Синьциннянь» лозунга «наука и демократия» состояло не в пропаганде естественных наук, привлечении внимания к научному исследованию природы, а главным образом в призыве с научных позиций вести борьбу против феодальных суеверий, идолопоклонства, слепого послушания.

Весьма злободневной была и оценка деятелей движения за новую культуру как принципиальных борцов с феодальной идеологией, как последовательных противников феодальной деспотии. Журнал «Синьциннянь» писал о тлетворном влиянии феодальной деспотии на политическую и социальную жизнь народа, для которого феодальные идеи стали привычным традиционным образом мысли. Люди и после превозглашения республики продолжали жить представлениями, порожденными феодальной деспотией, рассматривая все и вся, исходя из этих представлений. Особенно яркий пример этому — надежда на «правление мудрецов», на появление талантов, вожаков, «великих людей», благодаря которым может по-настоящему осуществиться демократическое конституционное правление. Участники движения говорили, что такого рода мнения не что иное, как переиздание деспотических идей. Они доказывали, что так называемое правление мудрецов, когда власть становится личной собственностью, когда поклоняются лишь одному и когда власть присваивает себе право определять нормы морали, по существу ничем не отличается от деспотии. «В деспотическом государстве — лишь два рода людей: те, кто приказывает, и те, кто подчиняется», — писал Тао Мэнхэ. В демократическом государстве тоже есть те, кто приказывает, и те, кто подчиняется, но в нем приказ — это средство обеспечить учет интересов всех, а не приказ деспота. В условиях демократии подчинение продиктовано заботой всех об интересах всех, а не «слепым рабским подчинением».

Китайские историки обращают внимание на то, что глубокое влияние на китайское общество «движения 4 мая» объяснялось тем, что его идеологи были радикальными демократами, проявлявшими бескомпромиссный принципиальный дух в отношении старых идей. Главным для них было — приносят ли идеи и порядки практическую пользу большинству или причиняют вред. Этот «утилитаризм» был прямым вызовом тем, кто лицемерно пекся о «гуманности и справедливости», пренебрегая выгодой людей, кто «беспокоился об истине и не волновался о бедности». Идеологи «движения 4 мая» выступали против тех, кто хотел, чтобы люди, занимаясь «самоусовершенствованием» и «воспитанием характера», довольствовались скудной материальной жизнью. Такого рода идеология служила интересам укрепления феодального господства и была огромным препятствием на пути развития материального производства, науки и техники.

Известный историк китайской философии Хоу Вайлу, подвергавшийся гонениям в годы «культурной революции», анализируя особенности пропаганды идей демократии и науки в период «движения 4 мая», писал, что лозунги демократии и науки имели прямую связь с борьбой против конфуцианской идеологии и культуры⁸. Выступления прогрессивных деятелей периода «4 мая» против обожествления Конфуция, против монархических взглядов имели для того времени огромное значение — ведь в течение многих столетий в Китае идеи Конфуция считались непогрешимыми. Лозунги демократии и науки, критика Конфуция преследовали цель разбить духовные оковы, добиться свободы мысли. Очевидно, что Хоу Вайлу использовал опыт «движения 4 мая» для того, чтобы подчеркнуть важность кампании по осуждению идейно-политических установок времени «культурной революции».

И в современных условиях, на социалистическом этапе развития Китая, задача развития демократии и науки остается актуальной, ибо «без демократии и науки не будет социализма». Если демократия и наука были необходимы при переходе от феодализма к капитализму, то тем более они нужны при переходе от капитализма к социализму. Однако Линь Бяо и «четверка» в нарушение духа «4 мая» с помощью феодально-фашистской «всесторонней диктатуры» душили социализм и демократию, распространяли современное суеверие и губили пролетарскую науку. И только после разгрома Линь Бяо и «четвертки» китайский народ глубоко почувствовал, насколько важны и необходимы сейчас демократия и наука.

В развитии демократии Хоу Вайлу видел гарантию того, что мошенники и авантю-

ристы уже никогда не смогут узурпировать власть, что «слуги народа» не станут «хозяевами народа».

В последнее время в ходе дискуссий на тему «Национальные традиции и социалистическая модернизация страны» китайские историки, по-прежнему высоко оценивая значение антиконфуцианской борьбы в период «4 мая», вместе с тем отмечают определенную односторонность этой борьбы, а иногда и нигилистический подход к сложной проблеме освоения традиционной культуры и идеологии. Китайские историки указывают, что в критике конфуцианских политико-этических норм наблюдались перегибы, давалась необъективная, ненаучная оценка учения Конфуция⁹. В ходе дискуссии об особенностях традиционной культуры высказывается мнение о положительном значении конфуцианства в истории Китая, о том, что господствующая роль конфуцианства в идеологии Китая оказала благоприятное влияние на социальное развитие страны.

Полное отрицание традиционного духовного наследия Китая сочеталось с некритическим воспеванием западной культуры. Вся традиционная культура квалифицировалась как сплошь феодальная, а потому вредная, мракобесная, закостеневшая. Выдвигалось ошибочное требование полного отказа от нее. Сторонники такой позиции, справедливо отмечала историк общественной мысли Китая Чэнь Сун, не понимали того, что культура феодальной эпохи не обязательно вся является культурой феодальной. Они игнорировали тот факт, что в традиционной культуре содержатся опыт, мудрость, накопленные народом в процессе общественного развития, что в ней имеются непреходящие ценности, без которых не обойтись и в современных условиях. Чэнь Сун писала, что нигилистический подход к старой культуре как якобы вредоносной от начала до конца, как не стоящей и медного гроша был ошибочным, ненаучным, необидительным¹⁰. Касаясь выступлений пропагандистов новой культуры против сторонников концепции примирения и слияния старой (китайской) и новой (западной) культур, Чэнь Сун замечала, что критика этой концепции была весьма упрощенной, теоретически слабой. Они не смогли дать научного решения вопроса о соотношении двух культур. Из одной крайности — полного отрицания традиционной культуры — они впадали в другую — полное принятие западной культуры.

Известный китайский историк Пан Пу также упрекает деятелей «движения 4 мая» за то, что они требовали низвержения всего китайского. «Иероглифику они рассматривали как орудие распространения старой морали, а потому — Долой! О китайских методах лечения отзывались как ненаучных, а потому — Долой! Пекинская опера, по их словам, была чепухой, ибо как можно изображать езду на коне одним взмахом кнута, да еще если эта езда от Силяна до Чанъаня, а потому — Долой!»¹¹ Китайские ученые отмечают, что в критике конфуцианства было больше лозунгов, чем глубокого теоретического анализа и научного подхода¹².

Осуждая современных сторонников полной вестернизации Китая, китайские историки критикуют и идейные позиции тех идеологов движения за новую культуру в период «4 мая», которые не видели для Китая иного выхода, как в перенесении на национальную почву не только материальная культура Запада, но и всех политических идей и институтов буржуазных стран Европы и США, их духовной культуры.

Сложность объективной оценки взглядов идейных деятелей «движения 4 мая» состоит в том, что и сторонники вестернизации, и ее противники, а также те, кто выступал за средний путь примирения восточной (китайской) и западной цивилизаций — у всех у них были патристические побуждения. Но патриотизм сторонников движения не был узким, политически прямолинейным, в нем проступало стремление к критическому анализу. Это был размышляющий, рассудочный патриотизм, для него характерным был поиск наиболее эффективных путей преодоления отсталости страны, восстановления ее национальной свободы. Он выступал против сохранения традиций, ибо считал, что они не в состоянии спасти Китай. Он призывал внедрять западные идеи и институты, видя в этом средство борьбы против закабаления Китая иностранными державами. В этом отличительная черта деятелей «движения 4 мая». Дух «4 мая», утверждают сегодня китайские историки, состоит не в том, чтобы полностью осуществить вестернизацию китайской культуры и полностью отбросить традиции, а в том, что нужно и можно использовать из традиционных духовных ценностей, а что — из западной культуры¹³.

Взгляды сторонников перенесения на китайскую почву западной идеологии и куль-

туры большинство китайских ученых определяют как буржуазные. Насколько правомерна такая оценка? Ведь борцы за новую культуру воспринимали западную культуру прежде всего как антифеодальную, как демократическую, как гуманистическую. Для них еще не существовало деление культур на буржуазную и пролетарскую. Нельзя при этом не отметить и следующее. Они не принимали капиталистическую систему, резко критиковали ее пороки, недостатки, язвы. Можно ли говорить, что когда они призывали к изучению и восприятию западной культуры, они ратовали за культуру буржуазную? Скорее надо признать, что из западной культуры они брали те ценности, те идеи, которые носили не столько классовый, сколько общечеловеческий характер. Они стремились перенести на китайскую почву те прогрессивные идеи Запада, которые способствовали искоренению феодальной идеологии. Ведь мировую войну, например, с ее ужасами и страданиями они оценивали как «банкротство буржуазной цивилизации».

В этой связи полезно привести следующее высказывание Ли Цзехоу: «Сам марксизм родился в западном капиталистическом обществе, где были высоко развиты демократизм и индивидуализм. Он впитал в себя все лучшие традиции и идеи буржуазии, такие, как свобода, равенство, демократия, гуманизм. Три источника марксизма полностью выражают это»¹⁴. Ли Цзехоу подчеркивает, далее, что лишь на этой исторической основе могли сформироваться и получить развитие идеалы коммунизма и представления о социальной революции.

До последнего времени китайские историки осуждали как реакционный, отвлекающий от революции тезис «наука как средство спасения нации», пропагандировавшийся деятелями «движения 4 мая». Теперь оценка этого положения меняется. Раздаются призывы более объективно подойти к нему, отказаться от огульного отрицания его как чисто буржуазного, носящего реакционный характер. В печати подчеркивается, что в контексте эпохи этот тезис был патриотическим и идеи, заложенные в нем, прогрессивными для своего времени. И хотя идеологи, его выдвигавшие, не понимали значения революции и ее необходимости для социального обновления Китая, они тем не менее, подчеркивали важность овладения современными достижениями науки и техники, объективно подготавливали китайскую молодежь к восприятию революционных идей. Но даже и те, кто в процессе увлечения наукой не совершили поворота в сторону марксизма, не влились в ряды КПК, делали полезное дело, распространяя в стране научные знания, помогая подготавливать кадры интеллигенции — врачей, инженеров, педагогов, ученых, вносящих независимо от отношения к революции свой вклад в дело борьбы за Новый Китай. Противопоставление тезиса «наука спасает Китай» лозунгу «социализм спасет нацию» неправомерно.

Подобным же образом происходит и переоценка лозунгов «просвещение — средство спасения нации», «промышленное развитие — путь национального возрождения» и т. п. Ли Цзехоу призывал к положительной оценке той интеллигенции, которая не участвуя прямо в революционной борьбе народа, вела свою работу в условиях реакционной власти, руководствуясь лозунгами «образование — спасение нации», «здоровоохранение — спасение нации», «наука — спасение нации», «промышленность — спасение нации». Эта интеллигенция фактически выступала против феодальной идеологии, способствовала модернизации и развитию китайского общества¹⁵.

Китайский историк Дин Шоухэ отмечает весьма широкий спектр идей и взглядов, представленных в движении за новую культуру. В нем одновременно пропагандировались:

- политические, социальные и этические идеи буржуазной демократии и гуманизма;
- буржуазные идеи эпохи империализма (учение о творческой эволюции Бергсона, философия сверхчеловека Ницше, прагматизм Джэймса и Дьюи, прагматический реализм Рассела и др.). Их общая особенность — критика капитализма с точки зрения политэкономии или неореализма в философской теории (эта «новая мысль» сбивала с толку немало интеллигентов, занятых поисками новых идей, оказывала на них вредное влияние);

- социалистические идеи — это, бесспорно, главное течение движения за новую культуру. Однако здесь тоже была мешанина взглядов, различные подходы к социализму; кроме научного социализма были представлены социализм Сен-Симона, Фурье, Оуэна, гильдейский социализм Рассела, учение о новой деревне Мусьякодзи, толстовство, анархизм, кооперативизм и т. д.¹⁶.

По мнению Дин Шоухэ, в этих условиях трудно было избежать ошибок и недостатков в пропаганде марксизма. Ли Дачжао, например, испытывал влияние Канта, ошибочно рассматривая его социологию как начало исторического материализма. Выступая против социал-дарвинизма, он опирался на теорию взаимопомощи Кропоткина, которой он дополнял учение о классовой борьбе. Лу Синь испытывал влияние Ницше. Особенно заблуждался Чэнь Дусю, который «социальную демократию» Дьюн считал социализмом и полагал, что можно совместить прагматизм Дьюн с историческим материализмом Маркса.

Вначале движение за новую культуру, по словам историка, не выходило за рамки буржуазной демократии. Атаки на феодализм имели целью сохранить республиканский строй и осуществить подлинно демократическое правление. Но банкротство республиканского строя доказало невозможность в Китае буржуазной республики. Октябрьская революция вселила новые надежды в сердца прогрессивных интеллигентов, искавших новые пути, ускорила распространение марксизма, и таким образом в Китае появилась интеллигенция с начальными коммунистическими идеями. Их видный представитель — Ли Дачжао, который, опираясь на опыт Октябрьской революции, по-новому рассматривал проблемы Китая.

Дин Шоухэ отмечает, что если до «4 мая» можно говорить лишь о начале распространения марксизма в Китае, то после «4 мая» развернулась широкая пропаганда марксизма. Вслед за Ли Дачжао начал пропагандировать марксизм и Чэнь Дусю.

После «культурной революции» для китайской интеллигенции весьма остро встал вопрос о возможности свободного выражения своих мнений, научных убеждений, политических взглядов. В течение десяти лет китайское общество было не только бесправным, но и бессловесным. Люди говорили друг с другом лишь употребляя цитаты из известной «красной книжицы». Общим стало мировоззрение лозунгов и «высочайших указаний». Примечательно поэтому, что описывая и анализируя идеологическую ситуацию в период «4 мая», китайские историки не могли не затронуть и такой вопрос, как свобода мнений, возможность свободного соревнования различных школ культуры, искусства, общественной мысли.

Ли Дачжао и Ван Сяоцзю в статье «Соперничество различных ученых в период «4 мая»¹⁷ в этой связи напомнили, что для того времени было характерно свободное соревнование различных школ. Круг вопросов, затрагивавшихся в полемических спорах, которые вели между собой многочисленные журналы, был весьма разнообразен — от искоренения конфуцианства и агитации за литературу на разговорном языке до проблем переустройства Китая и всего мира.

По мнению авторов, возможность свободных дискуссий по вопросам идеологии и культуры в том или ином обществе объясняется переходным характером его развития. В период «4 мая» Китай вступил в переломный этап перехода от стародемократической к новодемократической революции. В это время получили относительно развитие новые политические силы: буржуазия и пролетариат. Страна переживала национальный кризис. Жестокое правление Юань Шикая и северных милитаристов, поставило китайский народ в нетерпимые, невыносимые условия. Недовольство народа было всеобщим. Общество волновал вопрос: почему под вывеской республики все остается по-старому и даже становится чем дальше, тем хуже? В чем выход для Китая? Как спасти страну от гибели?

В китайском обществе в это время имелись группы интеллигентов старого типа и интеллигентов нового типа. В одном и том же журнале, как показывают авторы на примере «Синьциннянь», могли скрещиваться противоположные точки зрения. В ряде случаев полемика искусственно провоцировалась редакцией журнала.

В этих условиях и возникло соперничество всех школ, которое в отличие от эпохи Весны и Осени, а также от западноевропейского Возрождения имело свои особенности.

Во-первых, соперничество возникло в полуколониальном, полуфеодалном Китае в начальный период XX в. (то есть на 500—600 лет позже, чем литературный Ренессанс в Италии, и через 100—200 лет после просветительского движения во Франции), когда наступила эпоха империализма и пролетарской революции. Чтобы спасти Китай от национального кризиса, различные классы и слои китайского общества в соответствии со своими потребностями воспринимали различные идеи,

а также литературу и естественно-научные достижения Европы, Америки, Японии и России за последние сто лет. Приток иностранной литературы был несравненно шире, чем в период реформаторского движения или в период Синьхайской революции.

Характерной чертой того времени было широкое проникновение в Китай зарубежных идей. Почти все течения зарубежной общественной мысли были представлены на идейно-политической сцене Китая.

Во-вторых, внутри страны на политической арене появился пролетариат, а вне страны произошла Великая Октябрьская социалистическая революция.

После событий «4 мая» социалистические идеи стали главным течением в идеологической жизни. Борьба между новыми буржуазными и старыми феодальными учениями дополнилась борьбой между научным социализмом и разного рода псевдосоциалистическими и реакционными учениями.

Начало соперничества различных школ авторы относят к 1915 г., когда Чэнь Дусю на страницах основанного им журнала «Синьциннянь» поднял знамя демократии и науки и соединил борьбу против феодализма с развертыванием свободных дискуссий по идеологическим и научным проблемам. Журнал энергично выступил против «вреда, возникающего от диктатуры в идеологии», за свободу и равенство идей.

Политику свободного соревнования ученых вслед за Чэнь Дусю начал проводить Цай Юаньпэй, назначенный в январе 1917 г. ректором Пекинского университета. По сравнению со взглядами Чэнь Дусю его взгляды носили умеренный характер. Однако он также считал необходимым придерживаться принципа свободы идей. Цай Юаньпэй заявлял, что он верит в науку, в истинную науку. В стенах университета он поощрял свободные дискуссии как между преподавателями, так и между студентами и преподавателями. В годы его ректорства (1917—1923) духовная атмосфера Пекинского университета была весьма оживленной. Он устраивал в университете лекции китайских и иностранных ученых. При активном содействии Цай Юаньпэя Пекинский университет стал очагом «движения 4 мая», и отсюда пошло распространение марксизма.

Важную роль в этом сыграл Ли Дачжао, выступивший за свободу мысли, за демократию в науке. И хотя его влияние уступало влиянию Чэнь Дусю, он глубже понимал принципы свободного соревнования. Он подчеркивал, что споры в области идеологии и культуры могут быть разрешены только путем убеждения, их нельзя прекратить, опираясь на насилие.

«Запрещение свободы мысли никогда не даст эффекта», — говорил Ли Дачжао¹⁸. Он выступал за возможность открытого изложения и ошибочных учений, полагая, что таким образом народ скорее перестанет верить в эти учения. Если их скрывать, то и опасность их труднее будет понять, считал он. Выступая против реакционеров — душителей свободы, он говорил, что ни тюрьма, ни наказания, ни боль, ни нищета и даже смерть не могут стеснить и связать мысль, запретить ее.

Исторический опыт движения за новую культуру в период «4 мая» свидетельствует, по мнению китайских историков, о том, что свободные дискуссии в научной и идеологической областях содействуют развитию новой культуры и новых идей, способствуют расцвету науки и искусства. Оно подняло демократическую идеологию и культуру Китая на новую ступень, помогло созданию большого отряда борцов культурного фронта, вооруженных коммунистическим мировоззрением и теорией социальной революции. Движение способствовало изучению наук, осуществлению научных исследований, в том числе и в области естествознания. Оно создало благоприятные возможности для роста новых сил революции, а самым крупным его успехом явилось широкое распространение в Китае марксизма.

На новом этапе развития на первый план выдвигаются задачи обновления китайского общества, восстановления и развития не только экономики, но и политической демократии, повышения значения науки и, как следствие, роли интеллигенции. И не случайно поэтому, заново перебирая события периода 4 мая 1919 г., китайские историки отбирают те темы и те проблемы, которые помогают ныне понять важное историческое значение новой политики китайского руководства. При этом подчеркивается, что хотя за время, истекшее после «движения 4 мая», китайское общество сильно изменилось, многие просветительские антифеодальные лозунги, выдвинутые в тот период, сохраняют свое значение, поскольку одной из преград, стоящих на пути социалистической модернизации, является засилье в обществе феодаль-

них идей и представлений. В борьбе с ними требуются смелость и решительность, сознательность и убежденность — то есть те самые качества, которые были присущи передовым участникам «движения 4 мая». Но при этом, сохраняя духовное наследие «движения 4 мая», необходимо повысить уровень критики традиционных идей, придать ей объективный научный характер.

Научный взвешенный подход должен проявляться и в отношении к буржуазному Западу, ко всему капиталистическому миру. Здесь не должно быть места ни огульному отрицанию научно-технических и культурных достижений Запада, ни слепому преклонению перед ним. Таковы уроки, извлекаемые сегодня в Китае из богатого опыта «движения 4 мая».

¹ Движение 4 мая 1919 года в Китае. Документы и материалы. М., 1969, с. 5.

² «Гуанмин жибао», 27.VI.1983.

³ Этих хронологических рамок придерживаются Пэн Мин в своей книге «История движения 4 мая» (Пекин, 1984), а также Ли Синь и Чэнь Тэцзян в книге «Великое начало» (Пекин, 1983).

⁴ «Хунци», 1987, № 2.

⁵ См.: «Жэньминь жибао», 7.V.1979.

⁶ См. там же, 5.V.1979.

⁷ См.: «Лиши яньцзю», 1979, № 5.

⁸ См.: «Хунци», 1979, № 5.

⁹ См.: «Гуанмин жибао», 9.X.1986.

¹⁰ См.: Чэнь Сун. Предисловие к сб.: Материалы дискуссии о культурах Востока и Запада в период 4 мая. Пекин, 1985 (на кит. яз.).

¹¹ См.: «Гуанмин жибао», 24.II.1988.

¹² См.: «Синьхуа вэньчжай», 1988, № 1, с. 161.

¹³ См.: «Жэньминь жибао», 28.II.1988.

¹⁴ Ли Цзехоу. Статьи по истории китайской идеологии в новейшее время. Пекин, 1987, с. 37 (на кит. яз.).

¹⁵ См.: там же, с. 40.

¹⁶ См.: «Чжэсюэ яньцзю», 1979, № 5.

¹⁷ См.: «Лиши яньцзю», 1979, № 4.

¹⁸ Там же.

СИС — СОЦИУМ: ИНФОРМАЦИЯ, СТАТИСТИКА

Как живут пекинцы

Доход «среднестатистического» жителя Пекина в первом полугодии 1988 г. составил 660 юаней, из которых истрачено на покупки почти 640 юаней. Заработная плата возросла в среднем на 13,8 %, но реальный рост доходов в связи с ростом цен, составил всего 1,4 %. Если заработки работников торговли и сферы обслуживания, в большинстве перешедших на аренду и подряд, превысили 200 юаней в месяц, то государственные служащие, школьные учителя все еще остаются на категории низкооплачиваемых.

В результате выборочного анкетирования служащих 50 городских научно-исследовательских институтов, учреждений просвещения и здравоохранения отмечено, что их среднемесячные доходы на 11,3 % ниже заработков пекинских рабочих, и этот разрыв продолжает увеличиваться. Рабочий день у представителей умственного труда длится в среднем почти на 2 часа больше, чем у рабочих. 70 % участвовавших в анкетировании страдают различными профессиональными заболеваниями, 50 % испытывают значительные трудности с жильем.

Забытый участник I съезда КПК

А. И. КАРТУНОВА,
доктор исторических наук

Сегодня мы вновь обращаемся к «белым пятнам» истории советско-китайских отношений. Сколько забытых, почти стертых в нашей памяти имен, неизвестных судеб героев, стоявших у истоков взаимодействия революционных партий в России и Китае! И наш долг особенно велик перед теми из них, кто сложил свои головы в годы сталинских репрессий, кого пытались предать забвению, вычеркнуть из нашей памяти.

Доктор исторических наук А. И. Картунова уже давно ведет кропотливый поиск материалов о судьбе представителя Профинтерна на I съезде КПК Никольском. Публикую сегодня первую авторскую версию, мы надеемся, что она вызовет отклик у читателя, поможет раскрытию «белых пятен» истории советско-китайских отношений.

Нет, пожалуй, историка, как в Советском Союзе, так и за рубежом, который, изучая новейший период истории Китая и китайской революции, не задавался бы вопросом: кто скрывается под именем Никольского, что это за личность? Никто пока не нашел ясного ответа на этот вопрос, хотя почти 68 лет отделяют нас от лета 1921 г., когда состоялся I съезд КПК (23 июля — 5 августа), где присутствовали два представителя Коминтерна — Г. Маринг и Никольский.

В 1957 г. Циу Лаожэнь опубликовал известные воспоминания «До и после образования Компартии Китая»¹, в которых он сообщил, что «в июне 1921 г. в Китай прибыл представитель III Интернационала Маринг, с которым приехал и представитель Профинтерна Никольский»². С тех пор эта версия стала кочевать из статьи в статью, из книги в книгу. О голландском коммунисте Г. Маринге, о его деятельности написано немало, в том числе опубликованы и его документы, связанные с деятельностью по заданию Коминтерна в Китае и других странах. Об участии Никольского в работе I съезда КПК встречаются, как и прежде, только упоминания, отрывочные сведения без каких-либо значительных подробностей.

Автор, заинтересовавшись личностью Никольского, с середины 60-х гг. время от времени возвращался к поискам малейших упоминаний о нем как в архивных документах и материалах Коминтерна и Профинтерна, так и в литературе. Результаты поисков были обнародованы в 1972 и в 1983 гг.³

Удалось уточнить, что Никольский был направлен в Китай Дальневосточным Секретариатом Коминтерна (ДВСК) и что в переписке работников ДВСК он фигурировал под псевдонимом Василий и Васильев. Но есть ли Василий по спискам и ведомостям ДВСК за май 1921 г. — январь 1922 г.? Среди сотрудников этого органа оказался единственный носитель этого имени — Букатый, да и тот летом 1921 г., когда проходил съезд КПК, пребывал в Монголии. Но Никольского, согласно достоверным данным, нельзя было идентифицировать с Букатым. Никольский находился в Шанхае, как нам удалось установить по архивным материалам, с 3 июня 1921 г. по декабрь того же года.

По материалам и документам, хранящимся в ЦПА ИМЛ, удалось также выявить задачи, которые возлагались на Никольского при командировании его в Китай. Ему надлежало вместе с Г. Марингом помочь китайским марксистам провести работу по подготовке и проведению I съезда КПК. На него также были возложены обязанности представителя Профинтерна, а ранее Международного Совета профсоюзов (Межсовпроф), отделение которого находилось в Чите. Никольский располагал определенными средствами для финансирования работников Коминтерна в Китае, а также других советских работников, находившихся в то время в Китае.

Г. Маринг в своем докладе в Исполком Коминтерна сообщал: «Пока товарищ Никольский был со мной в Шанхае, я ограничивался лишь выполнением поручений Секретариата (ДВСК.— А. К.), которые он получал, и отказался от какой бы то ни было самостоятельной работы во избежание дезорганизации»⁴. И далее Г. Маринг писал, что «в инструкциях, которые тов. Никольский получал из Иркутска (из ДВСК.— А. К.), указывалось, что на всех партийных конференциях⁵ должен присутствовать тов. Никольский»⁶.

В записке «Конгресс Коммунистической партии в Китае» по поводу участия Маринга и Никольского в работе съезда говорится: «Шивлет (Г. Маринг.— А. К.) и Никольский посетили этот первый конгресс и дали нам ценные указания. Товарищ Шивлет в своей речи остановился на своей деятельности на Яве и советовал нам обратить особое внимание на создание рабочей организации».

Тов. Никольский сообщил нам об организации Дальневосточного Бюро (ДВСК.— А. К.) и рассказал нам о своих впечатлениях о России. После этого доклада по предложению тов. Никольского было решено послать телеграмму в Иркутск и сообщить о ходе конгресса»⁷.

Но вот I съезд КПК завершил свою работу. Г. Маринг пишет отчет о нем. Что же касается Никольского, то никаких писем, отчетов или телеграмм за его подписью в архивах обнаружить не удалось. Имеется лишь упоминание о его двух финансовых отчетах.

В ЦПА ИМЛ был обнаружен единственный документ за подписью Никольского — это удостоверение, выданное им Чжан Готао при отъезде последнего в Советскую Россию на I съезд коммунистических и революционных организаций Дальнего Востока. В своих воспоминаниях в связи с этим Чжан Готао писал: «Он (Никольский.— А. К., Чжан Готао его называет Николаевским) описал район (станции) Маньчжурия и китайско-советской границы. Затем спросил, достаточно ли тепло я одет. Когда я сказал ему, что я в полной готовности и могу ехать немедленно, он взял деловой бланк какого-то торгового дома из выдвижного ящика своего письменного стола. Этот бланк выглядел ordinarily. Показав его мне, он сказал: «Эта карточка является Вашим паспортом (удостоверением.— А. К.). На ней все выдавлено булавкой. Это секретный знак». Он рассказал мне подробно, как тайно передать эту карточку владельцу определенной парикмахерской (на станции) Маньчжурия. Этот человек переправит меня через границу»⁸.

С этим-то удостоверением, переданным Никольским Чжан Готао, тот и прибыл в Иркутск, а затем в Москву на указанный съезд.

Имеется ряд свидетельств того, что Никольский, выполнив возложенные на него функции, связанные с подготовкой I съезда КПК, и затем дополнительные по организации поездки представителей КПК на I съезд коммунистических и революционных организаций Дальнего Востока, должен был и сам вернуться в Иркутск для участия в этом съезде. В связи с этим можно привести, например, выдержки из информации Лидина в Отдел Дальнего Востока ИККИ. Он сообщал, в частности: «В первых числах октября 1921 года постановлением ДВСК, или вернее распоряжением тов. Шумяцкого⁹, я был послан в Кантон... Однако в Шанхае выяснилось, что, во-первых, нужными средствами тов. Никольский не располагал и, во-вторых, что распоряжением ДВСК мне надлежало задержаться до новых распоряжений. Эти новые распоряжения, вскоре полученные, содержали приказ ДВСК оставаться в Шанхае на время поездки Василия (Никольского) на съезд Народов Востока»¹⁰.

Однако на этом съезде Никольского не было. О встречах с ним там никто из участников съезда не упоминает. Среди мандатов участников съезда, хранящихся в архиве, документа Никольского также не обнаружено.

Осенью 1987 г. автор вместе со старшим научным сотрудником ЦПА ИМЛ Р. И. Парадизовой провели дополнительную работу с привлечением других архивов. В результате мы пришли к заключению, которое предлагаем читателю в качестве нашей версии. Никольский — это по всей видимости Нейман-Никольский Владимир Абрамович, он же Берг Виктор Александрович (1898—1943 гг.). Член РКП(б) с 1921 г. Окончил три класса Читинского коммерческого училища. В 1919—1920 гг. проходил службу в частях Народно-революционной армии Дальневосточной Республики. Имеются данные, что по крайней мере в 1921 г. Берг являлся сотрудником административной секции Коминтерна. С 1921 по 1925 г. Нейман-Никольский рабо-

тал в Маньчжурии. Летом 1926 г. прибыл в Читу из Хабаровска. В 1938 г. был арестован и осужден по обвинению в принадлежности к троцкистской оппозиции, погиб в 1943 г. Впоследствии посмертно реабилитирован.

Мы не располагаем фотографией Никольского. Его личного дела в архивах также не сохранилось. В литературе же имеется очень приблизительное словесное описание его внешности. Так Циу Лаожэнь повествует: «Никольский имел внешность типичного рабочего, говорил медленно, густым басом»¹¹. Чжан Готао вспоминает, что Никольский был «человеком, который изъяснялся лаконично, выглядел просто (возможен перевод: был некрасивой внешности)», что он говорил с ним на «плохом английском языке». И далее Чжан Готао пишет о Никольском: «...я должен сказать, что он был способным, осторожным и опытным функционером»¹².

Мы с Р. И. Парадизовой считаем, что возможность найти какие-либо более точные данные о Никольском по архивным источникам исчерпана, так как в архивах Дальнего Востока и Сибири его личного дела, насколько нам известно, также нет.

Публикуя эту версию, мы надеемся, что на наш материал, возможно, откликнутся либо родственники Никольского, либо историки, встречавшие упоминания о нем во время своего научного поиска. Любые новые данные из биографии Никольского несомненно будут способствовать восстановлению исторической правды.

¹ См.: Циу Лаожэнь. До и после образования КПК.— «Синь гуаньча», 1957, № 13, с. 16—18. Перевод на русский язык Ю. Гарушица см.: «Рабочий класс и современный мир», 1971, № 2, с. 118—124. (Воспоминания Циу Лаожэня во многих деталях неточны.— А. К.).

² «Рабочий класс и современный мир», 1971, № 2, с. 121.

³ См.: «Народы Азии и Африки», 1972, № 6, с. 158; А. И. Картунова. Политика Компартии Китая в рабочем вопросе накануне революции 1925—1927 годов. М., 1983, с. 153.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 154, д. 133, с. 37.

⁵ Здесь имелось в виду его присутствие не только на I съезде КПК, но и на конференции корейских революционеров-марксистов, находившихся в то время в Шанхае.

⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 154, д. 133, с. 39.

⁷ См.: Е. Ф. Ковалев. Новые материалы о I съезде Коммунистической партии Китая.— «Народы Азии и Африки», 1972, № 6, с. 151—152. Чжан Готао (в 1938 г. исключен из КПК) в своих воспоминаниях дает другую интерпретацию участия Г. Маринга и Никольского. См.: Chang Kuotao. The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1 1921—1927. Kansas, 1971, p. 147—148. Свое отношение к интерпретации Чжан Готао изложено мною в книге «Политика Компартии Китая в рабочем вопросе накануне революции 1925—1927 гг.», с. 153. Циу Лаожэнь в своих воспоминаниях пишет, что Никольский выступил «с сообщением о работе и задачах Профинтерна».— Циу Лаожэнь. Указ. соч., с. 122.

⁸ Chang Kuotao. Op. cit., p. 178.

⁹ Б. Шумяцкий (1886—1938) в то время возглавлял ДВСК.

¹⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 514, оп. 1, д. 20, с. 35.

¹¹ «Рабочий класс и современный мир», 1971, № 2, с. 122.

¹² Chang Kuotao. Op. cit., p. 177, 178.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Ученые КНР о национальной психологии китайцев

В последние годы возрос интерес к социальным вопросам и научным исследованиям в области обществознания КНР, что связано с известными позитивными сдвигами в китайском обществе. Предметом пристального внимания китайских ученых-обществоведов стали новые проблемы, еще недавно объектами анализа не являвшиеся. К их числу относятся вопросы национальной психологии или, как их именуют в Китае, национального характера. Обращение китайских ученых к этнопсихологической проблематике вытекает в первую очередь из практического интереса, из необходимости знания психологии своего народа с целью наиболее полной реализации той социально-экономической и политической программы, которая намечена и проводится в жизнь руководством КНР. Гао Чжансян по этому поводу писал в «Хунци»: «Реформы экономической структуры требуют соответственных изменений духовного состояния людей, их характера, культуры, социальной психологии. В противном случае невозможно будет углубленно проводить экономические и политические реформы»¹. Видный китайский философ Ли Цзехоу утверждает, что поскольку невозможно отбросить традиции, поскольку невозможно не считаться со сложившимся китайским национальным характером. «Сила традиций в том, — отмечает он в интервью корреспонденту журнала «Дяньин ишу», — что они это история, а человек существо историческое. Поэтому традиции стали моделью нашего поведения, образа мышления и чувств, вошли в нашу плоть и кровь... Мы должны спокойно осознать себя, понять сущностные характеристики китайского самосознания». «Чтобы нация существовала, ей надо постоянно переосмысливать себя», — заключает ученый². Эта же мысль прослеживается в работах другого исследователя китайской культуры и традиций — Цзян Ихуа. «В силу того, что в Китае по-прежнему объективно продолжают существовать традиционные методы хозяйствования, традиционное натуральное хозяйство и мелкое производство, традиционная культу-

ра и социальная структура и их существование нельзя игнорировать, проблема национального характера приобретет еще более важное значение»³. Эта установка на осознание себя, своего психологического склада, тесно связанного с традиционной китайской культурой и культурой сегодняшнего дня, представляет основную позицию в подходе современного обществоведения КНР к проблеме национального характера. В ней совершенно справедливо учтена одна из основных характеристик народа как общности не только исторической, но и этнической. При этом учитывается и то, что народные массы — это не только объект политики, но и ее субъект.

Вопрос психологического склада китайского народа ставится в работах современных китайских ученых достаточно широко: от выяснения содержания китайского национального характера, его роли и места в духовной культуре и социальной практике КНР до показа тех факторов культурно-исторического характера, которые повлияли на его формирование.

Культурно-исторический подход характерен для большинства работ на эту тему: к вопросу национального характера подавляющее большинство авторов подходят как к явлению, сформированному китайской цивилизацией в ходе ее исторического развития. Однако при правильности и однозначности общего подхода выделяются как различные аспекты исследования проблемы, так и различные акценты на отдельных сторонах национального характера собственно китайцев, что, бесспорно, влияет как на целостное представление о национальном характере китайской (ханьской) общности, так и на те прогнозы, которые могут из него следовать.

Уже упомянутые нами Цзян Ихуа и Ли Цзехоу в качестве существенного фактора складывания национальной психологии китайцев выделяют свойственный Китаю на протяжении тысячелетий аграрный хозяйственно-культурный тип и присущие ему традиционные методы сельскохозяйственного производства⁴. Цзян Ихуа отличает эти методы от тех, которые практиковались в Западной Европе и в других странах Азии (например, в Индии). Он тесно связывает особенности национального характера с особенностью структуры натурального хозяйства, которая заключалась в том, что основной первичной единицей этой структуры еще недавно выступали отдельная семья и отдельное хозяйство. И Цзян Ихуа, и разделяющий эту точку зрения Ли Цзехоу подчеркивают такую особенность складывания китайского национального характера, как определяющую роль клана, семьи, а не индивида, что связывается в их концепциях с ролью семьи в системе традиционной китайской аграрной цивилизации и что объективно привело к воз-
обладанию группового начала над личност-

ным в структуре его психологических ценностей. Истоки формирования китайского национального характера Ли Цзехоу усматривает в древнекитайском родовом обществе с его принципами «взаимопомощи, заботы друг о друге, равенства». К этому периоду он относит и возникновение традиционных этических принципов, рассматриваемых как общение социального опыта данной общности, где авторитетом пользовался тот, кто «подавал личный пример человеколюбия, разума, храбрости».

В рамках исследования китайского национального характера на страницах научных журналов в Китае ведется дискуссия о связи и соотношении аграрной и промышленно-торговой цивилизаций и, соответственно, о различных перспективах формирования китайского национального характера.

Одна группа авторов считает, что аграрная и промышленно-торговая цивилизация противоположны по своему содержанию. К классической промышленно-торговой цивилизации они относят западную цивилизацию, которую приравнивают к капиталистической с характерным признаком — господством города над деревней. К аграрной цивилизации относят феодальную, «деревенскую» цивилизацию, существовавшую в Китае очень долго. При этом основную тенденцию исторического развития они видят в переходе от сельской цивилизации — к городской и от феодальной — к капиталистической. Поэтому в рамках данной концепции преобразование китайского национального характера считается возможным только в сторону вертернизации.

Другая точка зрения исходит из представления о противоположности сущностных характеристик материальной и духовной цивилизаций. По мнению ученых, разделяющих эту точку зрения, материальной является западная цивилизация нового времени, а духовной — китайская цивилизация. В плане материальной культуры, согласно этой концепции, китайская цивилизация уступает западной, а в плане духовной — превосходит ее. Они считают, что путь исторического развития Китая должен заключаться не в отказе от своей духовной цивилизации, а в использовании достижений материальной цивилизации для исправления существующих у Китая недостатков и для дальнейшего развития собственной духовной цивилизации.

Третья точка зрения состоит в том, что восточная и западная цивилизации несовместимы, что всякая возможность их взаимодействия исключена. Цзян Ихуа, противопоставляя буржуазную и феодальную цивилизации, в то же время не разделяет последнюю точку зрения. «Соответственно западный национальный характер периода нового времени, — пишет он, — имеет не только отличия от западного национального характера периода древности и средневековья, но

и сходство с ним. Пути развития истории и культуры Запада, пути формирования западного национального характера обладают специфическими западными чертами. Эту специфику нельзя объявлять всеобщей закономерностью. Поэтому направление и средства преобразования китайского национального характера не могут и не должны быть идентичны тем, которые имели место на Западе»⁵.

В обществоведении Китая существует также и отличная от вышеуказанных научная позиция: формирование национального характера представляется процессом синтеза психологических структур, взаимодействия культур и национальных характеров Китая и Запада. Чжао Пинчжи, например, считает, что «недопустим отказ от влияния «свежей крови» других культур. Если Китай будет осуществлять открытую политику только в отношении науки и техники и отвергать идеологию и культуру Запада, он окажется на позициях сторонников «движения за самоусиление»⁶ с его принципом «китайская наука составляет основу, западная носит прикладной характер...» «История доказала несостоятельность этой позиции, — пишет Чжао Пинчжи. — Для заимствования и усвоения передовой науки и техники необходима определенная идеологическая и культурная основа. В настоящее время лишь открывшись навстречу иностранной культуре, можно идти в ногу с тенденциями мирового развития»⁷.

По сути, оценки перспектив развития традиционной китайской культуры в работах современных китайских обществоведов смыкаются с дискуссией о китайском национальном характере. Одна точка зрения состоит в том, что модернизация, которая не может ограничиваться сферой науки и техники, непременно включает в себя модернизацию культурной инфраструктуры, в которую входит и национальный характер с его ценностными ориентациями, образом мыслей и т. д. В рамках этой концепции считается неизбежной модернизация и китайского национального характера. Рассматривая национальный характер как открытую систему, эти авторы считают, что заимствование и распространение являются механизмами его развития. «Придет и такое время, — пишет Чжоу Гучэн, — когда развитие с обеих сторон приведет к сближению, и существовавшая в прошлом напряженность в отношениях между нациями (Китая и Запада) смягчится, поскольку, благодаря взаимодействию культур и национальных характеров Китая и Запада, социально-политические процессы имеют тенденцию к установлению равновесия»⁸.

Характерной чертой китайского национального характера и китайской культуры в целом многие авторы считают сильно развитые адаптационные механизмы, дающие возможность Китаю воспринимать ценности привносимых в него культур, преломляя их через призму собственных установок и цен-

ностей. «В этом сказывается,— пишет Тан Ицзе,— национальное самосознание и чувство ценности собственной культуры». При этом основной дух китайской культуры и национального характера не изменяется, как правило, под влиянием пришедшей культуры. «Китайская культура и китайский национальный характер обладают двумя необходимыми для такого самосохранения качествами: способностью сохранить свои специфические черты и быть достаточно сильными, чтобы усвоить пришедшую культуру и приспособить ее к требованиям жизни своего общества. Культура и национальный характер не смогут существовать только за счет своей самобытности, если утратят способность усваивать новое»⁹.

Профессор философского факультета Шаньдунского университета Ван Дянь указывает на необходимость модернизации методов мышления как основной тенденции исторического развития китайской культуры и китайского национального характера. В то же время он считает, что отказ от традиций в Китае невозможен из-за того, что традиция уже стала составной частью структуры национальной психологии и национальной культуры. «Она уже образовала,— пишет Ван Дянь,— глубокий исторический фон процесса нашей модернизации»¹⁰. Сохраняется и влияние традиционной точки зрения о превосходстве китайской культурной традиции над западной и об устойчивости китайского национального характера, не поддающегося каким-либо изменениям. В рамках этой концепции авторы делают упор на превосходство китайской культурной традиции и китайского национального характера над западной культурой и национальной психологией народов современного Запада.

Цзян Ихуа, по справедливости высоко оценивая возможности китайской нации, выделяет в качестве важных черт психологического склада китайской нации активность, целеустремленность и созидательное начало, которые могут дать огромный положительный эффект при условии их правильного использования. К числу же недостатков он относит ограниченность взглядов, порожденную мелким производством, мелкособственническим консерватизмом¹¹. Цзян Ихуа формулирует задачу следующим образом: правильно оценивать недостатки китайского национального характера и осуществлять его преобразование в должном направлении, при этом ни в коем случае не допускать самоуничижения и утраты чувства национального достоинства.

Большинство обществоведов Китая считают рационализм основной характерной чертой ~~китайского национального~~ характера. Давая этому историко-культурное обоснование, они отмечают отсутствие религиозного начала в традиционных китайских учениях, существование идеи единства человека и природы — основной детерминанты идейно-фи-

лософских учений Китая. «Отрицание религиозного поклонения божеству является важной стороной развития духа рационализма китайской нации,— пишет Лю Ганцзи,— которая в подавляющем большинстве случаев не рассматривает природу в качестве объекта мистического поклонения, а совершенно ясно признает неизбежность, необходимость и разумность единства человека и природы»¹². Лю Ганцзи считает, что рациональное начало китайской нации проявляется и во взаимоотношениях индивидуума и социальной общности, в идее принесения пользы общности — идее, которая присутствует во всех философских концепциях Древнего Китая, но наиболее ярко выражена в конфуцианстве и даосизме.

На рационализм как особенность мышления китайцев указывает и Ли Цзехоу. Он называет строю китайского мышления прикладным (практическим) рационализмом, составляющим сущность конфуцианства и других философских учений. Влияние рационализма как основы мышления китайцев Ли Цзехоу усматривает почти во всех направлениях китайской философии. Отличие китайской диалектики от западной он видит в том, что первая — это диалектика действия, поскольку она имела своим истоком военное искусство, в то время как, например, в Греции целью диалектики являлось выявление противоречивости употребляемых понятий и хода мысли оппонента в процессе дискуссии. Например, древний ученый Хань Фэйцзы, пишет Ли Цзехоу, размышлял не о том, что есть ложь или истина сами по себе, а о том, как их использовать в процессе регулирования человеческих отношений и воздействия на политику правителей. При этом значительным недостатком китайского рационализма Ли Цзехоу считает удовлетворенность, тягу к застою и замкнутости в изначальном круге иллюзорных предвзятий, стремление избегать острых страданий и душевного зла¹³. При этом автор делает различие между прагматизмом и тем рационализмом, который присущ китайскому мышлению. Он полагает, что «китайцы более конкретны, более реально относятся к миру, к людям. Они не верят в бога, в загробную жизнь. Они контролируют чувство мыслью»¹⁴. В высокообразованных адаптационных механизмах китайской культуры и психологической структуры Ли Цзехоу, как и другие сторонники этой точки зрения, видит причину отсутствия консервативности в китайском мышлении, а их следствием рассматривает такие психологические характеристики, как прагматизм, умение приспособляться к обстоятельствам.

Профессор Ван Дянь, касаясь особенностей традиционного сознания китайцев, считает диалектику отражением социального бытия феодального Китая. Он полагает, что она сыграла значительную роль в поддержании стабильности феодального общества и называет ее «исторической формой» относи-

тельно зрелой диалектики «охранительного характера». «Если говорить в целом,— отмечает Ван Дянь,— то китайская древняя диалектика — это метод, стабилизирующий общественную систему»¹⁵.

В качестве еще одной национально-психологической характеристики китайскими авторами отмечается свободолобие. Его наличие усматривают в философских учениях Древнего Китая, особенно в даосизме с его учением о достижении абсолютной свободы путем слияния с природой. Это свободолобие воплотилось в революционных традициях китайского народа, имеющего огромную историю борьбы против господства эксплуататорских классов, против иноземных поработителей, за национальную независимость Китая, отмечают китайские ученые¹⁶.

Еще одной чертой китайского национального характера, Лю Ганцзи называет *деловитость*, полагая, что она нашла отражение в философии Конфуция (в учении о середине, которое требовало активного приведения противоречий в равновесие), в учении Лаоцзы (призывавшего к тщательному изучению всех предметов в процессе их изменений), Чжуанцзы (придававшего особое значение связи закона и свободы и исходившего из того, что степень свободы обусловлена соответствием деятельности человека объективным законам), а также в учениях других философов Древнего Китая.

Обращение китайских обществоведов к национально-психологической проблематике — факт, закономерно вытекающий из задач социалистического строительства в КНР. Это обращение есть свидетельство и определенной степени зрелости китайского обществоведения в целом. Ни для кого не секрет, что к этнопсихологической проблематике часто подходят с немалой осторожностью, ссылаясь на ее неразработанность, мнимую двусмысленность и т. д. Это приводит к замалчиванию роли этнопсихологического фактора, к желанию отмежеваться от важнейших реалий нашего бытия. Этническая психология — это определенная данность, и ученые КНР подходят к ее изучению без опаски, свойственной некоторым их коллегам за рубежом.

Китайские авторы, придерживаясь культурно-исторического подхода в исследовании национальной психологии, глубоко анализируют факторы социально-экономического, исторического и культурного характера, которые повлияли на формирование особенностей психологического склада ханьской общности. Они вскрывают при этом наиболее существенные, с их точки зрения, черты психологического склада своего народа. Тем не менее представляется, что у китайских обществоведов есть резервы повышения уровня научных этнопсихологических исследований за счет укрепления их теоретико-методологической базы. Каждое свойство психологического склада можно понять и объ-

яснить лишь в соотношении его с другими свойствами, с общей системой ценностей, разделяемой данной общностью. Выделяя те или иные характеристики своей нации, китайские обществоведы, как правило, не отводят им должного места в общей системе ценностей ориентаций ханьцев, не соотносят их с другими свойствами национальной психологии. Только знание целостной структуры дает представление о национально-специфичном. Рационализм, о котором много говорят сегодня в Китае, присущ не только китайцам, но, как известно, и англичанам, и американцам, и японцам и др. Деловитость, трудолюбие — прерогатива тоже не исключительно китайцев. Тем не менее если бы эти свойства были «вписаны», интегрированы китайскими учеными в определенную систему, тогда их соотносительность и могла бы служить критерием оценки национально-психологического склада. Причисление же отдельных свойств к разряду национально-специфических представляется достаточно условным.

В целом же необходимо отметить большое значение работ китайских ученых по данной проблеме. Их стремление глубже понять истоки формирования характера своей нации, объективно оценить себя, соотносить формирование национального характера с культурой китайского общества в целом, показать возможные перспективы развития национального характера, стремление рассматривать национальную психологию в качестве открытой системы, постоянно обогащающейся и развивающейся, — все это позволяет отнести к работам китайских ученых, занимающихся исследованием национального характера, с большим уважением.

А. М. ТЕЛЕШЕВСКАЯ,
кандидат исторических наук

¹ «Хунци», 1986, № 21, с. 9.

² «Дяньини ишу», 1987, № 1, с. 25.

³ «Фудань сюэбао» (Шанхай), 1986, № 1, с. 25.

⁴ См.: «Синьхуа вэньчжай», 1985, № 2, с. 176—180.

⁵ «Фудань сюэбао», 1986, № 1, с. 26.

⁶ «Движение за самоусиление», сформировавшееся в 60—70-х гг. XIX в., отражало стремление правящих кругов старого Китая сохранить независимость страны и неизбежность его феодальных основ путем приобретения и освоения Китаем западной науки и техники. Поскольку это требовало соответствующей подготовки кадров, политика самоусиления объективно оказалась каналом проникновения в Китай европейской техники, культуры и, соответственно, фактором определенной трансформации сознания.

- ⁷ «Шэхуэй кэсюэ» (Шанхай), 1985, № 1, с. 41—42.
⁸ «Фудань сюэбао», 1986, № 2, с. 3—4.
⁹ «Chinese studies in philosophy», 1986, vol. 17, № 4, p. 32.
¹⁰ «Чжэсюэ яньцзю», 1987, № 2, с. 55.
¹¹ См.: «Фудань сюэбао», 1986, № 1, с. 27.

- ¹² «Ухань дасюэ сюэбао», 1985, № 1, с. 37.
¹³ См.: «Синьхуа вэньчжай», 1985, № 2, с. 177.
¹⁴ «Дяньин ишу», 1987, № 1, с. 25.
¹⁵ «Чжэсюэ яньцзю», 1987, № 2, с. 51.
¹⁶ См.: «Ухань дасюэ сюэбао», 1985, № 1, с. 39.

Южная Корея сегодня

«ПДВ» в последние два-три года регулярно помещал материалы по различным аспектам экономической жизни Южной Кореи, ее внутренней и внешней политики. Однако в настоящее время, когда интерес обществу к этой стране возрос, читатели обращаются в редакцию с просьбой дать обобщающие сведения о Южной Корее. Предлагаем их вниманию справку, подготовленную кандидатом исторических наук **А. В. Воронцовым**.

Официальное название — Республика Корея. Занимает часть Корейского полуострова к югу от 38-й параллели и около 3,5 тыс. небольших островов в Желтом, Восточно-Китайском и Японском морях. Самый крупный остров Чеджудо (1850 км²) лежит в 185 км от берега Южной Кореи.

Площадь — 98,4 тыс. км² (примерно 45 % территории всей Кореи). Обрабатываемые земли составляют 23 % территории страны.

Население Южной Кореи в 1987 г. превысило 42 млн. человек (примерно две трети всего населения Кореи). Население страны полностью однонациональное. Годовой прирост — 1 %. Городское население составляет 65,4 %, сельское — 34,6 %, плотность населения — 424 человека на 1 км².

Официальный язык — корейский.

Столица — город Сеул (10 млн. жителей). В стране насчитывается 5 городов центрального подчинения и 9 провинций, в состав которых в свою очередь входят 57 городов, 139 уездов, 189 районов и 1274 волости.

Климат страны муссонный. Зимние мощные потоки холодного воздуха, идущие из внутренних частей Азиатского континента, приносят в Корею сухую ясную погоду и холода (кроме острова Чеджудо, где средняя январская температура плюс 6°). Летом территория страны находится под воздействием океанических воздушных масс, приносящих

тепло и обильную атмосферную влагу. Среднегодовая температура в Сеуле плюс 10,7°. Природно-климатические условия благоприятны для развития сельского хозяйства. К середине 80-х гг. страна почти достигла самообеспеченности рисом, продукцией животноводства и птицеводства, но тем не менее вынуждена ввозить значительную часть продовольствия (пшеница, соевые бобы и др.).

По своему государственному строю Южная Корея — президентская республика. В соответствии с действующей конституцией (принята 27 октября 1987 г. на общенациональном референдуме) президент избирается на один пятилетний срок на всеобщих выборах путем тайного голосования и не может быть переизбран на второй срок¹. Высший законодательный орган — однопалатное Национальное собрание (имеет 299 мест).

В состав Национального собрания Южной Кореи (по итогам выборов в апреле 1988 г.) входят: Демократическая партия справедливости (ДПС) — 125 мест; Партия мира и демократии (ПМД) — 71 место; Объединенная демократическая партия (ОДП) — 60 мест; Новая демократическая республиканская партия (НДРП) — 35 мест; независимые депутаты — 8 мест.

Высший орган исполнительной власти — Государственный совет, состоящий из президента Республики (председатель), премьер-министра (зампред) и членов (не более 30 и не менее 15 человек).

Кабинет министров — правительство Республики — состоит из премьер-министра, его заместителя и более двадцати министров. В кабинет входит также Главный судья Верховного суда.

Для оказания содействия президенту в реализации ключевых направлений внутренней и внешней политики функционируют: Совет национальной безопасности; Консультативный совет по демократическому и мирному объединению; Национальный экономический консультативный совет.

Политические партии

Демократическая партия справедливости является правящей партией страны. Создана в 1981 г. Ее численность — около 2 млн. человек. ДПС представляет прежде всего интересы крупной буржуазии и офицерского корпуса страны. Наиболее прочные позиции име-

ет в четырех северных и центральных провинциях. На парламентских выборах в апреле 1988 г. за нее проголосовало 6,7 млн. человек. Лидер партии — Ро Дэ У (нынешний президент).

Партия мира и демократии, ведущая оппозиционная партия Южной Кореи, образована в 1987 г. Во главе партии стоит один из лидеров оппозиционного движения Ким Дэ Чжун. Наиболее прочными позициями партия обладает в районе провинции Чолла, где родился лидер партии.

Объединенная демократическая партия создана 1 мая 1987 г. На последних парламентских выборах за ОДП проголосовало 4,7 млн. избирателей. Лидер партии — Ким Ен Сам. Опорой Ким Ен Сама является его родной город Пусан.

Новая демократическая республиканская партия образована в 1987 г. На парламентских выборах за нее проголосовало около 3 млн. человек. Глава партии — Ким Чон Пхиль.

Религиозная ситуация

Согласно официальным данным, в Южной Корее насчитывается свыше 30 млн. верующих. Наибольшее распространение в стране получил буддизм — 8,1 млн. человек. Протестантская церковь насчитывает 6,5 млн. верующих, римско-католическая — 1,9 млн. В Южной Корее проживает около 5 млн. приверженцев конфуцианства, а также незначительное количество адептов ислама. Считается, что наибольшее влияние имеет буддизм.

Профсоюзы

Деятельность профсоюзов в Южной Корее ограничена и находится под контролем государства. В стране действует Федерация корейских профсоюзов (ФКПС), в которую входит 16 отраслевых профсоюзов. Председатель ФКПС — Ким Дон Ин (член ДПС).

Летом 1987 г. наблюдался резкий рост рабочего и профсоюзного движения. Трудовые конфликты охватили почти все отрасли экономики страны. Лозунги бастующих включали требования о повышении зарплаты и создании новых профсоюзов, ограничении произвола администрации. В результате средняя зарплата трудящихся была увеличена за год на 23 %.

Краткая историческая справка

Началом современной истории Южной Кореи можно считать август 1945 г., когда после разгрома милитаристской Японии и освобождения Кореи частями Советской Армии от японского колониального господства южная часть страны оказалась под контролем военной администрации США, так как в соответствии с соглашением между союзниками 38-я параллель была определена в каче-

стве временной разграничительной линии двух зон ответственности — советской к северу и американской к югу от нее — для принятия капитуляции японских войск. Практические действия Вашингтона и его союзников в первые послевоенные годы привели к срыву решений Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в декабре 1945 г., предусматривавших восстановление Кореи как суверенного, демократического государства. Действия США и их партнеров направлялись на консолидацию буржуазных структур и ликвидацию левых сил в Южной Корее. В результате separatных выборов на юге Кореи 15 августа 1948 г. была создана Республика Корея; раскол страны на две части стал свершившимся фактом.

Ожесточенная война 1950—1953 гг., между КНДР (которую поддержали затем части китайских добровольцев) и США и их союзниками, а также Южной Кореей, углубила раскол страны, породила чувства враждебности и недоверия в обеих частях Кореи. Общие потери составили 2,4 млн. человек на поле боя и 2 млн. среди мирного населения².

История Южной Кореи наполнена драматическими событиями, насильственными сменами одних диктаторских режимов другими. Правительство Ли Сын Мана, поставленное у власти Соединенными Штатами в 1948 г., дискредитировало себя и было свергнуто в апреле 1960 г. в результате восстания народных масс, активную роль в котором сыграло студенчество. Недолгому пребыванию у власти правительства Чан Мена, пытавшегося осуществить некоторые буржуазно-демократические реформы, был положен конец военным переворотом генерала Пак Чжон Хи в мае 1961 г. Диктатор Пак Чжон Хи, ушедший в отставку с военной службы и ставший президентом «третьей» (1963—1972) и «четвертой республики» (1972—1981), был застрелен своим ближайшим помощником, директором южнокорейского ЦРУ Ким Чже Кю в октябре 1979 г. В декабре 1979 г., опять же в результате военного переворота, к власти пришел новый диктатор — генерал Чон Ду Хван, который в 1980 г. стал президентом «пятой республики».

Внутренняя политика всех сеульских режимов отличалась репрессивными методами правления, жестким подавлением оппозиции. По данным оппозиции, только при подавлении восстания в городе Кванчжу в мае 1981 г. жертвы среди гражданского населения составили 2 тыс. человек. Вместе с тем восстание в Кванчжу стало катализатором широкого процесса, приведшего к тому, что в середине 80-х гг. многолетняя борьба южнокорейского народа против диктатуры сформировалась в беспрецедентное по размаху и организованности движение за демократизацию внутривнутриполитической жизни, которое заставило в 1987 г. один из самых долговеч-

ных в современной истории диктаторских режимов пойти на серьезные уступки: согласиться на требования оппозиций провести прямые президентские выборы (вместо выборов посредством коллегии выборщиков, контролируемых президентом), освободить политических заключенных и др.

В результате в 1987 г. впервые в истории Южной Кореи произошла мирная смена власти. Новый президент страны, лидер правящей ДПС Ро Дэ У (преемник Чон Ду Хвана и тоже бывший генерал), пришел к власти не после «традиционного» военного переворота, а по итогам выборов, состоявшихся 16 декабря в соответствии с конституционной процедурой, что стало началом «шестой республики». Победить на президентских выборах Ро Дэ У, получившему 35,9 % голосов, помог раскол оппозиции, не сумевшей объединить свои силы, и особенно междоусобица двух ведущих ее лидеров — Ким Дэ Чжуна и Ким Ен Сама, набравших соответственно 26,5 и 27,5 % голосов избирателей². Эти и другие события дали основания многим специалистам оценить год избрания Ро Дэ У как в определенном смысле переломный в истории Южной Кореи, начало перехода от диктаторских к буржуазно-демократическим формам правления, от конфронтации к диалогу и сотрудничеству с оппозицией.

Эти процессы получили дальнейшее развитие в 1988 г., который стал годом успешного проведения самой крупной на сегодняшний день XXIV летней Олимпиады в Сеуле. В последние месяцы 1988 г. под давлением нарастающего народного движения за наказание виновных в трагедии Кванчжу правительство Ро Дэ У назвало ответственным за это бывшего президента Чон Ду Хвана, который принес публичные извинения народу и фактически вынужден был отправиться в изгнание. Эти и ряд других мер администрации Ро Дэ У были расценены политическими обозревателями в стране и за рубежом как стремление нынешнего руководства отмежеваться от политического наследия предшествующих авторитарных режимов.

Определенные опасения возникли у сторонников демократизации в связи с кардинальной сменой президентом в начале декабря 1988 г. кабинета министров (20 из 24 членов кабинета), что было воспринято как рецидив эпохи правления «военных». Однако оппоненты такой точки зрения считают, что декабрьские изменения в кабинете министров направлены на то, чтобы «порвать» связи нынешней администрации с бывшим президентом Чон Ду Хваном... и ускорить нововведения в государственных делах с целью продолжения демократических реформ; они отмечают, что нынешний премьер Кан Ен Хун известен как противник вмешательства военных в политическую жизнь, что, будучи начальником военной академии в 1961 г., он резко осудил переворот генерала Пак Чжон Хи, за что был подвергнут репрессиям.

Вооруженные силы

Общая численность южнокорейских вооруженных сил составляет свыше 600 тыс. человек. Помимо регулярных сил, созданы резервные формирования: силы национального резерва — 4,5 млн. человек; корпус гражданской обороны — 4,4 млн.; студенческий корпус обороны — 1,8 млн. человек.

В Южной Корее находятся также американские войска общей численностью около 44 тыс. человек.

Экономическое развитие

Южная Корея сохраняет высокие темпы экономического роста, входя в число наиболее динамично развивающихся стран азиатско-тихоокеанского региона. Валовой национальный продукт страны увеличился в 1987 г. на 12 % — до 118 млрд. долл., или до 2813 долл. на душу населения³. Темпы роста ВВП в 60-е гг. составляли в среднем 8,5 % в год, в 70-е гг. — 9,5 %.

Важную роль в экономической жизни Южной Кореи играют финансово-промышленные группы (ФПГ). На четыре ФПГ («Хенде», «Самсон», «Лаки голд стар» и «Дэву») приходится 40 % ВВП, 50 — экспорта, 4 % занятых в промышленности Южной Кореи. Эти ФПГ входят в число 100 крупнейших ТНК мира. Еще шесть ФПГ Южной Кореи входят в число 500 ведущих ТНК мира³.

Экономически активное население на начало 1988 г. составило 19,9 млн. человек. Уровень безработицы остался практически на прежнем уровне — 3,5 % (551 тыс. человек) от числа занятых в стране.

Ведущая роль в экономике Южной Кореи принадлежит обрабатывающей промышленности, на долю которой приходится более 30 % ВВП страны. В 1987 г. наиболее высокими темпами развивались автомобилестроение, электроника и электротехника, металлургическая и химическая промышленность. В Южной Корее в 1987 г. выпущено 970 тыс. автомобилей, в том числе 700 тыс. легковых, выплавка стали достигла 16,8 млн. т (11-е место в мире). Южная Корея занимает четвертое место в мире по производству видеомагнитофонов, цветных и черно-белых телевизоров, радиоприемников, других видов бытовой электроаппаратуры и второе место после Японии — по судостроению.

В последние годы в Южной Корее получила развитие авиационная и космическая промышленность. Активно развивается топливно-энергетическая промышленность. После ввода в строй двух блоков АЭС по 950 тыс. кВт каждый суммарная мощность электростанций страны достигла 19,9 млн. кВт.

Объем внешней торговли в 1987 г. увеличился на 30 % и достиг 88,3 млрд. долл. (экспорт — 47,3 млрд. долл.; импорт — 41,0 млрд. долл.). Свыше 50 % экспорта составили товары тяжелой промышленности, в том

числе продукция электроники — 10 млрд. долл., металлургии — 4,1 млрд. долл., автомобилестроения — 3,1 млрд. долл. Экспорт товаров легкой промышленности превысил 20 млрд. долл. (в том числе текстиль — 11,7 млрд. долл., обувь — 2,5 млрд. долл.). В импорте основную часть (22,1 млрд. долл.) составляло сырье.

В последние годы Южная Корея приступила к сокращению внушительной внешней задолженности, которая в 1987 г. уменьшилась до 35,6 млрд. долл., а также к расширению зарубежных капиталовложений, составивших в 1987 г. 390 млн. долл. По существу среди западных экономистов прогнозам, при сохранении до конца века нынешних темпов развития Южная Корея к 2000 г. с населением 50 млн. человек может достигнуть уровня ВНП 250 млрд. долл., объема экспорта — 230 млрд. долл., импорта — 224 млрд. долл., дохода на душу населения — 5 тыс. долл. и в результате занять 15-е место в мире по объему ВНП и 10-е — по объему торговли¹.

Внешняя политика и дипломатические отношения

На международной арене Сеул, будучи надежным союзником США, координирует свои действия с внешнеполитическим курсом Вашингтона. Стороны проводят консультации практически по всем крупным международным проблемам. Одновременно активизировалась внешняя политика Сеула в различных районах мира, прежде всего в АТР, где он стремится стать одним из самостоятельных участников формирующейся структуры тихоокеанского сотрудничества.

Вместе с тем в последние годы одним из важных направлений дипломатии Южной Кореи стала «северная политика», направленная на установление контактов с социалистическими странами. В 1988 г. с Южной Кореей установила дипломатические отношения на уровне послов ВНР; ряд социалистических стран Европы заключили с ней торговые соглашения. Юг продолжает вести через третьи страны торговлю с КНР, объем которой, по некоторым данным, достиг 3 млрд. долл. в год.

Сеул положительно оценил результаты советско-американских встреч на высшем уровне последних лет, ряд советских инициатив, содержащихся во владивостокском

(июль 1986 г.) и красноярском (сентябрь 1988 г.) выступлениях М. С. Горбачева. В Южной Корее осуществлены три издания книг Генерального секретаря ЦК КПСС. В области внутрикорейского диалога (как известно, между КНДР и Южной Кореей продолжает действовать соглашение о перемирии) южнокорейская сторона предлагает проекты «перекрестного признания» (СССР и КНР признают Южную Корею, США и Япония — КНДР) и «одновременного вступления двух Корей в ООН». КНДР отвергает эту формулу как попытку увековечения раскола страны. В свою очередь Сеул отвергает разработанный КНДР план переговоров на высоком уровне с целью создания объединенной «конфедеративной республики Корё», предлагая сначала осуществить программу «малых шагов»: воссоединение членов разделенных семей, налаживание контактов в гуманитарной и экономической областях и т. д., а затем уже переходить к переговорам на высоком уровне. Позитивным событием в этом процессе стало возобновление в 1988 г. прерванного в 1985 г. диалога между Севером и Югом, последовавшее после ряда крупномасштабных внешнеполитических инициатив и новых предложений с обеих сторон.

В настоящее время Южная Корея поддерживает дипломатические отношения со 125 странами (67 из них имеют дипломатические отношения также с КНДР) и консульские — с 3 государствами.—

Советский Союз не имеет дипломатических отношений с Южной Кореей. В то же время он стремится развивать с ней торгово-экономические и иные деловые связи.

¹ Korea Annual 1988. Seoul, p. 95.

² Clay Blair. The Forgotten War. America in Korea 1950—1953, 1987, p. 975.

³ См. подробнее: О. В. Давыдов. Капиталистическая «модернизация» и некоторые аспекты политического развития Южной Кореи.— «ПДВ», 1988, № 1.

⁴ Korea Annual 1988, p. 95.

⁵ См. подробнее: А. Ю. Мансуров, В. В. Михеев. Финансово-промышленные группы в экономике Южной Кореи.— «ПДВ», 1988, № 4.

⁶ Facts about Korea. Seoul, 1985, p. 144, 147.

Народное образование: синьцзянский опыт

Синьцзян с его многовековой историей, богатой духовной культурой, переплетением национальных традиций и современных черт развития стал в 80-е гг. одним из тех районов КНР, где происходят заметные сдвиги в экономической, социально-политической и культурной жизни, в том числе и в области народного образования.

Изучение основных направлений развития народного образования в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) сегодня позволяет выявить как общие закономерности совершенствования образования в КНР, так и его специфические формы проявления в Автономном районе.

Развитие народного образования в СУАР прошло несколько этапов, каждый из которых отличается рядом характерных особенностей. Первый (1949 — середина 50-х гг.) был восстановительным. Второй (до конца 70-х гг.) был ознаменован политикой «большого скачка» и «культурной революцией». И, наконец, третий — современный период (80-е гг.).

На первом этапе, наряду с возрождением лучших дореволюционных традиций, был достигнут определенный прогресс в налаживании новой системы образования. До 1949 г. в Синьцзяне едва насчитывалось 1300 начальных школ, а число учащихся не достигало и 200 тыс.¹ В 1949 г. на 10 тыс. человек населения Синьцзяна приходилось всего 2,3 учащихся средних и 450 — начальных школ². Однако уже в 1957 г. количество учащихся составило в начальных школах 424,5 тыс., в средних — 49,5 тыс. человек.

С 1955 г. издательство «Просвещение» в СУАР стало выпускать учебные пособия на 5 языках: уйгурском, казахском, монгольском, киргизском и сибирском. Преодолевая объективные и субъективные трудности, народное образование развивалось в соответствии с общими закономерностями социалистической педагогики, под влиянием советской педагогики и, конечно, не без помощи нашей страны. В 1955 г. из СССР было отправлено 168 тыс. экземпляров учебников для средних школ на уйгурском, казахском, узбекском языках³.

С 1950 по 1961 г. в Узбекистане при издательстве «Правда Востока» функционировала уйгурская редакция, которая готовила (наряду с художественной, научно-технической, общественно-политической литературой) учебные и учебно-методические пособия специально для школ СУАР. Республики

Средней Азии и Казахстана помогали в подготовке национальных педагогических кадров.

Этот процесс протекал в весьма своеобразных и противоречивых условиях отсталого в экономическом и культурном отношении района. Однако не следует забывать, что народности СУАР имеют богатейшие культурные традиции, в том числе в области образования. История народного образования дореволюционного Синьцзяна знает таких талантливых педагогов и организаторов школьного обучения, как Бахвудун Мусабай, Махсут Мухити, Махтили Апанди, Зайнап Ханым, Хамит Вакили, Абдулла Рози и др.⁴

Со второй половины 50-х гг. на фоне негативных социально-политических сдвигов в обществе КНР явно прослеживается тенденция к «замораживанию» народного образования в СУАР.

Во многих школах и других учебных заведениях был дезорганизован или полностью прекращен учебный процесс. По признанию китайских средств массовой информации, эта ошибочная политика закрепляла экономическую и культурную отсталость национальных районов, наносила огромный ущерб делу народного образования. Большинство педагогических кадров было направлено в сельскохозяйственные коммуны и на промышленные предприятия для «перевоспитания физическим трудом». Государство снимало с себя заботу о развитии народного образования, в том числе и в национальных районах, перекладывая расходы по организации и содержанию школ непосредственно на плечи населения.

С начала 80-х гг. народное образование в СУАР вступило на третий этап развития, этап выхода из кризиса и утверждения новой линии в области просвещения, которое ориентируется теперь на реализацию программы «четырёх модернизаций», с учетом специфических задач по освоению «Большого Северо-Запада». В современных условиях общеобразовательная подготовка населения СУАР становится неотъемлемым элементом освоения профессиональных знаний и навыков. Однако в КНР признают, что содержание и методы общего среднего и среднего специального образования, сложившиеся в СУАР, состояние их материальной базы, не соответствуют новым запросам⁵. Жомахун Ниязи писал в статье «О понятии стратегической роли и места образования в социально-экономическом развитии народного хозяйства», что в районах проживания национальных меньшинств, включая СУАР, культурная и образовательная работа отстает от общего уровня. Количество высококвалифицированных технических специалистов в этих районах пока недостаточно, слабо используются достижения науки и техники⁶. В 1984 г. кадровые работники из числа национальных меньшинств составляли лишь 192 тыс. человек, а профессионально-техни-

ческие специалисты — 115 тыс.⁷ В 1987 г. профессионально-технических работников из национальных меньшинств насчитывалось 125 тыс., что составляло 45,9 % всех специалистов технического профиля СУАР⁸. В этой связи и возникла задача вывести СУАР из кадрового прорыва на основе развития народного образования.

В последние годы изыскиваются различные пути по оказанию помощи СУАР. Руководство страны призвало кадровых работников и интеллигенцию молодого и среднего возраста, в особенности молодежь, проживающую в развитых регионах страны, принять участие в освоении этого района. В июле 1985 г., выступая на собрании работников просвещения СУАР, заместитель председателя Постоянного Комитета НПКС Китая, председатель государственного комитета КНР по делам национальностей Исмаил Амят отметил, что до 1990 г. необходимо осуществить централизацию кадровых, материальных и финансовых ресурсов народного образования района и на этой основе обновить его материальную базу и систему управления, так как они не соответствуют требованиям реформы народного образования⁹.

Все чаще поднимается в СУАР вопрос о соответствии уровня подготовки кадров требованиям «четырёх модернизаций». На состоявшемся 15 июля 1987 г. в Урумчи совещании по вопросу развития народного образования в Автономном районе отмечалось, что без повышения профессионального и технического уровня кадров невозможно превратить в жизнь курс на увеличение эффективности производства. Этот момент был подчеркнут депутатами СУАР на пятой сессии ВСНП и пятой сессии НПКСК шестого созыва в 1987 г.

Повышение общеобразовательного уровня и квалификации работников имеет сегодня ряд особенностей. Производственные объединения ежегодно направляют в специальные учебные заведения от нескольких десятков до нескольких сот рабочих и служащих. В зимние периоды организуются различные курсы повышения квалификации рабочих и совершенствования их технических навыков. Занятия в основном проводятся без отрыва от производства и организуются преимущественно силами предприятий для удовлетворения местных потребностей. К работе по повышению уровня технической и общеобразовательной подготовки рабочих, крестьян и служащих привлекаются преподаватели, научные работники, студенты, которые главным образом летом едут в отдаленные районы, где участвуют в организации вечерних школ и различных курсов.

В 1987 г. во время летних каникул 56 научно-технических групп в составе 1800 учащихся техникумов округа Кашгар побывали в различных районах Южного Синьцзяна. Они организовали 75 курсов по использованию техники в сельском хозяйстве

и подготовили более 6 тыс. механизаторов¹⁰.

По данным печати СУАР, важное значение в деле подготовки специалистов придается объединению усилий учебных заведений внутренних районов Китая и СУАР. Еще в октябре 1983 г. 10 провинций и крупных городов страны, где развито образование, заключили соглашение с СУАР, «предполагающее развитие интеллектуального потенциала района»¹¹. Соглашением предусмотрено оказание помощи в оснащении учебным оборудованием и библиографическими материалами, а также обмен опытом в школьном управлении и политико-идеологической работе. Современный этап развития народного образования в СУАР характеризуется наличием двух тенденций: одна из них заключается в расширении сети учебных учреждений Автономного района, другая — в качественном изменении всей системы образования (подготовка педагогических кадров, пересмотр содержания учебного процесса и т. д.).

В последние годы принимаются меры по вовлечению населения в систему журнального обучения, имеющую филиалы в различных населенных пунктах Автономного района. Занятия на китайском языке начались с марта, а на уйгурском и казахском языках — с мая 1986 г. Все большей популярностью среди многонационального населения Синьцзяна пользуются сравнительно новые формы обучения — вечерние университеты, заочные теле- и радиоуниверситеты. В 1983 г. в них обучалось 14 714 человек. В 1982 г. курсы теле- и радиоуниверситетов были открыты в 14 районах, округах и городах СУАР. Транслировавшийся на уйгурском языке курс телеуниверситета собрал более 3100 слушателей. В 1987 г., по сообщению агентства Синьхуа, только в Баньголэн-Монгольском округе созданы 24 пункта телевизионного обучения.

В настоящее время в СУАР осуществляется переход к всеобщему девятилетнему образованию. Исходя из возможностей Автономного района, намечается всеобщее обязательное девятилетнее образование поставить на строго плановую основу. Реализация этой программы должна пройти поэтапно: на первом этапе к 1990 г. необходимо будет охватить 20 % населения, к 1995 г. — 50 %¹². Однако введение всеобщего девятилетнего образования пока не всегда подкрепляется необходимыми экономическими и организационными мероприятиями. Заметно отстают материальная база образования, оплата труда учителей. По признанию прессы, уровень квалификации учителей не соответствует предъявляемым требованиям. Сохраняется нехватка учебников, программ и методических пособий. Многие школьные здания находятся в аварийном состоянии. В короткий срок решить эти важные для СУАР проблемы, очень трудно. До сих пор нерешенной остается проблема демократизации образования,

преодоления нервенства в образовании между людьми разного возраста и пола, социальными категориями и группами. Например, в уезде Ават всего 25 % женщин имеют среднее и средне-специальное образование. Немаловажную роль в этом деле должны сыграть родители учащихся. Однако многие из них сами не имеют достаточного уровня образования. Выборочная проверка показала, что 83,6 % родителей 3 тыс. детей пяти школ и детских садов имеют незаконченное среднее, а 14,9 % — среднее специальное образование. И все же главным ограничителем реформ в области образования по-прежнему остается недостаток материальных и финансовых средств. Для преодоления застоя и упущений, накопившихся в деятельности школы СУАР, ставится задача повышения качества образования путем совершенствования учебных программ, улучшения идейно-политического, трудового, эстетического и физического воспитания. Произошли изменения в структуре народного образования. Эти меры являются одним из условий осуществления майского (1985) постановления ЦК КПК и Госсовета КНР «О реформе структуры образования», в котором говорится о стратегической роли образования в социально-экономическом развитии страны.

В целом 80-е гг. характеризуются более глубоким подходом к проблеме развития народного образования в СУАР, которая затрагивает и решение национального вопроса. СУАР — многонациональный район, и национальный вопрос стоит в Автономном районе особенно остро, влияет на обстановку во всей стране. Важность данной проблемы нашла отражение в ряде партийных и государственных документов, где говорится о необходимости воспитания населения в духе отставания четырех основных принципов, усиления сплоченности всех национальностей, поддержания атмосферы дружбы, доверия и согласия между ними, подготовки квалифицированных специалистов из числа всех национальностей.

В 1983 г. в 101 среднем специальном учебном заведении СУАР обучалось 24 881 человек, процент представительства в них национальных меньшинств достиг 58,6 %, а в средних и начальных школах — 44,73 %. В 1985 г. число учащихся из национальных меньшинств в средней школе достигло 284 тыс. человек¹³. 80-е гг. стали годами признания национальных языков в качестве важного фактора повышения образовательного уровня национальных меньшинств. В 1987 г. в СУАР функционировали 3524 начальные школы, в которых преподавание велось на уйгурском языке, и обучалось 873 768 человек, 42 % от всех учащихся начальных школ. В начальных школах на монгольском языке обучалось 18 152 человека, на таджикском языке — 3251. В СУАР имелось 86 начальных, 13 средних школ 1-й ступени и 4 средние школы 2-й ступени, где

преподавание велось на киргизском языке¹⁴. С 1983 по 1986 г. число окончивших начальную школу среди дунган выросло с 30 до 80 %¹⁵.

Руководство на местах стало больше внимания уделять изучению уйгурского и китайского языков. Изучение представителями национальных меньшинств китайского и китайцами уйгурского языка рассматривается в СУАР как одно из важнейших мероприятий по укреплению единства и сплоченности различных национальностей, ускорению развития производства, преодолению культурного отставания. На ряде предприятий успешно действуют учебные курсы уйгурского и китайского языков. Новый импульс этому делу должны дать меры, направленные на обязательное изучение молодежью двух языков. Вместе с тем в СУАР, как и во многих других автономных районах КНР, имеется ряд факторов, тормозящих ход данного процесса. Особую озабоченность вызывает отсутствие учебников и справочных изданий, а также детской литературы на национальных языках. К 1987 году издания на языках национальных меньшинств составляли в СУАР лишь 37 % общего тиража¹⁶.

В СУАР сталкиваются и с другими сложными проблемами, в числе которых, например, высокий процент отсева учащихся, который еще сохраняет тенденцию к росту. Отсев в начальном образовании, когда происходит усвоение элементарной грамотности, является весьма серьезной проблемой и служит одним из источников пополнения числа неграмотных.

Трудно переоценить роль педагогических кадров в развитии образования. Вопрос о том, кто и как должен обучать детей, вызывает озабоченность в СУАР, где сложилась противоречивая ситуация. С одной стороны, интересы дела требуют увеличения числа профессиональных педагогов, а с другой — многие квалифицированные преподаватели не работают по специальности. В последние годы заметно усилился контроль со стороны руководства СУАР за процессом распределения выпускников педагогических вузов, их не разрешается использовать в других отраслях народного хозяйства. В экспериментальном порядке были изменены правила приема в вузы СУАР. Вот уже несколько лет в Автономном районе определенное количество абитуриентов поступает в вузы без экзаменов. Такой эксперимент проведен в Синьцзянском, Кашгарском и Илийском педагогических институтах. В 1987 г. в вузы СУАР и других провинций страны были приняты без экзаменов 156 человек (из них 93 являются представителями национальных меньшинств).

Особенно сложная ситуация в вопросах подготовки кадров сложилась в Южном Синьцзяне. В 1986 г. 24 уезда и города Кашгарского и Хотанского округов, а также Кызылсу-Киргизской автономной области

лись происходящие здесь позитивные сдвиги, улучшение отношений между государствами, рост возможностей разрешения существующих конфликтов. Констатировалось, что на континенте наступил «новый период разрядки».

Знаменательным явлением современности стала созидательная работа, ведущаяся советскими людьми во имя гуманистического обновления общества. Она меняет облик Советского Союза, разрушая стереотипы его восприятия, сложившиеся в период застоя, утверждая новое политическое мышление, оказывает влияние на характер мировосприятия всеми антиядерными движениями планеты, включая религиозные. Хабаровская встреча не была в этом отношении исключением. Она прошла под знаком одобрения инициатив Советского Союза, направленных на укрепление мира и безопасности в АТР. Высокую оценку получили предложения, содержащиеся в речах М. С. Горбачева во Владивостоке и Красноярске. Одновременно участники встречи, как бы подчеркивая слияние миролюбивых усилий многих государств и народов, всемерно поддерживали движение неприсоединения, воздав должное его миротворческим усилиям. Особо было выделено всемирно-историческое значение Делийской декларации для строительства свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира.

Однако мимо внимания ее участников не могли пройти и те негативные тенденции, которые продолжают существовать в Азии, порой усиливаясь и дестабилизируя общую обстановку. Их анализу и выработке мер противодействия им была посвящена основная часть встречи.

Отмечалось, что в Азии еще велик потенциал сил войны, растет угроза ядерного конфликта на морских просторах, наращивают военную активность некоторые расположенные здесь государства. В контексте этих оценок положения в АТР в ходе работы форума было конкретизировано понятие «глобальная международная безопасность». Оно толковалось не только как военная, но и как полная экономическая, социокультурная и экологическая безопасность, как безопасность существования всех государств и народов мира. Участники конференции выступили за разрешение конфликтов политическими средствами, считая поддержание мирных взаимоотношений между государствами обязанностью всего международного сообщества.

На такое понимание «глобальной безопасности» оказало влияние политическое мышление, провозглашенное в Советском Союзе, оно — следствие того общечеловеческого содержания новой концепции международных отношений, которая стала ныне двигателем советской внешней политики. Этот общечеловеческий аспект советского подхода к международной жизни все более

глубоко воспринимается религиозными течениями, размывая зачастую присущие им традиционные формы мышления.

В выступлениях участников нашли отражение внутренние и международные аспекты политики отдельных стран и зон региона. В частности, большое место в них заняло Япония. Констатировалось расширение ее технической помощи развивающимся странам, рост ее авторитета в регионе. Вместе с тем было отмечено усиление роли этой страны как военной базы США в северо-восточной части Тихого океана, указывалось на рост ее военных приготовлений в зоне Тихоокеанского бассейна. Это направление политики Японии получило критическую оценку участников конференции.

Касаясь положения на Корейском полуострове, представители буддистской и христианской организаций КНДР выступили в поддержку инициатив правительства республики, содержащих развернутую программу действий по объединению Севера и Юга Кореи. Конференция поддержала эти инициативы и призвала все религиозные организации мира содействовать их осуществлению.

Объединения верующих КНР не принимали участия в форуме, тем не менее тема Китая неоднократно затрагивалась в ходе дискуссии. Как добрый знак происходящих в регионе позитивных перемен было расценено улучшение отношений КНР с Советским Союзом. Особо было подчеркнута большое международное значение расширяющегося диалога Китая с Индией.

В качестве главной задачи религиозных организаций конференция выдвинула всемерное усиление борьбы против угрозы войны, за ликвидацию ядерного оружия. С этих позиций ею была дана высокая оценка советско-американскому соглашению об уничтожении ракет среднего и меньшего радиуса действия. Участники конференции поддержали борьбу в защиту мира, которую ведут народы региона, за полное и всеобщее разоружение.

Конференция сформулировала программу конкретных политических действий по углублению разрядки: требование созыва международной конференции с целью превращения Индийского океана в зону мира, поддержка ООН в ее усилиях по мирному разрешению конфликтов, расширение состава и демократизации работы Совета Безопасности ООН, осуществление ряда организационных мер во всех странах с целью стимулирования процесса разоружения и др.

Все они ныне поставлены на повестку дня повседневной работы буддистских и христианских организаций.

В связи с ростом задач, встающих перед миролюбивой религиозной общественностью, ныне приобретает новое звучание проповедническая деятельность и изыскания в области теологии, которые могли бы облекч

политические требования в привычную для верующих форму. Уделив внимание этому вопросу, участники форума дали оценку некоторым процессам, развивающимся в рамках религий. Был подчеркнут межнациональный и интернациональный характер их призыва к миру, осуждены попытки использовать верования в целях раздувания этнического эгоизма и агрессии. Конференция призвала религиозные и гражданские миротворческие движения, народы всех стран АТР поднять уровень информированности по вопросам мира, способствовать воспитанию людей в духе приверженности международному сотрудничеству.

Идейно-политическая платформа Хабаровской встречи содержит ряд важных положений, созвучных целям международного движения за мир. Конференция приняла итоговый документ — «Совместное буддистско-христианское обращение ко всем нациям и народам», призвав общественность всего мира удвоить усилия в борьбе против ядерной угрозы, за разоружение.

Встреча в Хабаровске стала первым шагом на трудном пути установления единства и солидарности буддизма и христианства. В условиях, когда между различными течениями верующих все еще существуют серьезные разногласия, когда рознь из-за несходства вероисповеданий сохраняется, особое звучание получает содержащийся в обращении призыв «начать межрелигиозный диалог и сотрудничество в целях содействия гармонии и миру во всем мире».

На основе совместной борьбы за мир, против ядерной угрозы может сложиться и уже складывается союз атеистов и верующих в странах АТР. Преодолевая традиционную замкнутость вероучений, Хабаровская встреча выделила в качестве одной из задач «соединение усилий верующих и атеистов

в общей борьбе на благо человечества». Этот порыв заслуживает всемерной поддержки, следование ему приблизило бы миллионы адептов религии к светским общественным организациям, идущим в авангарде борьбы за предотвращение ядерной угрозы.

Основу этого диалога могли бы составить:

— осознание мира как нравственного императива, как высшей моральной ценности, общей для всех, независимо от вероисповедания;

— усилия, нацеленные на решение экономических проблем развивающихся стран АТР, в интересах достижения экономической безопасности, на основе преодоления отсталости, голода, социальных бедствий;

— акцентирование экологической проблемы, все более обостряющейся в связи с гонкой ядерных вооружений и военными конфликтами;

— утверждение ценности человеческой жизни как условия и арены для деятельности во имя осуществления нравственных идеалов, художественного творчества, интеллектуальных устремлений, необходимых для воплощения в жизнь того образа земного человека, к которому устремлены помыслы широких народных масс.

Иными словами — диалог и сотрудничество в целях гуманизации международных отношений, отстаивание общечеловеческих приоритетов, защита жизни от угрожающей ей ядерной катастрофы сейчас становится общей задачей атеистов и верующих в странах АТР. Хабаровская встреча наглядно продемонстрировала это.

*Б. В. ПОСПЕЛОВ,
доктор исторических наук*

А. А. ДОЛИН,
кандидат филологических наук

После опубликования серии статей «Легендарный монастырь, или Традиции ушу» (№ 4, 5, 6 за 1988 г. и № 1 за 1989 г.) редакция получила много читательских откликов. В них благодарность за публикацию и пожелание, чтобы разговор о традиционных воинских искусствах Востока был продолжен. Об этом, в частности, просят товарищи Д. Д. Костровский (Ульяновск), Г. Н. Добридник (Ровно), М. Ю. Лавров (Куйбышев), А. Н. Волошин (Благовещенск), О. В. Жиделев (Хабаровск) и другие.

Откликаясь на пожелание наших читателей, мы решили продолжить рассказ о восточных воинских искусствах, о сегодняшнем их значении в воспитании гармонически развитой личности. Это тем более актуально, что по всей нашей стране возникают группы гимнастики ушу и других видов восточных воинских искусств, они объединяются в ассоциации, центры, клубы, проводятся фестивали и слеты их участников.

Журнал намерен в дальнейшем публиковать материалы и о других восточных оздоровительных системах и различных видах традиционных боевых и спортивных единоборств, в частности о японском бу-дзюцу — системе психофизического тренинга, связанного с философией дзэн-буддизма.

Подобные материалы помогут постичь тайны восточных воинских искусств, лучше овладеть всеми комплексами дыхательных и гимнастических упражнений. Без изучения философских воззрений древних, их представлений о человеке и мире невозможно постичь ушу, овладеть тайнами этого искусства.

Ниже мы публикуем статью, излагающую основы мировоззрения древних китайских мастеров, создателей различных систем так называемой даосской йоги и основателей школ ушу «внутреннего» направления.

Ушу — прошлое и будущее

В современном мире ушу — комплекс традиционных воинских искусств и система психофизического самосовершенствования — вызывает немало разноречивых толков. Растущий год от года поток методических пособий и поверхностных исторических описаний, по сути дела, не проясняет главного — глубинного смысла и внутреннего содержания ушу, того, что позволило этой древней «науке жизни» развиваться на протяжении тысячелетий, оставаясь уникальной сокровищницей знаний для народов Востока. Чтобы приблизиться к истокам ушу как учения, необходимо рассматривать его во всей совокупности исторических, религиозно-философских, культурологических и медико-биологических факторов.

Ушу изначально включало все области человеческой деятельности, относящейся к войне и военному делу, в том числе рукопашный бой с оружием и без него, стрельбу и метание различных снарядов, вольтижировку, элемент армейской стратегии и тактики, а также акробатические трюки в театральных поединках и спортивные показательные выступления. Однако необходимой составной частью любой разновидности ушу всегда считался соответствующий психофизический тренинг.

В Китае главные виды ушу обычно подразделялись на три группы: единоборство с оружием и без; стрельба и метание; театрализованные и спортивные выступления. В других вариантах классификации разделялись борьба без оружия и фехтование (на копьях, мечах, палках и т. п.) в рукопашном бою, хотя различие проводилось далеко не всегда, поскольку обучение в школах ушу было комплексным и включало работу с оружием. Тем не менее внутри ушу еще в средние века прочно

утвердилось понятие кулачного боя (цюань-фа), борьбы против вооруженных или невооруженных противников голыми руками или при помощи подручных средств. Из цюань-фа в свою очередь выделились комплексы разминочных, стимулирующих и укрепляющих упражнений, которые вкупе с дыхательной гимнастикой и биоэнергетическим тренингом составили оздоровительный раздел ушу. В наши дни особой популярностью в КНР пользуются спортивные и оздоровительные виды ушу — ими занимаются более двухсот миллионов человек.

На протяжении веков обучение солдат в императорской армии или крестьян в повстанческих лагерях шло по облегченной программе, которая должна была привить определенную культуру движения, дать базовую технику ушу и навыки владения основными видами оружия. Настоящие же мастера, стремившиеся к самосовершенствованию, проходили многолетний курс обучения в монастырях и закрытых школах, где опытные наставники посвящали их в тайны ци-гун — техники управления жизненной энергией. Только эзотерические школы, располагающие обширными, детально разработанными методиками тренировок, могли дать ключ к тайнам ушу.

Условно можно выделить следующие источники ушу как комплексной системы интеллектуального и психофизического тренинга:

1. Даосская философия, привнесшая в ушу идеи пустотности вселенной, борьбы сил *инь* и *ян*, взаимодействия пяти стихий, Недеяния, Податливости, Естественности, всеобщего ритма превращений.

2. Традиционные теории китайско-тибетской медицины о циркуляции биоэнергии *ци* в макрокосме и в человеческом организме, о точках и меридианах, об их связи с внутренними органами.

3. «Бионика древности», наблюдение за повадками животных, из которого возникли «звериные» стили ушу.

4. Йога как система психотренинга, физического и духовного совершенствования человека в ее многочисленных разновидностях, с учетом нескольких основных направлений: индийская йога, тантрическая (китайско-тибетская) буддийская йога, чань (дзэн) — буддийская йога и даосская йога.

5. Опирающаяся на теории даосских мыслителей военная наука Древнего Китая, в которой сформулированы принципы стратегии и тактики борьбы.

К составным частям действующей системы ушу можно отнести:

1. Конфуцианские этические нормы в формировании личности.

2. Разнообразную, детально разработанную методику обучения (подготовка тела, психическая перестройка, способы работы с пятью стихиями, с предметами и формами-образами).

3. Обширнейший арсенал технических приемов ушу во всем изобилии стилей и школ.

Такая классификация дает возможность рассматривать ушу как единую систему, как феномен культуры, как Учение.

К середине 1-го тысячелетия нашей эры в Китае обозначилось деление эзотерических воинских искусств на две магистральные ветви — даосскую и буддийскую.

Даосская ветвь ушу породила школы так называемого мягкого, или внутреннего, направления (нэй-цзя), среди которых особенно выделяются сформировавшиеся уже в эпоху позднего средневековья Тайцзи-цюань (Великий предел), Багуа-чжан (Восемь триграмм) и Син-и (Направленная воля). В этих и других, менее значительных, школах «внутреннего» направления акцент в тренировке делается на развитие энергетических способностей организма, на управление биоэнергией *ци*. Большое внимание уделяется общеоздоровительным аспектам. Местом зарождения «внутреннего» направления ушу по традиции считается гора Удан в провинции Хубэй, и все «мягкие» школы иногда объединяются общим понятием Удан-пай (стиль Удан). «Внутреннее» ушу практиковалось в различных даосских сектах.

Монастырские буддийские школы практиковали так называемое внешнее направление ушу (вай-цзя), в котором уделялось особое внимание закалке тела и развитию скоростно-силовых качеств, однако и к ним приложимы все классические принципы системы. Поскольку чань (дзэн)-буддизм внес наиболее заметный вклад в формирование философской базы «внешнего» ушу, хранителями канонов стали в первую очередь монахи своеобразного ордена, оформившегося на базе монастыря Шаолинь в провинции Хэнань. Шаолинь имел ряд филиалов в самом Китае и за его предела-

ми (в Корее, Вьетнаме, Бирме, на Окинаве), где воинственная братия в качестве повседневной схимы осваивала сложную науку рукопашного боя, полагая, что именно она есть истинный путь к духовному и физическому совершенствованию.

Школ «внешнего» направления насчитывается более 360. Среди них особой популярностью пользуются такие, как Шаолинь-сы-цюань, Чан-цюань, Хун-цзя, Лю-цзя, Мо-цзя, Цай-цзя, Эрлан-цюань, Та Мо-цюань, Вэнь-чунь, Ху-пай, Шэ-пай и др.

Существует также немало «синтетических» школ, сочетающих особенности «внутреннего» и «внешнего» направлений. Наиболее типичный пример — большая школа Эмэй-шань-цюань. Уже в наши дни предпринималось много попыток соединить самые различные школы и стили, взяв отовсюду наиболее ценные элементы. Одной из таких попыток явилась созданная современным мастером и актером Брюсом Ли школа Джет-кун-до.

В Китае и в сопредельных странах Дальнего Востока мастера ушу неизменно становились героями народных преданий и легенд, рыцарских баллад, сказаний, романов и драм, и в наши дни они буквально заполнили кино- и телеэкраны, воплощая извечный идеал благородного защитника справедливости.

Комплекс традиционного ушу как система психофизического совершенствования личности не ограничивался узкими рамками спорта, военно-прикладных дисциплин или театрализованных зрелищ. Не случайно в истории дальневосточной цивилизации понятия *вэнь* (культура) и *у* (воинственность) не только соприкасаются друг с другом, но и тесно переплетаются. Если считать изящные искусства одной половиной духовной жизни образованного человека в старом Китае, то второй половиной будет, очевидно, ушу во всей сложности и многоплановости различных школ. Настоящий мастер должен был в равной степени владеть мечом и кистью, знать чайпую церемонию и искусство аранжировки цветов, уметь слагать стихи и биться на кулаках.

Самый заметный вклад внесло ушу в развитие классического театра. Тщательно разработанные батальные сцены со сложнейшими трюками и виртуозной акробатикой входят в режиссуру многих спектаклей традиционной Пекинской оперы. До наших дней большинство актеров китайского театра и цирка проходят подготовку по курсу одной из школ ушу.

Прочные позиции в Китае и во всем мире завоевали различные виды спортивного ушу: спарринги, формальные упражнения без оружия и с оружием, тесты на раскалывание досок, кирпичей и камней, на выносливость и силу.

Медицина все чаще обращается к ушу в поисках наиболее эффективных путей психической саморегуляции, применяя опыт старых мастеров в области мануальной терапии, точечного массажа и акупунктуры.

В армии и полиции многих стран ушу — важнейшая составная часть подготовки личного состава (хотя здесь, разумеется, речь идет уже не о комплексе знаний, а лишь об одном, прикладном аспекте).

В то же время и сейчас, как много веков назад, мастера ушу и ци-гун безбоязненно ложатся под грузовик с камнями, ходят по углям и битому стеклу, подставляют руку под удар меча, рвут железные цепи и завязывают узлом стальные стержни, а также диагностируют и излечивают многие болезни, демонстрируют уникальные способности к ясновидению, телепатии и телекинезу. Секрет этих чудес кроется не в волшебных мудрах, мантрах и заклятиях, а в самом человеке, в неисчерпаемых ресурсах его организма, которые только начала осваивать современная наука.

Небо — земля — человек

Краеугольный камень всех дальневосточных систем психофизического тренинга — философские воззрения даосских мыслителей Древнего Китая, нашедшие отражение как в гуманитарных, так и в естественных науках.

В представлении даосов природа человека есть порождение Земли и Неба, поскольку все на свете — порождение Земли и Неба. В начале бытия прозрачный воздух (эфир) в Пустоте отделился от хаоса, поднялся и образовал небо, а тяжелый и мутный, опустившись, образовал землю. Во взаимодействии мельчайших частиц — семян (цзин) неба и земли возникли *инь* и *ян* — нераздельно связанные друг с другом силы Тьмы и Света, Холода и Тепла, Зла и Добра.

Постепенно нарастая одно в другом, эти начала проходят стадию Великого предела, когда преобладание *инь* сменяется преобладанием *ян*, а затем движение идет в обратном направлении. Этот процесс бесконечен, ибо движение во вселенной, условно отождествляемое с символом спирали, вечно. В покое может находиться лишь условный центр вселенной, от которого как бы концентрическими волнами распространяется движение и само бытие. Чисто умозрительно представив себя таким центром мироздания, точкой в середине круга, человек может обрести покой, гармонию и уверенность, столь необходимые в жизненной борьбе.

Вся теория даосизма, созданная в середине I-го тысячелетия до н. э. великими мыслителями Ле-цзы, Лао-цзы, Чжуан-цзы и их последователями, зиждется на тезисе о соотношении сил *инь* и *ян*. От *инь* и *ян* берут начало четыре времени года и вся тьма вещей.

Все в органической и неорганической природе — одушевленные твари и неодушевленные предметы — сотворены, согласно учению даосов, из одного материала. Они являются материальной субстанцией «жизненной энергии» (*ци*), ее видимой манифестацией. Само понятие *ци* родственно понятию прана в философии индуизма. Китайские источники дают различные толкования термина *ци* в зависимости от контекста: воздух, дыхание, эфир, дух, животворящая энергия, жизненная сила, пневма, среда взаимодействия сил *инь* и *ян*, конструирующий материал бесчисленных «форм» вещей, явлений и процессов. Существуют разновидности *ци* — грубые, замутненные и чистые, тонкие, легкие. Грубые образуют сущности материальные, тонкие — сущности духовные. Очищенная, рафинированная *ци* переходит в дух (*шэнь*), становясь тем самым движущей силой мироздания.

Очищение *ци* в человеке при помощи специальной психофизической практики должно вести не только к чисто физическому, но также к нравственному и духовному оздоровлению личности. Такое «очищение» всегда считалось необходимой предпосылкой «восхождения» в религиозных даосских, а также буддийских сектах, во всех серьезных школах ушу. «Природа человека рождается из неба, характер человека рождается из *ци*, — сказано у Чэн Ичуаня (X—XI вв.). — Если *ци* чистое, то характер чистый, если *ци* грязное, то и характер грязный».

В представлении даосов, *ци* определяет не только личность человека, но и характер конкретного общества, и дух времени, и тип погоды, причем все в прошлом, настоящем и будущем оказывается связанным невидимыми потоками биоэнергии. Присутствие *ци* — основа жизни. С исчезновением *ци* для живого существа наступает смерть, а ослабление *ци* служит причиной болезней.

В классических трактатах *ци* порой выступает как вселенский энергетический океан, а человек — как льдинка, застывшая из капель влаги и обреченная со временем вернуться в изначальное состояние. В своей энергетической ипостаси *ци* однородна и состоит из микрочастиц *цзин*, но все их соединения, имеющие мириады форм, творятся из условно выделенных пяти первоэлементов (стихий), о которой в «Шу-цзин» («Каноне историй», V в. до н. э.) сказано:

«Первое начало — вода, второе — огонь, третье — дерево, четвертое — металл, пятое — земля. Постоянная природа воды — быть мокрой и течь вниз, огня — гореть и подниматься вверх, дерева — сгибаться и выпрямляться, металла — подчиняться внешнему воздействию и изменяться»*.

Эти на первый взгляд тривиальные построения имеют решающее значение для всей даосской, буддийской, а также и конфуцианской философии, лежат в основе всех систем психофизического тренинга, всех комплексов воинских искусств. Особенность традиционного китайского мировосприятия как раз и заключается в том, что самые простые, казалось бы, мысли служат всего лишь знаком, символом невероятно сложных и многоплановых образов.

Философ Дун Чжуншу (II в. до н. э.) так формулирует классическую последовательность первоэлементов:

«Дерево рождает огонь, огонь рождает землю, земля рождает металл, металл рождает воду, вода рождает дерево. Это и есть существующие между ними отношения отца и сына. Дерево находится вверху, металл — внизу, огонь — впереди, вода — сзади, земля — в середине».

* Здесь и далее цитаты из сочинений китайских классиков древности и средневековья даются в переводах С. Кучеры, Л. Е. Померанцевой, Ян Хиншуна, Л. Д. Позднесовой, В. М. Алексеева.

Образуются пять стихий (у син) из «разделения *ци* неба и *ци* земли» в процессе взаимодействия сил *инь* и *ян*. Те же стихии могут находиться в порядке взаимопреодоления: дерево — земля — вода — огонь — металл. Сочетание стихий определяет ход вселенских метаморфоз, на которые ориентирована и вся система ушу.

Первоэлементы (у син) имеют соответствия и во внутренних органах тела, и во всех пяти чувствах человека, образуя пятеричные ряды цветовых, звуковых, вкусовых, осязательных и обонятельных ощущений. Отсюда для даосов вытекала возможность научиться управлять «игрой стихий», улавливая закономерности их смены и взаимопереходов, культивируя в организме одно и подавляя, изживая другое. Однако прежде всего следовало постигнуть Естественный порядок вещей, Великое Дао — Всеобщий Путь развития жизни.

В древности и средневековье на Востоке не было строгого деления на религию, философию и науку. Даосизм, буддизм и конфуцианство, подобно исламу или иудаизму, сочетали в себе свойства религиозного учения, научной теории, философии и этических концепций, влияющих на выработку государственных законов. Различные аспекты этой «науки жизни» фиксировались в письменных источниках в развернутом, а иногда и в закодированном виде.

Для Китая первым «священным писанием» явился «Канон перемен» («И-цзин»), содержащий в виде математических и образных символов все представления мыслителей древности о мире и человеке. На протяжении тысячелетий «Канон перемен» составлял фундамент традиционной китайской философии, астрономии, медицины, воинских искусств, а также всех прочих наук и искусств самого различного толка.

Согласно учению «Канона перемен», жизнь есть бесконечная череда превращений, порожденных взаимодействием и борьбой сил *инь* — *ян*, света и тьмы, упругости и податливости, жары и холода. Все возможные варианты метаморфоз условно обозначаются графическим кодом, так называемыми триграммами (гуа), знаками-символами из трех неодинаковых черт.

Первоначально было создано восемь триграмм, прикрепленных к конкретным кругам понятий и получивших определенные названия: творчество, исполнение, возбуждение, погружение, пребывание, утончение, сцепление, разрешение. Любой жизненный процесс можно вписать в предложенную схему триграмм на стадиях зарождения, бытия и исчезновения.

Те же триграммы олицетворяют космологическую структуру макро- и микромиров, служат ориентирами восьми сторон света. Со временем символы триграмм были удвоены, и образовались 64 гексаграммы. На графической схеме их обычно располагают двумя концентрическими кругами, а в середине помещается символ *инь* — *ян* в виде взаимопереходящих долей. Целые горизонтальные черты воплощают силу *ян*, прерванные — силу *инь*. Смещением кругов относительно друг друга достигается множественность вариантов «перемен». От сочетания целых и прерванных линий в гексаграмме зависят ее особенности, а значит, и особенности соответствующей ситуации, движения, состояния, функционирования пяти стихий.

В жизненной борьбе, как и в схватке с конкретным противником, будь то человек или зверь, побеждает лишь постигший закономерности «перемен», взаимодействия покоя и движения, сжатия и растяжения, наступления и отступления.

Мастера ушу, внимательно изучая «Канон перемен», сформулировали правила уравнивания полюсов, компенсации активного действия пассивным противодействием и оптимального разрешения противоречий. В даосских школах ушу (Тайцзи-цюань, Ба гуа-чжан, Син-и) каждое движение дополняется своей противоположностью: за поднятием руки следует опускание, за шагом вперед — откат назад, за концентрацией биоэнергии — ее изливание, за окончанием одного действия или серии действий — начало другого. Плавное переплетение, непрерывная смена движений сравниваются со спокойным током равнинной реки, мощным и уверенным, преодолевающим все препятствия на пути. При этом каждому движению, соотношенному со сторонами света и пятью первоэлементами, соответствует одна из шестидесяти четырех гексаграмм.

В основе всего даосско-буддийского миропорядка заложена идея изначальной Пустоты, Небытия — в противоположность греко-латинской, а позже христианской модели мира как осознанного материального бытия. Ее математический символ — ноль, пространственный — круг, умозрительный — ничто. Но если сумма и произведение

всех предметов и явлений равны нулю, то и каждая вещь, согласно учению даосов, равна нулю, то есть мнима. Из этого идеалистического построения следует, что вселенная равна человеку, а человек равен вселенной и может стяжать всю ее мощь — если, конечно, найдет правильный Путь. Итак, дело в поисках Пути, определяющего место человека во вселенной.

Весь сонм превращений в большом и малом следует своему естественному Пути — Дао. В трактате «Хуайнань-цзы» (II в. до н. э.) приводится красочное метафорическое описание понятия Дао: «Дао покрывает небо, поддерживает землю, развертывает четыре стороны света, раскрывает восемь пределов... Сжатое способно расправляться, темное способно быть светлым, слабое способно быть сильным, мягкое способно быть твердым... В природе все и без насилия согласно с Дао и без уговоров проникнуто благом... На разум опирается и кончик осенней паутинки, и целостность всего огромного космоса. Благо Дао приводит в согласие небо и землю, в гармонию *инь* и *ян*, согласует пять первоэлементов...»

Невыразимая природа Дао в даосской системе ценностей символизирует мировую гармонию, порядок и равновесие. Достигнув внутреннего равновесия, человек приобщается к естественной гармонии бытия, но для этого нужно овладеть разлитой в тебе биоэнергией *ци*, научиться управлять ею, изливать ее и впитывать из космического океана. Нужно также, «очищая *ци*», вызволять из состояния замутненности дух *шэнь* и стремиться к просветлению. Однако просветленный дух и «очищенная» энергия должны обраться в достойном вместилище, а потому следует всячески заботиться о своем теле, оберегать его и развивать, дабы получить совершенное Единое целое — слияние физического и духовного, рационального и сверхрационального начал. Таковы задачи даосской (а равно и буддийской) йоги, давшей миру десятки и сотни вариантов уникального психофизического тренинга.

Способом постижения Дао и обретения целостности для даоса становилось сознание закона всеобщего соответствия, нормой жизни — адаптация к природе и обществу посредством включения в «игру стихий».

Правильное понимание Дао и воплощение Пути в жизнь получило в даосской философии название *дэ*. Это понятие фигурирует и в знаменитом трактате Лао-цзы (VI—V вв. до н. э.) «Дао дэ-цзин» («О Дао и его манифестации»). Обладание *дэ*, по мысли Лао-цзы, равносильно достижению полной естественности, органического слияния с природой:

«Кто содержит в себе совершенное *дэ*, тот похож на новорожденного. Ядовитые насекомые и змеи его не ужалят, свирепые звери его не схватят, хищные птицы его не заклюют... Он совершенно гармоничен».

Состояние естественности (*цзыжань*), свободной расслабленности считается в даосской натурфилософии залогом правильной циркуляции энергии в теле и энергетического «обмена» с макрокосмосом. Потому и в ушу в качестве исходной психологической установки для мастера выступает освобождение от оков рационального мировосприятия, пустого умствования. Иллюстрацию ценности этого постулата мы находим в притче Чжуан-цзы (IV—III вв. до н. э.):

«Ведь пьяный при падении с повозки, даже очень резком, не разобьется до смерти. Кости и сочленения у него такие же, как и у других людей, а повреждения иные, ибо душа у него целостная. Сел в повозку неосознанно и упал неосознанно. Думы о жизни и смерти, удивление и страх не нашли место в его груди, поэтому, сталкиваясь с предметом, он не сжимается от страха. Если человек обретает подобную целостность от вина, то какую же целостность должен он обрести от природы. Мудрый человек сливается с природой, поэтому ничто не может ему повредить».

Даосы воспринимали мир в его единстве, стараясь избегать столь характерного для западного мышления дуализма, деления на хорошее и плохое, красивое и уродливое — ведь начала *инь* не может быть без начала *ян*, тьмы без света.

Вследствие того что существует правда, существует неправда; вследствие того что существует неправда, существует правда — учит Чжуан-цзы. Поэтому совершенно-мудрый не следует этому различию, а сообразуется с природой и следует естественному течению.

Постижение Дао и следование ему в потоке бытия становилось единственной

целью истинного даоса. Способы же достижения цели могли бесконечно варьироваться — от сидячей медитации до сложения стихов, составления букетов, от рисования до практики воинских искусств.

Вечное движение в космическом вихре пяти стихий — основа основ даосского учения о мироздании, о времени и пространстве, о человеке и его месте во вселенной:

«Прошедших лет нельзя начать сначала, время нельзя остановить. Вещи то уменьшаются, то увеличиваются; то наполняются, то пустеют; прекращают свое существование и начинают его сызнова.— пишет Чжуан-цзы.— Поэтому говорят о стремлении к справедливости Великого Дао и рассуждают о естественном законе всех вещей. Жизнь всех вещей стремительна, как галоп коня; нет в ней ни единого движения, которое не вызывало бы изменений, нет ни единого момента, который не принесил бы перемен».

Что же делать человеку, желающему постигнуть «естественный закон»? По сути дела, ничего, по крайней мере ничего лишнего. Никакой суеты, никаких попыток идти против течения, бороться с сильнейшим, давая место негодованию и гневу. Побеждать следует Недеянием, совершенствовать тело и дух, применяясь к законам природы. Не обязательно предаваться аскезе, удалясь от мира с его тревожностями, опасностями, досадными конфликтами. Бороться необходимо, но лишь тщательно взвесив соотношение сил и выявив слабые места противника. Таков закон жизни. Такова наука борьбы, наука выживания:

«Тот, кто познал Дао, непременно постигнет закон природы; постигший закон природы непременно овладеет умением соответствовать положению вещей,— продолжает Чжуан-цзы.— Человека совершенных моральных качеств огонь не может обжечь, вода — утопить; ни холод, ни жара не могут причинить ему вреда; ни птицы, ни звери не могут его погубить. Это не означает, что он пренебрегает опасностями. Это говорит только о том, что он тщательно изучает безопасное и опасное; сохраняет спокойствие в беде и в счастье; осторожно относится к своему уходу и приходу...»

В даосских сочинениях популярен образ Мягкого и Слабого, одолевающего все твердое и сильное. Совершенноумдые, в понимании даосов, это те, кто действуют мягко, а на деле твердо; с помощью слабого оказываются сильными. Следуя смене превращений, овладевая искусством Одного, и с помощью немногого управляют Многим. Те, кто «сильны делами», встречая изменения, откликаются на момент, устраняют несчастье, побеждают трудности. Нет такой силы, которую бы они не одолели, нет такого врага, которого бы не осилили.

В соответствии с приведенными положениями из трактата «Хуайнань-цзы» ловкость и увертливость должны одолевать грубую физическую силу, податливость должна обращать натиск врага против него самого, парализуя его агрессивность.

Вдумываясь в глубинный смысл строк трактата, мы увидим подтверждения им повсюду: растут, высыхают и ломаются стволы на кусте орешника, на смену им из того же корня тянутся новые побеги, сменяются поколения, молодость неизменно теснит старость и побеждает. Сама цикличность вселенских метаморфоз предопределяет угасание всего отжившего, утратившего свежесть и гибкость, изжившего свое Дао.

Для объяснения принципа мягкости и податливости, побеждающего грубую силу, в теории ушу приводится немало колоритных образов: бамбук, гнущийся под ветром, но не ломающийся; ветви ивы, что клонятся к земле, а затем распрямляются, сбрасывая тяжкие пласты снега. Однако самый древний и самый универсальный образ-символ — это вода, предметное воплощение даосской философии жизни: вода, которая точит камень, сокрушает скалы, проходит сквозь песок и, как мы теперь знаем, генерирует энергию.

Не менее характерен и образ ветра, все сильного вихря, мчащегося в Пустоте, для которого нет никаких препятствий.

«Я поднимаюсь с воем в Северном океане и переносюсь в Южный океан, однако если кто-либо тронет меня пальцем, тот победит меня; если станет топтать ногами, то тоже меня одолеет. Хотя это и так, но ведь только я один могу ломать большие деревья и разрушать большие дома. Поэтому я использую

множество маленьких непобед и превращаю их в большую победу. Однако стать великим победителем может только совершенномудрый, постигший Дао», — сказано у Чжуан-цзы.

Постигнув Дао, следовать ритму вселенских метаморфоз, согласовывать все свои действия с изменениями в окружающем мире — вот залог победы в большом и малом.

«Люди часто прибегают к насилию, прикрываясь при этом ложной добродетелью. Они надеются на свою способность и действуют своей хитростью. Но всего этого нет у совершенномудрого, — поучает «Гуань-цзы», памятник I в. до н. э., обобщивший опыт философской мысли минувших веков. — Отсутствие этих качеств позволяет совершенномудрому, исходя из различных состояний вещей, постоянно менять свои представления о них. Это значит, что его сердце само по себе пусто. А пустота есть начало всех вещей. Поэтому благодаря пустоте сердца совершенномудрый может стать властелином Поднебесной».

Итак, следование естественному ходу вещей возможно благодаря Пустоте, то есть неангажированности, способности чутко реагировать на все окружающее и находить единственно верное решение в любой ситуации. Отсюда специфическое восприятие пространства и времени, осознание мига как вечности и вечности как мига. Отсюда представление о единстве, нераздельности всего сущего.

Пустота в учении даосов выступает как основа мироздания. Пустота первична, все имеющие форму тела вторичны.

«Тридцать спиц соединяются в одной ступице, образуя колесо, но колесо используется благодаря пустоте, которая имеется между спицами. — поясняет Лао-цзы: — Из глины делают сосуды, но употребление сосудов зависит от пустоты в них. Пробивают двери и окна, чтобы сделать дом, но пользование домом зависит от пустоты в нем. Вот почему полезность чего-либо имеющегося зависит от пустоты».

Применительно к ушу Пустота, пустотность духа-разума служит воплощением Абсолюта, истинного восприятия действительности, не замутненного страстями. Залогом внутренней гармонии, в представлении даосов, является невозмутимость духа, растворившегося в Пустоте (будунсинь), — качество, которое легло в основу всей системы даосского, а также и буддийского психофизического тренинга.

«Вот пример: самое ровное — это поверхность воды в покое. Подобно ей, он (совершенномудрый) все хранит внутри, внешне ничуть не взволнуется, — говорит Чжуан-цзы. — Совершенствование добродетели и есть воспитание в себе гармонии. Вся тьма вещей не заслуживает того, чтобы из-за нее тревожить сердце, поэтому он и покоен... Если в покое вода чистая, то тем более чист разум. Сердце мудрого в покое — это зеркало неба и земли, зеркало всей тьмы вещей. Ведь пустота, покой, безмятежность, безразличие, уединение, тишина, недеяние — это уровень неба и земли, высшее в природных свойствах».

Преодоление всякого страха, в том числе страха смерти, и осознание ее естественной неизбежности, составляют важный аспект учения даосов о невозмутимости духа. По словам Чжуан-цзы, «настоящий человек древности не знал ни любви к жизни, ни ненависти к смерти. Смерть и жизнь — это неизбежная судьба. Они так же естественны, как естественна постоянная смена ночи и дня».

Впрочем, такая постановка вопроса не означает решительного отказа от радостей жизни и притяжения мрачного пессимизма. Но обрести истинную внутреннюю гармонию способен лишь тот, чье сознание не замутнено страхом и ожиданием смерти, боязнь получить смертельную рану, утонуть или разбиться, прыгая со скалы. Страх смерти в занятиях ушу подобен искусственному тормозу, сдерживающему силы и энергию бойца. Единственный способ одолеть смерть — не страшиться ее.

Понятия Слабости, Податливости, Смирения, Пассивности составляют стержень даосского учения о всепобеждающем Недеянии. У Ле-цзы (VI—V вв. до н. э.) сказано:

«В Поднебесной есть путь к постоянным победам и путь к постоянным поражениям. Путь к постоянным победам называется слабостью, путь к постоянным поражениям называется силой. Оба эти пути легко познать, однако люди их не знают. Поэтому в древности и говорили: «Сильный старается опередить тех, кто слабее его; слабый — тех, кто сильнее его». Идущему впереди тех, кто слабее его, грозит

опасность от равного ему; идущему впереди тех, кто сильнее его, не грозит опасность. Так побеждают собственное тело, будто раба...

Хочешь быть твердым, сохраняй твердость с помощью мягкости; хочешь быть сильным, береги силу с помощью слабости».

Тот, кто достигнет полного «очищения ци», научится управлять своей жизненной энергией, обретет идеальное соответствие всех первоэлементов и сольется с природой. Слияние же с природой даст необходимую «настоящему человеку» целостность мировосприятия, которая и является залогом духовного и физического совершенства.

Поясняя качества «настоящего человека», Чжуан-цзы говорит:

«Он добивается единства своей природы, чистоты своего эфира (ци), полноты свойств, чтобы проникать в процесс создания вещей. Природа у того, кто так поступает, хранит свою целостность, в жизненной энергии нет недостатка».

Понятие Совершенства для даосов мыслится как максимальная результативность при минимальной затрате сил, как предельная приближенность к естественному ходу вселенских метаморфоз. Отсюда поэтика намека и обертона в поэзии и живописи, необычайная важность паузы, пробела, незаполненного пустотного пространства в искусстве. В практике ушу совершенство подразумевает способность без видимого напряжения, при помощи нескольких экономичных, энергетически наполненных движений противостоять любому противнику, используя силу самого противника, — причем так, чтобы смысл этих действий остался непонятен постороннему наблюдателю благодаря четкой ориентации во времени и пространстве.

«Великое совершенство похоже на несовершенное, — резюмирует Лао-цзы, — но его действие не может быть нарушено, великая пустота похожа на полноту, но ее действие неисчерпаемо».

Гармония, невозмутимость духа, следование Пути определяют принцип духовного и физического развития личности в учении даосов. «Кто умеет вести правильную и спокойную жизнь, у того мускулы бывают гибкие, а кости крепкие, — сказано в «Гуань-цзы». — Кто не теряет способности вести правильную и спокойную жизнь, у того добродетель совершенствуется изо дня в день...

Кто способен быть справедливым и спокойным, тот может стать стойким.

При стойком сердце уши и глаза становятся чуткими, руки и ноги — крепкими».

Однако для совершенства мало природной гармонии и пассивной созерцательности. Всякая способность человека хороша лишь тогда, когда она развита и доведена до совершенства усердным рдением. Чтобы овладеть искусством всеисильного Недеяния нужно долго и самозабвенно учиться, постигая истоки.

«Кто умеет крепко стоять, того нельзя опрокинуть, — утверждает Лао-цзы. — Кто умеет опереться, того нельзя свалить. Сыновья и внуки вечно сохраняют память о нем».

Путь к естественности лежит через трудный многолетний тренинг. Иначе не стать настоящим мастером на своем Пути, не овладеть искусством Дао.

Что же подразумевали древние под словом «мастер» («шифу») в воинских искусствах и прочих сферах деятельности. Определение понятия мастер дает «Гуань-цзы»:

«Умение сосредоточить свое внимание на одной вещи и изменять ее называется чудесным мастерством. Умение сосредоточить свое внимание на одном деле называется способностью ума. Изменяя вещи, не подвергать изменению свой дух и, изменяя дела, не подвергать изменению свой ум — этого может достигнуть лишь тот, кто способен овладеть единым началом. Умение овладеть единым началом дает возможность не допускать ошибок и стать господином над вещами».

Итак, познавший единый Путь и конкретный путь своего учения (в рамках школы) становится носителем частного Знания, которое есть частица Знания универсального, осознания хода мировых перемен. Мастер существует благодаря своему Знанию и посредством Знания приобщается к великому Дао природы.

Учение каждой школы ушу, толкуемое как Путь, неизбежно приобретало характер священной эзотерической доктрины и существовало в веках на равных правах с религиозными сектами, будучи как раз по сути доктриной религиозной. Мирянам же открывались лишь внешние слои «тайного знания», передававшегося из поколения в поколение узким кругом посвященных. Главным образом внешние стороны ушу открываются и многочисленным поклонникам «восточной мудрости» в XX в.

Окончание следует

Конец эры Сёва

Т. Г. СИЛА-НОВИЦКАЯ

7 января 1989 г. после тяжелой болезни скончался 87-летний император Японии Хирохито, правивший страной более 62 лет. Это небывало долгий срок пребывания на троне даже в мировом масштабе. Следуя давней традиции, а с 1979 г. на основе специального закона в Японии параллельно с принятым во всем мире летосчислением сохраняется и особый отсчет времени по периодам правления императора. Со времени вступления на престол нового императора в стране начинается новая эра, для которой согласно строгим правилам выбирается специальный девиз. Так, эра правления императора Хирохито имела девиз *Сёва* («Светлая гармония»). Теперь этот девиз станет посмертным именем скончавшегося императора, именно под именем Сёва он войдет в историю.

Летосчисление по девизам правления, другими словами, система *нэнго* или *гэнго*, было заимствовано из Китая в VII в. в период переустройства японского общества по китайскому образцу. В Китае система летосчисления *гэнго* имела большое политическое значение, отражала представление о том, что «сын неба» царствует не только над пространством, но и над временем. В Японии сложилась своя особая система *гэнго*. Прерогатива перемены *гэнго* принадлежала только императору. При этом считалось, что таким образом император магически воздействует на дела земные, общаясь с небом. В прошлые века японские императоры за время своего правления меняли *гэнго* при неурожаях, эпидемиях, землетрясениях. Верили, что смена *гэнго* влекла за собой прекращение несчастья, а при радостных событиях служила способом передачи благодарности небу.

Обычай *гэнго* ко времени правления сёгуната Токугава потерял всякое значение для широких масс. В конце 60-х гг. XIX в. в Японии в повседневной жизни широко использовалась система летосчисления 60-летнего цикла, и лишь в сугубо официальных бумагах прибегали к династийному летосчислению¹. После реставрации императорской власти в результате незавершенной буржуазной революции 1867—1868 гг. для упрочения престижа верховного правителя императора Муцухито вновь в широкий обиход вводится система *гэнго*. Так появляется сочетание иероглифов *Мэйдзи* («Просвещенное правление»), ставшее известным всему миру как символ модернизации Японии, выведшей ее из состояния изоляции и отсталости. С этого момента девиз остается неизменным в течение всего времени правления императоров².

Эра *Сёва*, ведущая свой отсчет с 25 декабря 1926 г., вместила в себя сложное и противоречивое время. Япония пережила бурный рост капитализма, тяжелое бремя войн (1931—1945), повлекших неисчислимые жертвы среди японцев и других народов, трагедию Хиросимы и Нагасаки, унижительные годы американской оккупации и, наконец, невиданный экономический рост, выведший страну в ряд великих держав мира. Роль императора Хирохито до 1945 г. определялась статусом его божественного происхождения, а также по конституции Мэйдзи (1889) формально ничем не ограниченной верховной властью. Он сочетал функции верховного правителя, верховного главнокомандующего и главы национального культа, согласно установкам которого сам император провозглашался «живым богом» (*арахитогами*). Широкими массами японского народа император воспринимался в рамках его религиозного культа, он был окружен мистическим ореолом неприкосновенного монарха, отделенного от своих подданных системой табу, обеспечивавшей «поклонение на почтительном расстоянии».

После поражения Японии в войне дальнейшая судьба императора некоторое время оставалась предметом ожесточенных споров. 1 января 1946 г. император пуб-

лично отрекся от своего божественного происхождения. По конституции 1947 г. его место в политическом плане было ограничено статусом «символа государства и единства японской нации». За императором отныне закреплялись лишь многочисленные протокольные функции. Но, поскольку император фактически продолжал отправлять обряды как первосвященник национальной религии Японии, основы для культивирования почитания императора как хранителя традиционной духовной культуры оставались и после его отречения от божественного происхождения. Это позволяло сохранить в дальнейшем за конституционным монархом определенное место в системе националистической символики.

Согласно опросам общественного мнения, поддержка населением «символической монархии» в последнее десятилетие стабильно держалась на уровне 77 %³. Особенно ярко массовая популярность покойного императора Хирохито проявилась осенью 1988 г. в связи с его тяжелой болезнью. Атмосфера печали стала характерной чертой общественного климата в Японии. В буддийских храмах древних столиц страны Киото и Нара, связанных с императорской семьей, а также в главном синтоистском храме Исэ были проведены религиозные церемонии и молебны за выздоровление императора. Кроме того многие японцы, особенно пожилые, приходили и приезжали к императорскому дворцу и опустившись на колени молились за выздоровление императора. В первые дни болезни императора (конец сентября 1988 г.) сотни обеспокоенных японцев дежурили перед главными воротами императорского дворца. Вся страна, в том числе молодые японцы, старались не пропустить самые последние сообщения о состоянии здоровья Хирохито. Для передачи этих новостей даже прерывались телерепортажи о ходе Олимпийских игр в Сеуле.

Многие политические и общественные деятели, среди них премьер-министр Такэсита Нобору и члены его кабинета, а также зарубежные дипломаты нанесли визиты в императорский дворец и занесли свои имена в список доброжелателей.

В Японии, учитывая состояние Хирохито, начали готовиться к возможной кончине 87-летнего императора. Руководящие деятели страны получили распоряжение оставаться в столице на тот случай, если возникнет необходимость организовать процесс возведения на трон наследного принца Акихито. Однако японские власти отказались сообщить, как будут организованы официальные церемонии в случае смерти императора, хотя было широко известно о детально разработанном сложнейшем ритуале похорон и передачи императорской власти, рассчитанным более чем на год⁴. По мнению японских коммунистов, возможное превращение этих церемоний в государственные открыто нарушило бы положение японской конституции⁵.

22 сентября 1988 г. по решению кабинета министров на наследного принца Акихито было возложено выполнение официальных функций императора, однако регенство создано не было⁶. После того как в 1952 г. Акихито был объявлен наследным принцем, он выполнял протокольные обязанности в различных церемониях и в официальных поездках. Личность будущего нового «символа нации», по всей видимости, повлияет на характер «императорской системы» и ее идеологическую структуру, но пока трудно судить, в каком направлении.

Заметный диссонанс в общем настроении уважения и жалости к находящемуся в тяжелом состоянии императору внесли публикации от 21 сентября 1988 г. в английских газетах «Сан» и «Дейли стар». Статья в газете «Сан» предрекала, что «ад ждет этого императора зла», т. е. он умирает «ненаказанным за некоторые из самых ужасных преступлений нашего жестокого века». В «Дейли стар», также возглававшей на императора ответственность за преступления Японии в войне, он назван «сыном зла, правившим империей крови». Сочтя содержание этих статей «оскорбительным для Хирохито», тем более в такой критический момент для его здоровья, правительство Японии потребовало от издателей этих газет публичных извинений. В связи с этим на страницах японской печати было опубликовано заявление посла Великобритании в Японии, что статьи в газетах написаны в «дурном вкусе» и что они не отражают мнения большинства жителей Великобритании.

Внутри страны «дело об английских газетах» вызвало обострение многолетних дебатов между левыми партиями и правительством по вопросу о том, является ли император в соответствии с действующей конституцией монархом и главой государства. Дело в том, что посол Японии в Великобритании, направивший протест в адрес двух названных выше английских газет, именовал императора японским монархом.

Коммунистическая партия Японии немедленно обрушилась с критикой на посла за такой подход к определению статуса императора, подчеркнув, что он противоречит конституции. Официальный представитель Социалистической партии Японии обратился с запросом к правительству в связи с этим вопросом. Глава правительственного бюро по законодательным делам подтвердил известную позицию правительства, что император является японским монархом, когда дело касается внешнеполитических вопросов. По мнению КПЯ, ссылка на императора как на главу государства даже в таких немногих случаях, как дипломатические протокольные процедуры, является нарушением конституции. СПЯ также выразила обеспокоенность в связи с тем, что такой прецедент может привести к отходу от конституционного статуса императора как символа государства. По этому поводу высокопоставленный представитель МИД Японии заявил, что, несмотря на эти протесты, министерство будет по-прежнему использовать данный термин «в некоторых обстоятельствах»⁷.

Большой проблемой, связанной с дальнейшей судьбой «символической императорской системы», стал в настоящее время вопрос о процедурах, сопутствующих похоронам и церемониям престолонаследия. Дело в том, что вступление на трон нового императора будет происходить впервые в условиях новой демократической конституции. Многие ученые и лидеры оппозиционных партий опасаются, что это может стать поводом к возврату к порядкам конституции Мэйдзи, в соответствии с которыми организовывались церемонии вступления на престол императора Хирохито. Тогда проводилось три основных церемонии. Сразу же после смерти императора Тайсё (1926) была организована церемония *сэнсо*, ее центральным обрядом была передача новому монарху меча и яшмовых подвесок, двух из трех священных регалий, о которых тэнноистской пропагандой (*тэнно* — император) утверждалось, что они были дарованы трону прародительницей императорского рода богиней Аматаэрасу. Во время церемонии *сэнсо* передавались также императорская и государственная печати. Второй церемонией была *сокусикки* — первый прием императором высокопоставленных должностных лиц из правительства и провозглашение перед ними новым императором «занятия трона»⁸. Хирохито совершил эту церемонию лишь почти два года спустя после *сэнсо*.

Третья церемония *дайдзёсай* являлась определяющей с точки зрения содержания глубинных слоев символики тэнноистской идеологии. Сердцевиной этого праздника служил обряд нового урожая *нишамэсай*, но он содержал также множество сложных и утонченных обрядов, отличавших его от обычного *нишамэсай*. Кроме совместного вкушения плодов нового урожая с богиней Аматаэрасу и божественными императорскими предками, совершался обряд умиротворения духа усопшего и его возрождения в новом императоре, после чего последний приобретал, согласно верованиям, божественность.

Хотя правительство уклоняется от публичного обсуждения вопроса о планируемых ритуалах престолонаследия, стало известно, что оно собирается финансировать две первых церемонии как государственные дела. СПЯ и КПЯ высказали свои возражения, утверждая, что это противоречит изложенному в конституции принципу отделения религии от государства⁹. В ответ начальник юридического бюро кабинета министров заявил, что при необходимости ритуалы похорон императора и церемония престолонаследия будут проведены за государственный счет, но ни слова не сказал о том, станет ли государство отправлять синтоистские ритуалы. Генеральный секретарь кабинета министров Обути Кэйдзо заявил, что ритуалы будут проводиться в соответствии с конституцией и традициями двора и не стал вдаваться в подробности¹⁰.

Проблема, как считают многие японские ученые, возникла из-за недоработки положений закона об императорском дворе. В нем лишь констатируется необходимость проведения церемоний похорон императора и престолонаследования, но не раскрывается содержание этих церемоний. Это вызвало расхождения во мнениях ученых. Заслуженный профессор университета Киото Онси Есио заявил, что считает совершенно приемлемым осуществление всех ритуалов в синтоистском духе, как в период действия конституции Мэйдзи, к которой он относится как к изначальной конституции страны и противопоставляет действующему основному закону как навязанному оккупационными властями.

Саго Исао, профессор университета Токай, специалист по конституции, заявил, что невозможно дать четкий ответ на вопрос о соблюдении принципа отделения религии от государства при церемонии престолонаследования, так как разделение на

личные и государственные дела императорской семьи допускает двоякое толкование. Он указал, что в Японии монархия сосуществует с суверенной властью народа, и поэтому возможны несколько вариантов проведения престолонаследования конституционным и нерелигиозным путем, оставив религиозные ритуалы личным делом императорской семьи и проведя нерелигиозные публичные церемонии отдельно от них.

Профессор конституционного права Международного христианского университета Сасагава Норикацу отмечает, что финансирование правительством синтоистских обрядов было бы нарушением свободы совести. Он также признал, что проведение государством ритуала *сокуисики* означало бы нанесение высокопоставленными должностными лицами визита новому императору в знак повиновения, а это он расценивает как явное нарушение принципа суверенной власти народа¹¹.

Ассистент-профессор конституционного права университета Кюсю Экота Конти считает, что финансирование правительством церемонии *сэнсо* было бы явным нарушением конституции. Он обращает внимание на важность незамедлительного публичного обсуждения этой проблемы¹².

Закончилась эра *Сёва*. На престол Японии взошел новый император, 55-летний Акихито. Япония вступает в эру *Хэйсэй*. Этот девиз разработан специальной комиссией, созданной еще в 1979 г. Его можно перевести как «установление мира». Принято правительственное решение о проведении церемонии похорон и обрядов престолонаследования как государственных ритуалов, но те моменты в церемониях, которые напрямую связаны с синтоистскими верованиями, будут проводиться Управлением императорского двора, а не государственными органами.

Япония оказалась в начале переломного периода в развитии «символической императорской системы». Передача императорских полномочий Акихито, несомненно, повлечет за собой определенные коррективы в системе «символического императорского строя», в роли и образе нового императора. Однако в ближайшее время Акихито предстоит участвовать во многих церемониях, при этом заключительная коронация состоится лишь осенью будущего года. До этого времени вряд ли стоит ожидать каких-либо заметных шагов со стороны нового императора, так как это будет период траура в императорской семье.

¹ Мураками Сигэёси. Тэнно то нихон бунка (Император и культура Японии). Токио, 1986, с. 139—140.

² Мураками Сигэёси. Тэнно-но сайси (Культ императора). Токио, 1977, с. 123.

³ См.: «Майнити симбун», декабрь 1979, апрель 1981, март 1987; Киото симбун, январь 1985.

⁴ См.: Реестр предстоящих церемоний, «Акахата», 30.X.1988.

⁵ «Бунка хёрон», 1988, № 333, с. 28—36.

⁶ «Асахи симбун», 23.IX.1988.

⁷ "Japan Times", 12.X.1988.

⁸ Мураками Сигэёси. Тэнно то нихон бунка (Император и культура Японии), с. 194—

⁹ «Акахата», 25.XI.1988.

¹⁰ "Japan Times", 27.XI.1988.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

«Икэбана» в Москве

Московский клуб «Икэбана» действует уже более 20 лет. Он был учрежден в феврале 1968 г. при Обществе «СССР — Япония». Предыстория его такова. В 1962 г. в составе делегации деятелей культуры Японии нашу страну посетила преподаватель токийской школы икэбаны «Согэцу» Курамоти Юрико. Именно она впервые для многих из нас открыла прекрасное искусство икэбаны. Мы были поражены тем, как за считанные минуты всего из трех роз и двух веток Ю. Курамоти сотворила подлинное произведение искусства. До этого мы уже занимались составлением букетов, были знакомы с европейской аранжировкой цветов. Но искусство Ю. Курамоти было совсем иным, более эмоциональным, гармоничным, и после знакомства с ним мы серьезно увлеклись икэбаной.

Деятельность клуба началась с организации кружка, в котором изучение икэбаны проходило под руководством японских преподавателей. Кружок с некоторыми перерывами действует и по настоящее время. Обучение идет по программе школы «Согэцу», хотя более или менее подробно дается представление и о системах других направлений, например «Охара», «Икэнобо», «Корю». Начальное обучение в кружке обычно продолжается 1—2 года, и через него в общей сложности уже прошло около 350 человек. Большинство выпускников кружка вступили в клуб. Члены клуба продолжают повышать свои знания и технические навыки. Регулярно, раз в 1—1,5 месяца, устраиваются творческие встречи-семинары, где ведутся обсуждения представленных композиций на свободную или заданную темы. В последнее время встречи проходят совместно с группой японских женщин. Такое духовное общение с элементом соревновательности доставляет всем участникам много радости.

Кроме того, ежемесячно в один из выходных дней собирается актив клуба — каждый раз до 30 человек, — чтобы изучать икэбану по литературным источникам. Администрация школы «Согэцу» систематически присылает свои периодические издания. Изучая произведения японских аранжировщиков даже по фотографиям, мы не только учимся, но и пытаемся воспринять те ощущения, эмоции, которые пережил автор композиции в момент творчества. Открываем для себя не только безграничную красоту окружающего мира, но и внутреннюю красоту творца икэбаны, человека любящего, ценящего и понимающего природу.

Многие члены клуба сами ведут занятия по аранжировке цветов в кружках и на курсах при отделениях обществ охраны природы, в домах культуры, на предприятиях и в учреждениях, в учебных заведениях, читают лекции по путевкам Всесоюзного общества «Знание». Индивидуально или небольшими бригадами члены клуба выезжают в другие города страны для проведения встреч, выставок. Около 25 членов клуба сменили профессию и занимаются любимым делом — оформлением интерьеров, составлением букетов и композиций в стиле икэбаны, а также преподавательской и лекционной деятельностью.

За 20 лет клуб провел около 100 выставок в Доме дружбы с народами зарубежных стран, в Государственном музее искусств народов Востока, на ВДНХ, в Доме архитектора и в Доме медицинских работников, во многих выставочных помещениях. Большая выставка, длившаяся более двух недель в Государственном музее искусств народов Востока, была осуществлена совместно с его научными сотрудниками на высоком искусствоведческом уровне. На ней были показаны этапы исторического развития икэбаны. Совместно с японскими специалистами клуб показал свои композиции на выставке, приуроченной к открытию в Главном ботаническом саду АН СССР японского садика, созданного при непосредственном участии японских ландшафтных архитекторов. Клуб с успехом проводил показ икэбаны на городских и всесоюзных смотрах аранжировки и много раз получал аттестаты и дипломы.

Не боясь преувеличения, можно сказать, что выставки имели большой успех у публики, многим они впервые открыли прекрасный элемент духовной культуры японского

народа. Благоприятные отклики поступали и от японцев, что для нас весьма ценно. Особую ответственность чувствовали мы при устройстве выставок по случаю приездов в Москву японских специалистов икэбаны, представляя на их суд свои произведения. Некоторые отмечали своеобразный почерк русских женщин в аранжировке, который нередко легко просматривается, но, как считают японцы, это вполне понятно, ибо у нас и материал иной, и восприятие окружающего мира отличается от японского, и еще нет многовековых традиций икэбаны. Отрадно, отмечали они, что советские люди улавливают дух икэбаны, у них много творческой выдумки и изобретательности, хотя зачастую замысел своих произведений они подают не образно, а предметно. Выдающиеся художники икэбаны Софу и Хироси Тэсигахара, например, говорили нам, что совсем не следует стремиться в точности копировать манеру исполнения японцев, что икэбана у нас может и должна получить свое развитие.

Выставки служили мощным средством популяризации икэбаны в нашей стране и повышения художественного уровня традиционных выставок, проводимых цветоводами-любителями по линии обществ охраны природы и других организаций. Для членов же нашего клуба они являются надежным средством повышения мастерства, особенно когда ведутся при участии и с консультациями японских преподавателей.

Своим общественным долгом активисты клуба считают участие в оформлении цветными помещений, где проходят различные торжественные и дружественные советско-японские встречи. Наши композиции непременно украшают интерьеры, где проводятся конференции «круглого стола» представителей советской и японской общественности. Пышным и запомнившимся было убранство зала заседаний в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в день памяти организатора Коммунистической партии Японии Сэн Катаямы.

Следует отметить, что это находит душевный отклик у наших гостей. Нередки случаи, когда пожилые японки не могли сдержать слез от волнения и благодарности русским женщинам за их бережное и уважительное отношение к японской национальной традиции. Они уверяли, что наш активный интерес к икэбана убедительно свидетельствует о мирном и искреннем отношении к ним советских людей. Особенно трогательными бываю встречи с людьми, приверженными одной и той же школе. Немедленно завязываются знакомства, устанавливаются дружественные отношения, нередко продолжающиеся долгие годы.

Выступления представителей клуба на встречах с японскими делегациями неизменно вызывают радостное оживление среди гостей, удивление и неподдельный интерес к нашей деятельности. Клуб принимает самое активное участие в организации и проведении творческих встреч с мастерами японской аранжировки, посещающими нашу страну и демонстрирующими свое искусство. Мы принимали представителей различных известных школ икэбаны Японии. Впечатляющими были встречи с выдающимися мастерами школы «Согэцу» — Софу Тэсигахара (1968), его дочерью Касуми Тэсигахара (1970) и преемником ушедших из жизни отца и сестры — Хироси Тэсигахара (1984). Демонстрацию составления крупномерных композиций Х. Тэсигахара вел в переполненном зале Дома кино, вмещающем свыше тысячи человек.

Известная общественная деятельница в области культурных обменов Нагао Сумико уже более десяти лет возглавляет ежегодные туристические группы из Японии. И почти каждый раз она включает в эти группы специалистов икэбаны различных направлений. Творческие встречи с ними не только обогащают нас знаниями об икэбана, но и развивают дружеские связи между японскими и советскими людьми, приносят радость человеческого общения.

Так чем же очаровала нас икэбана? Почему человек, однажды приобщившийся к ней, чаще всего остается верен этому искусству навсегда, а другие виды и стили цветочной аранжировки кажутся ему просто декором и украшательством? Икэбана предстала перед нами как подлинное искусство, в котором составитель композиции выражает свое мироощущение, свои чувства в художественной образной форме. Для японца икэбана — не средство украшения помещения, а кусочек живой идеализированной одухотворенной природы, привнесенной в жилище. В ней нет декоративной нарочитости, она естественна, хотя и подчинена определенным композиционным законам. Естественность выражается прежде всего в асимметричности. Созданная мастером икэбана конструктивна и удивительно гармонична. Гармония по форме, цвету, размеру, фактуре поверхности материала видна в приятных сочетаниях между растениями, используемыми

ми в композициях, растительным материалом и вазой и, наконец, всей композицией в целом и окружающим пространством, в первую очередь фоном.

Характер и размер аранжировки зависят от ее назначения и места установки. Именно с выяснения этих условий художник и начинает свое творчество. По размеру композиции могут при этом варьироваться от миниатюр всего с одним цветком до монументальных, предназначенных для обширных интерьеров и открытых площадок у зданий.

Нас восхитило то, что икэбану может сотворить любой более или менее подготовленный человек, из любых растений (даже сорняков и бросового материала), используя любое их количество, в любое время года, в любом сосуде или даже без него. Поэтому икэбана демократична, доступна людям разного достатка и возможностей, различных способностей и вкусов.

Не пышность и изысканность цветов и яркость красок прежде всего ценятся в икэбане, а выразительность, красота линий и форм отдельных растений и композиции в целом. Именно этим икэбана выгодно отличается от западноевропейских аранжировок, где цвета и их сочетания имеют приоритетное значение. Именно икэбана открыла нам чудесный мир красоты природных линий и указала возможность использования веток как носителей этой красоты. Линии придают композиции выразительность, эмоциональную направленность и динамичность. К тому же природные линии при желании можно сделать еще более красивыми и привлекательными с помощью несложных манипуляций (удаление лишних листьев и обнажение красивых участков стеблей, обрезка ненужных ответвлений, изменение направлений веток и цветоносов и т. д.). Красивыми линиями полна живая природа. Надо лишь научиться подмечать интересные детали, а не скользить взглядом по поверхности предмета. Икэбана развивает в нас наблюдательность, учит обнаруживать красивое в, казалось бы, обычных и неброских вещах, ценить и по-настоящему любить природу, делает человека более чутким не только к природе, но и к людям. Одновременно она воспитывает чувство красоты, а поэтому играет большую роль в эстетическом воспитании.

До знакомства с японской аранжировкой мы ставили срезанные цветы в более или менее глубокие вазы с относительно узкой горловиной, о края которой они и опирались. Теперь же узнали, как прекрасно выглядят растения и в низких широких сосудах вроде чаш, мисок и даже блюдец. Крепятся они на металлических наколках. Открытая поверхность воды в таких сосудах становится дополнительным художественным компонентом композиции. Она создает ощущение чистоты и прохлады, такой желанной в летние жаркие дни.

Благодаря своим достоинствам икэбана существенным образом повлияла на развитие искусства цветочной аранжировки во всем мире. Одновременно и сама икэбана в процессе современного развития претерпевает заметные изменения под влиянием западных культур. Взаимное обогащение стилей аранжировки цветов западных и восточных стран вполне закономерно и понятно в наш век активного взаимодействия различных частей мирового сообщества. Пожалуй, самое заметное изменение икэбаны происходит под натиском ускоряющихся ритмов жизни в условиях бурного технического прогресса. Японцы сейчас не могут тратить уйму времени, которое требуется, например, для создания сложных композиций в традиционном стиле Рикка. Кроме того, изменение жилых и других интерьеров также существенно меняет облик икэбаны. Так, в традиционных японских жилищах обязательной деталью была токонома (ниша, альков), где устанавливалась ваза с цветами. Композиция при этом имела четко выраженную лицевую сторону. В современных жилищах, по мере исчезновения из них токонома, икэбана должна смотреться со всех сторон одинаково хорошо.

В нашей стране с созданием клуба «Икэбана» и началом систематического изучения этого искусства, оно стремительно завоевывало многочисленных поклонников среди широкой публики, в первую очередь у цветоводов, любителей природы и составителей букетов и композиций. Отечественная аранжировка получила сильный импульс в развитии, обогатилась новыми художественными концепциями и техническими приемами. Икэбана, несомненно, оказывает благотворное влияние на повышение уровня художественного оформления наших жилищ, общественных зданий, мест труда и отдыха.

Членов клуба отличает не только увлеченность икэбаной. Их интересуют различные стороны жизни японцев. С большим интересом и пониманием относятся они к другим народным японским традициям, например к чайной церемонии. Знакомы и близки им

народные праздники, которые сопровождаются устройством специфических композиций. Охотно посещают они японские выставки, в первую очередь по искусству, доклады и декции по культуре, литературе, а также по экономике, политике и другим аспектам жизни японского общества.

За многолетнее активное участие в развитии дружественных связей между общественностью СССР и Японии клуб «Икэбана» и 40 его членов награждены Почетными грамотами Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Многие за активную работу получили благодарность Общества «СССР — Япония».

В заключение следует отметить, что деятельность московского клуба «Икэбана» имеет два направления. С одной стороны, изучение и популяризация японского искусства икэбаны, его художественных основ, а также восприятие всего лучшего и приемлемого для нас в развитии отечественного искусства аранжировки. С другой — познание духовной жизни, культуры и быта талантливого японского народа, нашего соседа, что способствует развитию и укреплению взаимного доверия, установлению добрых отношений, мирным устремлениям людей нашей страны и Японии. И в этом смысле деятельность клуба «Икэбана» можно рассматривать как форму народной дипломатии.

*Н. П. НИКОЛАЕНКО,
кандидат биологических наук,
председатель клуба «Икэбана»*

СИС — СОЦИУМ: ИНФОРМАЦИЯ, СТАТИСТИКА

Супружество японцев

По данным опроса, проведенного частным исследовательским центром — «Японским обществом зеленого креста» в 1988 г. среди мужчин и женщин брачного возраста (опрошено 5 тысяч) — 78 % — женатые, 14 % — холостые, остальные — разведенные или вдовы. Две трети опрошенных, находящихся в браке, выбрали бы вновь своих супругов, если бы пришлось вступать в брак еще раз.

По степени значимости критерии выбора супругов следующие: «хороший человек» (70,7 %), «здоровье» (69,9 %) и «любовь» (52,4 %). Около 40 % женщин отметили «богатство».

Борьба с расточительством

В Китае издан ряд законодательных актов, направленных на установление строжайшего контроля над расходованием средств на возведение новых мемориальных сооружений и музеев, посвященных памяти отдельных личностей. Без санкции ЦК КПК и Госсовета КНР никому из руководителей не разрешается утверждать заявки на строительство подобных сооружений, сообщает агентство Синьхуа.

«Временными положениями» предусматривается взимание специального банкетного налога с лиц и организаций, устраивающих банкеты в ресторанах, гостиницах и других местах общественного питания. Под контроль будет поставлено также и проведение пресс-брифингов и юбилейных торжеств, организуемых руководством ведомств и районными властями в Пекине.

АНДРЕ МАЛЬРО

Предисловие

«Восток глазами Запада» — чрезвычайно благодатная и, что говорить, необъятная тема. Она уходит в глубь столетий, но сегодня, когда исторический прогресс напрочь опроверг пресловутое пророчество Р. Киплинга о том, что Восток и Запад никогда не сойдутся, звучит особенно актуально. В наши дни чаще, пожалуй, вспоминаются другие слова. Они принадлежат Гёте, сказавшему за сто лет до Киплинга, что «ныне Запад и Восток неразрывно слиты».

И в области экономических отношений, и как культурные общности Восток и Запад устремлены друг другу навстречу, сближаются, сознавая, что «Все мы — одно племя» (*gens una sumus*), о чем пророчествовал еще П. Я. Чаадаев, говоря, в частности, о грядущем духовном единстве человечества.

Новую рубрику открывает публикация отрывков из книги Андре Мальро «Искушение Запада» — первой работы известного французского писателя, в которой он начал осмысливать свой восточный опыт, так пригодившийся ему впоследствии, когда он будет определять основные понятия и темы литературы французского экзистенциализма.

Затем последовали его знаменитые романы о Китае — «Завоеватели» (1928) и «Удел человеческого» (1933). В первом речь идет о некоем Гарине (сыне швейцарца и русской), приехавшем в Китай и примкнувшем к революции в дни всеобщей забастовки в Кантоне (1924), где он возглавил политическую пропаганду Гоминьдана. Некоторые исследователи, в частности Д. Н. Джекобс в своей книге «Бородин — человек Сталина в Китае», считают, что прототипом героя Мальро отчасти послужил советский коммунист М. М. Бородин, в те годы главный политический советник ЦИК Гоминьдана.

Во втором романе (в русском переводе — «Условия человеческого существования») писатель впервые в западноевропейской литературе создал тип революционера, преодолевающего индивидуализм и одиночество, обретающего смысл жизни в борьбе.

Что касается «Искушения Запада», то эту книгу Мальро начал писать в январе 1926 г. на пароходе, во время плавания из Сайгона в Марсель. В дальнейшем вместе с женой Кларой (ей и посвящен этот роман) Мальро совершит путешествие по Китаю. Он станет свидетелем восстания в Кантоне, шанхайских событий и, как сказано в предисловии к немецкому изданию одного из его романов о Китае, будет комиссаром Гоминьдана в Индокитае, заместителем М. М. Бородина — комиссара по пропаганде при руководящем комитете национально-освободительного движения в Кантоне в 1925 г. Впрочем, эти факты биографии писателя требуют еще проверки, хотя сам он их не опровергал.

«Искушение Запада» написано в эпистолярной форме. Это подборка писем, которыми обмениваются китаец Линь, путешествующий по Европе, и француз А. Д., совершающий поездку по Дальнему Востоку, в основном по Китаю (12 писем Линя и 6 — француза). Традиция такого рода литературы восходит к «Персидским письмам» Монтескье, к так называемому философскому жанру, столь характерному для XVIII в.

Персонажи Мальро обмениваются своими размышлениями по поводу увиденного, пишут об искушениях, которые подстерегают их. В таком смысле прежде всего и следует расшифровывать заглавие. Есть, однако, у него и второй план. Мальро решает для себя проблемы современного Запада, выражая их через восприятие и китаец, и француз, даже когда речь идет о Востоке. Поддается ли Запад искушениям Востока? Но и опыт Запада все более становится соблазном для Востока. В связи с этим можно предположить, что до Мальро доходили отголоски тех дискуссий, которые имели место в те годы в Китае, особенно среди интеллектуалов, озабоченных будущим страны. По какому пути пойдет ее развитие? Необходим ли для прогресса синтез культур — западной и восточной? Споры бушевали вокруг вопросов о распространении западной мысли в Китае, о возможности ее ассимиляции в национальных условиях, о противопоставлении ценностей западной и восточной цивилизаций, о выработке, наконец, современной модели развития.

Китаец Линь сталкивается с проблемами: как у него на родине использовать достижения западной науки и техники, сохранив при этом национальную самобытность, восточную мудрость? Как сохранить безмятежный дух древней культуры, если Запад искушает действием! Проблемы актуальные в известном смысле и для сегодняшнего Китая, провозгласившего построение социализма с китайской спецификой.

Один из важных моментов книги Мальро — отказ от религиозной веры, которая порождает слабость, смерть сознания. Слабость можно преодолеть только ясным сознанием и смелым взглядом на жизнь, стремлением прорваться к смыслу. В чем сходятся оба корреспондента, так это в понимании того, что не все еще исчерпано, что жизнь — это бескрайняя область возможного и надо сделать свой выбор.

Таковы лишь некоторые вопросы, которые волновали Мальро в этой книге. Что может человек и что он должен делать? Каков его удел на земле? Темы эти будут звучать и в других его произведениях, написанных в тридцатые годы и позже, уже после войны, когда Мальро получит широкую известность не только как литератор. Он станет активным деятелем антифашистского движения, выступит в защиту Тельмана и Димитрова, примет участие в Первом съезде советских писателей. В республиканской Испании будет командовать эскадрильей, а во время гитлеровской оккупации его родины — партизанской бригадой. При де Голле, другом и соратником которого он был, в течение десяти лет будет возглавлять министерство культуры.

До конца дней (он умер в 1976 г.) Мальро сохранит интерес к Китаю, к тому, что происходит в этой великой стране, где он был свидетелем первых шагов революции. Он посетит новый Китай, встретится с Мао Цзэдуном, о чем напишет в одной из своих последних книг «Антимемуары», нарисовав образ «императора, отлитого из бронзы». Сегодня, увы, эффект, на который рассчитывал автор, опровергнут ходом исторического развития. Видимо, как политик Мальро уступал в прозорливости себе как писателю, создавшему великолепные романы, в том числе и посвященные Китаю.

Р. С. Белоусов

От Линя — А. Д.

Париж

Милостивый государь!

Я снова пишу Вам о Риме. С тех пор как я покинул Рим и Афины, эти города живут во мне и, говоря другие, не те слова, понять смысл которых я туда ездил, все еще понуждают меня прислушиваться к ним. Все то, что я вижу в Европе, скорее, чем мои воспоминания, оживляет их образ. Об Афинах я Вам не писал потому, что не нашел там никакой ясности. Я ждал, пока то, что мне хотелось обрести в Афинах, прояснится в моей душе. В новом городе прелесть ажурных перцовых деревьев едва смягчала досаду, какую вызывали у меня сооружения современности. Античный город — от него ожидал я откровения новой, неведомой чистоты — явил мне символ народа, увенчанного лаврами и воспитанного на крепостных стенах, и поверг меня в смятение. Однако в мыслях, что возникли у меня во время путешествия, не найдется, наверное, ни одной, которая не была бы связана невидимыми нитями с этими разбитыми колоннами, с жесткой линией горизонта и не напоминала бы о маленьком, уютном и тихом музее в Акрополе, где старый грек, отставной военный, показал мне несколько камней — лучшее олицетворение Запада, какое известно мне на сей день. Он был влюблен в эти камни, поглаживал их, словно бедный коллекционер. Однако предпочитал им оливковое дерево богини, веточку с которого и вручил мне за праведную мзду. Поскольку не существует вечной красоты, то несомненно, что более великие тени скоро затмят вереницу теней прошлого, которые когда-то воплощали чистоту, а ныне их называют всего лишь прелестными. Но справедливо и то, что величайшие умы вашей расы приходят сюда искать ясный образ собственной сущности. Какая еще, столь же великолепная хвала может быть воздана мертвым, нежели паломничество людей с чистой душой, светлых и жаждущих познать самих себя?

Тем не менее эта гармония бедна, а эта чистота — всего лишь человечесна. Несколько мгновений назад я вспомнил скромный музей в Акрополе, и из всех произведений искусства, что видел я в разных странах мира, голова юноши с открытыми глазами невольно показалась мне аллегорией греческого гения, его глубокого скрытого смысла — стремления сделать мерой всех вещей продолжительность и насыщенность отдельной человеческой жизни. Почему на бюсте этого неизвестного юноши

Вы не начертали имя Эдипа? Смысл истории Эдипа — борьба европейцев со сфинксом их собственных способностей. Чудовище — будь то дракон, сфинкс или крылатый бык — есть одно из отражений Востока, но чудовище также и отражение той части души, которую пыталась разрушить Греция и которая в ходе веков вновь появляется каждый раз, когда люди требуют от жизни большего, чем может им дать мысль. Погибнув в Фивах, чудовище возрождается в Египте, Согде и на границах Индии, где оно в свой черед одолевает Александра — этого скорбного Эдипа...

Отдельная человеческая жизнь. Для меня, человека Азии, весь греческий гений сводится к этой идее и порождаемому ею миру чувств. Здесь налицо акт веры. Грек верит, что человек обособлен от мира, подобно тому как христианин верит в неотрывность человека от Бога, как мы верим в связь человека с миром. Сущее упорядочено по отношению к человеку. Неповторимое отличие греческих богов состоит отнюдь не в том, что они человечески, а в том, что они индивидуальны. О значении человека, его совершенстве, которого он способен достигнуть, нам, китайцам, известно, как и грекам. Но мы постигали мир в его целом, были восприимчивы и к силам, из которых он состоит, и к человеческим порывам; в нашем уме идея рода человеческого уже преобладала над идеей человека. Греки мыслили человека как человека единичного, как существо, которое рождается и умирает. Течение жизни, которое для греков стало основной стихией вселенной, в мысли и эмоциональном складе китайцев имеет не больше значения, чем в мысли и чувствах европейцев деление жизни на юность, зрелость, старость. На место сознания, я бы даже сказал ощущение себя частью мира, которое неизбежно предшествует совершенно абстрактному понятию «человек», греки поставили сознание бытия живого, цельного, отдельного существа на благодатной земле, где одухотворенными были лишь образы людей и моря. Именно эта особая чувствительность, что порождается почти безжизненными пейзажами Греции, а не мысль пронизывает все европейские образы. Запад с суровым ликом Минервы, во всех своих доспехах, а также со всеми стигматами его будущего безумия родился здесь. Ярость, которая поднимается в китайцах, способна, как Вы утверждаете, нас погубить. Ярость, сжигающая европейцев, творит. «Мудрость в том, — внушают философы моей страны, — чтобы не пробуждать драконов, дремлющих под землей...» После гибели Сфинкса Эдип набрасывается на самого себя.

Когда находишь в Риме следы эллинов, он кажется уже не могилой империи, а единственным на земле местом, где сила постепенно сменяет всеобъемлющее милосердие. Славит ли себя человек, вглядывается ли в душу свою — все равно семь холмов научат его покорности. Разве можно лучше понять вашу цивилизацию и ее ритм, чем вслушиваясь в разговор голосов жажды и высокомерия, которые слышишь в Греции и Риме — этих землях, усеянных обломками мраморных статуй? Мне было приятно видеть в городе ликторов — весь его гений ушел на то, чтобы украсить фасцией победоносную секиру, — множество церквей, чьи внутренние колонны происходили из античных храмов. В этих церквях мне слышались два христианских голоса: один пел хвалу Господу, другой глухо его вопрошал. И вопрошающий уже не стремился внушить человеку сознание тех из сил человеческих — от могущества до сладострастия, — что утверждают человека на земле, отделяя его от мира. Свои сомнения, покаяния, свою внутреннюю борьбу, что составляет его жизнь, он наделял высшей ценностью и крайней напряженностью — он связывал их с Богом. Безответственный человек Востока стремится возвыситься над конфликтом, который его не касается. Христианин вообще не может оторвать себя от этого конфликта. Бог и христианин неразрывны, и мир предстает не чем иным, как никчемной декорацией их конфликта. К интеллектуальной муке греков, к бескорыстной тревоге, которые они обретали, пытались придать жизни гуманный смысл, прибавляются ваша тревога и ваши поступки слепцов. Бог является вам в мгновения бурных чувств. Приведя свои чувства в порядок, вы тем самым тянетесь к Богу. Тянетесь... Бог для вас — это душевное состояние; для нас, китайцев, — это ритм.

От Линя — А. Д.

Париж

Милостивый государь!

Вы не правы, китайские народные верования наделяют жизнью не только жестокие страсти, но все страсти. Страсти — это и зыбкие тени, что по вечерам встают над рисовым полем или прячутся за фарфоровыми рыбками, что украшают крыши пагод; это и тени, что, словно преданные, злые псы бредут следом за вами по размытым дорогам. Рожденные нами страсти бросают нас и уходят искать по свету своих бесчисленных, непохожих на них сестер. Великое множество этих страстей-духов перешептывается над осенней землей, сливаясь в шорох, который доносится из окутанных туманом лесов, где с размокших под дождем манговых деревьев размеренно падают тяжелые капли...

Меня не удивляют слабости европейских мужчин перед лицом их страстей. К слабости их толкает все: способ понимать и переживать время, их представление о самих себе. Любовь интересует меня больше любой другой страсти. Мне нравилось разгадывать, чем может стать мужчина. Сегодня предаваться этому занятию мне нравится гораздо больше, ибо антипатия, которую я питаю к Европе, не всегда защищает меня от европейского влияния, и мне тоже любопытно представлять себя в образе европейца, пусть я никогда и не вживусь в него. И как иначе я смогу обрести самого себя, как не наблюдая вас? Я и смотрю, как вы слегка теряете себя в любви, сожалею, что не в силах последовать за вами. Чтобы потерять себя, надо в себя верить.

Мне кажется, вы придаете чрезмерное значение тому, что с согласия почти всех именуется реальностью. Созданный благодаря этому согласию мир — вас он устраивает потому, что от человека, который решил бы отрицать его, потребовалось бы большое мужество, — тяжело давит на вас. Страсть при вашем социальном порядке оказывается некоей удобной лазейкой. Какова бы ни была наша раса, мы, китайцы, знаем, что живем в мирах, обусловленных прошлым, но своего рода дикая радость охватывает и китайцев, и европейцев, когда зов наших глубинных потребностей раскрывает перед нами то, что есть в этих потребностях от произвольного. Страстный человек находится в разладе как с тем миром, что порожден его разумом, так и с тем миром, в котором он живет, и пусть он предвидит страсть, это ничего изменить не может. Человек, который хочет любви, хочет убежать от самого себя, и это такая малость. Однако мужчина или женщина, которые хотят быть любимыми, которые стремятся, для собственного блага, избавить любимых от подчинения реальности, покорны, как мне представляется, столь мощной необходимости, что я заключаю: в душе европейского человека, подавляя его великие жизненные порывы, коренится изначальный абсурд. А как Вы думаете?

А. Д. — Линю

Мой дорогой друг!

Чрезмерное значение, которое мы были вынуждены придавать «нашей» реальности, без сомнения, является только одним из средств, к коему разум прибегает для обеспечения самозащиты. Ибо утверждения подобного рода скорее служат нам опорой, нежели объясняют нас. Люди на протяжении многих тысячелетий стремились отыскать пределы своих возможностей и свой образ, и неизменно удовлетворялись лишь тогда, когда их поиски терпели крах. Они обрели себя в миру и в Боге. Те европейцы, которых Вы могли наблюдать, ищут себя в себе. Остерегайтесь их речей.

Европа, усвоив понятие бессознательного и проявляя к нему всепоглощающий интерес, лишилась самой надежной своей защиты. Абсурд, неотразимый абсурд, который обвиняет нас, словно змий древо добра и зла, окончательно никогда не исчезал. Теперь же мы видим, как он уготавливает нам свои самые обольстительные игрища при преданном соучастии нашей воли. Если мы привычно судим другого человека только по его поступкам, то по отношению к самим себе мы этого не делаем; реальны лишь тот подвластный контролю и измерениям мир, в котором суетятся другие люди. В нашем собственном мире властвует мечта с ее ожерельем побед. Достаточно не-

скольких мгновений одиночества и скуки, чтобы в наших душах вновь пробудилось слабое воспоминание о великолепии нашего разума: высшая слава драм истории и искусства состоит в том, что они ежедневно разыгрываются в глубинах бесчисленных, безвестных умов. Потому что действие в мечтах — вся западная душа в этом... Эти игрища, абсурдность которых показалась бы чудовишной, если бы не была пошлой, отвлекают в наших душах почти столь же неизгладимые следы, что и воспоминания. Разум создает идею нации, но эмоциональную силу ей придает общность людских мечтаний. Для нас братья — те люди, чье детство убаюкивали эпопеи и легенды, которые властвовали и над нашим детством. Каждый из нас чувствовал прохладу и туман в утро Аустерлица, переживал тревогу того долгого мучительного вечера, когда в Версаль, где воцарилась тягостная тишина, впервые доставили хлеб, выпеченный из травяной муки. Как много образов необходимо белым людям, чтобы вдохнуть в них национальную душу!

Чтение, зрелища служат людям, лишенным культуры, источниками их воображаемых жизней. Нет ничего бескорыстнее на свете, чем жажда познания. У Запада, который не одурманивается опиумом, есть пресса. Газета — это арена борьбы честолюбцев, ежедневно то побеждающих, то терпящих поражение, — владеет толпами, взирая на них незрячими зрачками. Именно это превращает существование людей нашей расы в обособленные друг от друга жизни. Ничто в них не откликается тем звуком, услышать который мы рассчитывали. Задумайтесь, мой дорогой друг, над тем, что среди европейцев нет человека, который в мечтах не покорил бы Европу. Какие возможности для презрения...

Нравится ли Вам бурлеск? Если да, пойдите в кинематограф. Его безмолвное действие и быстрый ритм способны удивительным образом воздействовать на наше воображение. Понаблюдайте за людьми, когда они расходятся после окончания сеанса: Вы заметите, что они повторяют движения персонажей, которых только что видели на экране. Как героически решительно переходят они улицы! В уме европейцев, мой дорогой друг, скрыты девственно-чистые пластинки для фонографа. Отдельные движения, живо затрагивающие наши чувства, фиксируются на них. Стоит только нашему желанию или нашему безделью коснуться их, как любой из нас заводит собственную героико-комическую мелодию. Едва ли наша культура приукрасит эту мелодию...

Странное зрелище: безумие, созерцающее само себя. Одержимость властью, которой украшены великие личности, волнует нас больше, чем их дела — благодаря последним они лишь достигают своих целей, — и отделяет великие личности от их дел, как только несвоевременное вмешательство реальной жизни приводит великих к разладу с ней. Какое нам дело до Святой Елены и до того, что Жюльен Сорель погибает на эшафоте!

Юный француз, которого час безделья превращает в Наполеона, повторяет взволновавшие его жесты императора, мнит себя императором. Схемы прославленных биографий направляют его и на мгновение ломают его послушное воображение, которое в свой черед вдруг одолевает эти схемы. Временами на это безумие опирается абсолютная ясность: мнимый генерал разрабатывает логически стройные планы и с помощью точных методов преодолевает предполагаемые трудности. Западные романы, кстати, прекрасно покажут Вам, во что может превратиться мечтательность, требующая от разума средств, заставляющих принимать ее безрассудство.

Мы очерчиваем не один обманчивый образ себя самих, но множество образов — большинство из них едва намечены, — которых разум, хотя вычерчивались они с его помощью, не приемлет. Это проявляется в любой книге, в любой беседе; каждая новая страсть возрождает эти образы, и они меняются вместе с только что пережитыми нами радостями и нашими последними огорчениями. Образы эти, однако, достаточно устойчивы для того, чтобы оставить в нас тайные воспоминания, разрастающиеся до такой степени, что они образуют одну из важнейших составляющих нашей жизни — наше самосознание, которое так потаенно, что противоположно любым доводам, что само уместное усилие, стремящееся его охватить, приводит к исчезновению этого самосознания. Здесь нет ничего окончательного, ничего, что дало бы нам возможность определить, кто мы такие; это некая невыявленная сила... Так как кажется, будто нам не представилось лишь случая, чтобы в реальном мире совершить живущие в наших мечтах поступки, у нас сохраняется смутное ощущение не того, что мы их совершили, а нашей способности их совершить. Мы чувствуем в себе эту способность, словно

атлет, который знает свою силу, не думая о ней. Жалкие актеры, которые больше не хотят отказываться от ролей великих людей, мы являемся для нас самих существами, в конх дремлет пестрая толпа инженю, способных на все наши поступки и мечты.

Бытие этого самосознания, вскормленного не только обещаниями или надеждами одной человеческой жизни, но и сокровищами бреда, не может существовать в становлении, то есть быть кем-либо. Самосознание не подлежит никакому обсуждению. Если оно никогда не принималось в расчет, то лишь потому, что раздумья, предметом которых на Западе являлось «Я», главным образом сосредоточивались на неизменном характере этого «Я». Во всех этих рассуждениях неявно допускается, что в наше время «Я» отделено от мира. Китайцы, с которыми я беседовал, совершенно не принимают этого противопоставления; и я должен признать, что меня оно не волнует. Сколь бы сильно я ни жаждал осознать себя самого, я ощущаю, что покорен хаотическим течением чувств, над коими я никак не властен: они зависят лишь от моего воображения, чья суть состоит в произвольных подменах. Вся эротическая игра в этом — быть самим собой и другим, переживать свои собственные чувства и воображать чувства партнера. От садизма, мазохизма вплоть до чувств, вызываемых каким-либо зрелищем, мужчины подвластны этому раздвоению — последнему лику древних сил судьбы. Странная эта способность — предугадывать чувства и потому испытывать их; еще более странная — понимать подобную игру. Ведь в ней разум обретает себя самого: если мы, захваченные этими чувствами, на них отвечаем, то направляет наш разум: так же и наши открытия, и наши заблуждения лежат в сфере разума, вне которой формы исчезают; и в сфере же разума лежит наша общая защита: идея «Я», возможность любых вероятностей.

Это защита от непрестанного соблазна мира — отличительный признак европейского гения, выражает ли он себя под маской эллинизма или под маской христианства. Когда какой-нибудь католический богослов называет дьявола «Князем мира», мне кажется, будто я слышу почерневшую бронзу, что говорит голосом античных статуй. Этот голос, то ликующе-радостный, то полный отчаяния, который кричит о своей вере в пределы человека, в необходимость этих пределов, — тоже отличительный признак европейского племени, наших горделивых земель, наш смысл существования! А также отличительный признак расы, что покорна доказательству действием и тем самым обречена на самую кровавую судьбу.

Линь — А. Д.

Париж

Милостивый государь!

Пейзажи ваших стран гармонируют с идеей достоинства человека, столь дорогой европейцам. В природе нет ландшафта, с которым вы не могли бы сравнить творение рук человеческих. Ни держава гор, что навеивает лишь чувства спокойного величия, ни хаотичное волнение зарослей, что, склоняясь до земли и вновь распрямляясь, лавиной срываются с заоблачных вершин и, словно застывшие волны, вечно бросаются в море, не сумеют породить в вас того чувства, что существует сила более грандиозная, чем сила людей. Я говорю не о божественной силе. Напротив, имею в виду бесчеловечный, непостижимый, стихийный характер той силы, которая потрясает нас, когда мы ее осознали...

Я, старающийся мыслить как бы между восточным умом и умом западным, прежде всего, как мне кажется, схватываю разницу в их направленности, я бы сказал, в самой их «поступи». Западный ум хочет вычертить план вселенной, создать ее постижимый разумом образ, то есть установить между вещами непознанными и вещами известными связь отношений, которые способны привести к познанию тех вещей, что до сих пор остаются загадочными. Он хочет подчинить себе мир и тем больше гордится своими действиями, чем больше, как ему кажется, он этим миром овладевает. Его вселенная — это стройный миф. Восточный ум, наоборот, не придает никакой ценности отдельному человеку; наш ум исхитряется отыскивать в ритмах мира мысли, которые ему позволяют порвать с человеческими привязанностями. Западная мысль хочет принести человеку весь мир, восточная мысль отдает человека в дар миру...

Те, кто видел в статуях буддистского храма ряд причудливых демонов, понимал нас не хуже, чем европейские ученые, перед которыми словно расширенные магическими

узорами занавеси перед храмовыми божествами опустилась идея символа. Жизнь — это бесконечная область возможностей. Многорукий идол, пляска смерти вовсе не аллегория мира, пребывающего в вечном превращении. Они — существа, пропитанные нечеловеческой жизнью, что сделала необходимым множество рук. Надо созерцать этих существ так, как разглядываешь гигантских ракообразных, которых сетями поднимают с больших глубин. Те и другие сбивают нас с толку, неожиданно открывая нам то, что в нас есть простого, и наводя на мысль о существах, чья жизнь никак не связана с нашими жизнями. Однако первые представляют собой лишь статуи, скрепленные песком, тогда как вторые — это ходатаи сверхчеловеческого.

Творение статуй божеств — сакральное искусство. Только долгое погружение в себя, чистота жизни, строгость монастырей позволяют художнику обрести в себе мистическое чувство, достаточно сильное для того, чтобы он облек это чувство в новую форму. Эта форма, порожденная преисполненным томлением, восторгом, не является понятием, которое она должна явить тем, кто будет ее созерцать; это некая особая неупорядоченность, некое волнение, вызванное одной из мировых сил...

Я умышленно пишу о волнении. Вас, когда вы пытаетесь нас понять, останавливает то, что мысль и волнение для нас нераздельны. Мысль неотделима от нашей жизни так же, как любовь — от вашей. Вы думаете, что все аспекты мира охватили множеством разных взглядов; вы обладаете этими взглядами лишь в силу болезни вашей мысли, именно эта болезнь вынуждает вас постигать мир подобным образом. В человеке вы выделили некоторые чувства и самые общие их причины; но вы считаете, будто существу, называемому вами Человеком, присуще нечто неизменное, чего не существует в природе. Вы похожи на умудренных ученых мужей, которые, тщательно описав передвижения рыб, не заметили, что рыбы живут в воде.

Какова первая потребность ума перед лицом хаотичного мира? Охватить этот мир. Мы не можем сделать этого, основываясь на образах мира, потому что прежде всего мы чувствительны ко всему переходящему в них; мы хотим охватить мир, основываясь на его ритмах. Познать мир не означает превратить его в систему, как познать любовь не означает лишь проанализировать ее. Знать мир означает интенсивно его осознавать. Наша мысль (если только она не находится на службе религиозных споров) в отличие от вашей является не итогом познания, а основой, подготовкой к самому познанию. Вы подвергаете анализу все, что пережили; мы мыслим для того, чтобы переживать...

А. Д. — Линю

Кантон

Мой дорогой друг!

Увы! Все сказанное Вами кажется мне произвольным, стать же искусственным, как наихудшая из систем, как самая ложная из западных философий. Мне понятны усилия, потраченные вами на то, чтобы в отличие от нас, европейцев, не отделять мысль от мира, чтобы обрести нечто большее, чем жалкая горделивая радость, которую на Западе приносит мысль. (Меня несколько настораживает контроль дыхания, против которого обычно возражают европейцы, знающие китайцев. Взятый сам по себе, он обладает лишь эффектами низкой магии.) И я знаю, что ваши чувства гораздо в большей степени, чем наши, способны привязываться к безличным объектам: вы питаете к предкам — как к живым, так и к умершим — большую нежность, чем к вашим женам; воспитание, получаемое вами, стремится укреплять те из ваших чувств, что зависят от абстракций; абстракции же позволяют вам вглядываться в ваши чувства с большей ясностью, нежели женщины, золото или власть, и обособлять свою собственную жизнь.

В истоках вашего поиска я нахожу акт веры. Нахожу не в существовании принципа — в значении, которое вы ему придаете. Мыслитель в состоянии экстаза не отождествляет себя с абсолютом, как учат ваши мудрецы; абсолют он называет высшую степень своих чувств. Довод ваших философов: все состояния экстаза одинаковы, потому что экстаз начинается там, где кончается мир, — мне кажется ничтожным, как ничтожны те следствия, которые они из него выводят. Аналогии можно проводить только между определенными вещами; неопределенное отнюдь не аналогично самому себе, оно — вне сферы аналогий. В экстазе все сводится лишь к тому, чтобы утратить сознание определенным способом. «Это значит обрести само сознание, — говорят мне

китайские мудрецы, — слиться с мировой душой...» «Утратить лишь одно сознание, — хочется мне возразить, — одну мысль...» Ведь самое прекрасное приглашение к смерти — выход только для слабых...

Во всем этом меня настораживает именно значение, что придается тем порывам, которые своим возникновением обязаны одним лишь чувствам. Среди торговцев-китайцев, среди нас, европейцев, я вижу людей, чью жизнь определяют эти порывы, и подозреваю, что мы все — в их власти. Скоро почти два года, как я живу в Китае. Раньше всего Китай изменил во мне западную идею Человека. Я уже не способен помыслить о Человеке вне принципа напряженности. Достаточно прочитать любой трактат по психологии, чтобы почувствовать, как живы становятся наши самые глубокомысленные общие идеи, едва мы хотим приспособить их для понимания наших поступков. Их ценность утрачивается по мере того, как продвигаются наши поиски, и мы вечно наталкиваемся на непостижимое, на абсурд, то есть крайнюю степень частного.

Не в напряженности ли, всегда иной, которая сопровождает жизнь, ключ к этому абсурду? С напряженностью соприкасаются наша сознательная, видимая жизнь и наша более скрытая, сотканная из мечтаний и потаенных ощущений жизнь, простирающаяся среди абсолютной свободы. Мечта Человека стать королем или счастливым любовником ни в чем не меняет его повседневного поведения; но едва любовь, гнев, едва страсть или потрясение выбивают его из колеи, как поступки другого человека начинают с той или иной силой, смотря по тому, охвачен этот человек возбуждением или подавлен, находить в нем отзвук. Вертер приглашает к смерти, но его приглашение по-прежнему принимают лишь отдельные люди и лишь в определенное мгновение. А разве любовь, которую не надо путать с желанием покорить женщину, любовь разделенная, — это не заколдованный лес, где почву наших поступков и нашей воли образуют чувства, которые свободно резвятся и влекутся к страданию, иногда разлучая нас, словно бы мы, пресытившись своими чувствами, уже не можем их выносить? Ибо чувства гораздо больше подвержены влиянию их самостоятельной жизни, нежели внешних событий. Глубинная жизнь — торжество неопределенности, роковое, вечно повторяемое созидание неповторимого случая...

Линь — А. Д.

Париж

Милостивый государь!

Полно! Кто бы вздумал отрицать, что все это основано на том, что Вы называете актом веры? Подобный акт, утверждаете Вы, есть воплощение произвольного. Согласен! Но что же тогда позволяет Вам жить рядом с другими людьми и понимать их? Откуда берется Ваша сила? И что же означает Ваше осознание реальности, если не ее приятие? Неужели Вы думаете, что если Вы относитесь к европейской цивилизации с некоторым недоверием, то уже избавились от ваших мертвецов, ваших потребностей и от той трагической случайности, которая скрыта в тайная тайных вашей жизни? Мое письмо, кстати, преследовало лишь одну цель — указать вам другое направление и его конечный пункт. Когда я писал Вам, меня интересовали порывы чувств, а также некоторые наши разногласия, что могут надлежащим образом выявить произвольность любой человеческой жизни.

Знание европейцев, которое я постепенно приобретаю, а также Ваше письмо, которое служит поводом, понуждают меня написать Вам эти слова. Мне кажется, что сегодня напряженность которую идеи создают в европейцах, объясняет жизнь Европы лучше, чем сами эти идеи. Для вас абсолютной реальностью был Бог, потом — человек; но — вслед за Богом — умер человек, и вы судорожно ищете, кому бы вверить его необычное наследство. Вашим мелким потугам создать разновидность умеренного нигилизма, по-моему, не суждена долгая жизнь...

Какое сознание способны вы получить от этой вселенной, на которой было достигнуто ваше согласие и которую вы именуете реальностью? Сознание отличительности. Полное сознание мира — это смерть, что вы хорошо поняли. Ваше же сознание упорядочено и, следовательно, представляет собой разум. Жалкая опора, блик на замирающей воде... История психологической жизни европейцев и новой Европы — это история покорения разума чувствами, хаос в которых вызывает их равномерная напряженность. Картина всех этих людей, что тщатся спасти Человека, который дает им возможность преодо-

леть мысль и жить, тогда как мир, где Человек царит, с каждым днем становится для них все более чужим,— это, без сомнения, последняя картина Запада, которую я унесу с собой.

А. Д. — Линю

Шанхай

Мой дорогой друг!

Я повидал Ванлу. Уже давно он вызывал у меня сильное любопытство. Однако я знал, что европейцев он ненавидит, и встречи с ним не искал. Его политика, когда он был у власти, его почти эзотерическое учение, уважение, коим он окружен, создают впечатление глубоко насыщенной и прекрасной жизни. Он выразил желание побеседовать со мной; я был счастлив.

Остановился он в Астер-отеле; меня принимал в просторном, обставленном в английском вкусе номере. Ванлу — высокий старик, с бородой и голым черепом. У него длинные зубы, нижняя челюсть резко выдается вперед, и он так худ, что прищуренные глаза за стеклами очков кажутся двумя большими черными штрихами, разделенными короткой чертой носа. Это голова покойника с очками в роговой оправе. Ванлу изысканно учтив.

Сперва он меня расспрашивал, ожидая услышать кое-какие мои суждения о Европе, к которой питает исполненный ненависти интерес. Затем, перейдя к Китаю, сказал: «Дикари с саблями и миллионы отупевших, кому ведом лишь страх побоев, не имеют почти никакого значения. Глупцы, напичканные университетским вздором, тоже мало что значат. Состояние наших лучших умов, которых покоряет и вместе с тем отвращает от себя Европа,— вот единственное, что сегодня важно в Китае».

В третий раз я уловил в его словах ту мысль, что уважение достойна только аристократия духа. В этом отношении Ванлу — истинный китаец. Кстати, очарование оказанного мне Ванлу приема — никакая сердечность не портила его изысканности,— его тихий голос, сдержанные жесты (длинный ноготь на мизинце он оставил) создавали впечатление культуры большей, нежели культура всех тех людей, кого я мог наблюдать в Европе. Кажется, Ванлу принадлежит совсем к другой расе, чем те китайцы, которых я вижу и слышу: они размахивают руками и орут в деловых кварталах портов, открытых для внешней торговли. Секрет обаяния и силы Ванлу, несомненно, заключается в контрасте между западной образностью его речей ясновидца и спокойствием его слов, которое могла бы опровергнуть его улыбка, та отрешенная улыбка, в коей не отыскать ни радости, ни иронии.

«Китай — это зрелище весьма своеобразной силы. Театр Тревоги. Это разрушение, гибель величайшей из созданных человеком систем, той системы, которой удавалось жить без опоры на богов или людей. Это гибель! Китай шатается словно ветхое здание, и тревогу порождает не то, что все неясно и идет борьба, а тяжесть дрожащей крыши...»

Если конфуцианство рассыплется, в этой стране погибнет все. Ведь конфуцианство служило опорой китайцам. Оно создало их чувства, их мысль и волю, придало смысл их расе. Конфуцианство олицетворяло их счастье...

Начало разрушения точно характеризует все, что пока еще не рухнуло. Чего китайцы искали две с половиной тысячи лет? Полного слияния человека с миром, ибо всю их жизнь составляло медленное овладение миром, чьим фрагментарным сознанием они хотели быть... Совершенство, к которому стремились китайцы,— это их приятие тех сил, которые ими осознавались, и поэтому...»

Последовавших слов я не понял и сказал об этом Ванлу. «...Это было то, что противостоит явлению, которое вы называете индивидуализмом; противостоит распаду или, вернее, отказу от любой конструкции разума, над которой довлеет желание придать каждой вещи — именно благодаря осознанию этой вещи — самое высокое качество... Подобная мысль в себе самой несет собственную болезнь, которая представляет собой презрение к силе. Китай, что прежде был пошлым пособником этой мысли, теперь домогается ее и, словно жертву злым богам, приносит ей разум всей своей молодежи.

Мир никогда не обретет вновь того творения искусства, каким в прошлом была гармония наших чувств: Аристократия культуры, поиски мудрости и красоты — это два лика одного, скрытого покрывалом духа... Посмотрите, как эти жалкие лохмотья,

заодно с пропагандистскими тряпками, таскают по грязи повсюду — от клуба Аньфу до политических митингов черни...

Те из нас, кто достоин.. прошлого Китая, один за другим уходят из жизни. Никто больше ничего не понимает... Наша трагедия — ничуть не в тех кровавых комедиантах, что ее разыгрывают, она даже не в тех созвездиях смерти, что каждую ночь мы вновь созерцаем на небесах. Какое значение имеют эти забавы истории, когда Империя рыжих равнин корчится, словно раненый хищник?»

Он по-прежнему говорил медленно, нисколько не волнуясь, и улыбался.

«Более серьезная трагедия все-таки разыгрывается в другом: в том, что китайский дух постепенно выветривается... Европа думает, что она покорит тех молодых китайцев, которые вырядились в европейские костюмы. Они ее ненавидят. Они ждут от Европы того, что простонародье называет ее секретами, то есть способов защиты от нее. Но Европа, хотя и не покоряет этих молодых людей, все-таки проникает в их души, и ей удается лишь одно — сделать для них осязательным, словно свою собственную силу, ничтожество всякой мысли.

К сожалению, мы понимаем друг друга; но никогда мы не сможем примирить нашу недетерминированную вселенную, которая стремится к бесконечности, с европейским миром аллегорий. Из их столкновения способна родиться только высшая власть произвольного, словно жестокий, исполненный равнодушия дух...»

Он замолчал, о чем-то задумавшись. Взгляд его устремился к окну и погрузился в дневной свет. Тишина. Потом, более серьезным голосом, он снова заговорил, намекая на тот интерес, который множество молодых азиатов проявляют к даосизму: «Они пропитаны древней китайской мыслью больше, чем сами думают. Порыв, который толкает их к даосизму, стремится лишь оправдать их желания, придать им большую силу... Впрочем, повсюду в мире смятение умов снова приводит к учениям древности: буддистский модернизм в Бирме и на Цейлоне, гандизм в Индии, неокатолицизм в Европе, даосизм в Китае... Но даосизм, открыв молодым людям существование ритмов и подведя к тому, что они стали искать в иероглифах книги «Дао дэ цзин» всеобщие ритмы, помог оторвать их от той культуры, которая была сильна тем, что прибавляла к вечным творениям человека возможность наслаждения... И даосизм оставил в них одно лишь яростное желание разрушать, чтобы посмотреть, что из этого выйдет. Этих молодых людей приводят в отчаяние жизнь и мысль, которые больше не могут явить им ничего другого, кроме своей обоюдной абсурдности. Изобретать, копить деньги или объединять территории, создавать для объяснения мира бесполезную психологию или аллегории — все это тщета, абсолютная тщета. Мы не способны заинтересоваться сами собой. Вот Вы, европеец, можете ли Вы это понять? Что касается тех зрелищ, которые разворачиваются в наших душах или перед нашими глазами, то разве могут они принести нам нечто иное, кроме отвращения и убожества?»

Улыбка исчезла с лица Ванлу. Он немного склонился ко мне, его руки, лежащие на столе, слегка дрожали, а в неизменно ровном голосе проскользнула нотка отчаяния. Но Ванлу тут же овладел собой. Улыбка опять оживила его черты. И, провожая меня до двери, он сказал:

«Я хотел бы, чтобы днем нашего национального праздника перестала быть годовщина нашей революции, этой революции больных детей, а стал бы тот вечер, когда умные солдаты союзных армий бежали из Летнего дворца, бережно таща с собой драгоценные — десять веков их приносили в дар Империи — заводные игрушки, топчак жемчуг и вытирая сапоги о парадные мантии царей, данников Поднебесной...»

Подойдя к лифту, я обернулся. Ванлу, словно резной силуэт, вырисовывался в дверной раме. Он сложил руки на груди — они все еще дрожали, — и мне, когда я уже спускался, почудилось, будто он воздает несчастью, о котором только что говорил, хвалу короткими поклонами, как требуют того обычаи древних времен.

Линь — А. Д.

Париж

Милостивый государь!

Я несколько раз перечитал Ваше письмо, в котором Вы рассказываете о встрече с Ванлу. Окна были открыты, и моя комната наполнилась прохладой, первыми —

сейчас пять утра — лучами солнца и мерным шумом города. Я вышел на улицу. Меня преследовали печальные, взволнованные слова старика, и теперь, когда наступила ночь, я пишу Вам, предпочитаю обо всем этом беседовать с Вами, нежели с самим собой.

Ванлу считает, что Китай погибнет. Такова и моя мысль. Тот Китай, что Ванлу застал в молодости, Китай искусства, утонченности и цивилизации, весь интерес которой сосредоточивался на чувствах, Китай садов и несусветной нишеты сегодня доживает последние дни. Северный Китай, который вернулся к жестам, запечатленным в позеленевшей бронзе, представляет собой громадный кровавый музей. У эпохи больше не осталось даже иронической усмешки для всех этих «властелинов войны», которые озабочены тем, чтобы их тени металась по холмам и засеянным костями пустыням, где в живых остались только сурки. Центральные и южные провинции ждут, когда все сделает Кантонское правительство, которое оказывает сопротивление Англии и чтит Мудрецов, организуя свою пропаганду с помощью кинематографа — ведь быстрее всего мы переняли у Запада его формы. Кинематограф, электричество, зеркала, фонограф, — все это пленяет нас, словно только что одомашненных животных. Для китайцев-горожан Европа навсегда останется лишь механической феерией.

Но единого Китая не существует. Существуют разные китайские элиты. Элитой ученых мандаринов восхищаются теперь так, словно они — древний памятник. Новая элита, то есть люди, испытавшие влияние западной культуры, столь непохожа на прежнюю, что мы вынуждены думать, будто началось настоящее завоевание Поднебесной Западом. Разрушение нашего прошлого знаменуют сегодня уже не китайские поражения, а китайские победы. И это разрушение неотвратимо, ибо складывается новая аристократия духа — единственная аристократия, которую мы когда-либо терпели. В наши дни студенты университетов пользуются тем же престижем, каким в давние времена обладали ученые мандарины, и они чувствуют, как их окутывает молчаливое благоговение, какое окружало мандаринов. Появление этой новой элиты, признание за ней значительности свидетельствуют о такой перемене в китайской культуре, которая подготавливает полное ее преобразование. Ведь все свои предпочтения наша цивилизация отдавала старости. Это благодаря старости и ради старости возникла сама китайская цивилизация: самые серьезные экзамены кандидаты держали в сорок лет. В наши дни им еще нет и двадцати пяти. Китай начинает признавать значение молодости или, вернее, ее силу. Поэтому люди, чья жизнь полностью подвластна их молодости, очень скоро должны привести нашу цивилизацию к развалу, подобно тому как разбиваются резные носы джонок, которыми управляют молодые моряки. Нет сомнения, что душу нарождающегося Китая надлежит искать в тех частях этого старого, великолепного корабля, которые пока еще достаточно крепки, чтобы привлечь молодежь. По крайней мере до того времени, когда та культура, чье ослабление мы наблюдаем, почти угаснет, в ней хотя бы будет сохраняться та высшая красота умерших культур, которая взывает к возрождению и служит его украшением...

Слова Ванлу довольно темны. Я думаю, что он сожалеет не об исчезновении конфуцианства, но лишь о тех возможностях совершенства, которые в нем заключались. Конфуцианство сумело породить у отдельных людей цветение чувств и вкус волнуемой чистоты; этих утонченных чудес и абсолюта даосов касались руки очень немногих. Конфуцианство и особенно его мораль развились вовсе не потому, что они опирались на религию или следовали ей. Христианская мораль связана с отдельными глубокими порывами христианских сердец; конфуцианская мораль социальна, и благодаря именно ей, как Вы понимаете, сформировались социальные достоинства и недостатки моей расы, способность моих соотечественников глубже осознавать свое общественное положение, нежели собственную личность. Подобная мораль — она эстетична для образованных людей, императивна для всех остальных — будет довлеть над нашими чувствами не так, как над чувствами европейцев довлел тень креста, но как растрепанный свиток древних законов.

Более всего меня растрогали в Вашей беседе те фразы, в которых Ванлу обрисовал Вам состояние китайского духа, где ничего из того, что было разрушено, ничем другим заменено не было. Эту тревогу, это отвращение людей моей расы к поступкам европейцев испытал и я; я нахожу их во всех письмах, что мне присылают из Китая. Наши молодые люди знают, что европейская культура им необходима. Они еще довольно сильно отмечены печатью своей собственной культуры, чтобы презирать культуру европейцев. Они полагали, будто смогут легко овладеть европейской культурой,

оставаясь китайцами. Цивилизация, которой нет дела до чувств, которая не трогает их, может, по их мнению, быть познана без всякой опасности, словно иностранный язык... Может быть, эти истерзанные умы, над которыми, похоже, сегодня властвуют злоба и ненависть, которые по-прежнему восхищаются своей расой, и сумеют связать себя с какой-нибудь великой мыслью или каким-нибудь китайским великим делом... Того, что в них не поддается Западу, может оказаться достаточным, чтобы разлучить их с Западом. Но ведь все это — военная храбрость, вкус к энергии у молодых кантонцев, любовь к женщинам и наша жалкая новая поэзия на Севере — чувства европейские. Эти энергия и любовь — пусты...

Как выразить состояние распадающейся души? Все письма, что я получаю, приходят от молодых людей столь же одиноких, как Ванлу или я, оторванных от собственной культуры, испытывающих отвращение к культуре европейской... В них рождается личность и заодно тот странный, беспристрастный вкус к разрушению и анархии, который мог бы показаться высшей забавой смятения, если бы необходимость убежать от самих себя не царил в этих замкнутых сердцах, если бы не падал на них тусклый отблеск пожарищ. Ах, почему вы не желаете видеть, как к нам — с азиатской душой — грядет длинный кортеж Европы, белые носильщики и корабли, на которые погрузилась вся свита Смерти! Библейские волхвы, посланцы при дворах монгольских ханов, как бедны ваши караваны! «Тебе, царица, приношу я для смерти все, что ты не пожелаешь».

Стремление к самооправданию, которое вы находите во всех наших социальных системах, ослабляет эти системы; но под всеми предлагаемыми формами правления, под всеми поисками счастья, коими забавляется усталая ирония духов, слышатся раскаты силы, которую вскоре никто больше не сможет утаивать и которая явится только с оружием в руках: будет это воля к разрушению... Ибо миллионы наших несчастных имеют понятие о несправедливости, справедливость же им неведома; им знакомо страдание, но не известно счастье. Отвращение, которое они питают к своим вождям, помогает им понять то, что есть между ними общего. Не без любопытства ожидаю я прихода вождя, который прокричит этим несчастным, что он требует мщения, но не справедливости. Мощь наций намного возросла с тех пор, как стала опираться на этику силы; на какие же поступки отважатся те, кто согласится рисковать жизнью во имя одной лишь ненависти? Создается новый Китай, который ускользает и от нашего понимания. Не потрясет ли Китай один из тех великих приливов народных чувств, которые уже много раз его сотрясали? Приглушенный глас разрушения уже слышится в отдаленных раскатах эха Азии, и глас этот громче песен пророков...

Торговцы покупают и продают, а в Жемчужной реке, паря над спокойным сном, отражаются разбухшие от крови звезды... Ну что еще я могу Вам сказать?

А. Д. — Лию

Тяньцзинь

Дорогой друг!

Для любого, кто хочет жить вне будничных забот, упорядочить мир может только убеждение. Миры событий, мыслей и поступков, в которых мы с вами живем, малоблагосклонны к убеждениям; а наши отсталые сердца совсем непригодны, по-моему, к тому, чтобы наслаждаться, как это принято, распадом Вселенной и Человека, над чем столь усердно трудится множество добропорядочных умов.

Сила уходит от человека дважды. Сперва тогда, когда он ее создал; потом, когда жаждал ею овладеть. Служа безмозглой энергии, стихии западной силы сталкиваются и сражаются друг с другом, несмотря на преходящие сочетания человеческих интересов, а смысл мира, движение которого они, сами того не желая, направляют, ускользает как от них, так и от читателей новостей. Непредсказуемые последствия поступков властвуют над этими поступками; силы, способные изменять события, завладевают ими так быстро, что разум знает: он не может воздействовать на какую-либо реальность, не может прийти к необходимому для него согласию с убеждением, служащим ему оправданием. Разум с трудом пытается уйти от самого себя, хватаясь за средства лжи. Но ведь ничего не произойдет, если позаимствовать кое-что у того,

кто уверен в количестве и могуществе своих владений. Выраженная более или менее отчетливо, идея невозможности овладеть какой-либо реальностью довлеет над Европой. Владычество папы и короля, яркое даже в своих слабостях, сегодня показалось бы тщеславной суетой; не осталось больше власти, настолько возвышенной, чтобы она несла с собой сознание. Этим объясняется глубокое преобразование человека, которое значительно совсем не потому, что о нем кричат на всех перекрестках, а потому, что смежены преграды, которые целое тысячелетие ограждали и укрепляли мир внешней жизни. Какое наслаждение, мой друг, находит беспокойная душа, исследуя анархическую действительность, эту служанку энергии: ведь в этой действительности мыслить зачастую означает осознавать какую-либо ущербность!

Приходящая в упадок реальность берет себе в союзники мифы, отдавая предпочтение тем из них, что порождены разумом. К чему взывает видение непостижимых сил — над ними медленно всплывает древний лик судьбы — нашей цивилизации, чья великолепная и, может быть, гибельная вера состоит в том, что любое искушение она разрешает в познании?..

В сердце западного мира разыгрывается безысходный — неважно, в какой форме он нам открывается, — конфликт: конфликт человека с его творением. Конфликт мыслителя с его мыслью, европейца с его цивилизацией или действительностью, конфликт нашего не дифференцированного сознания с его выражением в обыденном мире средствами того же мира — конфликт этот я нахожу в каждом потрясении современного мира. Поглощающий события и самого себя, этот конфликт учит сознание исчезновению и готовится нас к металлически-холодному царству абсурда.

Развитие личности, преследующее цель завоевать власть, часто опирается не на самоутверждение, но на своего рода оппортунизм, постоянное приспособленчество или приятие догм какой-нибудь партии. Так, после упадка наследственной аристократии чувство кастовости приобрело над европейцами странную власть. Желание отличаться от других не может опираться только на иллюзию; кроме того, мы, утратив нашу способность избавляться от реальности, всегда склонны взывать к ней, когда полагаем, что она способна доставлять нам удовольствие: реальность — это мир наших попыток самооправдаться. Кастовый дух европейцев, который зиждется на нашей потребности в новизне, вы легко можете заметить по его признаку — моде: мода, конечно, легче бросается в глаза, чем то качество чувств, которое вам столь дорого. Ибо мода — я имею в виду смену костюмов, поведения, вкусов или слов — отличительная особенность Европы и затронутых европейским влиянием стран, представляет собой внешний признак, благодаря коему пытается утвердиться эфемерная аристократия, ряды которой редуют по мере того, как все больше времени тратят эти аристократы на то, чтобы достичь аристократизма. Утвердить себя в одинаковом для всех мире — это значит выделиться, установить различие между вещами одного порядка. В психологической жизни человека, в мире нашей личности это означает природное различие. Один из этих порывов тяготеет к оправданию, другой — к абсолютной никчемности этого оправдания. Эти порывы расходятся все дальше и дальше, и расхождение это нами осознается. Какая ирония заключена в этой двусмысленной мысли, в этом замкнутом человеке, который из всей вселенной допускает в свой внутренний мир лишь стихии раздора!

Несколько молодых людей работают над преобразованием мира, эта работа, которая совершается в их душах, делает их отличными от других людей, и их разум нуждается в этой отличительности для жизни. Разум превращается в слугу этой работы. Любое его действие сводится теперь к тому, что он указывает молодым людям на порывы утратившего свои опоры мира, на то, что какие-то страсти, поступки или мысли вынуждают человека — это обладающее знаниями животное — подчинять свое поведение воле неких неведомых планов, обнаруживая тем самым существование этих планов, ибо мысль, став своим собственным предметом, влияет на мир гораздо сильнее, нежели страсть. Разум — убийца жизни, как и других, более скрытых вещей, до которых не дотягивается грубая лапа законов, — может оказаться проникнутым своим преступлением или тем новым бытием, какое он навязывает жизни. В зеркале войны люди впервые видят, какие у них странные лица. Сами мы меняемся или изменяется мир, когда страсть, словно море, отступает от страстного поступка, который противопоставляет нас миру?

Европейская мысль становится куда скуднее, чем мысль молодых китайцев, о которых мне говорил Ванлу... С невозмутимой скорбью мы осознаем антагонизм наших поступков и нашей внутренней жизни. Жизнь — это напряженность, и она не может принадлежать разуму; разум — прекрасная машина, забрызганная кровью. — знает об этом и крутится вхолостую... Ибо наша внутренняя жизнь — это вместе с тем нечто самое рудиментарное, и ее могущество, которое выявляет произвол разума, неспособно избавить нас от этого произвола. «Ты — ложь и орудие лжи, — говорит эта жизнь разуму, — ты — создатель реальностей...» И разум отвечает жизни: «Да. Но испокон веков, в глубину которых не проникает свет дня, люди верили, будто видят во мраке сокровища, а твои сокровища, жизнь, — это всего лишь последние отблески этого угасшего света».

Умертвив Бога, европейский разум разрушил все то, что могло противостоять человеку: человек, достигший предела своих усилий, словно Рансэ перед трупом своей возлюбленной, находит повсюду только смерть. Наконец-то узрев образ своей мертвой возлюбленной, он убеждается, что уже бессилён пылать к ней страстью. Никогда человек не совершал столь тревожного открытия...

Нет идеала, которому мы могли бы отдать себя в жертву, ибо мы, кому неизвестно, что есть истина, знаем: все идеалы ложны. Земной тени, которую отбрасывают мраморные статуи богов, достаточно, чтобы отделить нас от идеалов. Каким же цепким объёмом человек сжал себя самого! Разве статуи Родины, Справедливости, Величия, Истины не запятнаны следами рук человеческих, разве каждая из этих статуй не рождает в нас лишь ту печальную иронию, что и некогда любимые, старые лица? Понимание отнюдь не допускает любые безумства. И все-таки сколько таится в нас жертвенности, сколько неоправданного героизма...

Конечно, есть более высокая вера: та, что несут нам кресты деревенских церквей и такие же кресты, что высются на могилах наших мертвецов. Вера эта — любовь, и в ней успокоение. Я не приму ее никогда. Не унижусь до того, чтобы испрашивать у нее успокоения, которого взыскует моя слабость. Европа, великое кладбище, где спят одни умершие завоеватели, грусть твоя становится глубже, когда ты украшаешь себя их славными именами. Европа, мне оставляешь ты лишь пустынный горизонт и зеркало, что подносит отчаяние — древний властитель одиночества. Быть может, и отчаяние тоже умрет своей смертью. Где-то вдали, в порту, воеет сирена, словно пес без хозяина. В этом вопле побежденной слабости... слышится мне эхо самого себя. Я уже не забуду его.

Зыбкий образ меня самого, нет у меня к тебе любви. В тебе, как в широкой, плохо зарубцевавшейся ране, живут моя мертвая слава и живое мое страдание. Я отдал тебе все; и, однако, я знаю, что своей любви я не отдам тебе никогда. Не унижаясь, я каждый день буду приносить тебе в жертву свой покой. Жадная ясность, одиноким и стройным пламенем я продолжаю гореть вместе с тобой, гореть в душной ночи, где кричит обжигающий ветер, гореть в этих чужих ночах, где свежий ветер повторяет для одного меня горделивый ропот пустынного моря.

Перевод с французского языка Л. Н. Токарева

В. В. БОГДАНОВ

В первой половине XVIII в. были организованы первая (1725—1730 гг.) и вторая (1733—1743 гг.) Камчатские экспедиции, в результате которых исследованы и нанесены на карту русское арктическое побережье Евразии, моря и земли северной части Тихого океана, как бы заново открыты Сибирь и Дальний Восток, найден морской путь от Камчатки в Америку и Японию.

Одним из выдающихся руководителей этих экспедиций был замечательный мореплаватель Алексей Ильич Чириков. После смерти командора Беринга Чириков принял руководство второй Камчатской экспедицией и до конца довел выполнение ее грандиозных замыслов. Его «Предложения» дали мощный толчок развитию дальневосточного края и всего тихоокеанского побережья России.

К сожалению, жизнь замечательного русского первопроходца недостаточно освещена в отечественной литературе, а иностранные историографы стремятся замолчать открытия Чирикова. В его биографии еще много «белых пятен», хотя в последние десятилетия советским географам, историкам и энтузиастам-краеведам удалось установить некоторые подробности жизни мореплавателя. Данный историко-биографический очерк, основанный на недавно обнаруженных архивных документах, открывает новые страницы деятельности А. И. Чирикова.

Январским утром 1715 г. приехали в Москву двоюродные братья-недоросли Чириковы и принесли в здешнюю адмиралтейскую канцелярию челобитную. В ней писали: «...По твоему великого государя указу велено набирать в школу математических и навигацких наук из всякого чину. А мы той науки воспринять желаем...» Далее будущий первооткрыватель новых земель Алексей Чириков сообщал о себе, что от роду ему 12 лет, отец служит «в Киевской губернии комендантом», а сам он «живет ныне на Москве у дяди»¹. Так, страстно желая стать настоящим моряком, определился Алеша Чириков в Московскую « навигацкую » школу.

Автор первого в России учебника «Арифметика», талантливый педагог Леонтий Магницкий умел возбуждать в учениках интерес к знаниям, развивать волевые черты характера — принципиальность, твердость, стремление к достижению цели, воспитывать высокие моральные качества. Через год Алексея перевели в Петербургскую морскую академию. Здесь воодушевленный подросток с головой окунулся в изучение астрономии, географии, кораблестроения. Окончив академию с отличием, Чириков сразу же был произведен в унтер-лейтенанты — факт необычный по тому времени. После недолгой службы на Балтике он был назначен преподавателем в ту же Морскую академию, где обучил «разным наукам» 142 гардемарина.

Узнав о планируемой экспедиции* под руководством датчанина Беринга, находяще-

* Еще в середине XVII в. русские землепроходцы изучали северные и дальневосточные окраины России. В 1648 г. Семен Дежнев обнаружил пролив между Азией и Америкой. Но его донесения затерялись в сибирских приказных архивах. И потому Россия долгое время не имела научных сведений о дальневосточных обширных землях.

Незадолго до смерти Петр I задумал организовать Камчатскую экспедицию с целью обследовать северо-восточные берега государства и выяснить, соединяется ли Азия с Америкой.

гося на русской службе, Чириков подал прошение в Адмиралтейство: желаю, мол, быть ее участником. В коллегии рассмотрели его кандидатуру и дали добро, записав при этом: «по обучению гардемарин и морских офицеров искуснее всех явился»². Покидая Петербург в январе 1725 г., вряд ли думал Чириков, что с этого момента определится вся его дальнейшая судьба...

Участники экспедиции, построив судно «Св. Гавриил», в июле 1728 г. вышли с Камчатки в море и взяли курс на северо-восток. Поначалу плавание шло хорошо. Но чем дальше на север, тем круче волна, яростнее встречный ветер, гуще туманы: проходя пролив, не обнаружили противоположного, американского, берега. Условия плавания ухудшались. Беринг собрал консилиум. Ссылаясь на царскую инструкцию и устные свидетельства местных жителей, он заявил, что Чукотский Нос отделяется от Америки морем и, следовательно, надо возвращаться назад³. Его поддержал М. Шпанберг. Чириков не соглашался, считая, что плавание необходимо продолжить вдоль берега до устья реки Колымы (хотя бы до первых льдов).

Через два дня Беринг отдал приказ повернуть на Камчатку. И вновь, проплывая узким проливом, не увидели тогда Америки.

В 1730 г. Адмиралтейство при изучении полученных материалов — отчетов Беринга и дневников офицеров — особое внимание обратило на путевые записи Алексея Чирикова, вызвавшие интерес и иностранцев, наводнявших в те годы Российскую академию наук. Так, в июне 1731 г. И. Шумахер писал переводчику Горлицкому: «Посланный при сем письме журнал морского флота лейтенанта Алексея Чирикова имеющегося пути от Санктпетербурга до Камчатки извольте перевести на французский язык неумедля, понеже в том немалая нужда»⁴.

По общему мнению Адмиралтейства, Чириков в отличие от Беринга «проявил в вояже благоразумную твердость»⁵. Позже его произвели в капитан-лейтенанты.

Бравым морским офицером прибыл он в родную деревеньку, что под Тулой, к престарелым родителям, хозяйство которых пришло в упадок. Тут и надумал Алексей жениться. 20 декабря 1731 г. «флота капитан-поручик Алексей Ильин сын Чириков» подал в Поместный приказ челобитную, в которой значится: «В нынешнем 1731 году, женился он у прапорщика у Якова Семенова сына Шишкова на дочери его девице Прасковье»⁶. Вскоре самоотверженно разделила она с мужем все выпавшие на их долю испытания.

В 1732 г. Чирикова срочно вызвали в столицу. Без колебаний выразил он готовность предпринять второе путешествие вместе с Берингом, который в это время, подводя итоги плавания, составил записки о хозяйственном развитии Камчатки. Началась организация второй экспедиции на восток от этого края.* На полях специальной адмиралтейской инструкции о проведении экспедиции были сделаны замечания: Беринг сосредоточил внимание на административно-хозяйственных вопросах; Чирикову принадлежат пункты о плавании к американским берегам, о наиболее удобных способах переправки снаряжения, об организации исследований северных отрядов экспедиции по Ледовитому океану. Что касается «неведомых земель», то Чириков считал, что Америка «лежит не весьма далече от Чукотского восточного угла»,⁷ — между 50° и 65° с. ш. должны быть населенные и богатые естественными ресурсами острова. Впоследствии данные предположения оправдались — А. И. Чириков опередил зарубежных географов в открытиях тех лет по названному региону.

Адмиралтейство и Сенат определили командору Берингу, учтя некоторые предложения Чирикова, «при всяком случае держать с ним совет»⁸.

Беринг и его жена последовали в Якутск налегке. Чириковы с маленькой дочкой присоединились к основным обозам экспедиции в Нижнем Новгороде. Волгою следовали до Казани, потом посуху до Тобольска, где зазимовали. В команде Чирикова

* Некоторые прогрессивные русские деятели заинтересовались предложениями Беринга. В частности, идею снаряжения новой экспедиции поддержал сенатский обер-секретарь И. К. Кирилов. При его активном участии план Беринга был существенно расширен. В апреле 1732 г. вышел сенатский указ о снаряжении второй Камчатской экспедиции под начальством Беринга. В нем определялись масштабные мероприятия по отысканию северо-западных берегов Америки, открытию морского пути в Японию, развитию промышленности, ремесел, земледелия на Дальнем Востоке.

было 350 человек, люди крутые, своенравные — из тобольских служилых да ссыльных. По рекам и волоком переправляли более трех тысяч пудов продовольствия, снаряжения, других материалов. В архивах удалось найти десятки документов, ярко отображающих поистине титаническую работу Чирикова, который руководил строительством дощаников, добывал лошадей и подводы для перевозки громоздких грузов по сибирскому бездорожью.

Только летом 1735 г. добрались до Якутска. Доставив сюда провиант и корабельное снаряжение, Алексей Ильич, по свидетельству участника экспедиции, «не сходя с судов желает итти в поход, ежели не удержит его капитан-командор»⁹. Ссылка на Беринга здесь не случайна. Вот что писал «обретающийся в команде капитана-командора Беринга морского флота лейтенант Михаил Плаутин» в июне 1735 г.: «имеет Беринг не о экспедиции старание, но больше о своем интересе и о покое фамилии (семьи — В. Б.), чтоб от них не отлучитца; и продолжает время в Якуцке, где жить намерен, покамест принудительный указ не пришлетца»¹⁰.

Конечно, приведенная характеристика Беринга односторонняя и субъективна — на него навалилось множество дел по руководству отрядами экспедиции, хозяйственные хлопоты. И все же в этих словах есть правда — таков был характер командора. К тому же Беринг понимал, что «вояж» к берегам далекой Америки давал мало шансов на возвращение. «Мягкий» руководитель экспедиции и «твердый» подчиненный схлестнулись в жаркой полемике. Проявив самообладание и выдержку, Алексей Ильич выиграл нелегкий спор с Берингом.

Впечатляет размах практической деятельности Чирикова. Сразу же по прибытии в Якутск организует отправку материалов и провианта к Юдомскому Кресту (только в 1735 г. переправил более 17 тысяч пудов!). В августе 1736 г., оставив семью в Якутске, он обосновывается в глухой тайге. Доставляя грузы в Охотск, лично руководит расчисткой дорог, строительством провиантских магазинов, устройством пристаней. Разбивались речные суда, падали лошади, от тяжких трудов и болезней умирали люди. Самим приходилось заменять тяговую силу: «и не мало мы на себе важивали»¹¹, — признавался впоследствии Чириков.

Прибыл Чириков в Охотск весной 1737 г., а через несколько месяцев здесь появился Беринг. Корабли для предстоящих плаваний строились очень медленно. Шпанберг, отправленный сюда для организации их строительства, фактически бездействовал. Отношения между Чириковым и Берингом становились все более напряженными. В июне 1738 г. Алексей Ильич писал графу Головину в Адмиралтейство о том, что все его предложения Берингом «не приемлются», и он опасается «от него великих обид, которых ему делать легко в такой дальности, имея меня в полной своей власти»¹². Чириков продолжал упорно настаивать на принятии мер, которые считал необходимыми для успеха дела.

В апреле 1740 г. он снова предложил командору отправить его «осмотреть места, лежащие от Камчатки против Чукотского Носа и прочие западной стороны Америки»¹³. Беринг опасался, что в случае удачи Чирикову будет принадлежать слава открытия, и потому категорически отверг его смелое предложение.

Наконец летом спустили на воду пакетботы «Св. Петр» под командованием Беринга и «Св. Павел» под началом Чирикова. 17 сентября 1740 г. прибыли в Авачинскую бухту, где остались зимовать в гавани, названной в честь их кораблей. Так возник город Петропавловск-Камчатский.

Все последующее описание плавания Чирикова основано на его рапортах в Адмиралтейств-коллегию¹⁴.

Итак, вышли в море 4 июня 1741 г. Последовали на юго-восток искать мифическую «Землю де Гамы», «которая показана на карте профессора астрономии Делиля»¹⁵. Достигли 46° с. ш., но никакой земли, как и предполагал когда-то в своих заметках Чириков, не открыли. 13 июня, потеряв столь драгоценное летнее время, «поворотили для исканья американских берегов»¹⁶.

Через неделю «при густом тумане, жестоком ветре с капитаном-командором разлучился, — писал Чириков. — И искал его долго, точию сыскать не мог. Принужден был следовать один в надлежащий путь»¹⁷. С этого момента навсегда разошлись не только корабли, но и судьбы Беринга и Чирикова.

В ночь с 15 на 16 июля 1741 г. члены экипажа «Св. Павла» «получили землю, которую признали без сомнения: часть Америки, понеже по картам географа Гоммана

истории отечественного мореплавания открытие части северо-западного побережья Америки¹⁹. Надо подчеркнуть, что после своего «исчезновения» Беринг сразу же пошел к американским берегам. Однако Чириков достиг неведомого континента полутора сутками раньше, поэтому именно ему должна принадлежать слава первооткрывателя берегов Аляски.

... Двое суток следовали к северу параллельно берегу. Достигли 58° с. ш. Вероятно, это случилось в районе бухты Таканис, у юго-западной оконечности острова Якоби. 18 июля флотский мастер А. Деметьев в сопровождении десяти вооруженных матросов был послан «усмотреть» подходящий залив. Лангбот приблизился к берегу и скрылся за скалами. Прошел час, другой...

Минул день. Не возвращаются служители, даже сигналов не подают. Да и погода, к несчастью, испортилась: начался дождь, задул порывистый ветер. Судно то относило от залива, то снова приближало к нему. Пятеро суток держались под парусами как можно ближе этого места. Наконец увидели на берегу огонь. Понадеялись, что служители «содержат» костры. На огни, давая знать о себе, несколько раз палили из пушек. После выстрелов огонь вроде разгорался, но лангбот не выходил.

На следующий день, посоветовавшись, решили: бот поврежден, потому и не могут люди вернуться. Все сошлись на одном: послать на малой, последней на судне лодке, «для починки бота плотника да конопатчика с вещьми»²⁰. А отвезти их ввалились боцман Савельев и матрос Фадеев.

Стояла тихая солнечная погода. Лодка приблизилась к берегу и тоже канула в неизвестность. «Положенных сигналов не чинили, в чаятельное время не возвратились»²¹. В томительном ожидании минула темная ночь. Днем увидели идущие от губы две лодки на гребле — одна малая, другая побольше. Думали, свои возвращаются. Чириков взял дальноскоп и рассмотрел, что суденышки не их: «понеже лодка гребущая корпусом острая, и гребля не распашная, а просто веслами у бортов»²². Значит, это иноземцы. Одна из лодок отделилась, подплыла на достаточное расстояние к судну. В ней находилось четыре человека. Тот, что на корме, в красном платье, встал на ноги и прокричал: «Агай! Агай!». А сам рукой машет, зовет, будто, к берегу. И тотчас поворотили прочь.

Чириков приказал всем на палубе махать белыми платками и кланяться, приглашая американцев ближе подплыть. Но люди на лодках быстро пошли обратно к заливу. Горько стало на душе у капитана: попали товарищи в беду. Ведь если иноземцы не посмели приблизиться к судну, значит со служителями поступили «неприятельски» — задержали или побили.

До вечера близ берега ходили. Ночью для безопасности удалились от этого места, на кормовом флагштоке повесили «фонарь с огнем», затем еще раз подошли как можно ближе к берегу, где приставали лодки, но никого не увидели. Таким образом, «Св. Павел» лишился почти четверти экипажа, обеих шлюпок — теперь без них нельзя было ступить на открытую землю и даже запастись пресной водой, дровами.*

* Бесследное исчезновение 15 членов экипажа «Св. Павла» так и остается по сей день загадкой. В советской и зарубежной литературе имеются различные предположения. Так, Ф. Голдер поведал о попытке американских ученых выяснить у индейских племен данного региона о каких-либо преданиях, касающихся появления у них белых людей в давние времена. Ничего утешительного этнографы не обнаружили. (F. A. Golder. Bering's Voyages...vol. 1. N. Y., 1922, p. 311.)

Однако в русских источниках есть некоторые материалы, которые могут касаться описанных выше событий. Так, в журнале «Русский вестник» № 5 столетней давности было опубликовано неизвестное дотоле письмо А. И. Чирикова к другу и единомышленнику, участнику второй Камчатской экспедиции Д. Я. Лангеву, в котором рассказывается о «несчастливом» плавании к берегам Америки, о судьбе пропавших людей. Один из читателей журнала, А. С. Кротков, откликаясь на публикацию, сообщал в 1888 г. интересные данные: оказывается, есть сведения от нуткинских индейцев, что они очень давно видели «белых людей» и получили от них первый кусок железа. Аборигены не от кого другого, как только от русских, плававших в этих широтах, могли получить железо.

В этой же записке «По поводу письма А. И. Чирикова» (Кронштадт, 1888, с. 8) сообщалось, что в Россию от испанского двора была прислана бумага, в которой извещалось: в Калифорнии «нашли русских бородатых». «За чьих подданных их признавать?» — спрашивали испанцы у царского правительства.

До Петропавловской гавани, как полагал капитан, было около 2 тыс. миль, а воды на судне оставалось 45 бочек, что недостаточно на обратное плавание. «Далее пути своего не продолжать и возвратиться к помянутой гавани...»²³ — с таким решением капитана согласились лейтенанты Иван Чихачев и Михаил Плаутин, штурман Иван Елагин. 27 июля 1741 г. взяли курс обратно к родным берегам.

Итак, судно Алексея Чирикова плавало вдоль неведомой земли около 400 верст. Открыты и нанесены на карту обширные пространства вдоль побережий северо-западной Америки от мыса Спенсера до бухты Литуя и далее. Видели и описали морских животных (китов, сивучей, моржей, свинок), множество родов птиц (чаек, уток с кривыми носами и других). Везде, рассказывали мореплаватели, берега морские «весьма крутые и приглубы», повсюду высокие горы, «на оных растет великий лес — ельник, пихтовник и сосняк», «а от места, с которого возвращались» 58° 21' с. ш. — В. Б.) видели вдалеке на юг и три четверти юга на берегу превысокие горы, которые, чаятельно, высотой своею превосходят Камчатские»²⁴.

В первых числах августа с борта корабля обнаружили мыс Елизаветы и побережье Кенайского полуострова. Пройдя недалеко от острова Афогнак, приблизились к Алеутской гряде. Здесь оказались восточные острова — Умнак и Уналашка²⁵. До середины августа погода благоприятствовала плаванью, затем подул сильный ветер, замурилось небо. С согласия офицеров в целях экономии оставшейся воды Чириков приказал варить людям одну порцию каши в день, «а питья давать каждому столько, чтоб токмо жажду утолять»²⁶. Точно так же питались и офицеры. В дождливые дни подставляли к парусам ведра, собирая воду. И хотя она отдавала смолою, служители пили охотно, да еще приговаривали: при нужде, дескать, дождевая вода «здоровая — смольною горестью цингу выгоняет»²⁷. Вдобавок к скудному питанию моряки «пробавлялись сухарями с маслом», соленым мясом, которое варили в морской воде.

8 сентября день выдался туманный, унылый. Стали являться признаки близости земли: уменьшилась глубина, залетали птицы, у борта плавала трава. Когда же туман прояснился, на западной стороне взору предстали высокие горные хребты. Это был остров Алеутской гряды, не обозначенный на карте. Приблизились к берегу: «онный к морю крутой, а на восточной стороне оказалась земля низкая»²⁸. И вдруг увидели идущих по суше людей. Все воспряли духом, даже больные выползли на палубу. Стали призывать их к себе на судно на русском и камчатском языках. Куда прибыли мореплаватели, установить по записям трудно, но есть предположение, что «Св. Павел» находился у бухты Водопадов острова Адак.

Островитяне два раза выезжали к морякам на кожаных малых лодках. Им выказывали знаки дружелюбия, бросали подарки, жестами прося привезти воды. В результате удалось выменять алеутскую шляпу из березы, камень-минерал, стрелы, корни трав, растущих на острове, по пресной воде так и не выпросили.

О встрече с алеутами Чириков оставил подробное и весьма интересное описание, хранящееся в архивах. В частности, он писал: «А собою они мужики рослые, лицами похожи на татар, видом бледны, а знатно, что здоровы. Бород почти у всех нет от природы или выщипывают. В носях имеют все коренья воткнуты, отчего у иных и кровь текла...»²⁹.

Запеленгов остров (51° 40' с. ш.), Чириков стал на прежний курс — к западу. Дальнейший путь был трагичным: почти все служители пакетбота, больные цингою, слегли, на вахты не ходили, только самые крепкие «через силу должное исправляли»³⁰. 16 сентября умер парусник Усачев, за ним — еще два матроса, потом — лейтенанты Чихачев и Плаутин, профессор астрономии Делиль ла Кройер...

«В то же время и я весьма от цинги изнемог и находился в отчаянии жизни. А на верх не мог выходить с 21 сентября и по самый возврат в гавань»³¹.

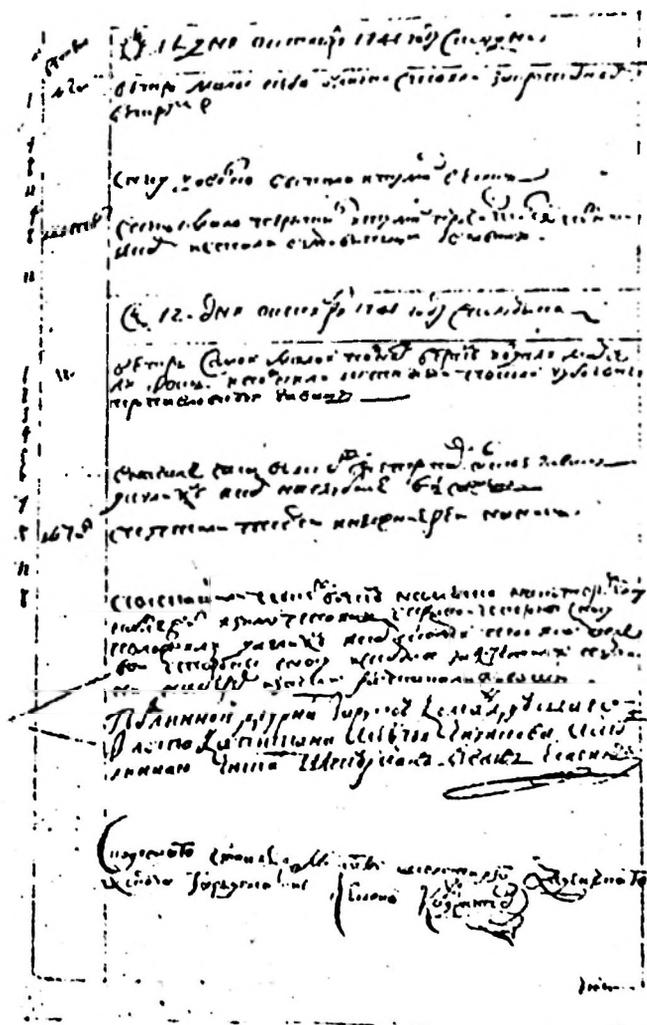

А вот самые интересные сведения. В статье П. Н. Головина «Обзор русских колоний в Северной Америке», опубликованной в «Морском сборнике» (т. 57, № 1, Сиб., 1862, с. 24, 190—192), в частности, сообщалось по доношению от 28 февраля 1789 г. бывшего в Мадриде русского посланника Зиновьева: «Судно «Сент-Шарль» под командою капитана Горо нашло оуколо Сент-Блаза под 48—49 градусами с. ш. до 8 селений, в которых находилось от 16 до 20 семей, т. е. до 462 человек русских». На основании этих данных можно предполагать, что часть команды Чирикова осталась обживать американские берега.

Судном управлял стойкий штурман Иван Елагин, надежный помощник капитана. В таких условиях 21 сентября открыли еще одну землю. Это был предпоследний остров Алеутской гряды — Агатту. Недалеко от него находился остров Атту. Шли вдоль берега, словно забыв о болезни, вели наблюдения. Неожиданно обнаружили бобров, чему удивился капитан: эти животные водятся на Камчатке, а при американской земле их не видели. Следовательно, делал он вывод, обнаруженные земли «соединение между собой имеют», ибо «близкости земной довольно: птицы береговые и морские животные, обретающиеся жители»³². И острова эти «положение свое имеют близ земли великой».

Только «...8 октября в 7-м часу пополудни увидели Камчатскую землю»³³, — записано в журнале. В беспамятстве оказался капитан, когда спешно отправляли его на берег.

Но переборол тогда смерть Алексей Ильич — предстояло еще многое сделать. Как только поправился, послал в Адмиралтейство рапорт о плавании к Америке.

Последняя страница судового журнала пакетбота «Св. Павел» плавания 1741г.

К нему приложил вахтенный журнал. «меркаторскую карту», на которой указал разницу между Камчаткой и Америкой. «И оная меж означенными землями явилась несходна»³⁴. — подчеркивал Чириков. Он был уверен: это произошло потому, что не существует тех земель, которые обозначены на старых картах. Потому Чириков предлагал профессорам Академии наук устранить погрешности посредством обоих числений — по журналу и карте. На это, сообщил он, морское течение не повлияло: при открытой земле есть такое — параллельно берегу, с обычным возвратом, а вот океанского течения «не обрелось»*.

Наступила весна. Капитан «Св. Павла» чувствовал еще «немалую слабость», да и служители были «не в совершенном здоровье»³⁵. И все же в 1742 г. Чириков снова шел в плавание, «пренебрегая все недовольствия». Цель — «учинить подробное разведывание» западного, как он считал, выступа американского материка. К земле пришли 9 июня. Но сильные ветры и туманы опять не позволили обстоятельно исследовать ее. Однако Чириков сделал вывод: «Оной остров — не соединительная с Америкой большая земля». Ему дали название — остров Святого Федора (ныне Атту). Почти десять дней плавали у его берегов — ни жилья, ни леса, только отлогие берега да сплошные горы. И все это время капитан был «принужден многие ночи пробывать без сна несходно с палубы». Оттого вернулась слабость, «уже насилу ходил». Посоветовавшись с Елагиным и шкипером Коростелевым, Чириков «положил далее пути не продолжать»³⁶.

В обратном плавании увидели еще один остров, который назвали остров Святого Юлиана. Именно на нем и находилась команда потерпевшего крушение «Св. Петра». Однако Чириков, не подозревая этого, прошел в Петропавловск, откуда последовал в Охотск. Войдя в устье реки Охоты, Чириков поставил корабль в безопасное место, оставил Коростелева с 20 служителями охранять его, а сам с остальной командой отправился в Якутск.

*На Камчатке Алексей Ильич узнал о судьбе Беринга. 25 июня 1741 г. Беринг направился на северо-восток. 16 июля в широте 58°14' моряки увидели Америку. Через четыре дня подошли к острову Каяк. Вместе с Берингом плавал к Аляске ботаник и естествоиспытатель Г. В. Стеллер. В переведенной на русский язык его книге «Из Камчатки в Америку. Быт и нравы камчадалов в XVIII в.» (Л., 1927, с. 78—79) Стеллер описал страсти, разгоревшиеся на корабле «Св. Петр».

«Обстоятельства дела требовали совместного обсуждения, что делать дальше, как лучше всего исследовать сушу. Но совещания не последовало; говорилось лишь об одном — запастись свежей водой. Поэтому я не мог воздержаться, чтобы не заметить, что мы приехали сюда лишь для того, чтобы привезти американской воды в Азию. Меньший бот был использован для доставки воды, а больший предоставлен корабельному мастеру Хитрову с командой обследовать сушу. Высказанное мною желание отправиться с Хитровым было категорически отклонено... Я потерял к командиру всякое уважение и решил добиться того, чтобы меня отпустили на сушу хотя бы с отрядом, едущим за водой, что мне и удалось».

На первый взгляд незначительный факт, однако и он подчеркивает сущность характера Беринга — его тщеславие, деспотизм, желание оставаться единственной фигурой в открытии Америки со стороны России.

«Приблизительно через час, — пишет в своей книге Стеллер, — я получил от Беринга ответ, полный патристического чувства и любезности, что я должен немедленно явиться на судно, иначе уйдут без меня. Час спустя после меня вернулся Хитров и рассказал, что он нашел гавань, где можно остановиться без всякой опасности. На суше он не встретил людей, но видел маленькие деревянные избышки. Он тоже принес из этих жилищ разные предметы. Это все, что мы приобрели на острове; на континент мы так и не ступали. Причиной тому — проистекающее из лени упрямство и слепая трусость (Беринга). Время, затраченное здесь на исследование, обратно пропорционально времени, затраченному на приготовления: десять лет продолжались сборы и только десять часов ушло на дело».

21 июля Беринг встал, против своего обыкновения, в два часа утра, вышел на палубу и приказал, не посоветовавшись ни с кем, поднять якоря. Хотя лейтенант Ваксель и указал на то, что еще 20 бочек не наполнены водой и что оснований для спешки, в сущности, не имеется, приказ был приведен в исполнение». В комментариях приведенный текст вряд ли нуждается.

На обратном пути мореплаватели открыли острова Аляски и Алеутской гряды: Кадьяк, Угамак, острова Шумагина, Атку, Кыску, Семиди и др. От цинги умирали матросы. 5 ноября пакетбот выбросило на берег одного из Командорских островов, где 8 декабря скончался Беринг. Позже команда выстроила новое судно, на котором 26 августа 1742 г. возвратилась в Петропавловск.

Здесь в сентябре 1743 г. пришел указ императрицы Елизаветы «в морские вояжи более не ездить»³⁷. Однако Чириков, оставшись за руководителя экспедиции, торопился подвести итоги проведенных работ, которым посвятил, в сущности, всю свою жизнь. В Петербург пошло прошение Чирикова об отставке, где он писал, что обретається в Камчатской экспедиции шестнадцатый год, «в вояжах на море для искания американских берегов получил цинготную болезнь, от коей и поныне не освободился». Далее он подчеркивал: «За долговременную бытность мою в экспедиции дом и деревни, которые имею, без призрения разоряются, и впредь уже приехать будет не к чему, и жить мне и жене моей и детям будет негде, и пропитаться не от чего...»³⁸ И хотя Адмиралтейство вынесло мнение, чтобы капитана Чирикова «для необходимых нужд уволить к здешней команде», его еще несколько лет продержали в Томске и Енисейске.

В мае 1746 г. под руководством Чирикова была составлена «Карта генеральная Российской империи, северных и восточных берегов, прилежащих к Северному Ледовитому и Восточному океанам с частью вновь найденных через морское плавание западных американских берегов и острова Японы»³⁹. К ней он приложил записку. В результате работ первой и второй Камчатских экспедиций, утверждал Алексей Ильич, исследована «немалая часть земноводного глобуса», открыты земли и острова, «о которых до упомянутого времени было ничего не известно»⁴⁰.

В то же время Чириков совместно с Елагиным «сочинил» и представил в Адмиралтейство дополнительную карту об открытиях Камчатских экспедиций в Тихом океане, включая побережье Дальнего Востока и берега северо-западной Америки. Алеутские и Командорские острова, Курильскую гряду и часть острова Хоккайдо (впервые нанести на карту все Курильские острова и собрать первые сведения о Японии удалось в 1738—1742 гг. отряду М. П. Шпанберга)*.

В июне — июле 1746 г. Алексей Чириков написал последний труд — проект «Предложений». Здесь он впервые подвел итоги научных исследований бассейна Тихого океана, осуществленных предшественниками и участниками Камчатских экспедиций. Проект «Предложений» — своеобразный наказ современникам и потомкам о путях экономического и культурного развития Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера**.

7 сентября 1747 г. вышел именной указ о пожаловании капитана А. И. Чирикова в капитан-командоры⁴¹. Но его здоровье было подорвано — в конце ноября-начале декабря 1748 г. Чириков скончался. Парадоксально, но мы даже не знаем точной даты смерти этого великого русского первооткрывателя. Лишь 7 декабря 1748 г. кто-то из чиновников Адмиралтейств-коллегии записал в журнале: «А понеже бывший у отправления адмиралтейских дел в Москве капитан-командор Чириков умер, приказали... к управлению послать князя Волконского»⁴². Неизвестно и место захоронения Чирикова, хотя дальневосточный исследователь А. И. Алексеев утверждает, не ссылаясь на источники, что его могила находится в Ленинграде⁴³.

Автору этих строк удалось разыскать некоторые свидетельства. Установлено, что в конце XVII — середине XVIII вв. представителей рода Чириковых погребали на территории кладбищ московских церквей (Живоначалыня Троицы, что на Хохловке, в Старых Садах, святого Иоанна Воина и святого Николая, что на Хлынове, прежде — Введенский девичий монастырь)⁴⁴. Вполне возможно, что и Алексей Чириков где-то там похоронен, но более правдоподобной кажется другая версия. Как

*После морских походов Чирикова и Беринга русские промышленники валом повалили попытать счастья на открытых землях. Подчеркнем, что темпы освоения Алеутских островов и побережья Аляски были ошеломительными. Купцы, став отличными мореходами, освоили, нанеся на карту, всю северную часть Тихого океана, Аляску, Алеутские и Курильские острова. Таким образом, главные задачи, положенные в основу двух Камчатских экспедиций, — укрепление границ России на севере и Дальнем Востоке, изучение и хозяйственное освоение тихоокеанского побережья, нахождение неведомой для русских Америки, установление с другими странами и народами взаимовыгодных торговых отношений — с честью были выполнены русскими моряками и первопроходцами.

** Мы затронем лишь некоторые пункты «Предложений» А. И. Чирикова, касающиеся Дальнего Востока. Прежде всего, предвидя возможность посягательств иностранцев на русские земли, он обосновал необходимость постоянно иметь на Дальнем Востоке свои военно-морские силы, соорудить крепости для отражения вражеского нападения.

установлено, отец мореплавателя Илья Родионович Чириков еще с 80-х гг. XVII в. владел некоторыми деревнями в Тульском уезде⁴⁵. А вот в селе Аверкнево-Лужное этого же уезда (ныне село Лужное Дубенского района Тульской области.— В. Б.) стольник Илья Чириков имел усадьбу и хозяйство. В этом же селе на возвышенном берегу реки Колодни в XVII в. была построена церковь. Вполне возможно, что и здесь могла находиться родовая усыпальница Чириковых.

«В то время, как имя Беринга пользуется всеобщей известностью, капитан Чириков почти забыт, и его имя мало кому известно»⁴⁶. Правдивость этих слов Жюль Верн несомненна. К сожалению, жизненный подвиг Чирикова ради Отечества не оценили по достоинству его современники. Лишь позднее, в 1760 г., М. В. Ломоносов, откликаясь на «Историю Российской империи при Петре Великом» Вольтера, пишет: «... В американской экспедиции через Камчатку не упоминается Чириков, который был главным и прошел дальше, что надобно для чести нашей. И для того послать к сочинителю карту оных мореплаваний»⁴⁷.

И только через столетие, в середине прошлого века, впервые публикуя карту с маршрутами плавания первопроходца и открытыми им землями, русский морской историк А. П. Соколов даст его трудам должную оценку: «Капитан Чириков был лучшим офицером своего времени, краса и надежда флота, умный, образованный, скромный и твердый человек, в котором морская служба не могла ожесточить чувствительное сердце... Плавание Чирикова есть истинное торжество воли человека над случайностями... Открыв Американский берег полутора сутками ранее Беринга, осмотрев его на протяжении 3 градусов к северу и оставив пятью днями позже, Чириков возвратился в Камчатку — 8 градусами западнее Берингова пристанища — целым месяцем ранее; сделав те же на пути открытия Алеутских островов; во все это время не убирая парусов и ни разу не наливаясь водой; тоже претерпевая бури, лишения, болезни и смертность, более, впрочем, павшую у него на офицеров, чем на нижних чинов. Превосходство во всех отношениях разительное!»⁴⁸

Большое стратегическое и экономическое значение Алексей Ильич придавал Курильским островам, открытым русскими еще до исследований Шпанберга в начале XVIII в.: обладание ими открывало России выход в Тихий океан, помогало установлению торговых отношений с Японией, Китаем, Индией и другими странами.

Бездорожье создавало огромные трудности для освоения Восточной Сибири, развития торгово-экономических и культурных связей с областями дальневосточного региона. Чириков считал, что река Амур — замечательная водная магистраль, которая свяжет Иркутскую губернию с Камчаткой. При этом он учитывал и международно-правовую сторону вопроса: рекомендовал русскому правительству договариваться с китайским двором «без нарушения с ним согласия» относительно использования этой реки.

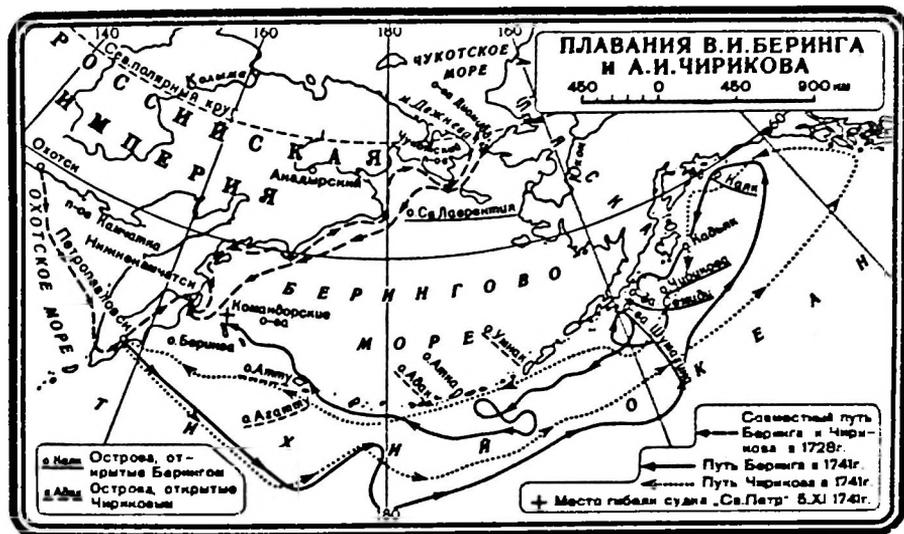
Широкое внедрение земледелия и животноводства на Дальнем Востоке, по мысли Чирикова, дало бы экономическое могущество этому краю. Чтобы вызвать к жизни и процветанию Приамурье, Чириков предлагал строить на свободных землях города и селения. Кроме того, благоприятные условия для развития земледелия в Приамурском крае дали бы хорошие предпосылки для установления торговых отношений с Японией.

Но, пожалуй, больше всего Чириков радел о местном населении. Он хорошо понимал, что в росте экономической мощи Дальнего Востока «природные жители» — якуты, тунгусы, каряки, камчадалы — занимают главное место. Чириков требовал при определении ясака (подати) с коренных жителей строго учитывать характер местных социально-экономических условий, а также снятия подушной подати со служилых людей. И поныне актуально его предложение о совершенствовании прав и обязанностей населения Дальнего Востока. Так же он советовал относиться и к населению открываемых островов, призывая проявлять гуманизм по отношению к нему.

Для изучения естественных ресурсов северной и дальневосточной части Тихого океана Чириков предлагал использовать оставшиеся на Камчатке суда, привлекать охотников к морскому промыслу, разработал систему поощрений этого.

В проекте Чириков затронул и проблему сохранения природной среды. Наблюдая частые пожары на Дальнем Востоке, приносящие огромный ущерб лесному и пушному хозяйству, он предлагал конкретные меры для охраны лесов от пожаров.

«Предложения» Алексея Ильича Чирикова касаются также организации системы портов на тихоокеанском побережье с целью установления торговых отношений России с Америкой, Японией и другими странами этого региона.

На карте мира можно найти несколько географических названий, носящих имя этого великого русского человека: остров Чирикова в Аляскинском заливе (территория США); четыре мыса Чирикова, два из которых находятся на территории СССР (побережья Анадырского залива и Охотского моря), а два — в США (архипелаг Александра в Тихом океане и на острове Атту), подводная гора в Тихом океане. Думается, что именем этого славного моряка-первопроходца, отдавшего жизнь ради открытия и освоения дальних земель, можно называть города, села, улицы и обязательно — корабли. Алексей Ильич Чириков по праву заслужил это.

¹ А. В. Ефимов. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. XVII — 1-я половина XVIII в. М., 1950, с. 283—284.

² Материалы для истории русского флота, т. 4, Спб., 1867, с. 697.

³ Экспедиция Беринга. Сборник документов. М., 1941, с. 64.

⁴ Материалы для истории императорской Академии наук, т. 2. Спб., 1886, с. 59.

⁵ Материалы для истории русского флота, т. 7, с. 520.

⁶ См.: материалы ЦГАДА (Центральный государственный архив древних актов), Ф. 1209, оп. 3, д. 3377, л. 757.

⁷ Экспедиция Беринга, с. 207.

⁸ Материалы для истории русского флота, т. 7, с. 521.

⁹ ЦГАДА, Ф. 248, оп. 12, д. 669, л. 94.

¹⁰ Там же, л. 79 об.

¹¹ См.: А. П. Соколов. Северная экспедиция 1733—1743 гг. Спб., 1851.

¹² Экспедиция Беринга, с. 303.

¹³ Там же, с. 325.

¹⁴ См.: ЦГАДА, Ф. 248, оп. 20, д. 1327, л. 23—37 об.

¹⁵ Там же, л. 23 об.

¹⁶ Там же, л. 24.

¹⁷ Там же, л. 23.

¹⁸ Там же, л. 24.

¹⁹ См.: Д. М. Лебедев. Плавание А. И. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» к побережьям Америки. М., 1951; В. А. Дивин. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. М., 1953; Люди русской науки. М., 1962.

- ²⁰ ЦГАДА. Ф. 248, оп. 20, д. 1327, л. 26 об.
²¹ Там же, л. 27.
²² Там же, л. 27 об.
²³ ЦГАДА, д. 1327, л. 28 об.
²⁴ Там же, л. 29.
²⁵ См.: Д. М. Лебедев. Плавание А. И. Чирикова...; Люди русской науки.
²⁶ ЦГАДА, д. 1327, л. 30 об.
²⁷ Там же, л. 30 об.
²⁸ Там же, л. 32.
²⁹ Там же, л. 38.
³⁰ Там же, л. 35.
³¹ Там же.
³² Там же, л. 34.
³³ Там же, л. 35.
³⁴ Там же, л. 35 об.
³⁵ ЦГАДА, д. 1327, л. 41.
³⁶ Там же, л. 42.
³⁷ Там же, л. 457.
³⁸ Там же, л. 510—510 об.
³⁹ ЦГАВМФ (Центральный госархив Военно-морского флота), Ф. Головина, оп. 1, д. 1, л. 52.
⁴⁰ Там же, л. 52.
⁴¹ ЦГАДА, Ф. 248, оп. 10, д. 593, л. 313а—314.
⁴² Материалы для истории русского флота, т. 10, с. 37.
⁴³ См.: А. И. Алексеев. Сыны отважные России. Магадан, 1970, с. 61.
⁴⁴ См.: Ж-л «Русский архив», № 3, М., 1895, с. 409—413; Там же, № 5; Русские достопамятности, т. 4, М., 1883, с. 25.
⁴⁵ ЦГАДА, Ф. 1209, оп. 2, д. 14422, л. 584; Ф. 1209, оп. 4, д. 2621, л. 67.
⁴⁶ Ж. Верн. Завоевание Земли. Популярная иллюстрированная история великих географических открытий и путешествий с древнейших времен до наших дней, т. 1. М., 1916, с. 144.
⁴⁷ М. В. Ломоносов. ПСС, т. 10. М.—Л., 1957, с. 278, 287.
⁴⁸ Записки Гидрографического департамента Морского министерства, ч. 9, СПб, 1851, с. 12, 35—36.

Секрет вечной жизни

В. С. КУЗНЕЦОВ,
доктор исторических наук

У-ди (140—87 гг. до н. э.), император Ранней, или Западной, династии Хань, известен в истории как один из самых блистательных правителей. С его именем связывают победоносные войны против сюнну (гуннов), расширение пределов Китайской империи, упрочение сношений с владениями Западного края, то есть Центральной Азии, откуда в Китай проникает культурная флора (виноград, арбузы, персики, лук, чеснок, клевер).

У-ди поощрял литературные изыскания и в первые годы своего правления способствовал изучению возвращенных из забвения сочинений Конфуция.

За ратные деяния ханьского воинства, совершенные во время его правления, этот государь, который при жизни носил имя Лю Чэ, был канонизирован как У-ди — Ратоборец-государь.

Но не только войны ради расширения пределов империи занимали его помыслы. Как одолеть собственную смерть? Эта мысль не давала ему покоя. Немало усилий и средств затратил У-ди на попытки обрести бессмертие. Об одном таком эпизоде, связанном с надеждой заполучить секрет вечной жизни, и пойдет речь.

* * *

Стоя на крыльце, княгиня Гуан Мэй поеживалась от утренней свежести и запахивала то и дело отходившую полу халата. Вспомнив, что где-то прищиплена булавка, Гуан Мэй принялась искать ее в складках одежды. Найдя, она заколола непокорную полу и, осторожно ступая, спустилась с крыльца. Потемневший от ночной сырости песок тропинки еще не просох и не скрипел под ногами. Солнце неслышно касалось своими лучами зелени, и от этих прикосновений на стеблях, листве и лепестках цветов становились видны капли. Они светились чисто и холодно. Любимый куст жасмина Гуан Мэй сначала придиричиво осмотрела с высоты своего роста, потом присела на корточки, чтобы заглянуть внутрь чашечки цветка. Там блестела капля влаги. Откуда-то явился шмель и стал по-хозяйски, не замечая Гуан Мэй, копошиться, залез внутрь, недовольно жужжа при этом. «Испить, видно, решил,— подумала княгиня, вспомнив про каплю.— А вон,— и она перевела взгляд на другой цветок, где весело блестели капли на нескольких лепестках,— хоть на виду, но выпить их никто пока не спешит. И солнце, верно, иссушит».

От сидения на корточках затекли ноги, и Гуан Мэй встала. Она медлила уходить: взгляд ее задержался на цветке, который своими строгими очертаниями напоминал вазу. Между его плотно прижатыми друг к другу лепестками не оставалось просвета. Сходство усиливалось и неяркими переливами под лучами солнца: оно словно скользило по застывшей, отдававшей холодком поверхности. Лепестки, казалось, не отвечали на теплое прикосновение, оставались безучастными.

Праздное как будто созерцание на деле дало пищу для раздумий. Вот так

пьют росу насекомые и птички. Чтоб жажду утолить, видать, и только. А в Чанани¹ ди велел² сделать вазу, чтобы копилась в ней роса. Она, как надоумил некто государя, даст пьющему бессмертие. «Собирающая росу» — так изволил назвать ту вазу владыка³. Но, видно не уповая только на одну росу, он искал и другие пути бессмертия. И как слышно, ищет их и по сей час. Поистине, какая особая сила может быть в росе? Те мухи, что пьют ее, по осени валяются недвижно, скрючив лапки.

Оглядев садик, Гуан Мэй скорбно поджала губы: «Увы, он не велик. Как и само мое владение. Доходы не велики у меня, расходы никак не уменьшаются. Повеярастали сыновья, у них понародились дети, мои внуки. Земли ж не стало больше ни на вершок. Притом я не хозяйка. С кончиною супруга сын его, мой пасынок, стал самовластно править цзяоудуном⁴. Земля, считай, у него в руках. Коль дело дальше пойдет так, то вместо цветов придется посадить бобы. С цветами ж очень жалко расставаться».

Тягостные раздумья, одолевавшие Гуан Мэй, вдруг стали не так ощутимы. Словно приподнялся от земли полог тяжелых темных туч и засветила полоса. В конце дорожки, у стены, что ограждала садик, внезапно замаячил человек. Он был весь в движении, хотя оставался на месте. То прыгал вверх, от усилия разинув рот до ушей, то молча изгибался, то, широко расставив ноги, тянул через них шею, то приседал в позе лягушки, норовя достать плечами собственные уши.

То был Луань Да, способный малый, прислужник Гуан Мэй. Она не обременяла его черновой работой, поскольку был дотошен и горазд в занятиях духовных. Толковал сны, вызывал души усопших и вел с ними беседы, еще заговаривал кровь и усыплял взглядом. После общения с отшельником-даосом⁵, что обитал где-то в горах Тайшань, Луань Да увлекся составлением разных снадобий, посредством которых пользовал недуги и вроде даже помышлял изготовить живую воду. Еще был ловок на руку: вот на виду у всех лежит какая-то вещица, над ней протянет длани он — и нет вещицы. А потом опять ее положит.

— Свои занятия кончишь, Луань Да,— обратилась к нему Гуан Мэй,— придешь ко мне.

* * *

— Ты мне слугой был достойным.

От этих слов Луань Да весь насторожился, что не укрылось от хозяйки: он даже уши вроде прижал плотней, словно собака, завидя палку. «К чему это хозяйка гнет? — подумал про себя Луань Да, смиренно кланяясь и глядя исподлобья,— ведь ей еще служу я».

— С тобой мне расставаться вовсе не хочется,— вздохнула Гуан Мэй.— Но не могу терпеть, зная, какие способности пропадают. Тебе дан дар творить чудеса. А здесь,— сокрушенно развела руками Гуан Мэй,— кто воздаст тебе по достоинству. Достаток мой тебе известен.

Луань Да с почтением, но не без самодовольства слушал. А своим видом говорил: «Да что уж там я такого сделал, чтоб обо мне вести такие речи?»

— На таких, как ты,— многозначительно зазвучал голос Гуан Мэй,— есть спрос в Чанани. Там ди хлопочет, правда покамест безуспешно, заполучить средство бессмертия. И ты, я верю, поможешь ему в этом. Я дам тебе письмо, где тебя представлю и опишу твои необыкновенные способности.

— Я боюсь не справиться,— промямлил было Луань Да.— В столице, где живет ханьский государь, бывать не доводилось.

— Ты, главное, не робей. Старайся, что есть мочи. Доверие к себе внуши.

Коли придешься ко двору, рис белый будешь вдоволь есть, носить из шелка одежду. Так вот тебе письмо. Моя печать на нем. С ним явишься в Чанани к брату моему меньшому, Лочэнскому хоу⁶. А это на дорогу,— княгиня протянула слуге увесистый узелок с серебром.

— Отец мой Вам служил бесценно. И мне завещал служить Вам.

— Пребывая при дворе в Чанани, если тебя там примут, считай, что продолжаешь служить и нашему дому. Ступай — и в путь!

Полумрак небольшой молельни, куда пришла Гуан Мэй, скрадывал пространство, делал неразличимыми дощечки с именами предков, и от того усугублялось чувство неуверенности, которое испытывала Гуан Мэй: «Удастся ли затея с Луань Да? Ведь если он приживется при дворе в Чанани и, больше того, в доверие войдет к Лю Чэ, тогда и я не буду обойдена милостями владыки. Без них нашему семейству никак не обрести достатка. Но если его прогневит Луань Да, боюсь, гнев и меня коснется».

Вопреки своему обыкновению зажегши враз несколько свечей, Гуан Мэй принялась истово молиться, упрасывая предков пособить в задуманном.

* * *

Держась с достоинством, словно вельможа, кудесник шел, куда его вели, с таким видом, будто он уже не раз бывал здесь. И будто убранство государевых покоев доводилось видеть не впервой.

Лю Чэ, привстав с места, обратился в зрение, едва в дверном проеме показался чудодей.

Синяя одежда Луань Да натолкнула Лю Чэ и сидевшего рядом Дунфан Шо⁷ на мысль, что Луань Да одет «словно прислужник Сиванму⁸, только в обличье человечьем». И тем, как упал он ниц и затем легко вскочил, словно камнем спустилась вниз и вновь взлетела птица, укрепил лишь впечатление: «С виду ни дать ни взять — прислужник Сиванму, маячит в синем одеянии».

— Тут пишут мне, что ты великий чудодей.— пыливо взглянул Лю Чэ на человека в синем.

— Зовусь я Луань Да,— отозвался тот.— Сколь велико мое умение — не мне судить. А вот извольте сами посмотреть.

Неспешно подойдя к столику черного дерева, где неподвижно застыли фигурки, Луань Да сделал государю знак приблизиться и смотреть на них не мигая. Лю Чэ оторопело замотал головой — фигурки пришли в движение⁹. Словно рукой невидимой или порывом сильным ветра их сдвинуло на миг с места.

— Ты видел? — обратился Лю Чэ к Дунфану.

— Я стоял не очень близко,— отозвался тот.— Толком разглядеть не успел.

— А ну-ка, сделай еще раз! — распорядился Лю Чэ.

Луань Да сокрушенно развел руками.

— Сегодня уже больше не получится.

— А можешь сделать так, чтобы довелось мне увидеть наложницу мою, что умерла? — Лю Чэ высказал одно из своих сокровенных желаний.

— Не так уж это сложно,— снисходительно отозвался Луань Да. И добавил: — Если расположение звезд на небе будет благоприятным. И еще нужно время и помещение, где мог бы я заняться заклинаниями.

* * *

Она неслышно появилась, госпожа Ли¹⁰.

— Изволили со мною свидеться, государь,— проговорила нежно,— вот при-

шла. Давно я собиралась это сделать, да никак не отпускал меня мой владыка. А сегодня сказал: «Ступай к тому, кто ждет тебя».

Молвила так и улыбнулась, и рот был таким свежим, как вишня спелая, обмытая дождем. Лю Чэ впился в эти губы и явно почувствовал свежее дыхание и холодок жемчужных зубов.

Привстав на ложе, Лю Чэ торопливо огляделся: подле никого не было. И тонкая заколка с яшмой, которую, как помнится, достал собственноручно, чтоб руки утопить в волне волос, и положил на столик рядом, исчезла без следа. На изголовье ложа пальцы нашарили лишь седой волос... «И волосы не перестали покидать мою голову», — вздохнул было Лю Чэ и тут нахлынули ночные ощущения, как будто вновь их пережил, и стало легче на душе.

Лю Чэ предался размышлениям: «Этот Луань Да, видать, действительно чего-то может. Правда, пока Ли явилась ко мне только во сне. Но как? Живая. Я явственно слышал биение ее сердца и видел живой блеск в глазах. Но лучше сделать все же так. Пусть Луань Да не растрчивает своего умения на то, чтоб мертвых вызывать, а лучше пусть откроет мне тайну бессмертия! Жун-сэн считает, как говорил не раз мне Дунфан Шо, что мужское начало, ян, тем сильнее, чем чаще сливается с женским началом, инь. Но что-то я не замечал и не слышал, чтоб от этого кто-то стал бессмертным».

* * *

Недовольно кривя губы, Лю Чэ слушал своего любимчика Ли Яньняня. Способности менять обличье и повадки, высокое умение играть на флейте сделали его вхожим в дома многих царедворцев. И что ему услышать довелось или увидеть в частном порядке, он наиподробнее доносил государю с глазу на глаз.

Так выходило, как чувствовал и думал сам Лю Чэ, что появление Луань Да, внимание к нему Лю Чэ вызвали неодобрение и кривотолки. Словно все забыли, что он государь и потому в своих поступках и решениях волен.

Отпустив Ли Яньняня, Лю Чэ велел подать ему принадлежности для письма и собственноручно начертал указ. Но прежде чем отправить его в вельможный совет, прочел с начала до конца.

— В древние времена государь Юй открыл девять рек и смешал потоки четырех водных путей. В последние годы, однако, Желтая река выходила из берегов и люди, работавшие на плотине, не знали отдыха. В течение 28 лет я бдил империю, и теперь Небо послало этого человека открыть мне великий путь. В «Книге перемен» мы читаем о «летающем драконе» и «диком лебеде», движущихся к огромной скале. Разве эти предсказания не относятся к великому человеку, которого мне послало Небо? Поэтому жалую поместье и 2 тыс. семей воеводе Луань Да и даю ему звание Лэтунского хоу¹¹.

* * *

И следом приключилось чудо. В уезде Фэнин, на том месте, где женщина-шаман по имени Цин принесла жертвы Госпоже Земле, объявился вдруг трехногий котел. Узнав об этом, диву дался Лю Чэ и вопрошал знающих людей, с чего бы это появился тот котел¹²?

— Тут, видно, слово чье-то все решило, — заключил Лю Чэ, поведав при встрече с Луань Да о чуде с котлом.

— А слово, — издали начал Луань Да, — услышано будет или нет, зависит немало и от того, кто говорит. Умолкнув, чародей быстро

взглянул из-под полуопущенных век на Лю Чэ и, отметив про себя, что его внимательно слушают, продолжал: — Вот скажет слово государь, и Поднебесная вся ему внемлет. А человек простой, хоть сколько глотку не дери на площади Чанани, его ведь слушать никто не станет.

Лю Чэ согласно закивал головой.

— Я ездил далеко за море, — приосанившись, продолжал Луань Да. — Мне довелось посетить Аньци¹³, Сяньмэна и остальных бессмертных.

От восхищения Лю Чэ даже привстал с места, весь обратясь в слух и зрение. Такого молодца ему еще не доводилось видеть.

— Но все они, — удрученно вздохнул кудесник, — смотрели на меня как на простолоудина и не доверялись мне. К тому же так как я служил у Цзин Кана, который вовсе не был державным владетелем, они почли меня не достойным того, чтобы быть моими наставниками¹⁴.

Лю Чэ, прищурившись, внимательно-настороженно посмотрел на Луань Да. Такого про бессмертных ему еще слышать не доводилось. Видать, они, покинув эту землю, установлений здешних не забывают, держатся их. Чины и звания блюдут.

Поощренный глубоким вниманием государя, Луань Да, сменив скорбное выражение лица на одухотворенное, перешел к самому главному:

— А вот мой учитель говорил, мне, что золото можно получить из киновари, что бреши в плотинах на Желтой реке можно починить и... — понизил колос кудесник, — бессмертных можно убедить появиться. Больше того, — подался вперед Луань Да и уставился немигающим взглядом в глаза Лю Чэ. — Напиток бессмертия возможно изготовить!

Лю Чэ, привстав с места и просветлев лицом, хотел что-то, видно, сказать, но Луань Да предостерегающе поднял руку.

— Прости, государь, еще не кончил раб твой. Бойтся он, что если станет рассказывать обо всем этом, то, — с опаской поглядел на Лю Чэ, — его постигнет судьба Шао Вэня¹⁵.

— Что до Шао Вэня, — процедил Лю Чэ, — он поел лошадиной печенки и умер от того¹⁶. Ну а если ты способен будешь сделать то, чего он не успел, то за наградой дело не станет.

«Уж коли буду твоим зятем, — сказал себе Луань Да, — то дочь свою ты, видно, пожалеешь и не лишишь мужа». Рассудив, кудесник поспешил отвести от себя какие-либо сомнения.

— Тут дело не в подарках, — прямо глядя в глаза Лю Чэ, молвил Луань Да. — Ведь это вещи все, а через них связь живых существ весьма непрочна.

— Ты что имеешь в виду? — насторожился Лю Чэ. — Прямо говори.

— Известно всем, что нет сильней связи по крови.

— А-а, — протянул Лю Чэ. — Пусть будет так. Тебе я даю в жены свою дочь, царевну Вэй¹⁷.

* * *

Солнце неслышно пробралось в покои, выдало себя лучами. Они, тонкие, как пальцы, дрожа принялись шарить там и тут. Удостовериться словно спешили, что все на месте: стены, потолок — с того последнего посещения. В подтверждение ярче загорелся большой светильник, и, норовя не отстать от него, поменьше светильники потянули кверху язычки. Неярко засветился край золотого блюда. И следом же зазвучал совет, который некогда дал Лю Чэ ответственный за соблюдение обрядов: «Вы должны приносить жертвопри-

ношения Печи и тогда сможете заставить божественные существа появиться. Когда это случится, порошок киновари может превратиться в золото, его можно будет использовать для посуды, для питья и еды, и это увеличит длину Вашей жизни. Бессмертные Пэнлая посреди океана могут принять Вас. Когда это произойдет, сделав жертвоприношения Фэн и Шан, Вы никогда не умрете»¹⁸.

Лю Чэ потрогал пальцем край блюда. «А,— пришло на ум,— я не дал зятюку золота. Но ведь ему оно потребно, как никому другому. Сегодня же пускай ему отправят 10 тыс. цзиней»¹⁹.

* * *

Время близилось к полуночи, но во дворце, где жил теперь Луань Да (одно из прекраснейших строений столицы было подарено ему государем), никто не спал: ни хозяин, ни многочисленная челядь. Во дворце происходило большое торжество. Государь прислал сюда Хо Гуана²⁰ вручить Луаню личную свою печать из нефрита, на которой была вырезана надпись: «Воевода Небесного Пути»²¹.

Огонь множества светильников играл на перьях одежды, в которую был облачен посланец Лю Чэ, высветил широкую циновку из белого камыша, на которой стоял Хо Гуан. Такая же стлалась под ступнями Луаня и облачен он был так же, как и Хо Гуан.

Приняв с поклоном печать государя, Луань прикрепил ее себе на пояс.

«У тебя уже четыре было,— подумал Хо Гуан, глядя, как Луань возится с поясом,— «Воеводы Небесного Мужа», «Земного Мужа», «Великого Пути»²². И вот еще одна. Не надорваться бы тебе, почтенный Луань Да, от тяжести такой». Хо Гуан глядел ясными глазами, легкая ухмылка затерялась в бороде, так что не дошло до Луаня, как мыслит Хо, вручив награду государя.

* * *

Порою Луань Да сам не верил в приключившееся с ним за столь короткое время. Вместо глинобитной развалюхи, где прежде обитал,— дворец. Да не один. Вместо грязных и выщербленных чашек — диковинная посуда. Прежде топтал ногами пол земляной, теперь — циновки дорогие, а если надобно отправиться куда из дома — то упряжки разные, кроме носилок. А ложе делит не с кем-нибудь, с самой царевной.

Посыпались богатство и почести мгновенно и неожиданно и, принимая их, Луань Да как-то не думал о будущем. Дают — бери, там видно будет.

И вот, когда уже немного пообвык и роскошь и жена-царевна стали не внове, словно похмелье наступило: «Платить ведь надо. И не чем-нибудь, а тайною бессмертия. Пора наконец за дело взяться».

Хоть у дворца стены толсты на вид, но разве жизнь в нем не известна для других? «Луань Да каждый вечер уединяется в одном из помещений, где у него на стенах персиковое дерево, круг из двух частей, темной и светлой, летучая мышь. И там он молится и жертвы приносит. Так вызывает духов!» — такие вести летели и ползли из дворца Луань Да. Немудрено, что отбоя не было от гостей. Всякий хотел к таинствам приобщиться.

Духи все медлили явиться, а гости незваные валили скопом. Скорбно развел руками Луань Да, когда позвал его к себе Лю Чэ и учинил допрос, как дело подвигается с напитком бессмертия. Отяжелели ноги у Луаня и потянуло в животе, словно печати все, что он навесил, прибавили вдруг в весе.

— Помеха есть большая, государь,— разжал Луань пересохшие губы,— многолюдство, в котором пребываю. Чтобы питье бессмертия составить,

мне надобно Чанань покинуть и уединиться в глухомани, где нет окрест людей.

— А в сторону какую думаешь податься?

— К Восточному морю. Ведь там Пэнлай, где обитают бессмертные. Вступить в общение с ними будет легче в тех местах.

— Ну коли так, ступай.

А он, как доносили скрытно посланные вослед Луаню сыщики, вовсе не поехал к Восточному морю. Свернул совсем в другую сторону — к горам Тайшань. Расположившись здесь, только и делал, что жертвы приносил да молился. Но только вот никто к нему со стороны не приходил. Равно и чудес не приключилось никаких.

— И этот обманул,— тоскливо подумал Лю Чэ.— И он сполна заплатит.

Стремглав помчался из покоев государя порученец. К начальнику Сыского приказа спешил он с предписанием: «Немедленно схватить Луань Да и привезти в столицу!»

* * *

Солнце все эти дни светило тускло. Словно мутный зрачок проглядывало оно через плотное, зыбкое марево, нависавшее над Чананью. А сегодня с утра небо отливало мягкой, нежной голубизной. Так бывает, когда со старого фарфора смахнут застаревшую плесень, засверкает он весело и призывно. И солнце светило сегодня так, словно радовалось, но не торопилось в бурных порывах излить свою радость, и потому лучи заливали все вокруг ровным, неярким светом. Толпа, которая заполнила рыночную площадь, тоже была довольна: не пекло голову и не било в глаза. Можно было стоять спокойно и ждать, а дождавшись начала зрелища, получше рассмотреть все происходящее.

На круг желтой земли, едва передвигая босые ноги, вступил Луань Да. Вот это последний кусок земли, на котором ему еще доведется немного постоять в этой жизни. Эта земля сухая, равнодушная. Ей все равно, будет он по ней ступать или нет. И от сознания этого Луань Да не мог крепко встать обеими ногами и выпрямиться во весь рост, видом своим говоря: «Да, вот таков я, Луань Да, не то, что вы — стадо тупых баранов, что жадно блеете и сыплете свое дерьмо, завидя нож».

«Нет, что-то не та земля»,— говорил сам себе кудесник, переминаясь с ноги на ногу, словно стоя на колючках и напрягаясь всем телом — живот западал и напрягались мышцы, что было хорошо видно, поскольку он был нагишом. Без красного шелка одежд, без пояса с печатями предстал перед тысячеглазю толною зять государев. А вот и посланец Сына Неба — верзила обезьяньего обличья с длинным мечом в волосатых ручищах. Увесист, видать, подарок этот государев, раз палач сонит, таща его. А может, просто жарко живодеру.

Меч приковал внимание Луань Да. Он видел только его, его темно-серое холодное тело. И когда палач приблизился к очерченному кругу, где стоял Луань Да, меч засветился на какое-то время, словно узнав того, кому предназначался его удар, и снова стал безучастно холодным. Дыхание перехватило у Луань Да. Он судорожно стал хватать ноздрями воздух. И тут почувствовал, как тяжело смраден тот. Запах немых, потных тел, утроб, набитых грубой пищей, зловоние отхожих мест, что были рядом, смешавшись, тошнотворной пеленой забили нос и глотку. Повевало дыханием уже близкой смерти, и Луань Да было понялся. «Скорей за круг переступить и

кинуться в гущу толпы и раствориться в ней» — такое желание захватило все его существо. Но чужие, сильные руки схватили его и растянули на весу. Мечом взмахнув, палач, приседая, крикнул, и по крестцу разрубил чародея надвое.

¹ Чанань — столица Западной Хань.

² Ди — титул правителей Китая, букв. «владыка», условно соответствует императору.

³ Н. Н. Gower and J. W. Hall. *An Outline history of China*. N. Y.—L., 1926, p. 95.

⁴ Цзяодун — удельное владение на территории нынешней провинции Шаньдун.

⁵ Даос — последователь даосизма. Даосизм — одно из философских учений Древнего Китая, вобравшее в себя многочисленные шаманские верования и превратившееся в своеобразную религию.

⁶ *Records of the Grand Historian of China translated from the Shih chi of Ssu-ma Ch ien* by Burton Watson. N. Y.—L., 1961, vol. II, p. 45.

Хоу — княжеский титул.

⁷ Дунфан Шо (р. 160 г. до н. э.) — чиновник, один из наиболее приближенных к У-ди. Имя его овеяно разного рода легендами. Писал поэтические произведения. Сочинение о сверхъестественном «Шэнь у цзин» тоже приписывается кисти Дунфан Шо.

⁸ По мифологическим представлениям древних китайцев, владычице Запада Сиванму прислуживали три синие птицы, которые приносили пищу и выполняли функции вестников. Они могли принимать и человеческий облик.

⁹ *Records...*, p. 46.

¹⁰ Госпожа Ли — любимая наложница Лю Чэ, умершая ко времени описываемых событий.

¹¹ *Records...*, p. 46—47.

¹² *The History of the Former Han dynasty* by Pan Ku. A critical translation with annotations by Homer H. Duds. Baltimore, 1944, vol. II, p. 71.

¹³ Аньци, Аньци Шэн — легендарное существо, якобы обитавшее на островах Благословенных. Ему приписывали способность становиться невидимым.

¹⁴ *Records...*, p. 45.

¹⁵ Шао Вэнь — кудесник.

¹⁶ По представлениям древних китайцев, конская печень была ядовита.

¹⁷ *Records...*, p. 47.

¹⁸ J. C. Cooper. *Chinese alchemy. The Taoist quest for immortality*. Wellingborough, 1984, p. 76—77.

¹⁹ *Records...*, p. 47.

²⁰ Хо Гуан (ум. в 68 г. до н. э.) — незаконнорожденный сын полководца Хо Цюйбина, который привез его в Чанань десяти лет. Согласно преданиям, он был ростом выше двух метров, имел прекрасную бороду и ясные глаза. Занимал высокие посты при У-ди, служил энергично и верно.

²¹ *Records...*, p. 47.

²² *Ibid.*, p. 46.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Первый съезд Всесоюзной Ассоциации китаеведов

Всесоюзная ассоциация китаеведов (ВАКИТ) была создана в 1983 г. Центральный совет ассоциации располагается в Москве, в здании Института Дальнего Востока АН СССР. На местах действуют 13 отделений ВАКИТ: Бурятское, Горьковское, Казахское, Киргизское, Ленинградское, Московское, Новосибирское, Приамурское, Приморское, Таджикское, Украинское, Узбекское.

180 делегатов приняли участие в I съезде ассоциации, состоявшемся 22—24 ноября в Москве. От имени Президиума АН СССР его участников приветствовал академик С. Л. Тихвинский.

С докладом о ходе перестройки советского китаеведения выступил директор ИДВ, председатель ВАКИТ М. Л. Титаренко. Оживленная дискуссия развернулась на секционных заседаниях.

Съезд проходил в атмосфере творческой активности, критики и самокритики, острой постановки вопросов в плане переосмысления задач, вставших перед китаеведами на новом этапе развития советско-китайских отношений. Особо подчеркивалась необходимость объективности в исследованиях по Китаю, отмечалось, что глубокое изучение процессов, происходящих в КНР, прежде всего опыта реформ в экономической и политической областях, должно содействовать углублению взаимопонимания и взаимодействия, дружбы наших народов.

Годы становления ассоциации совпали с перестройкой китаеведения в духе нового политического мышления, углубленного изучения опыта социалистического строительства и осуществления структурных реформ во всех областях жизни КНР. В этих условиях усилия ВАКИТ были сосредоточены на активном поиске путей и методов улучшения взаимоотношений наших стран и народов, на ознакомлении советской общественности с историей и культурой Китая, его достижениями в социально-экономическом развитии.

Главной формой работы ассоциации явля-

лись научные конференции и семинары, которые стали местом встреч и обмена мнениями между китаеведами различных научных учреждений и практических организаций. С 1984 г. ВАКИТ совместно с ИДВ, другими академическими институтами и ССОД — ОСКД, провела 8 научных конференций, в том числе несколько международных. В конференции «120 лет со дня рождения Сунь Ятсена» приняли участие китайские ученые. Ряд конференций проведен отделениями ассоциации в Киеве, Ленинграде, Улан-Удэ, Хабаровске и других городах. С декабря 1987 г. начал работать ежемесячный семинар по проблемам китаеведения под руководством академика С. Л. Тихвинского.

ВАКИТ приняла активное участие в процессе улучшения работы общеобразовательных школ с преподаванием ряда предметов на китайском языке, подготовив проект положения о таких школах.

Было принято предложение провести широкое обсуждение вышедших и планируемых к изданию томов «Библиотеки китайской литературы», а также рассмотреть совместно с заинтересованными организациями вопрос об издании серии «Философские памятники Китая».

В целях восстановления исторической правды о роли и вкладе в науку советских китаеведов, ставших жертвами необоснованных репрессий в сталинский период, и увековечения их памяти наряду с китаеведами, погибшими на фронтах Великой Отечественной войны, съезд поручил Центральному совету и Президиуму Центрального совета подготовить цикл статей и монографий, отражающих вклад в советское китаеведение этих ученых, а также внести предложение об установлении в помещении Всесоюзной ассоциации китаеведов мемориальных досок с их именами.

ВАКИТ провела серьезную работу по установлению связей с научными и общественными организациями КНР, ряда других стран с международными научными обществами, стала коллективным членом Европейской ассоциации китаеведения и приняла участие в работе ее XXXI Конгресса.

Установлены деловые контакты с Китайским обществом за международное взаимопонимание и Обществом по изучению СССР и стран Восточной Европы, делегация которого приняла участие в работе съезда.

В своем приветствии съезду заместитель председателя общества Лю Кэмин отметил общность задач, которые встанут перед советскими специалистами по Китаю и китайскими специалистами по Советскому Союзу в деле укрепления взаимопонимания и дружбы между народами двух стран. Китайское Общество по изучению СССР и стран Восточной Европы насчитывает 1800 членов, которые

* В основу статьи положен доклад автора на I съезде Всесоюзной ассоциации китаеведов, с которым он выступил 22 ноября 1988 г.

работают в 340 учреждениях и организациях по всей стране и своими исследованиями содействуют взаимопониманию и дружбе между советскими и китайским народами. Китайские специалисты пристально следят за процессами, происходящими в СССР. Теория и опыт перестройки в СССР особенно близки Китаю. В Китае, подчеркнул китайский гость, с искренней радостью встречают каждый успех СССР на пути перестройки.

На заключительном заседании съезда выступил руководитель лаборатории по проблемам теории Института СССР и стран Восточной Европы Академии общественных наук Китая У Жэньчжан. В работе секций активное участие приняли китайские ученые, стажировавшиеся в настоящее время в Советском Союзе. На съезде присутствовали корреспонденты китайских газет, аккредитованные в СССР.

На заседаниях секции «Экономика и социальная структура КНР» (руководитель Е. А. Коновалов) с докладами и сообщениями выступили 21 человек. В ходе обсуждения ставились острые дискуссионные проблемы. Качественно новым был уровень постановки вопроса о модели социализма в Китае (начало дискуссии на эту тему положил яркий доклад Я. М. Бергера), о системе собственности в многообразных переходных формах социализма (доклад Э. П. Пивоваровой).

Принципиально новая постановка вопросов в большинстве выступлений отразила значительный прогресс и глубину исследования новых процессов, происходящих в Китае за годы реформ. Разработка социально-экономических проблем китайскими учеными и новое мышление во многом стимулируют и исследования их советских коллег.

В работе секции «История, историография, археология» (руководитель Ю. М. Галенович) приняли участие ведущие специалисты из Ленинграда, Москвы и других городов. Обсуждались научные проблемы состояния данной отрасли науки, вопросы подготовки кадров. Особое внимание обращалось на нехватку специалистов по древней истории Китая.

Обсуждение было обогащено тем, что, по существу, все выступавшие в последние годы побывали на стажировке в КНР.

Большое внимание привлекли сообщения о современном состоянии и тенденциях развития исторической науки в Китае. Было отмечено, что ныне широко развернуты сравнительно-исторические исследования, охватывающие последнее столетие. Интерес к истории в китайском обществе возрастает. Появляется много публикаций, одна за другой проходят научные конференции. Обсуждение вопросов истории является продуктивным. Сняты многие ограничения на тематику, открыты некоторые архивы. Подчеркивается, что ученые свободно высказывают личные суждения.

Большое внимание уделяется планирова-

нию науки. При этом выделяется следующая проблематика: теория исторической науки, историко-экономические исследования (по отраслям, регионам, эпохам), многочисленные труды по проблемам границ Китая, изучение истории культуры (науки, религии, ремесел и т. д.).

Значительное место в КНР уделяется разработке вопросов истории династии Цин. Появляются новые историко-географические описания регионов, где проживают малые народы.

С большим интересом были восприняты сообщения Е. И. Кычанова об изучении истории национальных меньшинств в Китае и М. Ф. Юрьева о формах политической борьбы в истории Китая. При обсуждении вопроса о значении 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва говорилось о важности единой периодизации истории современного Китая, о необходимости уделять внимание не только последовательности, но и преемственности в ней.

На заседаниях секции «Философия, идеология» (руководитель В. Ф. Феоктистов) были заслушаны 8 докладов и сообщений, охватывающих диапазон тем от проблем традиционного сознания и его роли в современном Китае до анализа методологии исследования идеологических процессов в КНР и преподавания китайской философии в университетах нашей страны.

В докладе Л. С. Переломова «Конфуцианство в политической культуре Китая» были подняты важные вопросы функциональной роли конфуцианских стереотипов в массовом сознании современного китайского общества и политических документах КПК. Автор высказал ряд интересных мыслей об использовании традиционных понятий и стереотипов в формулировании идеологической политики КПК, в частности курса на раскрепощение сознания, положения «одно государство — две системы». Л. С. Переломов подробно остановился на реинтерпретации в документах XIII съезда КПК традиционного конфуцианского понятия «сяо кан», на роли традиционных понятий в аграрной реформе, а также в проводящейся сейчас в КНР реформе политической системы.

А. И. Кобзев в докладе «Актуальные проблемы истории китайской философии и науки» дал критический разбор состояния исследований в этой области в СССР. Особое внимание он уделил вопросам методологии изучения китайской философии, изложив свою концепцию, согласно которой единой, универсальной для всей китайской традиционной философии методологией является нумерология как теория формальных структур. Автор считает, что борьба нумерологии с моистской протологией закончилась победой нумерологии, которая и стала универсальной методологией философского знания в традиционном Китае. Это положение автора разделили не все участники дискуссии. Однако сама идея подхода к китайским философским текстам

с точки зрения не только их содержания, но и формальных структур встретила одобрение.

В. Ф. Феоктистов остановился на особенностях процесса философского восприятия мира в Китае в новое время (определение рамок которого также пока затруднительно), выделив в нем две ведущие тенденции — собственно китайскую традицию и западные, европейские новации.

В докладе Ф. Б. Белелюбского и Н. В. Франчук «Методологические проблемы исследования идеологических процессов современного Китая» анализировались сложные, противоречивые процессы взаимовлияния и борьбы традиционного и современного моментов в развитии общества КНР. Авторы высказали интересную мысль об особенностях отношения к традициям в общественном сознании Китая и европейских стран: в Китае к ним относятся как к восходящему по вертикали процессу, а в Европе — как к горизонтальным связям. Предостерегая против чрезмерного увлечения ролью и значением традиций в общественном развитии современного Китая, авторы в то же время признали существующую в нем тенденцию к сочетанию традиционного и современного, имея в виду неравнозначность понятий «традиционное» и «национальное».

На секции под председательством члена-корреспондента АН СССР Б. Л. Рифтина были заслушаны доклады по вопросам китайской современной и древней культуры. Впервые на конференциях китаеведов был так широкий круг обсуждавшихся вопросов: китайская литература, изобразительное искусство, музыка, архитектура.

Большой интерес вызвал доклад Е. А. Себрежкова «Проблемы изучения литературного наследия в современном Китае», в котором были освещены дискуссии последних лет в КНР, посвященные истории китайской литературы, а также дан обзор новейших книг по истории китайской литературы, выпущенных в последние годы в КНР. Оживленное обсуждение вызвал доклад Д. Н. Воскресенского о китайской массовой литературе в системе национальных традиций, в котором впервые в нашей синологии поставлен вопрос о необходимости пристального изучения современной массовой культуры в КНР и показана ее связь со средневековой массовой китайской традицией.

Сообщение Е. И. Лубо-Лесниченко было посвящено работе по исследованию Шелкового пути и памятников народов, живших вдоль него на протяжении многих столетий. Это сообщение представляется особенно важным в связи с развертыванием работ в этой области по линии ЮНЕСКО, в которых примут участие и члены ВАКИТ.

С. П. Волкова сделала доклад о древнекитайской музыке и музыкальных инструментах в современном Китае. Ее выступление, сопровождавшееся магнитофонными записями, вызвало живой интерес аудитории, так

как китайская музыка и по сей день остается наименее изученной у нас частью китайской культуры. Столь же мало изученной представляется и китайская архитектура, которой было посвящено сообщение П. И. Приходько.

На заседании секции «Преподавание китайского языка и лингвистика» (руководитель Д. Н. Воскресенский) были заслушаны 13 докладов и сообщений, рассмотрены различные аспекты преподавания китайского языка в средней и высшей школе. Общий вывод состоит в том, как отметил Д. Н. Воскресенский, что преподавание китайского языка переживает у нас тяжелые времена. Для более успешного усвоения языка учащиеся нуждаются в дополнительных курсах, поддерживающих основную курс китайского языка, в повышении теоретического уровня преподавания грамматики, в новых учебниках на уровне современной теории грамматики и методики преподавания иностранных языков. Для того чтобы иметь возможность более широкого выбора при наборе в аспирантуру, представляется целесообразным расширить прием студентов на китайские отделения, создать стимулы для их специализации по китайской филологии.

Преподаватели интернатов, где изучается китайский язык, говорили о необходимости повышения интереса учащихся к изучению китайского языка. Этого можно достичь как путем создания учебных пособий на более высоком научном и методологическом уровне, так и через расширение возможностей учащихся продолжить изучение китайского языка в высшем специальном учебном заведении.

На заседании секции «КНР в системе международных отношений» (руководитель А. Г. Яковлев) было заслушано 18 докладов и сообщений. По сравнению с прошлыми общесоюзными форумами китаеведов резко возросла активность участников. Дискуссии имели место практически по всем докладом и сообщениям. Темы, избранные докладчиками, были актуальными, вопросы ставились остро. Историки, как правило, стремились увязать свою проблематику с современностью.

Однако главная причина активности, как считает А. Г. Яковлев, заключалась в особенностях переживаемого времени, в том влиянии, которое оказало формирование нового политического мышления на всю идеологическую атмосферу в стране, на состояние общественных наук в целом, в том числе политологии, а также в неординарности новых моментов, возникающих и закрепившихся во внешнеполитической политике социалистических стран, в особенности Китая.

Горячо обсуждалась проблема, связанная с определением места и роли целого ряда «привычных» принципов внешней политики социализма в системе формирующихся новых теоретических представлений о ней — социалистического интернационализма, мир-

ного сосуществования, единства социалистических стран и т. д. При этом была подчеркнута необходимость должным образом учитывать внешнеполитический опыт КНР, который составляет крупную и весьма важную часть международной социалистической практики, являющейся базой совершенствования теоретического видения социализма как действительного и влиятельного участника современных международных отношений.

На заседании секции «Тайвань» (руководитель А. В. Меликсетов) отмечалось, что современные исследования по Тайваню в нашей стране носят разрозненный и непроблемный характер, продиктованный только личными интересами ученых, специально не занимающихся Тайванем. Поэтому пока нет и серьез-

ного анализа основных направлений внутренней и внешней политики Тайваня. Для того чтобы начать такие исследования, необходимо плановое изучение ситуации на Тайване, что требует выделения в соответствующих научных учреждениях сил и средств.

Участники съезда обсудили и приняли Устав ВАКИТ. Был избран Центральный совет ассоциации и его президиум. Почетным президентом ВАКИТ избран академик С. Л. Тихвинский, президентом — директор ИДВ АН СССР М. Л. Титаренко.

*Ю. М. ГАЛЕНОВИЧ,
доктор исторических наук,
вице-президент ВАКИТ*

Как повысить эффективность сотрудничества

В последнее время все большую актуальность приобретают вопросы повышения эффективности советско-монгольского сотрудничества, разработки концепции этого сотрудничества на современном этапе. Этой проблеме был посвящен состоявшийся в конце ноября 1988 г. в ИЭМСС АН СССР «круглый стол» на тему: «Формирование новых подходов к концепции советско-монгольского сотрудничества в условиях перестройки национальных хозяйственных механизмов». В его работе приняли участие сотрудники ряда научных и практических учреждений Москвы.

Открывая заседание «круглого стола», заместитель директора ИЭМСС АН СССР доктор экономических наук В. М. Шаститко отметил большой вклад Советского Союза в экономическое и социальное развитие Монголии, непреходящее значение советско-монгольского сотрудничества. Вместе с тем в развитии сотрудничества двух стран на современном этапе возник ряд новых моментов, появились новые проблемы и задачи. Все это, подчеркнул В. М. Шаститко, придает большую научную и практическую значимость обсуждаемой теме. Он особо остановился на актуальности научной проработки таких вопросов, как оценка современного состояния советско-монгольского сотрудничества и его влияния на социально-экономическое развитие МНР, критерии эффективности советско-

монгольского сотрудничества, основные черты концепции содействия социалистических стран социально-экономическому развитию Монголии в современных условиях и пр. Конкретизации и развитию поставленных проблем были посвящены последующие выступления участников «круглого стола».

Кандидат экономических наук И. С. Севастьянов (ИЭМСС АН СССР) указал на то обстоятельство, что в настоящее время назрела настоятельная необходимость формирования новых подходов к выработке экономической стратегии социалистического сотрудничества в отношении его менее развитых членов, в том числе МНР. По мнению выступавшего, эта необходимость продиктована целым рядом обстоятельств, в частности неблагоприятной финансовой и экономической ситуацией, сложившейся в Монголии примерно ко второй половине 80-х гг. Проявились элементы застоя и в собственно сфере советско-монгольского сотрудничества, поскольку сложившиеся за несколько предыдущих десятилетий его формы и методы в новых условиях уже не срабатывали. В настоящее время среди монгольских экономистов и практиков получило распространение мнение о необходимости известного переноса акцентов в структурной политике, более взвешенного подхода к развитию горнорудной и химической промышленности, усиления внимания к развитию сельского хозяйства и к отраслям социальной инфраструктуры. Эти соображения необходимо принимать во внимание. Кроме того, полагает И. С. Севастьянов, необходимо «заложить» в концепцию советско-монгольского сотрудничества на современном этапе четко выраженный социальный аспект. Иначе говоря, крайне важно, чтобы позитивная отдача от советско-монгольского сотрудничества ощущалась на бытовом уровне, в повседневной жизни населения Монголии.

Кандидат исторических наук М. И. Гольман (ИВ АН СССР) остановился в своем вы-

ступлении на проблеме выбора приоритетов социально-экономического развития МНР в современных условиях. По его мнению, вопрос состоит в следующем: должна ли современная Монголия оставаться страной высокоинтенсивного развития сельского хозяйства, прежде всего животноводства, и занимать в международно-социалистическом разделении труда место экспортера, главным образом продукции легкой и пищевой промышленности, или она должна стать страной, имеющей свои металлургию, машиностроение, химическую промышленность и т. п., то есть комплекс весьма капиталоемких и трудоемких отраслей, обычных для экономически развитых стран. Понятно, что от выбора приоритетов развития монгольской экономики зависит, соответственно, и выбор концепции нашего сотрудничества с МНР.

Одновременно М. И. Гольман подчеркнул, что, по его мнению, в осуществлении самого сотрудничества на современном этапе приоритет должен отдаваться не помощи, в том числе и безвозмездной, оказание которой Советским Союзом на определенном историческом этапе было необходимо и оправданным, а новым формам, стимулирующим обоюдную заинтересованность и потому имеющим более высокую эффективность. Кроме того, повышению эффективности сотрудничества должно способствовать более широкое участие в нем других социалистических стран.

В выступлении доктора экономических наук Г. М. Прохорова (ИЭМСС АН СССР) говорилось о несомненных достижениях в советско-монгольском сотрудничестве, способствовавшем формированию немалого экономического потенциала МНР, что, по мнению выступавшего, вовсе не означает отказа от необходимости поиска и использования новых резервов и возможностей взаимодействия. Характеризуя в этой связи основные черты современной концепции сотрудничества СССР с МНР, Г. М. Прохоров подчеркнул, что главной ее целью должно стать содействие созданию устойчивой динамичной экономики страны и повышению на этой основе жизненного уровня населения.

Для этого имеются следующие пути и средства: во-первых, особое внимание должно быть уделено ускоренному росту производительности, качества и эффективности общественного труда в МНР путем модернизации и реконструкции существующих и строительства на современном технологическом уровне новых предприятий, преимущественно средней и малой мощности; во-вторых, обеспечение активного вовлечения МНР в Комплексную программу научно-технического прогресса стран СЭВ с концентрацией сил и средств по основным направлениям; в-третьих, широкая подготовка, а в случае необходимости и переподготовка, национальных кадров с ориентацией на замену в перспективе советских специалистов, работающих

сейчас в МНР; в-четвертых, разработка новой инвестиционной политики, выбор приоритетных направлений капиталовложений.

В целом, подчеркнул Г. М. Прохоров, концепция советско-монгольского сотрудничества должна иметь четкую социальную ориентированность, необходима гуманизация программы содействия Советским Союзом экономическому развитию Монголии, усиление акцента в ее осуществлении на удовлетворение жизненных потребностей населения. Вместе с тем необходимо и новое, адекватное современным условиям раскрытие таких понятий, как интернациональный долг, справедливость, взаимная выгода и т. д.

Выступление кандидата экономических наук В. В. Михеева (ИЭМСС АН СССР) было посвящено попытке уязвить проблему советско-монгольского сотрудничества и роль Монголии в международных политических и экономических отношениях в АТР в контексте складывающейся ситуации в регионе. В. В. Михеев остановился, в частности, на такой проблеме, как поиск МНР путей включения в международное разделение труда в регионе. Одним из вариантов решения этой задачи, по мнению выступавшего, могло бы стать подключение к внешнеэкономической деятельности МНР совместных советско-монгольских предприятий или создание хозяйственной цепочки примерно в таком виде: советское предприятие — смежное монгольское или совместное предприятие — партнер МНР в азиатско-тихоокеанском регионе. Активное участие Монголии в международном разделении труда в АТР может также способствовать росту заинтересованности европейских стран — членов СЭВ в сотрудничестве с МНР как участницей «азиатского разделения труда».

В выступлениях В. В. Вораксо (ВНИКИ), А. В. Лаптева (ИЭМСС АН СССР), кандидата исторических наук В. В. Грайворонского (ИВ АН СССР), других участников «круглого стола» был предпринят анализ различных аспектов советско-монгольского сотрудничества, поднимались вопросы использования возможностей, вытекающих из складывающихся в обеих странах новых хозяйственных механизмов, применения таких действенных экономических инструментов, как хозрасчет, цена, прибыль и т. п.

Выступавшие указывали на необходимость, не умаляя достигнутого в области экономического сотрудничества Советского Союза и Монгольской Народной Республики, критически проанализировать прошлый опыт; отказавшись от сложившихся за прошедшие десятилетия стереотипов, в том числе психологических, не срабатывающих в современных условиях, смело вести поиск качественно новых форм и методов взаимодействия.

П. Ю. МАСЛОВ

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Крупное исследование историков КНР

Чжунхуа миньго шиган. Чжан Сяньвэнь чжубянь. Хэнань, 1986, 765 с.
Очерки истории Китайской республики. Под ред. Чжан Сяньвэня. Хэнань, 1986, 765 с.

Говоря об истории Китая новейшего времени, мы, как правило, главное внимание обращаем на революционный процесс, революционную борьбу китайского народа за свое освобождение. Слабее исследуются проблемы чисто политические, и совсем мало внимания уделяется изучению социальных и экономических вопросов. Отсюда возникает известная однобокость в исследованиях, подчиненность всех других вопросов единственной теме — истории революционного движения. Видимо, поэтому часто упускается из виду существенное различие двух Китаев: Китая до 1911 г. — империи со своей особой историей, и Китая после 1911 г. — республики, новой формы государственного устройства, с новой своеобразной идеологией, историей становления и развития. Такое положение в исторических исследованиях довольно долго сохранялось не только у нас, но и в Китае. Другими словами, не было работ по истории собственно Китайской республики, способных представить широкое полотно жизни общества в новых условиях республиканского строя. И вот в конце 1985 г. — начале 1986 г. хэнаньское издательство «Жэньминь чубаньшэ» выпустило в свет крупную коллективную монографию «Очерки истории Китайской республики» под редакцией Чжан Сяньвэня, зав. кабинетом истории республики Института истории при Нанкинском университете. Книга сразу же привлекла внимание читающей публики Китая, особенно молодежи. Нужно сказать, что за последние несколько лет в стране необычайно возрос интерес к истории этого периода. Объясняется это не только повышением общего культурного и образовательного уровня населения, но и стремлением глубже понять современные процессы, происходящие в Китае, найти истоки явлений в прошлом. Между тем работы прежних лет, в значительной степени поверхностные и догматичные в трактовках и оценках, ныне уже не могут удовлетворить требования читателя. «Очерки...» — первое крупное обобщение, дающее научно обоснованную канву истории развития китайского общества после свержения цинской монархии, один из первых результа-

тов глубоких и интенсивных исследований истории Китайской республики, развернутых с начала 80-х гг.

Книга интересна тем, что в ней дается сравнительно полное и последовательное изложение истории страны, истории развития новой государственности после Синьхайской революции, изложение основывается и подкрепляется большим количеством оригинальных документов этого периода, почерпнутых из Второго исторического архива Китая, учтены многие работы зарубежных историков. Все это обращает на себя внимание и заслуживает лестной оценки. Однако главное в другом — авторы отказались от многих старых схем и подходов, прежних оценок и трактовок. Поэтому новое исследование во многом отличается от многочисленных публикаций по новейшей истории, истории КПК, появившихся в стране в последнее время. По-видимому, здесь оказала свое влияние новая политика партии в области идеологии, науки и культуры, предоставившая большую свободу исследователю, литератору, деятелю культуры.

Еще одна особенность книги состоит в ее несколько необычной хронологии. Как правило, в китайской историографии, да и в советской тоже, за основу деления этого большого периода берется процесс развития революционного движения в Китае. В целом такая переориентация себя оправдывает. Более того, она работает и при изложении общей истории страны, хотя в таком случае и нуждается в ряде дополнений и изменений. В очерках как раз и делается попытка таких исправлений, приведения хронологии истории республики к более точному и научному, по мнению авторов, разделению. Главным образом это касается начального периода истории Китайской республики. Здесь авторы очерков выделяют два этапа. Первый — с января 1912 г. по июнь 1916 г., время формирования первоначальных основ республиканского правления, время борьбы между монархическими и республиканскими силами, деятельностью Юань Шикая — крупного цинского генерала и сановника, пытавшегося узурпировать власть в стране и реставрировать монархию. Второй этап — с момента смерти Юань Шикая в июне 1916 г. по декабрь 1923 г., когда происходило становление и развитие клики северных генералов-милитаристов, борющихся за власть в стране. Именно эти события, считают авторы, определяли лицо истории того времени. Впервые в китайской историографии выделяется период 1927—1937 гг. как время становления и развития нанкинского национального гоминьдановского правительства — общепризнанного в мировой синологии так называемого «нанкинского десятилетия». (В традиционной китайской историографии — период второй революционной гражданской войны.) Хронология остальных периодов в целом соответствует хронологии революционного движения.

В первых разделах книги, где сравнительно подробно и последовательно на основе архив-

ных источников излагается история становления нового республиканского строя, борьба милитаристских кланов Северного Китая за контроль над Пекинским правительством, революционная деятельность Сунь Ятсена, содержащаяся и общие оценки характера нового строя, расстановки сил в стране, что дает возможность представить себе современную точку зрения китайских историков по целому ряду проблем. Так, вполне можно согласиться с утверждением авторов о том, что с конца XIX — начала XX в. на политической арене Китая появляется новая сила — национальная буржуазия, что наиболее быстро и успешно развивалась и обогащалась ее верхушка, связанная с иностранными империалистическими державами и феодальными силами Китая, что в целом национальная буржуазия была слаба, и это объясняло ее склонность к соглашательству, нерешительность, неудачи в революции. Однако вызывает сомнение утверждение авторов о том, что уже с конца XIX в. национальная буржуазия возглавила революционное движение в стране и что само это движение уже в то время носило буржуазно-демократический, антифеодальный, антиимпериалистический характер (с. 8). Такое утверждение предполагает, во-первых, довольно значительное развитие буржуазии, ее политических организаций и, во-вторых, наличие в стране вполне оформившегося сознательного революционного движения с ясными целями и программой. К сожалению, в действительности всего этого не было. Революционное движение того времени, Синьхайская революция носила скорее ярко выраженный национальный, антиманьчжурский и в несколько меньшей степени антифеодальный характер. В нем участвовали широкие слои китайского общества. Что же касается руководства этим движением, то следует иметь в виду, что во главе политической жизни страны традиционно стояли, как правило, лишь шэньши, а в тот период, как замечает А. В. Меликсетов, и отдельные выходцы из числа новых средних слоев. Все они, в сущности, входили в традиционную бюрократию, лишь немного «современенную».

Конечно, этот слой деятелей не был однороден, что отмечается в очерках, где выделяются несколько группировок: Сунь Ятсен и его сторонники, конституционные монархисты, милитаристы и т. д. Не совсем верна лишь, на наш взгляд, характеристика революционеров во главе с Сунь Ятсеном как буржуазных демократов. Скорее это была группировка радикальных националистов, чья программа еще не имела реальной широкой политической поддержки, ввиду чего Сунь Ятсену в то время так и не удалось создать политические правительственные структуры, которые отвечали бы его идеалам. Впрочем, все перипетии борьбы довольно подробно изложены в очерках. Авторы совершенно справедливо отмечают, что Сунь Ятсен вынужден был уйти в отставку с поста президента республики под давлением сил феодальной реакции и империализма.

Плоды же революции поделили между собой бывшие цинские генералы-милитаристы.

Милитаристские режимы в Китае первой четверти XX в. — это специфическое явление. Ликвидация монархической системы правления, связывавшей ранее различные по своему уровню развития провинции в единое государство привела к всплеску центробежных сил. Собственно, уже в ходе Синьхайской революции началось отделение восставших провинций от центра и объявление их самостоятельности. В известной мере здесь свою роль сыграли стихийные демократические, антицинские настроения, которые, впрочем, были использованы местными бюрократами и главным образом генералами, которые вскоре и сосредоточили власть на местах в своих руках. Появление милитаристских кланов в Китае, говорится в очерках, имело глубокие корни в полуфеодальном китайском обществе, было непосредственно связано с полукOLONИАЛЬНЫМ состоянием страны (с. 117). Власть генералов-милитаристов опиралась на существование в различных провинциях крупных воинских соединений, практически не подчинявшихся центральному правительству. Такое положение стало складываться с конца XIX в., когда ускорился процесс развала цинской монархии. Новые воинские формирования в провинциях значительно отличались от старых цинских армий, ибо строились по новейшим западным моделям с использованием западной военной науки и новых образцов вооружения. Тем не менее они оставались оплотом феодальных сил. Именно с помощью таких формирований Юань Шикай добился отставки Сунь Ятсена, перенес столицу республики из Нанкина в Пекин и сам занял пост президента страны. Вскоре после этого в Китае началась длительная полоса милитаристских междоусобиц, конец которым до известной степени был положен Северным походом Национально-революционной армии в период революции 1924—1927 гг. Этому времени в очерках отведено сравнительно небольшое место — выделены лишь наиболее крупные события, такие, как реорганизация Гоминьдана, установление сотрудничества Гоминьдана и КПК, деятельность гуандунского и уханьского национальных правительств. Пытаясь при довольно ограниченном объеме связно изложить события, авторы в основном сосредоточили внимание на политических событиях, оставляя, как правило, в тени социально-экономическое состояние страны, социально-экономическую политику национального правительства. В общем изложение удачно вставлен раздел о междоусобице милитаристских кланов Северного Китая, показаны их разногласия, попытки объединить свои силы для борьбы с нарастающим революционным движением. Все это во многом дополняет ту картину, которая обычно рисуется в наших работах по истории данного периода.

Впервые в такой крупной общей работе по истории страны довольно подробно и объективно излагается становление нового гоминь-

дановского режима в 1927—1937 гг. Причем упор делается на становление политических институтов и в гораздо меньшей степени освещается социально-экономическая политика Гоминьдана. Характеризуя природу Нанкин-ского национального правительства, авторы очерков считают, что это была диктатура крупных помещиков и крупной буржуазии. Реальная власть в правительстве принадлежала Чан Кайши, который умело балансировал между различными группировками Гоминьдана (с. 391). Советские историки более осторожны в своих формулировках. По мнению одних, гоминьдановское правительство не стало выразителем классовых интересов национальной буржуазии, оставаясь властью военно-феодалных сил. Другие считают гоминьдановский режим властью блока помещиков, буржуазии и так называемых новых милитаристов. Третьи подчеркивают преобладание в новой власти традиционных сил, эксплуататорской верхушки деревни, милитаристов. Единого мнения по этому вопросу пока еще не достигнуто, но намечается известное сближение взглядов китайских и советских ученых.

Характеризуя экономическую политику гоминьдановского правительства, авторы очерков указывают на определенные его успехи в этой области, что не совсем обычно для китайской историографии. Особенно подчеркиваются результаты экономического развития страны за 1935—1937 гг. В период нанкин-ского десятилетия, говорится в очерках, темпы роста промышленного производства составили 8,4 %. Протяженность железных дорог увеличилась с 8 до 13 тыс. км. Непрерывно росло сельскохозяйственное производство. Довольно успешно была проведена финансовая реформа 1935 г. Тем не менее, считают авторы, экономика в целом развивалась нестабильно, существовало довольно много препятствий — вмешательство империалистических держав, гражданская война, формирование и укрепление бюрократического капитала четырех семейств (Чан Кайши, Кун Сянси, Сун Цзывэнь, братья Чэнь Лифу и Чэнь Гофу), который к 1937 г. занял монопольное положение в экономике страны и представлял собой экономическую основу господства Нанкин-ского национального правительства (с. 411). По своему характеру это был компрадорский, феодальный государственно-монополистический капитал, тормозивший развитие национальной буржуазии (с. 413). Именно в результате давления бюрократического капитала национальная буржуазия накануне войны оказалась в тяжелом положении, которое усугублялось японской агрессией. Все трактовки бюрократического капитала и его развития, содержащиеся в очерках, — это дань старой, традиционной школе, повторение идей, высказанных в свое время Чэнь Бода и подвергнутых обстоятельной критике в работах советских китаеведов¹. Использование схемы Чэнь Бода в современных исследованиях гоминьдановской социально-экономической политики показывает, на-

сколько сильно еще влияние старых схем, как трудно преодолеть старые взгляды.

Большой раздел о войне сопротивления (1937—1945), пожалуй, один из лучших в книге, написанный с учетом новых тенденций в изучении этого периода. Здесь сбалансированно и довольно объективно показано развитие обстановки и боевых действий на двух фронтах — гоминьдановской регулярной армии и в освобожденных районах в тылу японцев. Впервые вводится в оборот большое число новых документов и материалов, даются новые оценки некоторых важнейших событий.

Очень интересен раздел, посвященный процессу формирования в конце 30-х гг. маршнечеточного нанкин-ского правительства Ван Цзинвэя. В последнее время в Китае вышел целый ряд сборников документов этого правительства, опубликованы мемуары отдельных деятелей, тесно сотрудничавших с Ван Цзинвэем, появилось довольно много исследовательских работ по этой проблеме, где содержатся интересные новые оценки, выводы, трактовки. В значительной степени эти материалы учтены авторами очерков.

Трактовка внутренней политики Гоминьдана в этот период, изложение и оценки его социально-экономической политики при обилии новых фактических материалов даются в очерках в значительной степени исходя из старых, традиционных схем и, как правило, страдают поверхностностью, а иногда и пропагандистским налетом. Ощущается отсутствие конкретного анализа, научных обобщений. В этом смысле советская историография, на наш взгляд, далеко ушла вперед.

Использование в ряде случаев старых общих схем, конечно, можно отнести к недостаткам издания. К ним же можно отнести и то, что книга в целом страдает некоторой описательностью взамен анализа, что, впрочем, неизбежно в такого рода работах, имеющих целью обобщение наработанного материала. Главное внимание авторов повсюду в книге сосредоточено в основном на изложении политических событий. Причем иногда даже не вскрывается их внутренняя связь и логика. Ощущается недостаток крупных обобщений и выводов. Заметно увлечение чисто событийной стороной истории, которая излагается, правда, довольно интересно и подробно. Впрочем, все эти моменты характерны для сегодняшней китайской историографии в целом и в данном случае на примере очерков позволяют читателю судить об общем уровне исторической науки в сегодняшнем Китае.

*Ю. М. ОВЧИННИКОВ,
кандидат исторических наук*

¹ См., напр.: А. В. Меликсетов. Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927—1949). М., 1977, с. 271—279.

Судьба китайского маршала

В октябре прошлого года исполнилось 90 лет со дня рождения героя китайской революции, выдающегося партийного и государственного деятеля, бывшего министра обороны КНР, члена Политбюро ЦК КПК, маршала КНР Пэн Дэхуая.

Накануне юбилея в Институте Дальнего Востока АН СССР состоялось представление только что вышедшей у нас книги китайского полковника «Мемуары маршала»* и передача дарственных экземпляров представителям посольства КНР в Москве. В своем выступлении директор ИДВ М. Л. Титаренко подчеркнул, что выход в свет этой книги дает возможность советскому читателю прикоснуться к героической и трагической судьбе маршала Пэн Дэхуая, верного сына китайского народа, талантливого полковника и настоящего коммуниста. Принимая дарственные экземпляры, советник посольства КНР в СССР Чэнь Ди сердечно поблагодарил ученых института и работников Воениздата, готовивших «Мемуары маршала» к печати, подчеркнув, что их издание в СССР служит еще одним шагом к углублению взаимопонимания между народами наших стран.

Сразу же после выхода в свет в 1981 г. воспоминания Пэн Дэхуая получили широкий отклик не только в Китае, но и за рубежом. Книга была переведена на английский и японский языки. Несомненно, что интерес к ней вызван не только личностью легендарного полковника. Необычен жанр книги. Ведь это не традиционные в нашем понимании мемуары заслуженного ветерана. Книга составлена на основе многочисленных документов и материалов, написанных Пэн Дэхуаем в тюрьме по требованию «спецгруппы по расследованию» его дела во время «культурной революции». В целом ряде случаев автору приходится напрямую опровергать незаслуженные обвинения, да и просто оскорбления, появившиеся в те годы на страницах центральной китайской печати, что не могло не наложить специфического отпечатка на содержание книги. В этом смысле воспоминания «с петлей на шее», конечно же, не могут объективно отражать действительное отношение автора к тем или иным событиям и особенно к личностям в истории китайской революции.

Как известно, травля Пэн Дэхуая началась после его выступления против политики «большого скачка» и народных коммун на Лушаньском совещании ЦК КПК в 1959 г. В решении 8-го пленума ЦК (август 1959 г.) это выступление было охарактеризовано как «программа наступления на партию правооппортунистических элементов». Казалось бы, это единственный момент, который давал почву для обвинений маршала во время «культурной ре-

волюции», ибо его революционное прошлое было безупречно. Однако «спецгруппа по расследованию» посчитала иначе, поставив под сомнение всю жизнь Пэн Дэхуая и обвинив его в том, что он «непрерывно выступал против партии и председателя Мао, имел тайную связь с заграницей, постоянно совершал преступления». Таким образом, опальный маршал вынужден был «отчитываться» за каждый эпизод своей жизни, начиная с детских лет, но главным образом, конечно, за период революционной деятельности. Этому и посвящено основное содержание книги.

Рано познав нужду и голод, Пэн Дэхуай уже в юношеские годы начал осознавать несправедливость устройства общества, его деления на бедных и богатых. Еще не достигнув и 18 лет, он стал солдатом и за три года прошел путь от рядового до командира взвода. Окончив офицерские курсы, начинает служить в национально-революционной армии. Командует ротой, батальоном, а в 1927 г. становится командиром полка. В эти годы он все чаще задумывается над судьбами своей страны. Во время революции 1925—1927 гг. Пэн Дэхуай начал интересоваться марксистской литературой, познакомился с «Капиталом» К. Маркса. После поражения революции участвовал в создании солдатских комитетов, организовывал поддержку деятельности профсоюзов, крестьянских и студенческих союзов. Вся деятельность Пэн Дэхуая в эти годы стала как бы поиском тех сил, которые смогли бы указать китайскому народу путь к освобождению от империалистического господства, к построению общества справедливости. И будущий маршал нашел такую силу — Коммунистическую партию Китая. В апреле 1928 г. он вступил в ряды КПК и поклялся бороться за дело китайской и мировой революции, за дело коммунизма и ради этого пожертвовать всем, а в случае необходимости и жизнью.

Этой клятве Пэн Дэхуай оставался верен всегда. Беспредельная храбрость и мужество, близость к солдатам и простому народу, незаурядный талант полковника сделали его имя чрезвычайно популярным в армии, партии и народе. Он принимал участие в разработке и проведении в жизнь планов по отражению карательных походов Чан Кайши против советских районов, участвовал в Великом походе, в ходе которого руководил важнейшими операциями и боями. Во время войны сопротивления японским захватчикам Пэн Дэхуай был заместителем командующего 8-й армией, исполняющим обязанности секретаря Северного бюро ЦК КПК. Он внес выдающийся вклад в дело завоевания победы в войне сопротивления Японии. В период освободительной войны Пэн Дэхуай командовал войсковыми соединениями, которые в неравной борьбе добились освобождения Северо-Запада Китая.

Не покинул полей сражений Пэн Дэхуай и после образования Китайской Народной Республики в 1949 г. Когда в 1950 г. США развязали агрессивную войну в Корее, он

возглавил части китайских народных добровольцев на корейском фронте. Во многом благодаря его умелому руководству войсками были сорваны агрессивные планы американского империализма.

Страница за страницей читаешь описание боевого пути Пэн Дэхуая, и перед нами встает образ честного, принципиального человека, настоящего коммуниста. Эти его качества особенно ярко проявились и в мирное для страны время, когда в руководстве КПК возобладала левацкая взгляды о скорейшем вступлении Китая в коммунизм. Понимая, что рискует многим, Пэн Дэхуай честно и открыто пишет Мао Цзэдуну о положении, которое сложилось в стране в результате проведения политики «большого скачка» и народных коммун: «Поветрие бахвальства охватило все районы и ведомства. В газетах и журналах печатались материалы о неправдоподобных, удивительных чудесах, авторитету партии был нанесен огромный ущерб» (с. 379). Пэн Дэхуай смело обратил внимание на нарушение принципов коллективного руководства в партии, на удушающую атмосферу культа лич-

ности, поставил вопрос о недопустимости подмены экономической работы игрой в политические лозунги.

Этого ему не простили. В декабре 1966 г. он был заключен хунвейбинами в тюрьму, подвергся пыткам и истязаниям. Моральные и физические надругательства подорвали здоровье Пэн Дэхуая. 29 ноября 1974 г. он скончался.

Окончился кошмар «культурной революции». Китайскому народу стали возвращаться имена его героев. На 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г. Пэн Дэхуай был реабилитирован. Так была восстановлена правда о верном сыне партии, талантливом полководце, замечательном китайском революционере.

В. В. АРУНОВ

* Пэн Дэхуай. Мемуары маршала. Пер. с кит. А. В. Панцова, В. Н. Усова, К. В. Шевелева. М., Воениздат. 1988, 384 с.

Из истории советско-корейских отношений

СССР и Корея. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1988, 414 с.

В издательстве «Наука» вышло обобщенное исследование по истории советско-корейских отношений за последние 70 лет. Книга основана на широком круге источников, часть которых публикуется впервые, на материалах советской и иностранной прессы. В ней подробно рассматриваются связи двух соседних стран и народов после Великой Октябрьской социалистической революции; освобождение Кореи Советской Армией от японского колониального ига; поддержка и помощь Советского Союза Народной Корее в борьбе за объединение страны, за мир и социализм; современный этап взаимоотношений СССР и КНДР.

Рецензируя книгу, мы сочли необходимым подробно остановиться на истории советско-корейских отношений в 20—30-х гг. Это небольшая по объему, но очень емкая и важная часть работы. Широкий круг современных исследователей и читателей недостаточно знаком с этим периодом советско-корейских отношений. В данном разделе книги идет речь о малозвестных страницах дружеских связей

двух соседних народов, приводятся новые документы и материалы. Взаимоотношения же советского и корейского народов после освобождения Кореи и раскола страны, особенно на современном этапе, достаточно широко освещены в советском корееведении, хорошо известны нашим читателям, и поэтому мы о них скажем вкратце.

В первой части работы подробно излагаются причины и история корейской иммиграции на русский Дальний Восток, рассказывается об участии корейских интернационалистов в гражданской войне в Сибири и на Дальнем Востоке, о зарождении корейского социалистического и коммунистического движения в Советской России.

После Первомайского восстания резко усилилась иммиграция корейского населения на советский Дальний Восток. В 1920 г. здесь проживало более 100 тыс. корейцев. Под влиянием Великого Октября партизанское движение в пограничных с Советской Россией и Маньчжурией районах Кореи резко усилилось. Мужественная борьба корейских патриотов против поработителей находила горячее сочувствие и поддержку трудящихся и правительства Советской России.

В работе рассказывается о том, какое внимание уделял В. И. Ленин разоблачению политики японских колонизаторов в Корее, поддержке освободительной борьбы корейского народа. Глубокой симпатией к мужественной борьбе корейских патриотов против поработителей буквально пронизаны опубликованные в газетах «Правда», «Известия» и других советских изданиях материалы, посвященные Корее.

Большой интерес представляет раздел,

посвященный зарождению корейского коммунистического движения. При помощи российских большевиков в Советской России были созданы первые корейские коммунистические организации. В 1919 г. в Москве возник первый корейский коммунистический комитет. Такие же организации появились в Казани, Омске, Семипалатинске, Красноярске, Чите, Николаевске, в Приморской и Приамурской областях. Как отмечается в книге, наиболее активной из всех корейских коммунистических организаций (а их к концу 1920 г. насчитывалось 16 с 2305 членами и кандидатами) была Иркутская. Все эти организации были разрозненны, не имели единого руководящего центра. В июле 1920 г. в Иркутске состоялся съезд корейских коммунистических организаций России и Сибири. Избранный на съезде Центральный Комитет корейских коммунистических организаций приступил к организационной работе по подготовке учредительного съезда Корейской коммунистической партии. Он прошел в Иркутске с 4 по 11 мая 1921 г. Из разных мест — России, Кореи и Китая — на съезд прибыло 85 делегатов от 32 корейских коммунистических организаций, представлявших 8730 членов и кандидатов партии. Съезд принял устав и программу партии, избрал ЦК партии и делегатов на III Конгресс Коминтерна. В работе делается вывод о том, что Иркутский съезд «по праву можно считать первым обще-корейским форумом коммунистов» (с. 45).

Во второй и третьей главах приводятся многочисленные факты дальнейшего укрепления солидарности советского и корейского народов, поддержки Советским Союзом борьбы корейского народа за свободу и независимость. Интересен материал о деятельности советского генерального консульства в Сеуле, открытого в сентябре 1925 г., его роли в установлении взаимного доверия и дружбы двух народов в условиях жесточайшего японского террора. Книга, в частности, рассказывает о малоизвестном, но показательном факте из истории взаимоотношений двух стран и народов: оказании помощи трудящимся СССР жертвам катастрофического наводнения 1925 г. в Корее. Тогда из Советского Союза по линии Красного Креста и других обществанных организаций было отправлено пострадавшим 65 тыс. руб. Японские власти добивались, чтобы эти средства не дошли до корейского народа. Только благодаря настойчивым усилиям советской стороны и прогрессивной общественности Японии и Кореи часть средств дошла до пострадавших. Судьба остальных, как отмечается в книге, осталась неизвестной.

В Корее высоко оценили активное участие советских трудящихся в кампании по оказанию помощи жертвам наводнения. Газета «Чхосон ильбо» писала тогда: «На свете достаточно стран богатых и могущественных, которые говорят о сочувствии угнетенным. Но только рабоче-крестьянское государство СССР, на которое весь буржуазный мир клеветает, не стеснялся никакими средствами, отозвалось на

наше бедствие... Только там, в СССР, живут люди, которые не на словах, а на деле сочувствуют и помогают угнетенным». Сердечное отношение советских людей к постигшему Корею бедствию свидетельствовало о высоких гуманных принципах, которыми руководствовались граждане Страны Советов.

В советской прессе 20—30-х гг., отмечается в книге, регулярно печатались материалы, разоблачающие жестокость японского колониального режима, о мужественной борьбе корейских патриотов, особенно их наиболее передовой части — корейских коммунистов, о многочисленных судебных процессах над ними. Эти публикации имели широкий резонанс и в немалой степени способствовали расширению солидарности трудящихся СССР и других стран с борющимся народом Кореи. В связи с этим авторы рецензируемой книги справедливо отмечают большую и полезную деятельность советской секции МОПР по оказанию помощи беженцам и политическим деятелям из Кореи, по организации шефства над узниками тюрем в Корее, по налаживанию контактов и связи с участниками корейского освободительного движения.

Одной из важных тем советской печати в указанный период стало освещение вооруженной борьбы корейских патриотов против японских угнетателей, которая велась главным образом на территории Маньчжурии под руководством корейских коммунистов.

В книге подробно рассказано о боевых действиях Советской Армии по освобождению Кореи от японских поработителей. Как известно, войска других стран не принимали непосредственного участия в боевых операциях по освобождению Кореи. Освобождение Кореи явилось поворотным пунктом в истории корейского народа. С этого события начинается качественно новый этап в советско-корейских отношениях. В книге подробно освещены узловые моменты в советско-корейских политических, экономических и культурных отношениях с периода освобождения Кореи и по настоящее время. На современном этапе советско-корейские отношения развиваются по восходящей линии, наполняются все более глубоким содержанием, становятся все более разносторонними. Об этом и рассказывается в последних разделах рецензируемой работы.

Становление и развитие первого социалистического государства на корейской земле самым тесным образом связаны с сотрудничеством между СССР и КНДР. На всех этапах борьбы корейского народа за независимость и единство своей родины, против политики американского империализма, направленной на раскол Кореи, Советский Союз был и остается верным другом Кореи, защитником законных национальных интересов ее народа. Вся 70-летняя история советско-корейских отношений, рассматриваемая в рецензируемой книге, убедительно свидетельствует о том, что с рождением Страны Советов корейский народ приобрел в ее лице верного друга и союзника.

Выход книги «СССР и Корея» является, несомненно, крупным событием в развитии советского кореведения. Нам представляется, что указанный труд Института востоковедения АН СССР будет встречен с большим интересом широким кругом читателей, всеми, кто интересуется проблемами советско-корейских отношений.

В заключение хотелось бы высказать одно пожелание. В рецензируемой книге рассматриваются отношения Советского Союза после освобождения Кореи лишь с одной ее частью — КНДР. Но, как известно, на Корей-

ском полуострове уже 40 лет существуют два государства с различным общественно-политическим строем: на севере — КНДР, а на юге — официально именуемое Корейская Республика. Надеемся, что в новых работах о советско-корейских отношениях найдут отражение и проблемы наших контактов и с Югом Кореи.

В. К. ПАК,
кандидат исторических наук

Социальная утопия в политической культуре Китая

В истории каждого народа начиная со времени разделения общества на антагонистические классы живет, то разгораясь, то затухая, своя мечта об идеальном справедливом обществе — обществе социального равенства и всеобщего благоденствия. Китайская политическая культура внесла свою лепту в мировую сокровищницу социальных утопий, которые подготовили почву для научного определения цели в развитии общества. Изданный главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» сборник статей «Китайские социальные утопии» (отв. ред. Л. П. Делюсин и Л. Н. Борох) посвящен как раз этой проблеме, мало исследованной мировым Китаеведением.

Достоинство сборника — в широте охвата исследуемой темы: анализируются не только конфуцианские, но и даосские и буддийские утопии, то есть триединый комплекс, составляющий стержень традиционной национальной культуры вплоть до новейшего времени. «Уже в древности... — пишут Л. П. Делюсин и Л. Н. Борох в предисловии к сборнику, — китайские мыслители, задумываясь о несовершенстве мира, старались найти путь к достижению всеобщего равенства и процветания... Все они сходились в том, что мир далек от совершенства, что в нем отсутствует гармония, люди утратили понятия о добре и справедливости. Они искали пути к упорядоченности и переустройству общества на началах мира и покоя, всеобщей удовлетворенности, чтобы покончить с хаосом и смутой и постепенно сначала подняться к состоянию умеренного довольства и социального успокоения, а затем достичь и такого положения, когда верхи заботятся о благе и довольстве низов, а низы

кормят и одевают верхи, и никаких споров и раздоров между ними не возникает» (с. 3).

Широта проблем и глубина исследований не позволяют в кратком комментарии осветить в равной степени все поднятые в сборнике вопросы. Поэтому я сосредоточу внимание лишь на одной магистральной проблеме: что являлось ядром китайских социальных утопий в период их имманентного развития и какова роль этого ядра на этапе соприкосновения с Западом, когда перед Китаем встала проблема синтеза традиционного и современного как необходимого условия модернизации страны? Такой подход позволит ретроспективно высветить роль и место социальных утопий в эволюции политической культуры Китая. Одновременно он облегчает и характеристику сборника, позволяя условно разделить все статьи сборника на две соответствующие временные подгруппы. К первой относятся статьи: А. С. Мартынова «Конфуцианская утопия в древности и в средневековье», А. И. Кобзева «Понятийно-теоретические основы конфуцианской социальной утопии», Е. А. Торчинова «Даосская утопия в Китае на рубеже древности и средневековья (II—IV вв.)», С. А. Серовой «Социальный идеал в пьесе Тан Сяньцзу «Сон о Нанькэ» и Е. В. Завадской «Художественный образ утопической мысли». Во вторую подгруппу входят статьи: Л. П. Делюсина «Земельная программа Небесной династии и ее оценки», Е. Ю. Стабуровой «Утопия Тань Сытуна», Н. М. Калюжной «Утопическое государство Чжан Билинля», Е. Ю. Стабуровой «Утопии китайских анархистов» и Л. Н. Борох «Традиционные утопии в восприятии Сунь Ятсена».

Авторы предисловия, анализируя историю утопической мысли Китая, вполне аргументированно вычленили два этапа. Для первого (он охватывает древность и средневековье и прослеживается также и в Европе) исходной точкой всех проектов лучшего мироустройства и достижения высшей справедливости была идея возврата к порядку когда-то существовавшего «золотого века». Столкновение с Западом, открытие нового, неизвестного ранее мира высокой материальной культуры, мира европейской цивилизации и достижений научно-технической мысли внесли качественный пе-

релом в концепции китайских утопистов. Идеи минувшего «золотого века» были перенесены в будущее.

Сборник открывает статья А. С. Мартынова, которая как бы закладывает фундамент под изучение всех социальных утопий Китая. Это объясняется прежде всего тем, что под конфуцианством в императорский период автор понимает «весь тот сложный комплекс официально допустимых идей весьма различного происхождения и направлений, в котором подлинно конфуцианская традиция занимала лишь господствующее, но отнюдь не монопольное положение». Раскрывая суть собственно конфуцианской традиции, следует отметить, что уже с момента своего зарождения именно эта школа отдавала предпочтение поискам форм организации общества, создания гармонизированного общества, где господствовало бы равномерное распределение материальных благ.

А. С. Мартынов делит всю историю конфуцианской утопической мысли на три этапа: древний, ханьский и средневековый. По мнению автора, в каждом из них проявляется одна из трех основных конфуцианских утопий, которые, в свою очередь, соответствуют трем ипостасям конфуцианской личности: философу, государственному деятелю и создателю художественных ценностей. В древности главная роль принадлежала философу, он уверял власть имущих, что благоденствие в обществе достижимо лишь путем установления идеального правления. С возникновением единой империи, которую увенчала сакрализованная монархия и при которой странствующий советник превращался в бюрократа, стал возможен еще один способ достижения благоденствия: посредством персональных совершенств сакрализованного монарха. В период политической раздробленности образованное общество осознало, что если оно хочет сохранить идеологическую самостоятельность по отношению к государству, то благоденствие обретается лишь при «ухуде от мира». Так появились поэты-отшельники.

Подробно анализируя воззрения наиболее выдающихся представителей этого направления от Конфуция (551—479 гг. до н. э.) до Дэн Му (1247—1306), А. С. Мартынов приходит к вполне обоснованному выводу: «...В рамках конфуцианской традиции нашли место почти все виды утопий и получили выражение почти все основные темы утопического творчества, присущие ему во всем остальном мире: изобильная природа и благодатное время, удивительные страны, описанные путешественниками, и совершенные формы организации общества, разработанные философами... Китай способствовал развитию утопической мысли и достиг в данном направлении до начала нового времени никак не меньше Европы благодаря тому, что в течение более чем двух тысячелетий в его культуре существовало, а временами неоспоримо ведущее место занимало то направление духовной жизни,

которое по своим фундаментальным предпосылкам может быть названо утопическим. Мы имеем в виду конфуцианство» (с. 52).

Отрицая способность конфуцианства к созданию развитой социальной утопии, поскольку оно не стремилось к коренной перестройке государственного строя, А. И. Кобзев сосредоточивает внимание на исследовании понятия-теоретической взаимосвязи трех утопических концепций: 1) изменения [небесного] предопределения — *гэ /тянь/ мин*, 2) колодезных полей — *цзин тянь*, 3) Великого Единения — *Да Тун*. Такой выбор вполне закономерен, ибо эта триада составила теоретический фундамент конфуцианской утопической мысли. Автор указывает, что каждая из концепций «имеет два главных смысловых уровня: отдельного социально-политического преобразования и глобальной общеприродной трансформации. На первом уровне концепция изменения [небесного] предопределения решает проблему верхов, т. е. установления законной государственной власти, концепция колодезных полей — проблему низов, т. е. рационального устройства сельского хозяйства как основы жизни народа, концепция Великого Единения — проблему правильного взаимодействия верхов и низов. Тут ни одна из них не представляет собой целостную социально-политическую доктрину, относясь к какой-то отдельной сфере общественного бытия. На втором же уровне каждая из них вообще выходит за пределы социально-политической проблематики, в область онтологии и космологии... и все они вместе воплощают универсальную мировоззренческую модель: Небо — Земля — Человек (как центр и связующий элемент триады)» (с. 61).

Мне кажется, что А. С. Кобзев несколько занижает социально-политический смысл концепции «*гэ мин*» («небесного предопределения») в ущерб ее общему онтолого-натурфилософскому значению (см. с. 69). В политической культуре Китая понятие «небесное предопределение», претерпев целый ряд трансформаций, сохранило свой первоначальный смысл, связанный со сменой власти и общественными преобразованиями, иначе оно бы не носило своего современного значения — «революция». В то же время трактовка «колодезной» системы Мэн-цзы как «социально-экономической конкретизации общемировоззренческих и общеметодологических представлений о сетчато-девятеричной (девятиклеточной) структуре мироздания» (с. 84) заслуживает внимания. Точно так же весьма плодотворна трактовка термина «*гун*» из главы «*Лю юнь*» (трактата «*Ли цзи*») как «справедливости» в той части, где говорится о концепции «*Датун*». Можно согласиться с автором, что «справедливость, представление о которой, несомненно, связано с термином «*гун*», в социальном плане понималась как правильное единоначалие и отсутствие каких-либо бесконтрольных проявлений частных интересов (сы) и самостоятельных групп

пировок (дам)» (с. 97). В результате проведенного исследования, основанного на тщательной интерпретации основных понятий трех раннеконфуцианских утопических концепций, А. И. Кобзев пришел к трем главным выводам, последний из которых заслуживает специального внимания: «В концепции «изменения [небесного] предопределения» была заложена идея следования государственной власти природным циклам и органической реставрации этого естественного порядка вещей в случае его нарушения; в концепции «колодезных полей (земель)» — идея согласования человеческой деятельности на земле с небесными, т. е. естественными, законами, согласования, выражающегося в приведении землеустройства в соответствие со структурой мироздания; в концепции «Великого единения» — идея гармонизации социальной иерархии как органической части единотелесного космоса, играющей в нем важную общеинтегративную роль» (с. 98).

Исследование Е. А. Торчинова, привлекающего новые материалы из рукописного фонда ЛО ИВАН, как бы продолжает, на мой взгляд, идею А. С. Мартынова о существовании идеологии императорской власти — более широкой, нежели конфуцианство. Автор показывает, что даосские мессинские утопии (Государство Небесных наставников) имеют самое непосредственное отношение к концепции «небесного предопределения» (в переводе Е. А. Торчинова — «небесного мандата»), но навеваны они были отнюдь не конфуцианцами, а взяты из доконфуцианской религиозно-политической традиции (с. 121). По мнению Е. А. Торчинова, при Ханях границы между государственным конфуцианством и религиозно-политическим даосизмом были расплывчатыми. Социальные утопии этих школ развивались параллельно, «сакрализация монарха столь же мало может считаться прерогативой конфуцианства, сколь и учение о «небесном мандате», ибо и для даоса первообразом священнослужителя был не маг и не алхимик, а личность миродержавного монарха. И конфуцианство и даосизм в конечном счете внесли свой вклад в формирование идеологии императорской власти, оборотной стороной которой были (как и оборотной стороной даосской ортодоксии) царистские мессинские утопии даосского характера» (с. 122).

Рассматривая утопию как синтез теоретического и эстетического осознания мира, где органично слиты образы и понятия, Е. В. Завадская выделяет в китайской утопической традиции два типа утогий: утопия «бегства» и утопия «перестройки» (с. 159). Каждой из них соответствует свой художественный образ: для первого — китайский сад; вторая же воплощается в идеально спланированном городе, храмовом ансамбле-доме (с. 160). «Пожалуй, можно сказать, — заключает автор, — что китайская уто-

пическая мысль древности и средневековья была областью, в которой получило выражение преимущественно эстетическое отношение к действительности. Единство эстетически образного и утопического стало знаком китайской традиционной культуры, свойственным ей и в XX в.» (с. 169—170).

Анализируя социальный идеал в драме минского драматурга Тан Сяньцзу «Сон о Нанькэ», С. А. Серова конкретизирует, по существу, одно из традиционных положений наглядно иллюстрируя воплощение утопии в художественном произведении. Идеальное государство Нанькэ, расположенное, по замыслу драматурга в дупле дерева, воплощает раннеконфуцианскую концепцию социальной гармонии (см. с. 146—149).

Завершая первую подгруппу статей, две последние демонстрируют органическую связь политической культуры императорского периода с духовной жизнью общества.

Среди работ, входящих во вторую подгруппу, заслуживают внимания статьи Л. П. Делюсина, Е. Ю. Стабуровой, Н. М. Калужной и Л. Н. Борох, поскольку они наиболее четко отражают поиск сотворения идеала общества путем синтеза традиционного и западного. Причем, если в первой статье анализируется социальная утопия руководителей величайшего крестьянского восстания XIX в., то в остальных вскрывается процесс творчества представителей интеллектуальной элиты Китая начала XX в.

Сопоставляя взгляды Ло Эргана, Фань Вэньляна, Го Иншэна, Цзя Шуцуня, Ван Чэньжэня, Ли Чуня и других китайских историков о характере манифеста тайпинов «Земельная система Небесной династии», Л. П. Делюсин отмечает, что причиной длительного спора между ними является в значительной степени нечеткость и противоречивость положений самого этого документа. «Его авторы, стремясь к справедливому уравнительному переделу, не представляли себе ясно, какая система собственности установится в результате осуществления предлагаемых ими мер» (с. 188). Для нас же важен главный вывод автора о том, что «Земельную систему Небесной династии» следует рассматривать не как документ, проливающий свет на социально-политическую деятельность тайпинского государства, а как чисто теоретический трактат — схему общества, выдержанную в духе конфуцианской традиции и с некоторыми дополнениями, явившимися следствием влияния христианской религии» (с. 117).

Какова же доля участия в этом манифесте раннеконфуцианской концепции об идеальном мире и обществе, сформулированной впервые Конфуцием в главе «Ли юнь» трактата «Ли цзи»? Ведь именно там была изложена первая социальная утопия — «Датун» («Великое Единение»), ставшая впоследствии стержневой для утопической мысли Ки-

тая. Автор показывает, что Хун Сюцюань, составляя земельный закон, использовал традиционные конфуцианские идеи об обществе «Великого Единения» вплоть до текстуальных заимствований из главы «Лиюнь»: «Поднебесная принадлежит всем», «Поднебесная — это одна семья, где все живут в мире и спокойствии», «Все жители Поднебесной — братья» (с. 187). Христианская идея о равенстве всех людей перед богом также легла в основу тайнинской концепции распределения земли. Однако в Китае истоки крестьянского представления об идеальном благоустроенном мире коренились прежде всего в Конфуцевой модели идеального общества. И можно согласиться с автором, что «этот конфуцианский проект идеального общества воплощал в себе и извечные мечты задавленных нуждой, забытых бесправным крестьян о счастливой, безбедной жизни: о собственном клочке земли, о достаточном количестве еды, одежды, о справедливом правосудии, о мире и спокойствии» (с. 197).

Крайне актуально изучение эволюции синтеза традиционного и западного в политической культуре интеллектуальной элиты Китая. В этом смысле весьма отраднo, что в сборнике оказались рядом Тань Сытуна (1845—1898), Чжан Биньлинь и Сунь Ятсен.

Анализ социальной утопии Тань Сытуна, квалифицированно проведенный Е. Ю. Стабуровой, показал, что Тань Сытун не принимал даосизма, считая, что «многое из наследия Лао-цзы закрепило в китайцах такие отрицательные качества, как лень, инертность, отсутствие инициативы. Поэтому он писал, что «учение Ли Эра (Лао-цзы) привело Китай в состояние хаоса» (см. с. 202). Автор раскрывает степень влияния на утопические проекты Тань Сытуна буддизма махаяны, из которого были взяты представления об обществе, где ликвидирована всякая несправедливость. Показывая хорошее знание Тань Сытуном западных утопий, особенно Ж. Ж. Руссо, оказавшего значительное влияние на его мировоззрение, Е. Ю. Стабурова предлагает оригинальный ключ к постижению внутренней логики творческой лаборатории китайского утописта. Понимая, что Китаю необходимо вырваться из затянувшегося императорского застоя, Тань Сытун в качестве связующего звена на пути синтеза китайской и европейской культур избрал буддизм, который сам проделал сходную эволюцию, хорошо адаптировавшись на китайской почве. С такой оценкой нельзя не согласиться, но в то же время складывается впечатление, что автор несколько занижил влияние на воздействие китайского утописта раннеконфуцианской утопической традиции. Справедливо указывая на восприятие Тань Сытуном через Ван Чуаньшаня (1619—1692) традиционной раннеконфуцианской концепции обвинения правителей и превознесения народа*, Е. Ю. Стабурова не всегда последовательно вскрывает конфу-

цианские мотивы в утопии Тань Сытуна. Автор права, когда повествует о том, что высшим идеалом в утопии Тань Сытуна является развитие интеллекта и нравственности. Но ведь истоки подобных воззрений — прославление человеческого разума, примат духа и интеллекта над грубым физическим началом — мы находим у ранних конфуцианцев, и об этом следовало бы напомнить.

В отличие от Тань Сытуна, Чжан Биньлинь более критически относился к восприятию западных идей, полагая, что все лучшее Китай может почерпнуть в своей древности. Чжан Биньлинь уповал на доминирующую роль закона и нравственности в деле преобразования общества, поэтому можно говорить о трансформации им конфуцианско-легистских идей. В то же время Н. М. Калужная убедительно показывает, что даже такой истовый традиционалист, каким себя считал сам Чжан Биньлинь, не смог избежать влияния идей Т. Джефферсона и Б. Франклина. «Нет оснований, — отмечает Н. М. Калужная, — подвергать сомнению вывод, сделанный ведущими современными китайскими историками, считающими, что утопическая модель Чжан Биньлиня сформировалась в результате синтеза китайской общественной мысли и практики с достижениями западной культуры» (с. 244).

На протяжении нескольких десятилетий в Китае и за рубежом идет интенсивное исследование мировоззрения Сунь Ятсена. Казалось бы, основные проблемы уже решены. Однако время налагает свой отпечаток и на этот процесс. Растет интерес к выявлению китайских и западных теоретических источников учения о «трех народных принципах»**. Задавшись целью выявить отношение Сунь Ятсена к утопической традиции, Л. Н. Борох выделяет три сюжета: восприятие даосских фантазий о безмятежной жизни, интерпретация раннеконфуцианских концепций «цзин тьянь» и «Датун». Такой выбор весьма перспективен, ибо названные три утопии составляют золотой фонд китайской утопической мысли. И вполне закономерно, что Сунь Ятсен воспринимал основные принципы французской революции — свобода, равенство, братство — именно через reinterpretацию этих утопий. Работая над «тремя принципами», Сунь Ятсен стремился донести до сознания нации также и суть трех лозун-

* Весьма уместно приводится суждение Ван Чуаньшаня: «Когда рассуждаешь о Поднебесной, сообразишься с тем, что она принадлежит всем. Поднебесная не является ничьей собственностью».

** В 1986 г. в Москве была проведена международная конференция, посвященная проблеме влияния конфуцианства на «три народных принципа».

гов Великой французской революции, а для этого необходимо было подобрать соответствующие дискриптивные эквиваленты из традиционной китайской политической культуры. Л. Н. Борох показывает — впервые в нашей науке, — что поскольку Сунь Ятсен воспринял европейское понятие «свобода» через даосские утопии (от «естественности» до «вседозволенности», «разобщенности»), то он отнесся негативно к индивидуальной свободе, предпочтя ей «свободу государства», и считал необходимым ограничить свободу индивида во имя сплочения нации (с. 275). И Л. Н. Борох права, когда заключает, что «идеальное общество даосов, состоящее из «самовосполняющихся и потому свободных, всецело самостоятельных индивидов», где каждый обретает полную автономию... по всем параметрам не удовлетворяло Сунь Ятсена, создававшего концепцию национального единства» (с. 281). Отсюда понятно и негативное отношение Сунь Ятсена к анархистам. Необходимо лишь добавить, что примат государственных интересов над личными — одна из характерных черт традиционной политической культуры, влияния которой не смог избежать и Сунь Ятсен.

В отличие от «свободы» понятия «равенство» и «братство» были более близки китайской политической культуре. Выясняя истоки принципа народного благоденствия, точнее — какие именно политические идеи взрастили программу «уравнительных прав на землю», Л. Н. Борох обратилась через Лян Цичао к Конфуцию и Мэн-цзы: «В «Лунь юе» говорится: «Бедствие не в том, что мало, бедствие в том, что неравенство». При [системе] цзин тянь уравнивание достигает предела, равенство — это [ее] высший принцип» (с. 282). Действительно, толчком к концепции о «цзин тянь» послужило для Мэн-цзы данное суждение Конфуция. Впоследствии эта концепция вошла в традиционную политическую культуру как символ идеального общества, где усилиями конфуциански образованного правителя богатство распределяется равномерно между всеми жителями Среднего государства. Сунь Ятсен заимствовал эту идею, но одновременно он реинтерпретировал эгалитаристские (Г. Джорджа) и социалистические (К. Маркса) западные теории. Не осталась нетронутой и традиционная трактовка системы «цзин тянь». «Преодоление эгалитаристских идей древней конфуцианской утопии, — отмечает Л. Н. Борох, — привело Сунь Ятсена к более универсальной трактовке «равенства» (с. 289). Итак, включение в китайскую политическую культуру второго лозунга Французской революции было произведено Сунь Ятсеном путем синтезированной модернизации раннеконфуцианской утопии и западных представлений о равенстве.

Займствовав из раннеконфуцианской утопии Датун идею о гармонично сбалансированном обществе, в котором соблюдаются ин-

тересы трех возрастных групп, но переосмыслив при этом экономическую функцию государства, Сунь Ятсен отождествил «братство» с традиционным гуманистическим принципом «всеобщей любви» — «бо ий» (с. 302).

Таким образом Л. Н. Борох удалось наглядно продемонстрировать на уникальном мыслительном материале процесс обогащения китайской политической культуры переосмыслением традиционных и западных концепций.

Процесс этот, начатый выдающимися китайскими мыслителями конца XIX — начала XX в., не затухает и в наши дни. В свете сказанного о Сунь Ятсене понятен интерес Дэн Сяопина к главе «Ли юнь» раннеконфуцианского трактата «Ли цзи». Когда отец реформ, как уважительно называют Дэн Сяопина в КНР, избрал в качестве символа социализма с китайской спецификой древнекитайскую утопию «сяо кан» («общество малого благоденствия»), то тем самым он от лица КПК взял перед историей китайской нации ответственность за реализацию этой многовековой мечты. И такая интерпретация социализма через «сяо кан» органична для китайской политической культуры, ибо она стимулирует все потенции нации на достижение поставленной цели.

Оценивая рецензируемый сборник статей, следует отметить, что он вносит много качественно нового в постижение эволюции не только общественной мысли, но и политической культуры Китая. Единственное замечание относится к тому, что вторая утопия Конфуция (наряду с «Датун») — «сяо кан» — не нашла достойного отражения в сборнике, а она вошла сейчас в число традиционных концепций, переживающих «вторую молодость». В целом же мы должны поздравить всех авторов сборника с большой творческой удачей.

Сборник, опубликованный учеными-китаеведами ИВ АН СССР, является заметным вкладом в изучение истории мировой общественной мысли. Естественно поэтому желание читателей увидеть продолжение их труда, в частности, в направлении исследования взаимосвязей и взаимовлияния китайской и европейской цивилизации, в определении роли китайских мыслителей в становлении общечеловеческой культуры.

Л. С. ПЕРЕЛОМОВ,
доктор исторических наук

Памяти А. Г. Крымова

(Го Шаотана) : [1905-1989: Некролог]

Ушел из жизни выдающийся ученый, доктор исторических наук, профессор Афанасий Гаврилович Крымов (Го Шаотан).

Го Шаотан родился в селе Чжоухань (провинция Чжэцзян) на Юге Китая в бедной крестьянской семье. В 11 лет начал зарабатывать на жизнь. В 1922 г. стал литографским рабочим в одной из шанхайских школ, которую одновременно посещал в качестве волонтера-слушателя. В 1924 г. вступил в ряды КСМ Китая. Комсомол рекомендовал его на работу в издательство Шанхайского университета, которым в ту пору фактически руководили коммунисты.

С 1925 г. Го Шаотан — член КПК, активно работает в партийной печати, становится одним из руководителей грандиозных выступлений шанхайских пролетариев и студентов, известных в истории китайской революции 1925—1927 гг. как «движение 30 мая 1925 г.» Преследуемый за активное участие в революционной деятельности, он по решению ЦК КПК направляется в конце 1925 г. в Москву на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока, где учится до 1927 г., а затем возвращается в Китай. В 1928 г. после поражения революции партия вновь направляет его на учебу в Москву. В ноябре 1928 г. Го Шаотан вступает в ряды ВКП(б) и направляется Секретариатом ИККИ и ЦК ВКП(б) на учебу в Институт красной профессуры. В 1934 г. А. Г. Крымов заканчивает историко-партийное отделение ИКП с присвоением звания кандидата исторических наук.

Одновременно с учебой А. Г. Крымов ведет и напряженную партийную работу: с 1929 г. он является сотрудником представительства ЦК КПК при ИККИ, преподает в Международной ленинской школе, в КУТВе, входит в Большую редакцию журнала «Коммунистический интернационал», редактирует китайское издание журнала, является членом редколлегии по изданию произведений В. И. Ленина на китайском языке. В 1932 г. — инструктор ЦК ВКП(б) по Дальнему Востоку, а также член бюро Отдела по работе в деревне (отдел Коларова).

В 1934 г. решением ЦК ВКП(б) А. Г. Крымов передан в распоряжение ИККИ и назначен помощником заведующего сектором Восточного секретариата Коминтерна. В 1935 г. А. Г. Крымов принимает участие в работе VII Конгресса в качестве делегата от Компартии Китая. С тех пор его судьба накрепко связана с Георгием Димитровым, у которого он стал референтом по китайскому вопросу. С мая 1937 по март 1938 г. А. Г. Крымов работал заместителем заведующего научным отделом НИИ национально-колониальных проблем и участвовал в подготовке коммунистов стран Востока. В 1938 г. А. Г. Крымов был арестован и незаконно репрессирован. Полностью реабилитирован Военной коллегией Верховного Суда СССР 6 октября 1954 г.

23 июля 1955 г. А. Г. Крымов стал научным сотрудником ИВ АН СССР, а затем в 1957 г. — заведующим сектором государственного строительства Китая вновь образованного Института китаеведения АН СССР. В 1962 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае. 1917—1927 гг.». В этой работе впервые в советской науке исследуется зарождение и развитие марксистских идей в Китае. С 1970 по 1988 г. А. Г. Крымов работал консультантом Отдела Китая ИВ АН СССР, с 1974 г. — персональный пенсионер союзного значения.

Литературно-публицистической деятельностью Афанасий Гаврилович занялся рано, в 1922 г. Главная область его партийной публикации — аграрный вопрос в Китае, проблемы революционного движения на его родине. Будучи преподавателем ИКП и сотрудником НИИ национально-колониальных проблем, он регулярно публикуется в «Коммунистическом Интернационале», «Под знаменем марксизма», «Большевике» и других ведущих политико-теоретических изданиях Коммунистического Интернационала и ВКП(б) (литературный псевдоним Евгений Куо). Его статьи и заметки того времени отличает глубокая вера в правоту революционного дела, возглавляемого коммунистической партией, горячим сочувствием к угнетенным и эксплуатируемым массам многогражданского Китая, гордость и высокое уважение к негибшему революционному оптимизму китайских революционных масс.

Афанасий Гаврилович многими нитями был связан с Китаем. Вскоре после возвращения из лагерей он в 1957 г. посетил Родину и радовался замечательным достижениям свободного китайского народа. А. Г. Крымов пользовался неизменным уважением видных деятелей китайской революции и народного государства. Он неоднократно встречался с Чжоу Эньлаем, Лю Шаоци, Ян Шанкунем и многими другими выдающимися руководителями КНР. И как же он радовался, когда на склоне лет весной 1986 г. довелось ему после долгого перерыва побывать на Родине.

До последнего дыхания Афанасий Гаврилович неустанно выступал за развитие и углубление дружбы народов Советского Союза, ставшего его второй родиной, и Китая. И он сам, и вся его жизнь революционера и ученого, как бы выполняли роль «моста» на пути, связывающем народы наших стран.

И мы, его друзья, коллеги и ученики, навсегда запоем его борцом и глашатаем дружбы народов Советского Союза и Народного Китая.

Памяти В. Н. Рогова

На 83-м году жизни скончался ветеран советского Китаеведения, известный журналист-международник и литератор-переводчик Владимир Николаевич Рогов.

Владимир Николаевич родился 17 июля 1906 г. в городе Астрахани. Четырнадцать лет он вступил в комсомол. Работал членом уездного, а затем Астраханского губернского бюро комсомола. В 1923 г. В. Н. Рогов был направлен на учебу на рабфак при Академии коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской в Москве, а с 1926 г. учился в Московском институте востоковедения имени Н. Нариманова. С 1927 г. В. Н. Рогов состоит в рядах КПСС.

В 1930 г. Владимир Николаевич командирован на работу в управление КВЖД, а по возвращении на родину трудился с 1934 г. по декабрь 1936 г. в качестве научного сотрудника в Институте мирового хозяйства и мировой политики Академии наук СССР.

В дальнейшем в течение почти двух десятилетий В. Н. Рогов работает в Телеграфном Агентстве Советского Союза. В январе 1937 г. он выезжает в Китай корреспондентом ТАСС, где напряженно трудится, освещая в своих статьях и материалах героическую борьбу китайского народа против японских милитаристов.

В начале Великой Отечественной войны при непосредственном участии В. Н. Рогова на оккупированной японцами территории были созданы издательство «Эпоха» и советская ширококвотельная радиостанция «Голос Советского Союза», которые несли правду о нашей стране китайскому народу и мировой общественности.

Затем Владимир Николаевич работал директором отделения ТАСС в Лондоне и корреспондентом при британской армии в период боевых действий союзников в Европе.

Окончилась вторая мировая война, и с 1946 г. он снова в Китае на посту директора дальневосточного отделения ТАСС в Шанхае, а после победы революции и образования в 1949 г. Китайской Народной Республики В. Н. Рогов работает до 1951 г. корреспондентом ТАСС в Пекине.

Вернувшись в Москву, в течение ряда лет В. Н. Рогов находился на руководящей работе в центральном аппарате Телеграфного Агентства Советского Союза, затем работал в газете «Известия».

С 1957 по 1961 гг. он успешно руководил журналом «Советско-китайская дружба», который издавался в Москве на китайском языке и освещал внутреннюю жизнь и внешнюю политику Советского Союза.

С 1961 г. и вплоть до ухода на заслуженный отдых Владимир Николаевич Рогов — ответственный сотрудник Агентства печати «Новости».

В. Н. Рогов широко известен и у нас в стране, и за рубежом как переводчик Лу Синя, Чжао Шули и других китайских писателей. Пьеса «Седая девушка» драматургов Хэ Цзинчжи и Дин Ни в его переводе была поставлена во многих театрах Советского Союза, в том числе и в театре имени Е. Вахтангова. Владимиру Николаевичу принадлежит много статей, посвященных деятелям литературы и искусства Китая.

Владимир Николаевич Рогов на протяжении всей своей жизни и деятельности активно способствовал развитию и укреплению дружбы и сотрудничества между народами СССР и Китая. Много лет он являлся заместителем председателя Общества советско-китайской дружбы, с момента основания Всесоюзной ассоциации Китаеведов в 1983 г. был членом ее правления. На первом съезде ВАКИТ в ноябре 1988 г. В. Н. Рогов был избран почетным членом Центрального Совета Ассоциации.

Советские Китаеведы, его товарищи по работе, ученики и друзья навсегда запомнят крупного сиолога, журналиста, литератора и прекрасного человека Владимира Николаевича Рогова.

Памяти Чжао Сюнь

Глубоко скорбим в связи с безвременной кончиной известного китайского педагога, переводчика и ученого, заместителя председателя китайского Общества по изучению СССР и стран АОН Китая Чжао Сюнь.

В нашей памяти она останется как талантливый переводчик на китайский язык произведений М. Шолохова, Н. Островского, других советских авторов, как человек, посвятивший свою яркую жизнь делу углубления взаимопонимания и укрепления дружбы между нашими странами и народами.

Советские Китаеведы, члены ВАКИТ и коллектив редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока» искренне скорбят в связи с постигшей народы наших стран утратой.

Капица М. С., Исаев М. П. Мирный выбор Азии.— М.: Политиздат, 1988.— 351 с.— 1 р. 60 к. 25000 экз.

Общественно-политическая мысль в Китае (конец XIX — начало XX в.) Редкол. Л. П. Делюсин и др.— М.: Наука, 1988.— 244 с.— 1 р. 90 к. 2750 экз.

Никольский Б. В. Иероглифический словарь — ключ: Доп. к «Японо-русскому словарю». Ок. 60000 слов.— М.: Рус. яз., 1988.— 224 с.— 3 р. 20 к. 14200 экз.

Новое в изучении Китая: История и историография. Отв. ред. М. Л. Титаренко.— М.: Наука, 1988.— 207 с.— 1 р. 50 к. 3600 экз.

Литман А. Д. Философия в независимой Индии: Проблемы, противоречия, дискуссии.— М.: Наука, 1988.— 263 с.— 2 р. 3300 экз.

Евсюков В. В. Мифология китайского неолита: По материалам росписей на керамике культуры яншао.— Новосибирск: Наука, 1988.— 128 с.— (История и культура Востока Азии).— 3 р. 70 к. 3700 экз.

Технический редактор *Т. Ерохова*

Сдано в набор 23.01.89. Подписано в печать 31.03.89. А 03251
Формат 70×100 1/16 Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 19,5. Усл. кр.-отт. 39,6.
Уч. издат. л. 21,93. Тираж 14103 экз. Заказ 193
Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств,
и и книжной торговли 119817, ГСП, Москва, Г-21, Zubovskiy bulvar, 17.
Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический
комбинат Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
142300, г. Чехов Московской области